

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

**Филологические
ЭТЮДЫ**

Сборник научных статей молодых ученых

Выпуск 10

Часть III

САРАТОВ

2007

УДК 8(082)
ББК (81+83)я43
Ф54

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. — Саратов: Научная книга, 2007. — Вып. 10 — Ч. III. — 222 с.

ISBN

Сборник статей молодых ученых составлен по материалам научной конференции «Филология и журналистика в начале XXI века», состоявшейся в апреле 2005 года и посвященной памяти первого декана историко-филологического факультета Саратовского университета Семена Людвиговича Франка. Сборник состоит из трех частей: литературоведческой, журналистской и лингвистической.

Для специалистов-филологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Ответственный редактор

Е.Е. Захаров

Редакционная коллегия

Г.М. Алтынбаева, Т.В. Бердникова, Е.В. Изотова, Д.В. Калуженина,

Ю.В. Каменская, А.В. Раева, Д.И. Яхина

Рекомендуют к печати:

Доктор филологических наук,

зав. кафедрой русской литературы XX века Саратовского госуниверситета,
профессор *И.Ю. Иванюшина*

Кандидат филологических наук,

преподаватель Саратовского государственного технического университета
О.И. Акатова

УДК 8(082)

ББК (81+83)я43

Работа издана в авторской редакции

ISBN

© Коллектив авторов, 2007

Часть III

Лексика и семантика

Д.В. Гришина

Особенности функционирования неопределённых местоимений в разговорной речи

Научный руководитель – доцент Е.П. Захарова

Известно, что неопределённые местоимения, в том числе и местоименные наречия, выражают неопределённость, с которой связан набор значений, зафиксированных словарём. Нас интересуют особенности функционирования данных местоимений в разговорной речи, развитие ими особых контекстуальных значений, не отражённых в словаре, в зависимости от условий употребления. Нас также интересует вопрос о взаимозаменяемости разных неопределённых местоимений с одинаковыми или сходными значениями в одних и тех же контекстах. Мы рассмотрели следующие неопределённые местоимения: что-то (и фонетический вариант этого местоимения, часто используемый в разговорной речи – чё-то) и как-то.

Рассмотрим контекстуальные значения местоимения как-то. В словаре даны следующие значения:

1. каким-то образом, неизвестно как;
2. местоименное наречие ‘в некоторой степени, несколько’;
3. союз ‘а именно’;
4. местоименное наречие ‘когда-то, однажды’ (разг.). [Ожегов, 1992. С. 132].

По нашим наблюдениям, в разговорной речи данное местоимение функционирует со значениями 1 и 4. Например: *Там (в больнице) как-то в спину колют. – Это через позвоночник – эпидуралка (эпидуральная анестезия).* В данном случае актуализируется значение 1. *Ну вообще как-то подняли пенсию рублей на пятьдесят, не больше, так для них (родителей жены говорящего, находящихся в пенсионном возрасте) такой праздник!* Здесь реализуется значение 4, типичное для разговорной речи.

Помимо этого, наблюдается употребление данного неопределённого местоимения со значением причины, которое в словаре не зафиксировано. *Да знаешь, я вообще не вижу резиновых игрушек. А! Бегемот Вуксин! (Вика – внучка говорящей). Как-то не вижу я резиновых игрушек [пауза] не бываю в таких магазинах.*

Значение 3 в разговорной речи не встречается, т.к., по нашему мнению, оно характерно прежде всего для письменной речи.

Местоименное наречие *как-то* со значением 2 в нашем материале встретилось лишь дважды. *Как-то* реализует это значение в сочетании наречиями, а, как известно, в разговорной речи наречия мало употребляются: *Он как-то нагло на меня поглядывал.*

Часть III

Об активности местоимения свидетельствуют высказывания, где оно выступает в разных значениях: *Они там* (на психологических тренингах) *делают упражнения... За три дня можно как-то* (значение 1) *изменить* [пауза] (мышление, сознание). *Я как-то* (значение причины) *не верю в это*.

В некоторых случаях затруднительно точно определить значение местоимения *как-то*: *Там* (в казино) *время как-то не чувствуется*. В каком значении выступает здесь данное местоимение: в значении образа действия или в значении причины? Скорее всего, в этом высказывании *как-то* является всё же местоименным наречием причины, однако возможно предположить наличие некоторого синкретизма в его значении. В то же время сложность квалификации значения данного местоимения можно объяснить тем, что здесь возможен переход местоимения в другой частеречный разряд – в разряд частиц.

В некоторых случаях в значение местоимения *как-то* не входит компонент ‘неизвестно как, каким образом’. Значение его включает в себя коннотативно-оценочный компонент, передающий пренебрежительность: *Видишь, чё у меня с лицом?* (лицо говорящей покрыто красными пятнами). – *Цветёшь?* – (утвердительный кивок) *Это я ещё с утра замазалась как-то*. *Как-то* выступает здесь как местоименное наречие, передающее характеристику действия. Но в данном случае нельзя сказать, что говорящей неизвестен способ произведённого ей самой действия или характеристики этого действия. Каковы коммуникативные намерения говорящей? Она имеет в виду, что утром из-за недостатка времени наложила на своё лицо маскировочные средства кое-как, поэтому эффект от макияжа не оправдал её ожиданий. Однако здесь возможно и развитие значения 2. Мы опять сталкиваемся с синкретизмом значения. Важно отметить, что в конструкциях подобного рода, несмотря на синкретизм значения *как-то*, не происходит перехода неопределённого местоимения в разряд частиц, поскольку *как-то* имеет значение образа действия или степени, возможно, с коннотативно-оценочным компонентом.

Таким образом, наблюдаются некоторые расхождения между словарными данными и теми значениями, которые встречаются в разговорной речи.

Рассмотрим значения местоимения *что-то*. В словаре оно представлено двумя омонимами:

1. некий предмет, некое явление, нечто.

2. (разг.) местоименное наречие:

- почему-то, неясно почему;
- приблизительно;
- частица. Выражает неуверенность, сомнение, необъяснимость [Ожегов, 1992. С. 434].

Чаще всего в разговорной речи встречается местоимение *что-то* с предметным значением, т.е. как местоимение-существительное.

Довольно часто употребляется в разговорной речи местоименное наречие *что-то* со значением причины. Со значением же ‘приблизительно’ в собранном нами материале используется другое неопределённое местоимение – *где-то*: *У меня где-то около шестидесяти* (примеров). В нашем материале *что-то* в данном значении не встретилось (в словаре дана помета «разг.»). Таким образом, явно наблюдаются расхождения со словарными данными.

Рассмотрим особенности употребления неопределённого местоимения *что-то* в различных контекстуальных условиях на примерах: *Прежде всего надо, конечно, чё-то знать* (предметное значение, местоимение-существительное). *Нам всем хочется чего-то необыкновенного, когда мы молодые... Чтoб было обожание и всё такое* (предмет-

ное значение, местоимение-существительное). **Чё-то** этот дом всё не достроят никак. (местоименное наречие, значение причины).

В следующем высказывании местоимение **что-то** употребляется дважды в различных значениях: *Я с прошлого года не особо хочу **что-то** делать...* (предметное значение). *На этой конференции мне **что-то** не понравилось* (значение причины). Здесь существует возможность приписать местоимению что-то во втором случае предметное значение, однако знание речевой ситуации подтверждает наличие значения причины у данного местоимения.

Допустима взаимозаменяемость неопределённых местоимений **что-то** и **как-то** с одинаковым контекстуальным значением причины одних и тех же условиях употребления. Рассмотрим несколько примеров подобной замены.

Изначально в высказывании говорящий употребил местоимение что-то , произведена замена на как-то .	Изначально в высказывании говорящий употребил местоимение как-то , произведена замена на что-то .
а) Я как-то отдыхаю пока. б) На этой конференции мне как-то не понравилось. в) Работал? И где же результаты твоей этой работы? Я как-то их не наблюдаю. г) Он как-то тянет с ответом.	а) И мне что-то не по себе становится: чё у него на уме? б) Что-то не вижу я (резиновых игрушек)... не бываю в таких магазинах. в) Я что-то не верю (в то, что подобное возможно).

Вернёмся к высказыванию *Там (в казино) время **как-то** не чувствуется*. В нём нельзя заменить **как-то** на **что-то**, что подтверждает мысль о синкретичности значения местоимения **как-то** в данном случае или о возможности его перехода в разряд частиц.

Интересен пример, где одновременно встречаются местоимения **как-то** и **что-то** со значением причины: *Я **как-то** думала, у меня их (примеров) достаточно много, но потом посмотрела – **чё-то** мало получается*.

В этом примере вполне допустима взаимозамена. Отсюда можно сделать вывод, что специфических смысловых оттенков у неопределённых местоимений **как-то** и **что-то**, развивающих в отдельных контекстах значение причины, не наблюдается, и они одинаково функционируют в текстах разговорной речи.

Литература

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Ю.Л. Карпова

Музыкальный жаргон. Пути пополнения (на материале немецкого языка)

Научный руководитель – преподаватель А.В. Литовкина

Различные виды дифференциации общества обуславливают возникновение и функционирование различных языковых вариантов, которые пересекаются друг с другом, взаимодействуют.

Социолингвистами признается, что из всех видов дифференциации языка наиболее сложной является социальная дифференциация. Языковые образования, получен-

Часть III

ные в результате социального измерения, во многих исследованиях называются социальными диалектами, или иначе – социолектами [Лукашенец, 1993].

В лингвистической литературе принята следующая классификация социальных диалектов: 1) профессиональные языки (подъязыки); 2) условные языки (подъязыки); 3) жаргоны деклассированных; 4) групповые или корпоративные жаргоны [Бондалетов, 1987].

Жаргон – интереснейший лингвистический феномен. Это та лаборатория, в которой все процессы, свойственные языку, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее. Таким образом, жаргон – это полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая определенной социальной группой с целью узнавания своих членов и обособления от остальной части языкового сообщества. Носители жаргона сознательно или подсознательно участвуют в языковой игре. Причина использования жаргонных слов и выражений, помимо обособления и узнавания, кроется и в установке на экономию речевых усилий (средств). Жаргонная речь характеризуется наличием ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраски. Жаргон также может выступать и показателем ценностной ориентации его носителей.

Существует масса жаргонов: жаргон социальный, жаргон возрастных групп. Мы сфокусировали своё внимание на жаргоне профессиональных групп, а именно на жаргоне музыкантов, так как по замечанию С.А. Массиной, «люди, занимающиеся музыкой – самой эмоциональной сферой человеческой деятельности – более склонны к образному, эмоциональному выражению и в языковой сфере» [Массина, 1991.С.152].

По словам М.А. Грачёва, жаргон музыкантов является тем социальным диалектом, который оказывает влияние на все остальные молодежные жаргоны: «Молодежь увлекается музыкой, песнями и нередко через песни воспринимает лексику» [Грачёв, 1996. С. 83].

Тесную связь молодёжного и музыкального жаргонов можно объяснить и резким возрастанием роли шоу-бизнеса, музыкальной культуры, когда носителями музыкального жаргона становятся не только музыканты, но и молодежь. Б.А. Зильберт указывает на совпадение значительной части словарного состава, лексики этих жаргонов и даёт своё собственное определение «молодёжно-музыкантский жаргон» [Зильберт, 2005. С. 265].

Отмечается, что жаргон как второстепенная коммуникативная подсистема национального языка использует в своих целях лексико-семантические, словообразовательные ресурсы литературного языка. Следуя за классификацией Э.М. Береговской [Береговская, 1996], мы выделяем следующие способы пополнения музыкального жаргона:

I. Проанализировав словарь изучаемых жаргонных единиц, мы обнаружили, что лишь 20 % его состава – немецкая лексика, а 80% – иноязычные заимствования, причем в большинстве своём они представлены англо-американизмами.

Cat (джазмен), *der Gig* (выступление), *Fame* (слава, успех), *die Crew* (команда, группа), *Track* (песня), *Battle* (борьба, битва между двумя MC), *Selector* «MC», (человек, который ведёт шоу), *scratches* (делать скретч), *die Combo* (небольшой ансамбль, в котором на каждом инструменте играет один человек), *der Amp* (усилитель), *der Roady* (администратор гастролирующей группы, помощник). Встретились два заимствования из французского языка: *das Gage* (гонорар), *touren* (гастролировать).

Следует отметить, что немецкий язык не пассивно усваивает слово, а наоборот, активно участвует в его усвоении. Попробуем проследить за степенью ассимиляции наших жаргонизмов.

- Фонетическая ассимиляция.

Большинство слов заимствуется вместе с произношением и произносится в немецком языке так же, как и в английском. (90 %): *Cat* [kæt], *das Rave* [reiv], *MC* [mc], *Crack* [kræk] *Flow*[flau]; некоторые слова изменяют произношение (Dub-Version в английском [və:ʃən], а в немецком [versʌn]).

- Графическая ассимиляция.

Как правило, слово заимствуется вместе с графической оболочкой, то есть сочетания *ou*, *ch*, *sh*, характерные для английского языка, сохраняются, хотя существительное в языке-реципиенте начинает писаться с большой буквы: *Sound* (звук), *Punchline* (строчка в песне, содержащая сражающее наповал, сильное высказывание, идею), *fresh* (новый, свежий (о песне)), *Cat* (джазмен).

- Морфологическая ассимиляция.

Жаргонизм вступает в связь с другими словами. Например, существительное приспособляется к грамматическим законам языка-рецептора, получая категорию падежа. Проследим это на следующих примерах:

*Torsten hab ich bei **einer** Jam- Session kennengelernt.*

Die Dub entstand, klassische Rocksteady-Nummern wurden in ihre Bestandteile zerlegt.

Er spielte damit herum, schrieb **einen** Riddim und brachte ihn zu Prince Jammy.

Важно отметить, что глаголы, заимствованные из другого языка, спрягаются по слабому типу, например:

War super zu sehen, wie er vor dem Publikum **scratchte**.

Als wir zum ersten Mal in England **tourten**, wurden sie von allen Seiten hofiert.

Dieses Lied hat er wunderbar **gekickt**.

Заимствованные жаргонизмы образуют множественное число, пользуясь, в основном, средствами языка-источника, например:

Manche Gigs, er brachte seine Riddims zu Toby, ich hätte nie geglaubt, welche Tricks noch möglich waren.

Следует отметить лексическую единицу, когда при одном её употреблении множественное число было образовано с помощью средств английского языка, а при другом - по правилам образования множественного числа в немецком языке:

Und das reicht dann von mittelmässigen **Bands** für wenig Gage bis hin zu genialen Tournee.

Verwandschaftliche **Bande** führten ihn immer wieder über den grossen Teich.

Семантическая ассимиляция.

Жаргонизм, как правило, заимствуется с одним значением. Например, лексическая единица *Cat*- заимствована из английского языка со значением джазмен. Однако в языке-рецепторе жаргонизм, сохранив исходное, может приобретать и новые значения. Например, слово *Gig* – заимствовано со значением выступление, концерт, но приобретает и другие значения: у джазменов – выступление за деньги, у рэп-музыкантов – обычное выступление. Значение слова *Jam* в английском языке – импровизация, в немецком – хип-хоп вечеринка или джазовый концерт, где много импровизируют.

- Наличие словообразовательной активности.

Заимствованное слово обладает словообразовательными возможностями, сравните:

Band – Telefonband;

Gig – House-oder – Hiphop – Gigs, Club-Gigs, College-Gigs;

Gage – DJ-Gage;

Часть III

Crew – Sprayer-Crew, Rap-Crew.

Важно отметить, что некоторые глаголы легко субстантивируются, например:
*Ein tolles Gefühl so viele DJs **scratches** zu sehen.*

*Immerhin schreibt man dir die Erfindung **des Scratches** zu.*

*Aber dieses **ganze Dissen** - Viele Rapper sind doch nur daran interessiert, irgendjemanden zu **dissen**- weil sie wissen, dass sie damit Geld verdienen können.*

• Одним из признаков ассимиляции является регулярное употребление в языке-рецепторе. Хотелось бы отметить частотность жаргонизмов *der Gig, MC, Battle, Band, Crew*. Эти жаргонизмы настолько активны, что употребляются не только музыкантами, но и просто носителями языка. Это ведёт к тому, что эти слова постепенно перестают восприниматься как жаргонизмы.

II. Второй путь пополнения жаргона – **семантический перенос**. Переносное значение возникает благодаря перемещению слова в новое лексическое окружение, в необычный для него контекст. Перенос наименования может протекать различно, в зависимости от типа ассоциативных связей, возникающих в процессе становления новых лексических значений, на основе старых наименований: это прежде всего сходство внешних и внутренних признаков (метафора) и сходство функций, ассоциаций по смежности (метонимия) [Миралаева, 1994].

Метафорический перенос представлен следующими словами:

die Axt (гитара), *die Tretmiene* (гитарная примочка), *Hundehütte*, *Badewanne* (контрабас), *Cat* (джазмен), *Heavy Cats* (признанные звёзды, уважаемые музыканты), *Telefonband* (состав, собранный для одного выступления), *der Hahn* (успешный джазмен), *bezahlte Probe* (плохое выступление перед небольшой аудиторией), *sich prostituieren* (плохое выступление с целью получения денег), *die Kanne* (саксофон), *die Pfanne* (банджо), *Shiessbude* (барабанная установка), *Wheels of steel*, *Turntable* (пульт DJ-я).

III. **Морфологический способ** словопроизводства. Отметим, что он представляет собой образование новых слов на основе исконных и заимствованных лексических единиц по существующим в языке словообразовательным моделям. Образование сложных существительных – наиболее частый способ пополнения музыкального жаргона: *der Grobmotoriker* (барабанщик), *der Gruftmucker* (музыкант, играющий на похоронах), *die Telefonband* (состав, собранный для одного выступления), *die Kommerzmuicke* (выступление оркестра на какой-то площадке, с целью дополнительного заработка, несмотря на то, что у этого оркестра есть постоянное место работы).

IV. Заимствование блатных арготизмов или жаргонизмов из других жаргонов.

Глагол *fiepen* в языке охотников имеет значение подманивать козую подражанием её голосу, в жаргоне музыкантов значение слова – пицать, например, *fiepender Sound der Gitarre*.

Слово *Crack*, заимствованное из английского языка в язык спорта со значением первоклассный спортсмен, переходит в жаргон музыкантов со значением первоклассный, яркий музыкант, звезда:

*Jetzt bildet er mit dem norwegischen Trompeten**crack** Audun Waage zusammen die Frontline meines eigenen Quartetts.*

V. Развитие полисемии.

В музыкальном жаргоне первое значение слова *der Musikant* - музыкант, второе - человек, воспринимающий свои занятия музыкой как хобби.

Таким образом, основными способами пополнения жаргонной лексики являются заимствования из другого языка, заимствования из других жаргонов. Мы также не мо-

жем оставить без внимания и пополнение за счёт семантического переноса, развития полисемии, морфологических преобразований.

Жаргон является неотъемлемой частью как немецкого языкового пространства, так и немецкой социально-групповой и профессиональной субкультуры. И как таковой он оказывает влияние как на немецкий литературный язык, так и на явления высокой культуры. Проникновения его элементов в литературную речь, их ассимилирование является одним из показателей интенсивной демократизации языка.

Исследование данного пласта лексики мы считаем обоснованным, так как он наиболее ярко способен проиллюстрировать процессы, происходящие в современном немецком литературном языке.

Литература

Береговская Э.М. Молодёжный сленг: Формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Грачев М.А. Арготизмы в молодёжном жаргоне // Русский язык в школе. 1996. № 1.

Зильберт Б.А. Избранные труды по общей филологии, лингвистике, психологии, семиотике. М., 2005.

Лукашанец Е.Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материале молодёжного жаргона 60-70-х гг.): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1993

Массина С.А. Профессионализация терминов в подъязыках разных типов (к проблеме функциональной стратификации языков): Дис. ...канд. филолог. наук. Саратов, 1991.

Миралаева О.Д. Современный русский молодёжный жаргон (Социолингвистическое исследование). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

Ю.Ю. Турчак

Лексема «белый» («biały») во фразеологических сочетаниях русского и польского языков

Научный руководитель – доцент Э.А. Столярова

Многие исследователи констатируют, что категория цвета входит в число универсалий культуры в силу древности своего происхождения. Цвет относит нас к особенно важным, с точки зрения человеческого опыта, фрагментам внеязыковой действительности. В цветовой гамме лингвокультурной картины мира весь спектр цветов играет очень важную роль. Но определяющими компонентами в этом цветовом изобилии является все же оппозиция «белый – черный». В данной работе мы попытаемся на примере использования слова «белый» (biały) в русском и польском языках проследить общие и специфические особенности семантики данного прилагательного. Мы ограничимся рассмотрением фразеологизмов (в их широком понимании – как устойчивых выражений), в состав которых входит компонент «белый» (biały). В работе проанализирован материал из 1 тома Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [Словарь русского..., 1981], Фразеологического словаря русского языка под редакцией А.И. Молоткова [Фразеологический словарь..., 1978], также из ряда словарей польского языка (далее – ПЯ): Słownik peryfraz czyli wyrażeń omownych Мирослава Банько [Bańko, 2003], Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski Ричарда Стыпулы [Stypula, 1974].

Часть III

Итак, чтобы четче представлять себе языковую картину цветосемантики слова «белый» (*biały*), мы выделили семантические группы в соответствии с тем, какое значение приобретает прилагательное «белый» (*biały*) в конкретной фразеологической единице. Значения систематизировали, расположив их от конкретных к абстрактным.

Целесообразно будет выделить первую группу со значением «*снега*», т.к. слова-речь русского и польского языков объяснение белого цвета дано через сравнение с этим явлением природы. В группу вошли следующие единицы русского языка (далее – РЯ): *белые мухи* (о снеге); *Белая Олимпиада* (о зимних олимпийских играх); *белое безмолвие* (о снежных просторах); *белая метель* (очень снежная); *белая пахота* (о задержании снега на полях); *Белый Континент* (об Антарктиде); *белая тропа* (следы диких зверей на снегу).

В ПЯ данную группу представляют такие сочетания как: *biały mróz* (об инее); *Biały Kontynent* (об Антарктиде); *Białe Miasto* (О столице Финляндии – Хельсинки); *biała stopa* (следы диких зверей на снегу); *biały sport, białe szaleństwo* (безумие) (о лыжном спорте); *biały cyrk* (праздничный кубок в лыжном спорте); *Marcin na białym koniu* (о первом снеге); *biała śmierć* (белая смерть, об очень снежной зиме).

Данная группа в обоих языках насыщена фразеологическими единицами (далее – ФЕ), однако следует отметить, что наряду с аналогичными ФЕ русского языка, в ПЯ существуют свои специфические сочетания, наличие которых обусловлено внеязыковыми факторами. Например, обозначение зимы как *biała śmierć* имеет свои причины. Поляки так говорят преимущественно о зиме холодной, со снегом и сильным морозом, т.к. Польша – это страна с теплым климатом, в которой температура воздуха зимой не превышает $-1...-5^{\circ}\text{C}$. В то время как для русского человека белая зима, многоснежная, морозная является этностереотипом, эталоном зимы и воспринимается положительно.

Следующую группу ФЕ представляют сочетания, в которых белый цвет имеет значение «*светлый*»: *белый день* (весь световой день); *белый лес* (березняк: береза, осина, бук, липа); *белая ночь* (на севере, когда сумерки не переходят в темноту).

В ПЯ обнаруживаются следующие ФЕ: *biały dzień* (весь световой день); *biały mazur* (белый танец – танец на рассвете); *biała zorza* (белая заря – раннее утро).

К этой же группе следует отнести наименования блюд, в названиях которых определение «белый» имеет скорее эстетическую значимость. Заметим, что поле еды, рассматриваемое именно в нашем контексте исследования, в ПЯ шире, чем в РЯ. «Цветовое» обозначение блюда характеризуется цветом продуктов, преобладающих в конкретном блюде. Приведем примеры специфически польских блюд: *biała polewka/biały barszcz* (составная часть белого борща - жур (хлебный квас, заквашенный на двое суток на тертом ржаном хлебе или ржаной муке); *biały sos* (сметанный соус); *biała kawa* (кофе с добавлением молока); *biały ser* (о твороге); *biała kielbasa* (входит в состав традиционного разговения из двенадцати блюд – «Вигилии»; изготавливается из высококачественной сырой свинины, приправленной солью, перцем, мускатным орехом, чесноком и майораном. Она подается на стол в вареном или печеном виде, но холодной).

В РЯ тоже можно отметить специфические наименования продуктов, в которых определение цвета является знаком того, что блюдо отличается более светлым оттенком, в отличие от привычного представления: *белая брага* (из овсяной муки с небольшим количеством солода); *белый квас* (болтушка из овсяной муки и воды, называемая сыровец, так как невареная).

В третью группу мы включили ФЕ, в составе которых белый цвет приобретает значение «*чистый*». Отметим, что группа небогата по составу как в РЯ, так и в ПЯ: *белая изба* (имеющая печь с дымоходом наружу); *biała wódka* (водка без примесей).

Значение белого цвета ФЕ четвертой группы расширяет значение «чистый» и осмысливается в социальном плане. Причем белый цвет приобретает символическое значение «святости». Например: *белое духовенство* (не монашеское); *белая земля / место* (принадлежащая церкви).

В ПЯ эту группу представляют следующие единицы: *Biały Ojciec* (о папе римском Иоанне Павле II, который всегда предстает в белых одеждах и для католика является высшим нравственным идеалом и авторитетом, олицетворяющим собой высшую святость); *biali mnisi* (по цвету рясы).

Интересен следующий факт: если в ПЯ символом святости является церковное лицо, то в РЯ то же символическое значение приобретает лицо государственное. Это прослеживается в сочетании *белый царь* (о московском царе в обращении к нему восточного народа: турецкого, монгольского). Исследователи отмечают, что «белый цвет отвечал в изначальном, древнем, общераспространенном символизме понятию о святости власти, или власти, освященной происхождением от божества» [Антипов, Донских, 1989. С. 95].

Не менее важен еще один момент. Анализ художественных текстов, проведенный В.Г. Кульпиной, показал: в польском языковом ареале *белую лилия* является «цветовым стереотипом», в то время как для русского речевого сознания таким стереотипом является *белая хризантема* [Кульпина, 2001. С. 137]. На наш взгляд, это не является лишь формальностью, и если посмотреть на символику цветов, то, может быть, отчасти разъяснить, почему именно данные цветы явились стереотипными у рассматриваемых народов. Так, в католической традиции Христос нередко изображается подающим белую лилию святым, где лилия символизирует «чистоту, величие, милосердие, невинность» [Энциклопедии символов, знаков, эмблем, 2000. С. 442]. Также со времен Ренессанса белая лилия ассоциируется с Благой вестью; христиане считали, что лилия произросла из слез Евы, когда та покинула рай. Следовательно, лилия представляет собой совершенство и связана с божественным началом. Хризантема совершенно не связана с религиозными представлениями, скорее наоборот: связывается с земным благом и изначально была эмблемой императоров Японии и являлась символом долгой жизни, счастья и благосостояния.

В данных примерах символическое значение приобретает не столько слово «белый» (*biały*), сколько определенные цветы белого цвета. В продолжение этой темы приведем пример интересного наблюдения в сфере цветообозначений цветов (растений).

В своей монографии В.Г. Кульпина обращает внимание на абсолютно одинаковую форму выражения такого сочетания как *белый цветок* и *biały kwiat*. Однако исследователь не объясняет различия в символике цветов, «скрытых» под данными сочетаниями. Так, автор работы отмечает, что в РЯ под сочетанием *белый цветок* подразумевается *ромашка*, которая одновременно ассоциируется с девичьим образом, в то время как в ПЯ так говорят о *папоротнике*, который в Польше является символом счастья. Существует поверье: человеку, увидевшему, как цветет папоротник, что бывает только в ночь на Ивана Купалу и занимает очень короткий промежуток времени, – будет сопутствовать удача, он будет наделен счастьем и радостью в жизни. А.П. Афанасьев в своем исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «О папоротнике рассказывают... кто владеет чудесным цветком, тот видит все, что кроется в недрах земли: темная земная кора кажется ему прозрачною, словно стекло» [Афанасьев, 1994. С. 468]. Ученые также подчеркивают, что «в русском узусе папоротник ассоциируется со смертью и кладбищем» [Антипов, Донских, 1989. С. 167].

Часть III

К этой же группе целесообразно отнести специфически польские сочетания с символическим значением «смерти»: *biała pani* (эвфемизм смерти, возможно связанный с фольклорной традицией изображения смерти в образе женщины в белом одеянии с косой. Нужно обратить внимание на этимологию слова *pani*, содержащую значения «хозяйка, владельница»).

Также тесно связано с ФЕ *biała pani* такое сочетание как *biała dama*, которое употребляется для обозначения кокаина. Причем внимание акцентировано не столько на цвете порошка, сколько на его действии, вызывающем смерть. Такие ассоциации явно возникают за счет близкого значения слов *pani* и *dama*.

В следующей группе компонент сочетаний «белый» еще более абстрагируется и приобретает значение «**хороший, доброжелательный**». В эту группу вошли такие разнородные ФЕ как: *белая полоса* (благополучный период в жизни); *белая магия* (направлена во благо человеку; белый цвет актуализирует значение «божественного, светлого, благородного»); *белая зависть* (использование прилагательного «белый» сглаживает значение сильной досады, вызывающей негативное отношение к человеку; общеизвестно, что *белая зависть* направляет все помыслы на самоусовершенствования); *белые калачи* (в выражении «есть белые калачи», что значит хорошо жить);

В ПЯ, наряду с аналогичными ФЕ РЯ, существуют свои национальные ФЕ, которые очень важны для понимания менталитета нации: *biały okres* (с тем же значением, что и в РЯ); *biała zawiść* (в словаре данная ФЕ зафиксирована, но сочетание не имеет широкого употребления в Польше, т.к. зависть понимается в сугубо негативном плане); *biały kruk* (интересно, что в данном выражении не имеет значения коннотации слова «ворон»; ворон никогда в сознании человека не ассоциировался с чем-то хорошим, и традиционно воспринимается как птица, предвещающая своим появлением неприятные, даже страшные события, возможно, близкую смерть. Значение данного ФЕ в ПЯ концентрируется в «белом» цвете, который актуализирует сему «хороший, несущий положительное начало» и нейтрализует негативные ассоциации. И на первый план выступает значение «редкости, диковинности», т.к. выражение «белая ворона» в ПЯ используется для обозначения как человека, так и предмета: в первом случае характеризует человека с уникальными способностями; во втором случае говорится о ценной, редкой книге. Для сравнения укажем, что в РЯ «белая ворона» употребляется с негативным оттенком и обычно обозначает человека, резко отличающегося от других).

В следующей группе цветовой компонент служит для положительной оценки явлений. ФЕ данной группы в большей степени относятся к политико-экономической и торговой сферам и развивают значение «**законный, открытый**»: *белые деньги* (актуализируется сема 'заработанные честным трудом'); *белая торговля* (без махинаций); *белый нал (жарг.)* (официальная отчетность).

В ПЯ тоже отметим: *biały rynek* (белый рынок); *biała giełda* (белая биржа). Причем указанное значение белого цвета «законно разрешенные, качественно сделанные предметы» широко распространяется в современной жизни. Так может быть определен любой объект продаж, например, на витрине магазина: «*мобильная связь с белыми телефонами*».

ФЕ следующей группы объединяются значением «**относящийся к высшему обществу, классу**». Предварительно заметим, что это значение выделяется только в РЯ, а в ПЯ обнаруживаются только общеевропейские, интернациональные обозначения: *белая кость* (изначально было эвфемизмом аристократичности, но переосмыслилось и приобрело иронический оттенок за счет употребления слова «кость», которое имеет невозвышенные коннотации. Поэтому зачастую так говорят о человеке, имею-

шим лишь претензии на принадлежность к элите); *белая кухарка* (готовящая для господ); *белые воротнички* / *białe kołnierzyki* (об аристократах, учрежденческих служащих).

К этой же группе примыкает сочетание со значением «*свободный*»: *белые крестьяне* (свободные от повинности).

В последней группе представлены ФЕ со значением «*принадлежащий к европейской расе*»: *белая сборка* (о бытовой технике, сделанной в Европе и Северной Америке); *Белый Дом* / *Biały Dom* (о резиденции американского президента).

На основании приведенных примеров можно проследить развитие значения цветового компонента «белый» в ФЕ как в РЯ, так и в ПЯ. От конкретного цветового значения «*снега*» к более широкому пониманию значения как «*светлый*»; затем к ассоциативному ряду со значением «*чистый*», которое развивает символическое значение «*святости*»; еще более абстрагируется оценочное значение «*хороший*», которое конкретизируется в значении «*законный*»; и последним звеном в этой цепочке являются значения, отражающие социальный план: «*относящийся к высшему обществу*», «*свободный*» «*принадлежащий к европейской расе*».

В заключение подчеркнем, что наряду с общими обозначениями реалий окружающего мира, прослеживается и специфика видения мира в обоих языках.

Литература

- Антипов Г.А., Донских О.А., Морковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры / Отв. ред. А.Н. Кочергин. Новосибирск, 1989.
- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т.2.
- Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. М., 2001.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Глав. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981. Т.1.
- Фразеологический словарь русского языка // Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков; Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева, В. Куклев; ред. А. Егазаров. М., 2000.
- Mirosław Bańko. Słownik peryfraz czyli wyrażeń omownych. Warszawa, 2003. Ryszard Stypula. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski / Red. B. Sajor. Warszawa, 1974.

А.С. Усачёва

Полисемия глаголов интеллектуальной деятельности в поэтических текстах И. Бродского (на примере парадигмы Познания)

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

Среди основных проблем, с которыми, как правило, сталкиваются учёные при исследовании многозначности в языке, наиболее последовательно могут быть выделены две: так называемая проблема «*неясных промежуточных случаев*» [Никитин, 1988. С. 66], когда затруднительным является вопрос дифференциации значений, и проблема их неравноценности [Падучева, 1998. С. 13], сводящаяся в целом к разграничению независимых и контекстуально обусловленных значений. Однако особую сложность и своеобразие системные связи лексики обнаруживают в художественном и – прежде всего – поэтическом тексте, где повышается относительность понятий центральной и

Часть III

периферийной семантики, а уникальная сочетаемость и контекстуальные условия предопределяют приблизительный, далеко не универсальный характер описания. Тем не менее, абсолютизировать автономность художника слова как языковой личности неправомерно, ибо несомненно существующий «общий смысл, который присутствует в каждом из значений многозначного слова» [Шведова, 2004. С. 242], в текстах должен быть так или иначе представлен. Чтобы определить – как именно, исследователю нужно минимизировать риск авторского произвола, поэтому, при всей неизбежности недостатков, сопутствующих работе с данными словарей, иные пути видятся нам менее надёжными.

Цель настоящей работы – продемонстрировать некоторые типы модификаций заявленного «общего смысла» у глаголов парадигмы Познания (по данным тематико-идеографического словаря глаголов Л.Г. Бабенко [Толковый словарь русских..., 1999]), выделенных в поэтических произведениях И. Бродского. Принимая предложенное А.П. Чудиновым [Чудинов, 1986. С. 4] противопоставление «речевой модификации» (как преобразования значения в контексте) и языковой многозначности, мы понимаем непосредственно «модификацию» несколько шире и относим к ней, помимо собственно преобразования, появление новых семантических признаков и диффузность значений (последняя – по крайней мере, в языке поэзии – включает в себя предыдущие). Рассмотрение же именно парадигмы Познания связано как с ходом исследования ментальности в поэзии И. Бродского, так и с тем, что ни один из многозначных глаголов указанной парадигмы не входит в состав других парадигм, и, таким образом рамки предпринимаемого анализа очерчиваются явлением полисемии и установлением некоторых концептуально-содержательных закономерностей.

Ограничения, налагаемые жанром статьи, позволяют нам обратиться только к самому частотному у Бродского многозначному глаголу – *забывать*. Его основное значение (*забывать I*) – «утратить способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления» – функционирует в подавляющем числе контекстов (52 из 86). Забывание оценивается положительно очень редко: *Свобода – это когда забываешь отчество у тирана*. Между тем, ситуация свершившегося забывания, то есть утраты способности, не вытесняет обратную (что можно было бы предположить, учитывая особый «бродский пессимизм»). Для поэта гораздо более важной оказывается, если можно так выразиться, «способность сохранения способности» *не забывать*, о чём свидетельствуют разнообразные формы выражения (указываются соответственно усилению положительной характеристики ситуации): употребление настоящего длительного (*Кого мы помним, / кого мы сейчас забываем, / чего мы стоим, / чего мы ещё не стоим*); сравнительные конструкции (*Вези меня по родине, такси. / Как будто бы я адрес забываю*); отрицание (*Ты не будешь любим и забыт не будешь*); императив (*Не забывай никогда, / как хлещет в пристань вода / и как воздух упруг – / как спасательный круг*). Однако индивидуально-авторская семантика актуализуется в контекстах обеих групп. Так, *забывать*, употреблённое по аналогии с окружением в окказиональной обобщённо-личной форме высокой степени абстракции, ассоциируется с глаголами активного физического воздействия, в дальнейшем развивая семантику уязвимости человека и неподконтрольности его внутренней жизни ему самому: *Всё это было, было. / Всё это нас палило. / Всё это лило, било, / вздёргивало и мотало, / и отнимало силы, / и волокно в могилу, / и втаскивало на пьедесталы, / а потом низвергало, / а потом – забывало, / а потом вызывало / на поиски разных истин, / чтоб начисто заблудиться... в дикой грязи протраций...и просто – среди эмоций*. Ещё один значимый момент: различие между *помнить* и *забывать* нивелируется смертью. Более того – она осмысляет-

ся как их со-отсутствие: *Просто сами ложились / в холодную землю, как зёрна. / И навек засыпали... Ничего не помня. / Ничего не забывая.*

Другие условно выделяемые «чистые» значения (в словаре их два) встречаются у поэта гораздо реже. *Забывать* в значении «зная истинное положение вещей... не считаться / пренебречь чем-либо» (*забывать 2*) (...я бросился стремительно к нему, ...забыв, что кто-то в комнате гостил) употреблено только 4 раза; *забывать 3* «зная что-либо... не вспомнить в нужный момент о чём-либо» – всего один раз («На Пасху хорошо бы кулича». / «Да, разговеться. Маслица, колбаски...» / «Чего же не спросил ты у врача?» / «Ты мог бы это сделать без опаски: / он спрашивал». «Забыл я сгоряча»). Такое различие, на первый взгляд, может быть истолковано достаточно просто: через глагол *забыть* в его основном значении репрезентируется важная для Бродского тема памяти, воспоминаний, так как даже если в тексте забывание и вербализуется как нечто состоявшееся, то нередко после этой вербализации следует перечисление того, **что** именно забыто, то есть того, о чём в действительности помнят (тонкие наблюдения о сходной реконструкции у Бродского принадлежат Виллему Г. Вестстейну; о памяти в языке см. [Дмитровская. 1991. С. 79, 84]). Но возможна также и интерпретация «от противного»: сами значения *забывать 2* и *забывать 3* предполагают, во-первых, наличие определённого точного знания (у них есть общий компонент «знать») и, во-вторых, в структуре значения *забывать 2* присутствует компонент «истинное положение вещей». В свою очередь, в поэтическом мире И. Бродского практически отсутствуют претензии на точное знание, тем более – на знание об истинном положении вещей. Это мир равноправия всех (неисчислимых) точек зрения, мир релятивизма и неоднозначности. Поэтому, огрубляя, считаем правомерным предположить: такая связь между значениями и инвариантными поэтическими смыслами демонстрирует, что на глубинном семантическом уровне заложены существенные предпосылки для обоснования тех или иных особенностей словоупотребления.

Теперь перейдём к модификации. Самый распространенный её вариант у *забывать* – пересечение всех трёх выделяемых значений (11 примеров из 29). При таком пересечении функционирование общего смысла, его связующая роль прослеживается отчётливей всего. Значение становится качественно иным, но не размытым (впрочем, как и не равным, конечно, сумме составляющих). Доминирующая черта модификации определяется с опорой на объёмный контекст, который всегда больше, чем просто обрамление и среда (замечание Г.Н. Складневской): *Поэты пушкинской поры, / любимцы горестной столицы... Вы уезжали за моря, / вы забывали про дуэли, / вы столько чувствовали зря, / что умирали, как умели.* Здесь само обращение (*поэты пушкинской поры*) и объект забывания (привычные для них *дуэли*) соотносят *забывать* и с тривиальным значением, и с взаимосопоставимыми компонентами второго и третьего. В самом деле, из памяти поэтов могут стереться детали бывших когда-то дуэлей, но здесь же уместно принять к рассмотрению значения «вести себя так, как будто дуэль не назначена», «не подготовиться к ней должным образом», частное, маловероятное, но тоже полностью не исключаемое «опоздать на дуэль» и т.п. Такое объединение сопровождается прямо следующую из контекста ситуацию «не принимать участие в дуэлях в связи со ссылкой» и сопологает *забывать* целый ряд окказиональных синонимов – *не думать (о)*, *избегать*, *отказываться (от)* и под. В текстах Бродского данный вариант модификации не поддерживается какими-то едиными, повторяющимися контекстуальными условиями, тогда как у близкого по частотности (9) варианта, а именно – объединяющего первое и второе значения – в условиях реализации есть некоторые закономерности. Не смотря на то, что в этих примерах имеется поверхностное противоречие – основное и

Часть III

второе значение *забывать* имеют, как кажется, меньше точек соприкосновения, чем, скажем, значения второе и третье (напомним, их связывает компонент «знать») – предрасположенность к такой диффузности обнаруживается в конкретных контекстах-императивах и гипотетических контекстах, описывающих актуальную ситуацию. В высказывании *Читатель мой, внимательней взгляни: / завесою дождя отделены / от нас с тобою десять человек* [о десяти героях поэмы] / *Забудь на миг свой торопливый век... и, втягивая голову меж плеч, / ты попытайся разобрать их речь* совместно развиваются темы века как человеческой жизни и века как эпохи с ее социальными и культурными приметам. *Забывать* как *не думать* «вырастает» тут не только из компонента «не посчитаться / пренебречь чем-либо», но и опирается на основное значение, так как призыв к читателю *не думать о его торопливом веке* близок к призыву полного освобождения сознания от сиюминутного, незначительно-личного в пользу полного погружения в текст. А это, фактически, расширяет и одновременно обобщает основное значение, где заложен антропоцентричный компонент «впечатления». Углубляет и уточняет эту диффузность пример несколько другого характера: *Как славно вечером в избе, / запутавшись в своей судьбе, / отбросить мысли о себе / и, притворясь, что спишь, / забыть о мире сволочном / и слушать в сумраке ночном, / как в позвоночнике печном / разбушевалась мышшь*. Здесь наблюдается актуализация внутренней формы и – через эту актуализацию – выход на трансцендентный уровень: «забыть» – значит оставить позади то, что было / воспоминания о том, что было. Самоотстранение, его близость к состоянию сна обеспечивают поэту переход к *забыванию мира*, то есть к естественному уходу из него, к не-присутствию.

Далее идёт группа контекстов, в которых сближаются основное и третье значения (б): *...рыбак, страдая комплексом Нарцисса, / таращится, забыв о поплавке, / на зыбкое свое изображение*. Последняя диффузная группа – группа значений 2 и 3 (3 контекста): *«А ежели за окнами весна? / Весной всё легче»*. *«Спорно это»*. *«Споря, / не забывай, что в окнах – белизна»*. Важно, что уже упомянутая компонентная близость этих значений не сделала данную группу обширной. С другой стороны, её немногочисленность можно признать следствием двух магистральных тенденций: тенденции к употреблению *забывать* преимущественно в основном значении и тенденции к диффузности всех трёх значений, когда (и это необходимо подчеркнуть) справедливо говорить о равноправии их семантических потенциалов.

Итак, не вызывает сомнения, что даже самые тонкие поэтические смысловые нюансы воспроизводят внутренние законы языка. Но эти нюансы имеют свою уникальную динамику, осознать которую поможет анализ многозначности в тексте.

Литература

Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 1999.

Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.

Шведова Н.Ю. Три заметки о смысловых пересечениях // Сокровенные смыслы. М., 2004.

Стереотипы в речи современных общественно-политических деятелей

Научный руководитель – профессор А.П. Романенко

Язык политики далек от живого разговорного языка – он стандартизован, ритуализирован. В первую очередь, это относится к языку советской эпохи, так называемому новоязу, «бюрократизированному, зажатому в тиски цензуры и самоцензуры, служащему инструментом манипулирования сознанием» [Виноградов, 1993. С. 50].

Однако новояз в языке не утрачивает окончательно свои позиции. На это обращают внимание многие исследователи языка постсоветской эпохи (А.Д. Васильев, Е.А. Земская, В.Г. Костомаров и др.). По мнению Е.А. Земской, новояз в современном языке используется в трех функциях: «1. как важнейший элемент пародирования, ерничества; 2. как серьезный элемент бюрократического языка, идущего из прошлого; 3. реликты новояза, живущие в бытовой речи без установки на шутку, свидетельствуют о сохранении у многих говорящих особенностей советского менталитета» [Земская, 1996. С. 28]. Таким образом, Е.А. Земская обращает внимание на использование в современной речи клише советской эпохи, как переосмысленных, так и употребляемых в первоначальном советском значении. А.Д. Васильев замечает, что новояз нельзя считать явлением только советского тоталитарного языка. Даже в период перестройки новые идеологические установки внедрялись в массовое сознание с помощью введения через средства массовой информации новых словесных штампов, подчеркнуто подававшихся как «неидеологизированные и неидеологизирующие, но призванные популяризировать в массах иные аксиологические ориентиры» [Васильев, 2003. С. 85]. А.Д. Васильев отмечает появление в постсоветское время большого количества новых речевых штампов, эвфемизмов, слов и словосочетаний с ослабленным или отсутствующим денотативным компонентом и определяет «совокупность этих лексико-фразеологических средств современного телевизионного дискурса как «постновояз» [Там же. С. 87].

В современном языке стереотипность в речи политиков проявляется как на уровне текста, так и на уровне лексики.

В качестве примера стереотипности на уровне дискурса можно привести схему предвыборного выступления, призванную сделать речь политика максимально эффективной (схема была разработана спичрайтерами специально для нашей страны):

1) говорится о ситуации в стране, запугивая избирателей (развал экономики, коррупция). Иногда в этой части вспоминают о великом прошлом страны или объединяют обе темы;

2) указывается источник бед («оборотни в погонах», олигархи, правительство);

3) предлагается программа, которая может спасти страну;

4) рассказывается о том, как кандидат видит будущее страны, области под его руководством.

Примером такого построения текста может служить манифест Российской Партии пенсионеров. Первая часть представляет собой описание великого прошлого России («нам досталась территория, равная седьмой части суши земного шара», «Россия — страна, победившая в великой войне», «сто лет назад кормившая пол-Европы») и нищего настоящего (продажа нефти и газа за границу, получение гуманитарной помощи от Германии и т.д.). Во второй части называются «виноватые»: «государственные чиновники», и связанный с ними «частный капитал», которые проводят «безумные

Часть III

эксперименты над собственным народом». В третьей части раскрывается программа партии: *«Открыть на каждого жителя России личный именной счет, на который начислять его долю от добычи природных ресурсов на территории России»*. Наконец, в последней части рассказывается о том, к чему это приведет: *«Динамичное развитие России», «восстановление исторической справедливости», «появится возможность покупки жилья», что решит «жилищную проблему», будут развиваться «фундаментальная наука и образование», россияне «обретут человеческое достоинство», «Россия станет по-настоящему свободной и процветающей»*.

В этом манифесте схема реализовалась полностью. Однако у ряда политиков и политических партий программы построены по свернутой схеме. Например, в программе партии «Яблоко» и предвыборной программе В. Третьяка схема полностью не реализована. От воспевания былой мощи страны и восхищения духом ее граждан кандидаты переходят к описанию планов по ее восстановлению. Но текст этих программ построен так, что пропущенные части схемы присутствуют в скрытой форме.

Например, в Программе В. Третьяка говорится: *«У всех нас есть уникальный шанс выбрать в высший законодательный орган страны самых достойных людей, которые смогут поднять нашу Родину на новый уровень и восстановить величие страны»*. Таким образом, не говорится, но подразумевается: 1) страна находится в упадке по сравнению с прошлым; 2) у власти нет достойных людей.

Еще более свернутая схема представлена в Программе партии «Яблоко», в которой явно реализуется только третий пункт рассматриваемой нами схемы. Однако использование в тексте программы таких словосочетаний, как *«массовая нищета», «нищенские пенсии», «нищий учитель»*, дают ясное представление об экономическом положении страны в данный момент, а планы новых законопроектов, которыми партия хочет заменить ныне существующие, ясно указывают виноватых. Заметим, что в рассмотренных программах не объясняется, что именно партии и кандидаты собираются делать для осуществления своих проектов, поэтому третью часть можно назвать таковой лишь условно, а по сути это четвертый пункт схемы.

Таким образом, тексты речей современных политических деятелей строятся по шаблону, они лишены индивидуальности и в этом смысле мало отличаются от речей политических деятелей советской эпохи. Тексты новояза десятилетиями озвучивались в выступлениях на съездах, сессиях, конференциях, строясь «по раз навсегда созданной модели: коммунистическая риторика, славословие по адресу очередного вождя, описание «грандиозных достижений» и скромное упоминание «об отдельных недостатках». Такие тексты, по словам Виноградова, не предназначались для передачи достоверной информации о положении дел. В современных политических текстах можно отметить следующие составляющие: демократическая риторика, хвала по адресу лидера партии, восторг по поводу своей программы, недовольство действующей властью.

На уровне лексики стереотипность - это склонность речи к устойчивости, шаблонности. Вызвано это явление тем, что штампы и клише политической речи легко воспринимаются и усваиваются слушателем, потому что не требуют глубокого осмысления, и при этом оказывают большое влияние на формирование ценностных ориентиров коммуниканта. Однако стереотипность речи имеет негативную сторону, т.к. она мешает ясно выражать свои мысли. По мнению Г. Клауса, повторение, представляющее важное средство агитации, может вызвать у читателей и слушателей отрицательную реакцию, если перешагнуть границу определенного количества повторений одного и того же выражения (цит. по: [Барченков, 1986. С. 34]).

Стереотипными являются словосочетания, в которые включены слова **вопрос**, **проблема**, **работа**, **задача**. Им с советских времен отводилась роль универсальных заменителей целых фрагментов текста [Виноградов 1993. С. 36]. В речи современных политиков все становится проблемой и вопросом: «*Перед мировым сообществом поставлена проблема цифрового неравенства*» (Ю. Аксененко); «*Есть проблемы и на Камчатке, и в Хакасии, но это не такие проблемы, как были в прошлом году. Есть проблемы и на Сахалине*», «*Реальные проблемы россиян*» (О. Малышкин); «*Президент становится пешкой в руках... Вот это вот главная проблема*» (С. Миронов); «*Гарантирую решение всех материальных проблем ветеранов*» (Н. Харитонов). Столь частое употребление подобных слов обедняет текст, делает его стилистически ущербным. Наконец, слово **проблема** в русском языке неизменно означало глубокий вопрос, имеющий общечеловеческое или национальное значение, сейчас же с языка не сходят английские кальки «У меня проблема с холодильником», «Нет проблем», «Это ваша проблема».

Часто политики используют фразы с прилагательным **простой**: «*Он простой русский человек*» (В. Жириновский); «*Какой пример мы подаем простым гражданам*» (О. Малышкин); «*Уже семизвездочные отели строят, а где гостиницы для простых граждан? Вот в советские времена были дома колхозника: койка – рубль*» (В. Жириновский). Подобные определения не только обедняют речь, но и влияют на сознание людей, заставляя поверить в собственную обычность, ординарность.

Стереотипными становятся фразы с прилагательным **свободный**: «*Голосуйте за то, что вы свободные люди*» (И. Хакамада); «*Россия найдет в себе силы идти по свободному пути*» (Н. Харитонов). Данные стереотипы речи, пропагандирующие демократические ценности, используются политиками как с правыми, так и с левыми взглядами, что позволяет сделать вывод о десемантизации слова **свобода** в пропагандистской речи и превращении его в эмоциональный знак, средство политической пропаганды.

Столь же часто в речи политиков звучит существительное **народ**: «*Мы вернем народу природные богатства*» (Н. Харитонов); «*Мы слуги народа*», «*Я иду на выборы, чтобы заставить власть работать на народ*» (С. Глазьев); «*Все для народа, а не для кучки богачей*» (Н. Харитонов). Так же, как и в советских политических текстах, это слово в современном пропагандистском дискурсе выполняет две функции: 1) это субъект, от имени которого осуществляется политическая деятельность; 2) это адресат, во имя которого она осуществляется [Баранов, Казакевич, 1991. С. 13]. В политических текстах **народ** существует в двух ипостасях: активно действующая личность, сама решающая свою судьбу, к мнению которой апеллирует власть, и в то же время народу приписывается статус пассивной жертвы.

Таким образом, несмотря на изменение политического строя, новояз (или постновояз) активно используется в речи политических деятелей, формируя общественное мнение и социальное восприятие действия властей, естественно, в интересах другой системы. Политики с разными идеологическими взглядами, речь которых предназначена для разной аудитории (по возрасту, образованию, социальной роли) не только используют одни и те же слова и словосочетания (когда-то эмоциональные, но в силу частого повторения давно утратившие коннотацию), но и строят свое выступление по одинаковой схеме (то есть используют стереотипные средства языка не только на лексическом, но и синтаксическом уровнях). А вслед за ними по такой же схеме начинают строить тексты, относящиеся к разным стилям речи, и другие носители языка.

Часть III

Литература

- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М, 1991.
- Барченков А.А. Пропагандистские стереотипы в словаре и газетном тексте // Методологические проблемы социальной лингвистики. М, 1986.
- Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003.
- Виноградов СИ. Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993 № 2.
- Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.

Грамматика

А.В. Баранчикова

Префикс *па-* в русских народных говорах¹

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Префиксация в русском языке характерна прежде всего для глагольного словообразования. Именная префиксация менее регулярна, поэтому интересна для исследования.

Модели образования существительных с префиксом *ПА-* принадлежат к **древнейшим** словообразовательным моделям, утраченным литературным языком. Эти модели отражают древнюю противопоставленность глагольных и именных приставок в системе славянской префиксации: *ПА-* использовалась в именном словопроизводстве, *ПО-* в глагольном. В истории русского языка происходит разрушение этой противопоставленности: глагольная приставка *ПО-*, распространяясь и на систему имён, всё больше вытесняет древний именной префикс *ПА-*.

Исследователи современного русского **литературного языка** отмечают непродуктивность именного префикса *ПА-*. Однако в 17-ти томном ССРЛЯ зафиксировано немало таких лексем: 61 имя существительное с приставкой *ПА-*. Это такие слова как: *ПАВОДОК*, *ПАГУБНЫЙ*, *ПАДЧЕРИЦА*. Однако, важно подчеркнуть, что многие из этих существительных даны с пометами областное, просторечное, устаревшее, специальное, разговорное. Наибольшее число слов с префиксом *ПА-* относится к русской **диалектной** лексике.

Поэтому мы обратились для изучения этой своеобразной словообразовательной модели к данным русских народных говоров. Общее число диалектных имён существительных с префиксом *ПА-*, отобранных нами для анализа, составило 413 лексем.

Мы остановимся на характеристике семантических классов и мотивационных отношений диалектных имён существительных с префиксом *ПА-*.

Диалектные имена существительные с префиксом *ПА-* разнообразны по значениям и образуют целый ряд семантических групп. Среди них выделяются слова с конкретно-предметным и отвлечённым значением. Конкретно-предметные существительные включают в свой состав слова, именующие 'живое' (человека, растения) и 'неживое' (продукты деятельности человека, артефакты). Абстрактные существительные именуют различные физиологические проявления человека и другие отвлечённые понятия.

Большая часть имён существительных с *ПА-* включена в группу '**всё живое**', внутри этой группы самыми крупными подгруппами являются подгруппы: человек, явления природы, растения. Так, существительные с префиксом *ПА-* используются в русских народных говорах для именованя человека

- по какому-либо признаку: *ПАОЗЕР* 'человек, живущий около озера';

¹ Работа выполнена при поддержке фонда РФФИ, № проекта 06-06-80428-а

Часть III

• по национальности: *ПАБОЛД* 'ребёнок – метис', *ПАБОЛДЫРЬ* 'второе поколение метисов'.

• по родству: *ПАВНУК* 'правнук', *ПАВНУКА* 'правнучка'

• по состоянию: *ПАБЕДА 2* 'бедняга, бедняжка'

• по деятельности: *2 ПАЛУБНИК* 'тот, кто возит тёс'

Диалектные имена на *ПА-* могут также обозначать

• части тела: пазногть 'фаланга пальца, на котором растёт ноготь'

• растения: пазбника 'ягода земляника', падубок 'дерево, ясень'

• части растений: паболка 'стебли конопли'; паздера 'верхний слой коры'.

• В группу слов, именуемых 'неживое', входят наименования

• продуктов хозяйственной, технической деятельности человека: павозик 'род корзины', пасма 'моток пряжи', пабердо 'собачья упряжка';

• обиходных вещей человека: паперстянки 'перчатки с большим и указательным пальцами', пакосник 'лента для косы'.

Группа абстрактных существительных включает небольшое количество лексем. Среди них:

1. Слова, обозначающие физиологию человека

• физиологическое действие: пазевни 'зевота';

• физиологическое состояние: паморки 'головокружение, невменяемость'.

2. Слова, именующие отвлечённые понятия:

ПАГУБА 'пропажа, утрата, убыток', *ПАМЕСТ*, *ПАМЕСТЬ* 'память'; *ПАОБЕДЬЕ* 'время, близкое к полудню'

Таким образом, имена существительные с префиксом *ПА-* сосредоточены в наиболее значимых для сельских жителей тематических сферах. Они именуют реалии, наиболее важные для их жизни.

Мотивационные связи диалектных существительных с префиксом *ПА-* разнообразны так же, как и их семантика.

В большинстве случаев имена существительные с префиксом *ПА-* образуются от существительных, в ряде случаев от глаголов и в двух встретившихся нам примерах – от имён прилагательных.

Мотивация существительных с *ПА-*, образованных от имён существительных и прилагательных, может быть однозначной, неоднозначной и множественной.

Однозначная мотивация имеет место в том случае, если префиксальное существительное соотносится со значением бесприставочного мотивирующего слова. Например: *ПАОБЛАКО* 'низкое облако' мотивировано существительным облако 'туча'. Прозрачная мотивация свойственна существительным с *ПА-*, образованным от глаголов. Они соотносятся с одним близким по форме мотивирующим глаголом: *ПАМЕЛКИ* 'остатки, при помоле зерна' – *МОЛОТЬ* 'вертеть, махать'

Мы считаем мотивацию неоднозначной, если существительное с *ПА-* связано мотивационными отношениями не с одним бесприставочным, сходным по форме словом, а с целым гнездом однокоренных слов одной и той же частеречной принадлежности. Например: каждый из вариантов *ПАГАЛЬДЖИ*, *ПАГЛЕНКА*, *ПАГОЛЬНИК* со значением 'гольфы, носки, плохая обувь' может быть соотнесен со словами *ГОЛЕНЯТЫ*, *ГОЛЕНЁШКИ* в значении 'голень'.

В нашем материале встретились также случаи множественной мотивации, когда существительное на *ПА-* в одном или в разных своих значениях мотивировано разными словами, возможно, словами разных частей речи. Например, для слова *ПАВИЛЫ*

'кожаные обёртки на икры ног', нельзя точно определить, какое из двух слов является мотивирующим: *ВИЛЫ* 'часть человеческого тела от поясницы до пяток' или глагол *ВИТЬ/ОБВИВАТЬ*.

Имена существительные с приставкой *ПА-* находятся в разнообразных семантических отношениях со своими мотивирующими. Имя существительное с приставкой может являться дублетом существительного без приставки. Например, значение слова *ПАБЕДНИК* 'обед' включает в себя все значения мотивирующего слова *ОБЕД* 'еда; завтрак; поминки'.

Можно наблюдать также и отношения неполной дублетности. Например, *ПАБЕДА* 'бедняга, бедняжка' и *БЕДА* 'несчастный человек'.

Другой тип семантических отношений наблюдается, когда значения существительных объединяются интегральной семой, но отличаются каким-либо дифференциальным компонентом. Например, слова *ПАБЕДКИ* 'неприятности, неудачи вслед за большой бедой' и *БЕДКА* в значении 'беда' имеют общую интегральную сему – 'беда', но у префиксального существительного присутствует ещё дифференциальная сема очерёдности этой беды, идущей следом за другой бедой и дифференциальная сема подобия. *ПАБОЛД, ПАБОЛДЫРЬ* 'ребёнок, у которого один из родителей русский, другой метис; второе поколение метисов' – *БОЛДЫРЬ* существо, 'происшедшее от смеси двух пород или видов'; здесь более общая сема 'существо' меняется на более конкретную – 'человек'.

В ряде случаев между значениями префиксального существительного и мотивирующего слова обнаруживается более значительное семантическое расстояние. Значение мотивирующего слова представлено в значении мотивированного лишь одним семантическим компонентом. Проиллюстрировать это положение можно примером соотношения слов *ПАБЕДКА* 'отдых между обедом и ужином' и *ОБЕД*, которое ни в одном из своих значений не имеет семы отдыха.

Между префиксально-производным существительным и его мотивирующим могут складываться родо-видовые отношения. Ср.: *ПАГРОЗА, ПАГРОЗКА* 'небольшая гроза' – *ГРОЗА* '1. гром, 2. молния, 3. о грозовой туче'.

Значение мотивирующего слова может конкретизироваться в префиксально-производном существительном. Например: *ПАБЕД* в значениях 'второй завтрак; обед; еда между обедом и ужином' демонстрирует нам пример развития частных, узких значений на основе одного из значений мотивирующего слова *ОБЕД* 'вообще еда'. Из значения, обобщённо называющего еду, выделились несколько конкретных значений, называющих внеурочное принятие пищи.

Мотивированное слово с приставкой *ПА-* нередко соотносится с мотивирующим по принципу метафорического и метонимического переноса, т.е. значение слова с приставкой соотносится с одним или несколькими из значений мотивирующего слова, но не дублирует эти значения, а развивает их по следующим направлениям:

- часть и целое: паберег 'часть берега, заливаемая в половодье' (мотивировано словом берег).
- вместилище и содержимое: пагальджи – '1. чулки; 4. носки; 7. изношенная обувь' мотивировано голеньшки, голеньяты – 'голени'
- сходство: (внешнее) паголёнок 'о человеке маленького роста' (мотивировано словом голёнок в значении 'птенец'); (по признаку) пагуроста 'подросток' (мотивировано прилагательным дуростный 'глупый, бестолковый').
- действие и его исполнитель: пагуба 1. 'пропажа, утрата, убыток' пагубник 'губитель, вредитель' (мотивировано губить 'одолевать'); пагубить 'причинять вред, убытки, приводить к гибели')

Часть III

Существительные с префиксом *ПА-* обозначают **результат действия, названно-го мотивирующим глаголом, или состояние**, связанное с наличием того, что названо мотивирующим существительным. Например, *ПАБИРКА* 'количество чего-либо набранного' – *БРАТЬ* 'собирать (ягоды, грибы)'

На примере нашего материала можно наблюдать и **обратные семантические отношения**, когда мотивирующее слово соотносится с мотивированным по принципу метафорического, метонимического переноса, а не наоборот. Например, мотивирующее слово *ВОЛНА* 'волна; волосной покров овцы' соотносится с *ПАВОЛНА* 'зыбь, волны' по внешнему сходству, т.е. по метафорическому принципу.

Характерной особенностью имён существительных с *ПА-* является преобладание однозначных слов, в то время как среди мотивирующих слов прослеживается явное преобладание многозначных слов. Семантическая специфика диалектных имён с префиксом *ПА-* позволяет сделать вывод об их коммуникативной функции. Очевидно, имена на *ПА-* функционируют в русских народных говорах по преимуществу как единицы, формально маркирующие семантическое развитие мотивирующих слов. Имена на *ПА-* «переводят» внутрисловную семантическую деривацию на межсловный уровень, что обусловлено активным действием тенденции к мотивированности, структурной оформленности слова в диалектной речи.

В связи с этим актуальной задачей является анализ степени регулярности и характера текстовой обусловленности имён с префиксом *ПА-* в русских народных говорах.

Литература

- Егорова Т.В. Некоторые вопросы префиксального словообразования имени существительного // Диалекты и топонимия Поволжья: межвуз. сб. Чебоксары, 1980.
- Еремеева Г.А. Основные тенденции словообразования в русской диалектной и литературной речи (на материале имён существительных). Л., 1983.
- Историческое словообразование русского языка. Казань, 1984.
- Савинцева Т.В. О синонимических отношениях некоторых префиксальных существительных // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Ижевск, 1980. Вып. 2.
- Цейтлин Р.М. К вопросу о значениях приимённой приставки *ПА-* в славянских языках // Уч. зап. Ин-т славяноведения АН СССР. 1954.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин. М.;Л., 1965.

А.А. Макарова

Слова с частью «благо» в русском языке: к вопросу о словосложении и калькировании

Научный руководитель – профессор О.И. Дмитриева

Словосложение – один из древнейших способов словообразования, известный на всем протяжении развития русского литературного языка. Словосложение изучалось уже индийскими грамматиками, давшими и первые классификации сложных слов. Засвидетельствованное древними памятниками русской письменности, оно достаточно продуктивно и в современном языке [Улуханов, 1994. С. 11; Петрухина, 2000. С. 73].

Спорный вопрос, имеющий отношение к сложным словам, – вопрос об их происхождении и функционировании.

Относительно происхождения сложных слов высказываются в научной литературе две точки зрения. Согласно одной (работы М.Н. Сперанского, В.И. Пономарева), большинство сложных слов появилось в древнерусском языке в результате греческих переводов и значительный процент русских композитов – слова-кальки. Возможно, какая-то часть словосложений пришла в русский язык из старославянского языка, в котором сложные слова являлись в большинстве случаев результатом перевода с греческого языка. Такой путь проникновения ряда сложных слов с частью «благо» отмечали В.Д. Романовская, Л.В. Вялкина и др. Другая точка зрения, высказанная в исследованиях Е.А. Василевской, Т.В. Собанской, М.Я. Немировского, определяет статус сложных слов как искони присущих русскому языку, утверждается, что «история их образования лежит в глубинах русского языка» [Василевская, 1962. С. 36], что греческие заимствования не могли оказать решающего влияния на словарный состав древнерусского языка, так как заимствование было возможно лишь потому, что в древнерусском языке уже существовала модель сложного слова.

Вероятно, истина находится на пересечении этих точек зрения.

Сложные слова в древнерусском книжно-письменном языке были словообразовательной структурой, включающей все части речи. Это подтверждается примерами употребления сложных слов в оригинальных русских памятниках.

Для проникновения в язык необходимо, чтобы соответствующая структура словообразования уже существовала на славянской почве. И она существовала, получив особую продуктивность под влиянием переводной церковной литературы. Впоследствии устанавливается разветвленная система словообразовательных моделей, по которым постоянно образуются новые сложные слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия).

Однако нельзя не признать, что основная часть древнерусских словосложений – кальки с греческого. Само по себе словосложение в славянских языках получило гораздо менее широкое распространение, чем в некоторых древнеписьменных индоевропейских языках, в частности, в греческом и санскрите. Многие сложные слова из греческого языка проникали в старославянские и древнерусские памятники, попадая сначала в переводы, а потом и в оригинальные сочинения.

Словообразовательное калькирование, наряду с семантическим калькированием и заимствованием, являлось одним из способов передачи новых понятий при переводе греческого текста на славянский язык. Именно словообразовательное калькирование греческих слов дало мощный толчок к развитию словообразовательной системы старославянского, а затем и древнерусского языка.

Ф.И. Буслаев указывал на широкий процесс калькирования греческих сложных слов после принятия христианства и в период второго южнославянского влияния (второе южнославянское влияние, как известно, обусловило развитие риторического стиля с его пристрастием к пышным, цветистым сложным словам наподобие грековизантийских) [Буслаев, 1858. С. 152].

Словообразовательное калькирование представляет собой двустороннее явление: по отношению к своему объекту оно является переводом, а по способу осуществления и по отношению к своему результату (кальке) – словообразованием, основанным на использовании мотивированности калькируемого объекта. Возникая в результате перевода и как средство перевода, калька закрепляется в языковой системе и функционирует в ней уже самостоятельно.

Часть III

Условием появления кальки является словообразовательная структура образца. Именно в ней содержится внутренняя форма калькируемого объекта, на основании которой осуществляется акт калькирования.

Калькированные слова в древнерусском языке вступали преимущественно в связь с теми словами или словосочетаниями, которые послужили «орудием» калькирования и стали элементами структуры калек, и получали сразу значение, чаще всего адекватное значению греческого оригинала. Многие исконно русские сложные слова, которые появились как аналогичные образования по типу калек, первоначально тоже обнаруживали непосредственную смысловую соотносительность со словосочетаниями или отдельными словами.

Исследователи отмечают, что внутренняя форма сложных слов древнерусского языка, созданных по аналогии с древнегреческими, более прозрачна, осознается отчетливее, чем в поздний период [Лавровский, 1853, С. 18; Копыленко, 1957. С. 72-73; Алимпиева, 1996. С. 3]. К концу старорусского периода у некоторых слов она вообще перестает ощущаться, и для того, чтобы ее восстановить, приходится проводить специальные этимологические исследования.

Передача греческих сложных слов на русский язык не являлась однородной. В одних случаях сложное слово полностью копировалось, то есть дословно переводились обе его части, в других — отмечалось стремление переводчика создать свои сложные слова по образцу уже имеющихся в языке. Отсюда случаи, когда древнерусскому сложному слову соответствует греческое простое или даже словосочетание. Самым распространенным явлением был дословный перевод греческого слова (калька). Результатом такого перевода, к примеру, являются слова *благоволение*, *благонравие*, *благочадие*, *благовѢровати*, *благоговѢти*, *благодаривыи*, *благодѣньныи* и т.д. Древнерусскому сложному слову могло соответствовать греческое простое, как в случае с *благовидѢние*, *благодать*, *благодѣть*, *благодавьць*, *благострои*, *благодѣньствовати*, *благогорькъ*, *благодатъныи*, *благомолитвъныи*, *благоявленныи* и т.д.

По мнению Л.В.Вялкиной, «возможность передавать простое слово греческого языка русским сложным свидетельствует о том, что уже ... в русском языке произошла лексикализация синтаксических сочетаний и существовала вполне определенная модель сложного слова» [Вялкина, 1964. С. 109]. Исследователь полагает (на основе анализа Ефремовской кормчей XII в.), что данные процессы имели место уже в XII веке.

В ряде случаев древнерусскому сложному слову соответствует греческое словосочетание. Например, слова *благадателство*, *благопришьствие*, *благочѣтение*, *благосѣнабѣдѢти*, *благотѣриѢти*, *благосѣлоучьныи* восходят к греческим словосочетаниям.

Иногда одним и тем же русским словам соответствуют разные греческие, к примеру, *благовѢствовати* – *αγγελίζομαι* ‘сообщать приятное известие’ и *ευχρηστεύομαι* ‘быть добрым, ласковым’. Русский перевод не особенно точно передает смысл второго греческого образования. Двумя греческими словами передаются и русские слова *благодѣяние*, *благосѣрдие*, *благоприятнѣ*. И наоборот, два сложных славянорусских существительных калькируют одно сложное греческое слово: *благовоздушіе*, *благовѢріе* – *εὐαερία* и др.

Существует не меньшее количество таких калек, которые образованы в результате более свободного освоения иноязычных образцов. Примером может служить передача одного и того же греческого слова (*γαθοποιέω*)? синонимами с частями «благо» и «добро»: *благотворити* и *добротворити*. При дословном переводе греческого образования мы имеем: α *γαθός* ‘добро’ и *ποιέω* ‘творить’, то есть *добротворити*. Отмечая

близкую семантическую соотнесенность синонимической пары *благо* — *добро*, исследователь Р.В. Алимпиева пишет также и об их семантической противопоставленности, которая прослеживается путем этимологического анализа: 'благо' (ευ) соотносится с возвышенным, небесным, божественным, а 'добро' (αγαθός) — с земным, обыденным, вещественным [Алимпиева, 1996. С. 3-7]. Интерес представляет и следующий случай: обычно всем греческим сложным словам с частью ευ- соответствуют русские с *благо-*, греческий компонент θεο- передается русским *бogo-*. Но иногда наблюдается смешение этих основ, и мы имеем: θεοειδῆ — *благовиднь*, θεσμοθεσία — *благозаконьныи*, θεολόγος — *благословесьньи*; θεοφίλος — *благлюбезьньи*, θεομαχουντες — *благохоулити*, φιλοθέοις — *благлюбити*, ευλάβεια — *богобоязьство*.

Точный перевод соответствующих греческих слов был нормой для древнерусского языка, последние же случаи попадают в категорию отступлений от нормы. Будучи заимствованием мотивированности образца, кальки в некоторых случаях не повторяют структуру иноязычного образца. Неточность калек по отношению к их образцам более всего заметна при сопоставлении их морфологической структуры, в результате чего кальки могут отступать от своих образцов также и с точки зрения значения. Отступление словообразовательных калек от их образцов неоднократно отмечалось исследователями [Пономарев, 1953; Вялкина, 1964, 1974; Ефремов, 1974; Асейкина, 2001].

По-видимому, следует согласиться с лингвистом М.А. Асейкиной в том, что «созданию кальки ... предшествует словообразовательный (но не морфологический) анализ калькируемого объекта, из чего вытекает, что переводится не его морфемный состав, а скорее деривационно-мотивирующие единицы, участвующие в его оформлении» [Асейкина, 2001. С. 25]. Мысленно представляя внутреннюю форму греческого слова, переводчик использует ее в качестве внутренней формы славянского слова (кальки). В результате неизбежно появление неточных калек. К числу причин отступления калек от образцов, возможно, относятся: деэтимологизация каких-либо частей прототипа, его ошибочное толкование переводчиком, неверное понимание его внутренней формы, а также различия в грамматике греческого и славянского языков, несоответствие их категориально-семантического строя [Асейкина, 2001].

Итак, большинство сложных слов древнерусского языка являются греческими кальками, во многих случаях они представляют собой копии греческих слов и сохраняют с производящей базой достаточно ясную семантико-словообразовательную связь, то есть обнаруживают более или менее рельефно свою «внутреннюю форму». В то же время в древнерусском литературном языке уже существовала довольно разветвленная система моделей словосложения, охватывающая почти все части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие). Калькирование греческих слов способствовало активизации процесса словосложения в русском языке. Сложные слова начинают создаваться по типу калек, происходит утверждение определенной модели образования сложной лексической единицы, по которой постоянно создаются новые слова в языке.

Литература

- Алимпиева Р.В. Внутренняя форма слова и проблемы лексической синонимии // Семантика русского языка в диахронии. Калининград, 1996.
- Асейкина М.А. Неточные кальки греческих слов в славянском переводе Нового завета (на материале Остромирова евангелия 1057г.) // Языкознание: современные подходы к традиционной проблематике. Калининград, 2001.
- Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русскаго языка: В 2 ч. М., 1858. Ч.1: Этимологія.

Часть III

- Вялкина Л.В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на материале Ефремовской кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
- Вялкина Л.В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI-XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974
- Василевская Е.А. К проблеме сложного слова // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1940. № 48. Вып. 10.
- Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И.Х. Дворецкий; Под ред. С.И. Соболевского. М., 1958.
- Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974.
- Копыленко М.М. Из наблюдений над сложными словами в болгарском языке // Учен. зап. Алма-Атинского пед. ин-та ин. яз. Алма-Ата, 1957. Т. II. Вып. 5.
- Лавровский П.А. Об особенностях словообразования и значения в древнем русском языке // Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Т. II.
- Петрухина Е.В. Новые пути изучения словообразования славянских языков // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59, № 6.
- Пономарев В.И. К истории сложных слов в русском языке // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1953. № 4.
- Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. М., 1988-2000. Т. I.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975-2000. Вып. 1.
- Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

М.Ю. Мишукова

Словообразовательное гнездо слова «милый» в толковых словарях XVIII-XXI веков

Научный руководитель – профессор М.Б. Борисова

Развитию лексики русского литературного языка периода окончательного формирования национального языка (конец XVIII – начала XIX века) и последующих эпох, включая и современную, посвящено много работ (монографий, сборников, статей). Они прослеживают изменения основных лексических пластов в лексическом составе литературного языка (История лексики русского литературного языка конца XVII - начала XIX века (1981), Лексика русского литературного языка XIX - начала XX века (1981), монография Ю.С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90–е годы XIX века» (1965), «Русский язык и советское общество. Лексика» (1968), фундаментальное исследование «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» (1996) и др.), выясняют роль писателей в развитии лексики литературного языка (например, уникальная по диапазону материала монография В.В. Виноградова «Язык Пушкина» (1935)), прослеживают историю отдельных слов (многочисленные статьи В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и др.) и т.д. Однако необозримо громадное количество объектов изучения и многообразие возможных подходов к их исследованию делают по-прежнему актуальной каждую новую попытку характеристики отдельных звеньев исторического процесса развития богатейшего лексического состава русского языка.

Задача настоящей статьи – рассмотреть состав и активность словообразовательных моделей, а также функционирование единиц одного словообразовательного гнезда в разные периоды развития литературного языка. В качестве примера нами будут прослежены изменения в словообразовательном гнезде с корнем «мил». Сразу заметим, что данное словообразовательное гнездо развивалось по двум семантическим аспектам корня «мил»: 1. слова, связанные со словом *мил/ый* – дорогой, любимый; 2. соотносение со словом *милость* – доброта, великодушие; дар, пожертвование. 1-ая группа слов имеет меньше трансформаций в значении, в то время, как 2-ая, осмысляясь и в социальном плане, меняется очень заметно.

Мы можем разделить все единицы данного словообразовательного гнезда на группы и в зависимости от представленности в рассматриваемых словарях. Общий объем слов в словарях различен: САР₂¹ дает 35 слов, Словарь 1847 г. – 53, БАС – 45, Большой словарь – 34. Некоторые единицы представлены во всех четырех словарях. Назовем их *константными*, т.е. такими, которые фиксируются в словарях, формально совпадая. К ним относим следующие слова рассматриваемого словообразовательного гнезда: *помилование, миловать, милостыня, помиловать, милость, умилять, милый, умилостивляться, умильный, милосердие, милосердный, умиленный, умилительный, мяляга, миловидный, милостивый, милование, миловать, милостивец, милосердие, умилосердиться, умилостивлять, умиление, мило, милосердовать*. Другие же присутствуют не во всех словарях. Это *динамические* единицы – слова, подвергающиеся изменениям с течением времени. Единицы словообразовательного гнезда слова «милый» претерпевали стилистические изменения. Например, константная единица *мяляга* в Словаре 1847 года дается с пометой *простонар.*, а в современных словарях уже приобретает фамильярную окраску – помета *фам.*, динамическая единица *милеть* в САР₂ является нейтральным словом, но в БАС считается разговорным – помета *разг.*

Несомненно, происходили и семантические преобразования, такие как расширение значения (так, существенно отличаются толкования слова *милый* в словарях XVIII–XIX веков: ‘Пріятный, любезный, привлекательный’ от толкований в современных словарях: 1. ‘Располагающий к себе, славный, хороший.’ 2. ‘Горячо любимый.’ 3. ‘Доставляющий удовольствие, наслаждение своим видом, голосом.’), происходило и сужение значения (например, в Словаре 1847 г. наречие *умиленно* толкуется дважды: как нейтральное: ‘Умиленно. Нар. Съ умиленіемъ въ двухъ первыхъ значеніяхъ’ (*умиление* – 1. ‘сердечное сокрушение, смиренное раскаяние, сожаление о содеянном зле’. 2. ‘сердечное ощущение, возбуждаемое чем трогательным’), и как церковное слово: ‘УмиленнѢ. Нар. То же, что умиленно’, в БАС и Большом словаре находим одно толкование данного слова как нейтральной единицы: ‘Умиленно. Нар. Находясь в умилении, растроганно’), иногда происходила трансформация значения (*миловать* в САР₂ и в Словаре 1847 года имеет следующее значение: ‘милосердовать, щадить, жалеть о комъ’ и ‘оказывать милость, пощаду, снисхожденіе’, в современных словарях, а именно в Большом словаре и в БАС, такие значения помечены пометой *устар.*, а слово приобретает новое толкование: ‘предохранять от чего-либо неприятного, нехорошего, не причинять вреда кому-либо’). Важную роль в изменении значения играют социальные изменения, происходящие в обществе и культуре и характерные для определенного периода развития языка в разные периоды его истории. Так, слово *милостыня* в САР₂ представлено: ‘Подаяніе творимое изъ чѣловеколюбія, особливо бѣднымъ’, в БАС: ‘Подаяние, пожертвование нищему, нуждающемуся’, в Словаре 1847 года и Большом словаре: ‘подаяние нищим’. Происходит сужение значения (не бедным, а нищим), исчезает общегуманистическая мотивировка: «из человеколюбія». В связи с социальными процессами

Часть III

ми в нашей стране в настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как и в политике. Многое перегруппировалось, размылось, но еще не вполне определилось. Возможно, некоторые наблюдаемые сейчас явления в области значений слов окажутся недолговечными, не закрепятся в качестве нормы, но и в этом случае зафиксировать их на определенном этапе развития языка интересно и важно, поскольку каждый этап в развитии языка заслуживает внимания и изучения.

Для отдельного рассмотрения нами было выбрано слово «милосердие». Старое его значение – в САР₂: ‘человеколюбие, добродетель, предписывающая иметь сострадание к бедности, к несчастьям других и вспомоществовать оных’. Современные толковые словари дают слишком узкое и конкретное определение: ‘готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается’. Вопрос о том, каким образом трансформируется семантическая структура слова, тесно связан с вопросом о том, какие контексты слово притягивает. Исследователи заметили, что произошел явный семантический сдвиг – от личности в сторону социальной структуры. Е.В. Какорина на основе анализа многочисленных контекстов показывает, что значение слова *милосердие* сузилось настолько, что оно стало высоким, но уже квазисинонимом (обесцвеченным) слова «благотворительность». Трансформация значения осознается частью носителей языка как противоречие языковой норме. Однако есть основания предполагать, что достаточно непродуктивная семантическая подмена будет постепенно устранена, а слово *милосердие* возвратится в прежние тематические области. Связь этого слова с концептом «благотворительность» еще существует, но ослабляется.

Наконец, наглядно проявляется рост новых единиц в рассматриваемом словообразовательном гнезде: так, во второй половине XIX века, когда активизируется тенденция к развитию абстрактной лексики на -ость, появляются такие слова, как *умилительность*, *умиленность*, однако, появившись в языке, они уходят из его активного запаса, превращаясь в архаизмы и не попадая в Большой словарь). Происходит постепенное отмирание некоторых единиц. В САР₂ и Словаре 1847 года слово *милостивец* дано как употребляемое, а в современных помечается *устар.* Слова претерпевают полное исчезновение из современного языка – в САР₂ слово *милостник* называется «вышедшим из употребления», в Словаре 1847 г. имеет помету *стар.*, а в современных словарях не встречается вообще.

Таким образом, уже одно словообразовательное гнездо отражает общие закономерности развития литературного языка: изменение состава лексики, исчезновение дублетных форм, семантическую эволюцию слов, стилистические преобразования и образование новых единиц. Все эти словообразовательные и семантико-стилистические процессы в пределах одного гнезда демонстрируют, насколько подвижен и гибок русский литературный язык в процессе его исторического развития, насколько тесно связана языковая эволюция с социально-культурными процессами в жизни народа. В перспективе исследования – изучение функционирования лексики данного словообразовательного гнезда в разных стилях литературного языка изучаемого периода.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка/Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: 1998.
История лексики русского литературного языка конца XVII - начала XIX века / Ред. Ф.П. Филин. М., 1981.
Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. М., 2000.
Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. М., 2004.
Лексика русского литературного языка конца XIX - начала XX века / Ред. Ф.П. Филин. М., 1981.

Русский язык и советское общество (Лексика современного русского литературного языка) / Ред. М.В. Панов. М., 1968.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. М., 2000.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб, 1806-1822. (САР₂).

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948-1965. (БАС).

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: в 4 т. СПб, 1847. (Словарь 1847 г.).

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

М.И. Носачева

**Особенности употребления словообразовательных конструкций
с метафорическим значением в современном немецком языке
(на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер»)**

Научный руководитель – доцент Н.Н. Горина

На формирование современных тенденций в немецком языке значительно повлияли происходившие на протяжении всего XX в. процессы индустриализации, роста городов, развития образования, науки и техники. На всех уровнях литературного языка ощутимо влияние разговорных форм. Стремление к уточнению значения слова, экономии, абстракции, а также осознанному языковому употреблению стали важными факторами развития языка.

В морфологии можно отметить как тенденцию к упрощению, так и к аналитическим конструкциям; на синтаксическом уровне – тенденцию к уменьшению длины предложений, к образованию субстантивных словосочетаний, изменению моделей предложений. Происходит сокращение количества придаточных предложений и возрастает число именных конструкций, а также изменяется порядок слов в предложении (тенденция к нарушению рамочной конструкции).

Однако только лексический уровень, открытая и самая нестабильная система языка, призван наиболее полно отражать процессы, происходящие в современном обществе. Именно этот уровень языка, по мнению П. Брауна, подвержен наибольшим изменениям [Braun, 1998. S. 158].

Следует отметить, что внутри самой лексической системы изменения происходят неравномерно: ими затрагиваются, прежде всего, существительные, затем – прилагательные и глаголы, в то время как служебные слова практически не подвержены изменениям [Braun, 1998. S. 159].

Количественные и качественные изменения словарного состава языка происходят во многом за счет словообразовательных средств. Словообразование – это сложное, многоуровневое языковое явление. Вопрос о его месте в системе языка по сегодняшний день остается открытым. Словообразование, с одной стороны, является частью лексикологии – все словообразовательные конструкции являются узувальными или окказиональными лексическими единицами со своим значением. С другой стороны, морфологический состав слова, строгие структурные закономерности всех словообразовательных явлений связывают словообразование с грамматическим строем языка. Помимо этого оно обладает и своими специфическими чертами [Stepanova, 2003. S. 83], а пото-

Часть III

му может выделяться как самостоятельный языковой уровень [Dokulil, 1968a: 14. Цит. по: Fleischer, 1995. S. 2], «автономный в силу того, что он характеризуется собственными элементарными единицами... собственными специфическими способами объединения элементарных единиц в более крупные единицы... и, наконец, особыми системными связями между подобными единицами» [Кубрякова, 1965. С. 74].

В области словообразования современного немецкого языка проявляется отчетливая тенденция к синтезу (в отличие от тенденции к аналитизму на других уровнях языка), следствием которой стало увеличение количества сложных и производных лексем. По мнению П. Брауна, это обусловлено:

1) Большой потребностью в номинации в различных областях современной жизни, а также стремлением к языковой дифференциации в различных профессиональных сферах;

2) Стремлением к уточнению значения номинативных единиц;

3) Стремлением к языковой экономии;

4) Стилистическими причинами: многие композиты и производные слова гораздо точнее, чем словосочетания, передают тончайшие оттенки смысла высказывания и оказывают сильное воздействие на адресата [Braun, 1998. S. 170].

Процесс образования сложных слов характерен уже для ранних этапов развития языка. В древневерхненемецком периоде имеются композиты, возникшие из синтаксических конструкций. Постепенно количество сложных слов возрастает. В 18-19 веках образуются трех – и четырехчленные композиты, а в 20 веке количество непосредственно составляющих сложного слова возрастает до пяти-шести.

Хотя зачастую значение композита может быть понято из совокупности его непосредственно составляющих, это представляется не всегда возможным. По мнению Фляйшера [Fleischer, 1995. S. 15], сложное слово обладает способностью к дальнейшему развитию, в результате чего значение композита не равно сумме значений его частей. Так, наступают процессы идиоматизации (из суммы значений частей словообразовательной конструкции нельзя понять значение лексемы) и демотивации (происходит потеря мотивированного значения).

Потеря словом мотивированного значения может привести к переходу свободных морфем в словообразовательные. Речь идет о таких средствах словообразования, как полуаффиксы. Самостоятельное слово теряет свое лексическое значение и, встречаясь в целом ряде слов, по своим функциям сближается с аффиксами. Это довольно продуктивный способ обогащения лексики, особенно часто встречающийся в языке художественной литературы с целью создания особой эмоциональной окраски лексических единиц.

Указанные выше тенденции развития словообразовательной системы немецкого языка находят выражение в современной прозе, в частности в литературе постмодернизма. Постмодернистская картина мира оказывает влияние и на язык. Все рассматривается сквозь призму новой системы ценностей. Тексты постмодернизма ориентированы на семантическую и структурную многозначность, границы между явлениями размыты. Для произведений постмодернизма характерна цитатность, языковая игра [Гугунова, 2002. С. 601]. Наряду с денотативным компонентом высказывания большое значение придается также сигнификативному и прагматическому компонентам.

Анализируемый роман П. Зюскинда «*Парфюмер*» «стал образцом постмодернистской литературы, самым знаменитым немецким романом конца XX века» [Фролов, 2004. С. 330]. Все названные выше особенности языковой постмодернистской картины мира находят отражение в языке данного произведения. Зюскинд, «отличный стилист»,

превосходно чувствует ритм языка, для его стиля на уровне синтаксиса характерно чередование длинных и коротких предложений, а в лексике – использование различных риторических фигур и тропов [Reich-Ranicki, 1985], посредством которых ему удается попытка «вербализации запахов» [Kaiser, 1985].

Особую эмоциональность и неповторимую атмосферу произведения Зюскинд создает во многом благодаря использованию богатого арсенала словообразовательных средств языка, при этом ведущую роль играет словосложение.

Сложные слова следует рассматривать не только как продукт словообразования. Они также выполняют «выразительные функции, главные из которых соотносятся с двумя основными типами стилистической значимости:

- 1) языковой экономии;
- 2) эмоциональной оценки» [Брандес, 2004. С. 357].

Под языковой экономией понимается сознательное или бессознательное стремление говорящего к экономии языковых средств. Это позволяет повысить эффективность лексических единиц и облегчает процесс коммуникации [Moser, 1971. S. 92. Цит. по: Braun, 1998. S. 98].

Языковая экономия является базисом для функционирования лингвистической компрессии, сущность которой заключается в «возможности достичь при минимуме языковой репрезентации максимума коммуникативного эффекта» [Комарова, 2005. С. 27].

Тенденция к языковой экономии находит отчетливое выражение в тексте романа. Приведем следующий пример: *Im Verlauf seiner Kindheit überlebte er die Masern, die Ruhr, die Windpocken, die Cholera, einen Sechsmetersturz in einen Brunnen und die Verbrü- hlung mit kochendem Wasser* [Süskind, 1994. S.27]. Слово *Sechsmetersturz* – *надение с шестиметровой высоты* – соединяет в себе всю необходимую информацию о произошедшем событии, максимально компрессируя ее. Использование именно композита, а не развернутой синтаксической конструкции дает Зюскинду возможность очень точно выразить свою мысль. При этом действие мыслится предметно. Сложное слово помещено в ряд однородных членов предложения, перечисляющих все, что пришлось испытать герою за несколько лет своей жизни.

Принцип языковой экономии находит выражение в большом количестве дву- членных (состоящих из двух частей) и многочленных (три и более непосредственно составляющих) композитов, которые не несут в данном случае эмоциональной окраски, а выполняют в первую очередь номинативную функцию. Использование таких единиц приводит к максимальному уплотнению информации, что, однако, не затрудняет их понимание читателем: «*Hier befanden sich die renommiertesten Läden, hier saßen die Goldschmiede, die Ebenisten, die besten Perückenmacher, Reitstiefelhändler, Epaulettensticker, Goldknöpfegießer und Bankiers*» [Süskind, 1994. S. 59].

Необходимо отметить, что принцип языковой экономии на практике не выступает изолированно, а действует, как правило, в сочетании с другим принципом стилистической значимости: сложные слова выполняют эмоционально-оценочную функцию, что имеет большое значение для языка художественной литературы. В тексте романа имеется большое количество сложных прилагательных, например: *austerngrau* – устрично-серый, *bleigräu* – свинцово-серый, *aschgräu* – пепельно-серый, *goldglänzend* – сверкающий золотом, *säulenstarr* – застывший как колонна.

Словосложение прилагательных, как отмечает П. Браун, является одной из ведущих тенденций современного словообразования, такие композиты дают возможность максимально сконцентрировать информацию, заменяя сравнительные обороты и целые

Часть III

предложения одним словом, что особенно актуально для сегодняшнего общества с его высокими темпами развития [Braun, 1998. S. 176]. Помимо осуществления языковой экономии названные выше примеры выполняют эмоционально-оценочную функцию и придают языку романа яркую образность.

Взаимодействие и взаимовлияние различных типов стилистической значимости находит выражение и в тенденции к образованию конверсивов на базе целых словосочетаний: *das Nichtzufriedensein* – недовольство, *das Sichnichtbegnügenkönnen* – неудовлетворенность. Во-первых, в этом находит выражение *языковая экономия*, во-вторых, достигается *комический эффект*, дается ироническое восприятие действительности. Понять основную мысль автора помогает пассаж текста, в котором повествователь выражает свое негативное отношение к происходящим в мире изменениям. Он явно высмеивает дух скептицизма, присущий науке, искусствам, ему кажется смешной попытка объяснить все на свете, не нравится оторванность теории от практики. Размышления завершаются следующим предложением:

«Diese Diderots und d' Alemberts und Voltaires und Rousseaus und wie die Schreibe-linge alle hießen – sogar geistliche Herren von Adel! -, sie haben es wahrhaft geschafft, ihre eigne perfide Ruhelosigkeit, die schiere Lust am Nichtzufriedensein und des um alles in der Welt Sichnichtbegnügenkönnens, kurz: das grenzenlose Chaos, das in ihren Köpfen herrscht, auf die gesamte Gesellschaft auszudehnen!» [Süskind, 1994. S. 74].

В языке художественной литературы принцип языковой экономии может отходить на задний план, уступая главенствующие позиции эмоциональной оценке, которая играет существенную роль при создании образов литературных произведений. В стилистических целях писатель может использовать выразительные ресурсы словообразования, среди которых главную роль играют композиты.

Так, Шендельс отмечает, что сложные слова могут становиться контекстом для реализации индивидуальных метафор [Шендельс, 1979. С. 82].

Она делит все метафорические композиты в зависимости от их структуры на две основные группы: 1) композит, в котором носителем метафоры является *первый компонент*; 2) композит, в котором носитель метафоры обозначен во *втором компоненте*. В тексте романа представлены оба этих вида. К первой группе относится большое количество прилагательных, названных выше: *austerngrau* – устрично-серый, *bleigräu* – свинцово-серый, *aschgräu* – пепельно-серый, *goldglänzend* – сверкающий золотом, *säulenstarr* – застывший как колонна.

Первый компонент с метафорическим значением входит также в состав многих сложных существительных, например: *Frostwind* – морозный ветер, *Spiralenchaos* – вихреобразный хаос, *Finstermann* – исчадие тьмы. Вот как представляет своего героя Зюскинд: *Er hieß Jean – Baptiste Grenouille, und wenn sein Name im Gegensatz zu den Namen anderer genialer Scheusale, wie etwa de Sades, Saint – Justs, Fouchés, Bonapartes usw., heute in Vergessenheit geraten ist, so sicher nicht deshalb, weil Grenouille diesen berühmten Finstermännern an Selbstüberhebung, Menschenverachtung, Immoralität, kurz an Gottlosigkeit nachgestanden hätte, sondern weil sich sein Genie und sein einziger Ehrgeiz auf ein Gebiet beschränkte, welches in der Geschichte keine Spuren hinterlässt: auf das fluchtige Reich der Gerüche* [Süskind, 1994. S. 5]. Писатель создает яркую характеристику не только самого главного героя, но и одновременно дает название другим знаменитым личностям, он сравнивает своего персонажа с ними, ставя их, с одной стороны, в один ряд, но с другой стороны, подчеркивая своеобразие Гренуя. Слово *Finstermann* задает основную тональность всего произведения и отчетливо выражает отношение автора к главному герою.

В тексте романа имеется также большое количество сложных глаголов с первым компонентом прилагательным или наречием: *leerpumpen* – высосать до дна, *herumfingern* – поворошить пальцем, *zurechtphantasieren* – нафантазировать. Эта словообразовательная модель становится особенно актуальной во второй половине XX века [Степанова, 1953. С. 293]. Будучи включенными в метафорический контекст, эти словообразовательные конструкции создают стилистическое своеобразие языка романа. При этом следует отметить, что приведенные выше примеры возможно правильно расшифровать только при наличии контекста: «*Wie weggerissen der gemütlich umhüllende Gedankenschleier, den er sich um das Kind und sich selbst zurechtphantasiert hatte*» [Süskind, 1994. S. 23].

Вторая группа метафорических сложных слов, выделяемых Шендельс, более многочисленна, к ней относятся много композитов – существительных, например: *Gedankenschleier* – шлейф мыслей, *Gassengewirr* – лабиринт переулков, *Dufffaden* – ароматная нить, *Geruchssatz* – предложение, составленное из запахов, *Geruchsgebäude* – здание запахов, *Geruchsaura* – аура запаха, *Wasserteppich* – водный ковер. Данные лексические единицы сообщают тексту особую эмоциональную экспрессивность. Приведем следующий пример: герой романа Бальдини, размышляя о своем положении, смотрит на раскинувшуюся внизу Сену, которая уносит свои воды вперед, при этом поверхность воды переливается различными цветами, река сравнивается с золотом. В этом пассаже уже создается некое лирическое и одухотворенное настроение с одной стороны, и чувствуется внутренняя неудовлетворенность героя с другой стороны. Это во многом подготавливает читателя к восприятию метафоры «*Wasserteppich*» и делает ее уместной в данном контексте: «*Dann, plötzlich, riss er das Fenster auf, schlug die beiden Flügel weit auseinander und warf den Flakon mit Pelissiers Parfüm in hohem Bogen hinaus. Er sah, wie er aufplatschte und für einen Augenblick den glitzernen Wasserteppich zerriß*» [Süskind, 1994. S. 85].

Все приведенные примеры подчеркивают тот факт, что для языка художественной литературы нет ничего несопоставимого. Метафорические композиты, создавая цельный образ, объединяют два неодушевленных понятия из различных семантических сфер и относятся к последнему из выделяемых Шендельс типов (согласно различным комбинациям смыслов) [Шендельс, 1979. С. 86-87].

Как отмечает Комарова, большинство метафорических композитов носят окказиональный характер и продуктивны при словотворчестве [Комарова, 2005. С. 75]. В результате Зюскинду удается развернуть *на сравнительно небольшом пространстве романа огромное полотно метафорических образов*.

Таким образом, в языке романа Зюскинда как примера современной немецкой прозы довольно четко отразились основные словообразовательные тенденции современного немецкого языка: ведущая роль словосложения при образовании существительных и прилагательных, возрастающее число сложных глаголов. Используемые словообразовательные конструкции, помимо выполнения номинативной функции, создают также индивидуальное стилистическое своеобразие произведения. Соотносясь с основными типами стилистической значимости: языковой экономии и эмоциональной оценки, они выполняют выразительные функции языка и служат контекстом для реализации индивидуальных авторских метафор.

Литература

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс (на материале немецкого языка): учебник / М.П. Брандес. М., 2004.

Часть III

- Гугунава Д.В. Окказиональная деривация в литературной критике: интерактивность как знак постмодернизма // Предложение и Слово: межвуз. Сборник научн. трудов. Саратов, 2002.
- Комарова С.С. Семантическая компрессия в прагматике высказывания (на материале современной немецкоязычной прессы): дисс. ... канд. филол. наук Самара, 2005.
- Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М., 1965.
- Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.
- Фролов Г.А. Постмодернизм в Германии (к проблеме национальной специфики) // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект / Казанский гос. ун-т. Филол. фак-т. Казань, 2004.
- Шендельс Е.И. Сложное слово как минимальный контекст для реализации стилистических фигур // Вопросы Романо-германской филологии: Сб. научных трудов. М.: МГПИИЯ им. М. Торева., 1979. Вып. 91.
- Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten / Peter Braun. Stuttgart; Berlin; Köln, 1998. (Urban – Taschenbücher; Bd. 297).
- Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1995.
- Kaiser J. Viel Flottheit und Phantasie: Patrick Süskinds Geschichte eines Monsters // Süddeutsche Zeitung. 1985. 28. März // [parfum.sockenpaarung.de /index.2.htm](http://parfum.sockenpaarung.de/index.2.htm)
- Reich-Ranicki M. Des Mörders betörender Duft. Patrick Süskind erstaunlicher Roman «Das Parfum» // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985. 2. März // [http://parfum.sockenpaarung.de /index.2.htm](http://parfum.sockenpaarung.de/index.2.htm)
- Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: (Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка): Учеб. пособие. М., 2003.
- Süskind P. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders / Patrick Süskind. Zürich, 1994.

А.Г. Петрова

Формально-синтаксическое осложнение предложения в русском языке

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротина

Под синтаксическим осложнением мы понимаем конструкцию, семантически содержащую добавочное основному высказыванию сообщение, структурно занимающую дополнительную синтаксическую позицию, не реализующую валентность основных членов предложения и не имеющую самостоятельной предикации.

Данному определению соответствуют следующие синтаксические конструкции: дискурсивные слова и словосочетания; причастный и адъективный обособленные обороты; деепричастный оборот; приложение; сравнительный оборот; поясняющая и уточняющая конструкции; вставочная конструкция; обращение; однородные главные члены предложения, выделительно-ограничительный оборот, осложняющий инфинитив и коммуникативы.

В соответствии с таким пониманием нами исследуется осложнение предложений в научном, официально-деловом и публицистическом стилях. Основой синтаксического анализа является монопредикативная структура (простое предложение или отдельная клауза сложного), которая является объектом осложнения. Придаточная клауза в составе сложноподчиненного предложения считается нами осложняющей структурой, влияющей на глубину осложнения, однако не анализируется. Задача исследования заключается в выявлении и сравнении видов осложняющих структур и способов организации осложнения предложения в русском языке.

Исследование основано на анализе 3 сплошных выборок по 1000 предложений в каждом стиле: в официально-деловом стиле – Конституция РФ, Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве), Федеральный закон о железнодорожном транспорте; семейный и жилищный кодексы РФ, уголовный кодекс РФ; в научном стиле – работы Л.П. Крысина «Русское слово, свое и чужое», С.Г. Ильенко «Русистика: избранные труды» и Н.Д. Арутюновой «Предложение и его смысл»; в публицистическом стиле – газеты «Известия», «Российская газета» и «Саратовские вести».

Проведенное исследование показало, что набор осложняющих конструкций и способ организации осложнения предложения обусловлен функциональными особенностями каждого стиля.

Функциональное предназначение научного стиля состоит в том, чтобы обеспечить адекватную передачу научной информации, аргументированное изложение современного знания. У всех трех авторов осложненное предложение очень частотно. В среднем на 3 тыс. слов в научном тексте приходится 677 осложненных предложений. Такие основные черты научного стиля, как понятийная точность, его подчеркнутая логичность и информативность наиболее полно обнаруживают себя в функционировании уточняющих, поясняющих и дополняющих осложняющих конструкций. Но самыми распространенными осложняющими конструкциями у всех трех авторов явились дискурсивные слова, которые можно распределить по следующим функциональным группам: функция акцентирования (подчеркивания, выделения, усиления значения); оценочная функция (выражение субъективного отношения автора к информации); функция оценки сообщаемой информации с точки зрения ее достоверности; функция организации речи (прояснение логики изложения, последовательности мыслей); функция обозначения неточности слова, использования более понятного или более обобщенного слова того же смысла; функция обозначения источника научной информации. К дискурсивным словам и словосочетаниям мы относим и ограничительно-выделительный оборот, который не только сам фактически является дискурсивным, но и вводится особым дискурсивным словом или словосочетанием (в том числе, в отличие от, благодаря, в частности, наряду с, что касается, в связи с, независимо от). Явно осложняющей является вставочная конструкция, которая иногда выполняет те же функции, что и поясняющие обороты. Вставочные конструкции в нашем материале встречаются достаточно часто и по значению могут быть разделены на следующие группы:

1) содержат авторские замечания, дополнительные сведения, касающиеся информации в предложении; 2) содержат многочисленные уточняющие примеры и их варианты; отсылку читателя к другим разделам или главам книги; 3) представляют собой ссылку на источник, что является характерной чертой научного текста (в таких случаях вставочная конструкция оформляется посредством квадратных скобок, что не характерно для других видов вставок.)

К осложняющим конструкциям относятся также обособленные полупредикативные обороты: деепричастный, причастный и адъективный. В нашем материале они представлены как в сложных, так и в простых предложениях. Однородные главные члены предложения, приложение, сравнительный оборот встречаются в анализируемых текстах достаточно редко.

Таким образом, в монологическом научном тексте функционируют все осложняющие конструкции, кроме обращения и коммуникативов, характерных для диалогической речи.

Осложненность синтаксической структуры предложений публицистического стиля обусловлена его функциональной задачей интерпретировать, обсуждать, коммен-

Часть III

тировать и анализировать те или иные события и факты. Отсюда большое количество осложняющих структур с модально-оценочным значением, поясняющим, уточняющим, разъясняющим и дополняющим значениями. В результате анализа нами выявлено 536 осложненных предложений в Известиях, 406 – в Российской газете и 439 – в Саратовских вестях.

Самыми распространенными осложненными конструкциями и в этом стиле являются дискурсивные слова и словосочетания, но других функциональных групп: со значением порядка изложения, заключения, обобщения и т.д., например (с другой стороны, более того, и потом, и вот, к слову, так, как правило, так или иначе, ко всему прочему); авторизации информации, что является характерной чертой публицистического стиля (по словам..., по мнению..., как ... сообщает, по его словам, по официальным данным, как подчеркивали, как сообщила «Известиям»...); отражения авторского отношения к анализируемым событиям (как ни странно, вероятно, по всей видимости, естественно, не исключено, правда, возможно, видимо). Дискурсивные слова в публицистическом тексте – маркированное языковое средство коммуникативной ориентации информации. Другими осложняющими конструкциями, выявленными в публицистическом тексте, являются причастные обороты, однородные подлежащие и сказуемые, приложения (весьма характерная для публицистического текста конструкция, называющая пост, занимаемую должность, статус источника информации), вставки, уточняющие и поясняющие обороты, а также деепричастные обороты. К редким в нашем материале относятся сравнительные обороты и осложняющие инфинитивы.

Таким образом, по набору осложняющих конструкций научный и публицистический стили похожи, однако их функция и сама организация языковых средств различны. Если для научного текста характерен обобщенно-отвлеченный характер изложения, безличность повествования, его подчеркнутая логичность и информативность, то в публицистическом тексте ярко выражено авторское «я», организация языковых средств тяготеет к художественной речи, текст изобилует структурами диалога с читателем (определенно-личные, вставные предложения, обращения к читателям, дискурсивные модально-оценочные слова: Премьер-министр Михаил Фрадков не пожелал выслушать доводы Г. Грефа: задача, поставленная президентом, должна быть выполнена – и точка. А уж что это означает не для самой защищенной категории граждан, объяснять, думается, не стоит. 11 сентября окончательно убедило лидеров США и, не будем закрывать глаза на это, американскую общественность, что без таких войн невозможно обеспечить безопасность США. Любой авторитарный правитель ощущает свое одиночество, если хотите, мессианское одиночество.)

Самым безличным, клишированным, объективным и беспристрастным является язык юридических документов (официально-деловой стиль), что находит свое отражение в синтаксической организации предложения. В нашем материале доминируют четкие, отточенные формулировки, конкретные обороты речи, стандартизированные клише. Самой распространенной осложняющей структурой является причастный оборот (встретился в 85% предложений), вносящий в предложения дополнительную, уточняющую или конкретизирующую информацию. Многие из причастных оборотов представляют собой клише: предусмотренные настоящим кодексом (Федеральным законом), лицо, совершившее преступление (УК РФ), в иных случаях, предусмотренных настоящим законом, в иных случаях, установленных законом и др. Другой довольно распространенный тип осложнения предложения – употребление в простом предложении большого количества однородных главных членов (15-25). В основном это касается

первых статей законодательных актов, где перечисляется терминология, используемая в законе, права и обязанности сторон и т.д.

Весьма частотны также придаточные предложения, по сути тоже являющиеся стандартизированными фразами: если иное не предусмотрено законодательством, за исключением случаев, если... и др.

Встретились также деепричастные обороты, уточняющие и сравнительные обороты, обособленные приложения и вставные конструкции. Отличие официально-делового от научного и публицистического стилей в наборе осложняющих структур явилось полное отсутствие в нем обращений и дискурсивных слов, что обусловлено функциональным назначением стиля в его законодательной разновидности.

Итак, выявлена количественная и качественная разница функционирования и способа организации осложнения предложения в письменных стилях русского языка.

С.А. Хромова

От индивидуально-авторского к системно-языковому в словотворчестве (к вопросу о методологии исследования)

Научный руководитель – профессор Э. П. Кадькалова

Традиционно в науке индивидуально-авторское новообразование (ИАН) квалифицируется как «нарушитель» языковой системы: в числе его признаков прежде всего выделяют ненормативность, то есть несоответствие новообразования нормам словопроизводства. Однако возникает вопрос: что понимать под ненормативностью? Можно ли, например, считать ненормативными новообразования, которые являются лишь новым лексическим наполнением существующей в языке модели? Заключается ли ненормативность ИАН в нарушении – структурном или семантическом – действующей в языке словообразовательной модели (СМ)? Или, может, ненормативность – это окказиональность самой модели словопроизводства?

Неоднозначность понятия ненормативности связана с укорененностью СМ в сознании носителя языка [Ревзина, 1998. С. 13]. Несомненно, что СМ укоренены в нашем сознании. Доказательством может служить детское словотворчество: ребенок дошкольного и младшего школьного возраста способен вполне грамотно создавать «авторские неологизмы» на базе имеющихся в языке моделей (например, надулся в значении «вдоволь поиграл в мыльные пузыри», аналогичное общеупотребительным словам типа наелся, наигрался – примеры из речи четырехлетнего сына автора статьи).

В отличие от неосознанного, инстинктивного словотворчества детей, словотворчество писателей и поэтов – это, как правило, вполне осмысленная, сознательная попытка преодолеть языковую норму с целью создания новой стилистически яркой, экспрессивной лексической единицы. При этом автор зачастую осознанно стремится преодолеть языковой барьер, выйти за рамки языковой СМ. Вопрос состоит в том, удастся ли словотворцу преодолеть нормы словообразовательной системы языка или он, несмотря на все усилия, находится в ее плену? Являются ли ИАН в полном смысле «нарушителями» словообразовательной системы, или же и они находятся под влиянием нормы? Этот вопрос мы попытаемся осветить на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина. Выбор авторов обусловлен тем, что оба поэта, как известно, активно работали со словом.

Часть III

Исследуя ИАН И. Северянина и К. Бальмонта, мы обозначили следующие их виды по отношению к словообразовательной синхронии.

1. Так называемые «потенциальные» слова, то есть новообразования, созданные в полном соответствии с высокопродуктивными моделями. В словотворчестве как К. Бальмонта, так и И. Северянина их большинство.

У К. Бальмонта такие новообразования, в основном, распределяются по моделям «абстрактные существительные с суффиксом -ость, мотивированные прилагательными» (звездность («...в блестящих звездностях есть бешенство...») ← звездный + -ость), «сложные прилагательные» (сумрачно-странно-безмолвный («деревья так сумрачно-странно-безмолвны») ← сумрачный + -о- + странный + -о- + безмолвный). В словотворчестве И. Северянина наиболее распространены потенциальные слова, созданные по моделям «абстрактные существительные с суффиксом -ость, мотивированные прилагательными» (озерность («...женщин с этою озерностью в глазах...») ← озерный + -ость), отвлеченные существительные с нулевым суффиксом (влажь («...где моря влажь милей, чем твердь...») ← влажный), сложные существительные (лесофея («она кусает платок, бледнея /демимондентка и лесофея») ← лесной + -о- + фея), прилагательные с суффиксом -ов(ый)/-ев(ый) (моревый («...влекусь я в моревую сквозь») ← море + -ев(ый)), прилагательные с суффиксом -н(ый) (эксцесный («...любя эксцесные ликеры...») ← эксцесс + -н(ый)), сложные прилагательные (благостно-закатный («а море благостно-закатно...») ← благостный + -о- + закатный), глаголы с префиксом о- и суффиксом -и(ть) со значением «окружить или наполнить тем, что названо мотивирующим существительным или прилагательным» (окустить («...предгорье окустено...») ← о- + куст + -и(ть)), наречия с суффиксом -о, мотивированные прилагательными (розово («оркестромелодрия реяла розово...») ← розовый + -о).

Следует отметить, что даже в чистом виде «потенциальные» слова неоднородны: одни из них обладают полным набором компонентов модели, тогда как другие имеют лакуны в словообразовательной цепочке, например: новообразование Северянина шелестно («...ручьиться шелестно в извилах душ...») ← ... ← шелест. Однако считать такие слова ненормативными, на наш взгляд, не стоит. Являясь результатом чересступенчатого словообразования с позиций узуса, такие ИАН органично вписываются в поэтическую систему автора, не нарушая законы СМ. Так, например, рассматривая ИАН Северянина улыбно («улыбно смотрит с неба Синь...») с позиций общеязыкового, мы должны были бы признать его результатом чересступенчатого словообразования, поскольку в языке отсутствует слово улыбный. Однако в системе ИАН Северянина слово улыбный («я – милый, белый, улыбный ландыш...») существует. Таким образом, словообразовательная цепочка ИАН улыбно полностью восстанавливается окказионально самим автором: улыбно ← улыбный ← улыбка.

2. Новообразования, частично воспроизводящие правила словообразовательного узуса («около-потенциальные» слова).

К ним мы относим новообразования, созданные с частичным нарушением модели, носящим структурный или семантический характер.

Так, например, ИАН отелий («ее [Соню] томит отелья клетка...») Северянина, безусловно, нарушает «законы» СМ, поскольку в языке притяжательные прилагательные мотивируются одушевленными существительными, тогда как в данном случае ИАН определяется через неодушевленное существительное отель.

На наш взгляд, такие ИАН также нельзя назвать асистемными, ненормативными в полном смысле этого слова: с одной стороны, они выходят за рамки языковой СМ, а с

другой стороны, базовая СМ, пусть и несколько видоизмененная, вполне узнаваема в них.

3. Новообразования, не опирающиеся на словообразовательный узус, то есть окказионализмы. В словотворчестве К. Бальмонта такие новообразования нами не были зафиксированы вообще, а в словотворчестве И. Северянина их меньшинство (на более чем 900 окказионализмов только 42 являются собственно окказиональными, причем 20 из них – это термины, служащие, в основном, для обозначения новых стихотворных жанров, то есть обозначающие новую реалию).

Это окказионализмы, образованные слиянием с усечением основы (ассо-сонет), сложением + с усечением основы (рифмодиссо). Весьма распространена у Северянина на фоне остальных окказиональных СМ контаминация (курсиса ← курсистка + актриса), субституция (грезоломня вместо каменоломня), депостфиксация (задыхать ← задыхаться). Однако назвать даже окказионализмы новообразованиями, абсолютно не опирающимися на языковой узус, невозможно. Вряд ли контаминация, слияние или сложение с усечением основы стали бы возможны без существующих в узуальном словообразовании моделей сложения основ, сложения основы с целым словом, сращения. Вряд ли была бы возможна депостфиксация, не будь в узуальном словопроизводстве постфиксации и десуффиксации.

С этой точки зрения весьма показательны, на наш взгляд, результаты ассоциативного эксперимента, проводившегося нами в 10–11 классах лицея № 62. Учащиеся, не знакомые с понятиями контаминации или субституции, тем не менее, давали реакции, позволяющие видеть, что они «чувствуют» окказиональную модель и связывают ее с языковым узусом. Так, например, на ИАН грустыня (грустыня ← грусть + пустыня) реакцию грусть и пустыня дали соответственно 16 и 23 человека из 74, на окказионализм грезоломня реакция каменоломня повторялась 16 раз.

Однако еще в большей степени, чем результаты ассоциативного эксперимента, зависимость словотворцев от языкового стандарта видна на материале «эксперимента», поставленного ими самими. Речь, конечно, идет о словотворчестве. Сопоставляя предпочтения авторов при отборе узуальных лексических единиц и ИАН, мы обнаруживаем, что созданные Бальмонтом и Северяниным авторские новообразования в большей степени коррелируют с выбором из языкового стандарта: предпочтения авторов в сфере узуального и индивидуально-авторского чаще совпадают, чем расходятся.

К. Бальмонт часто использует в своих текстах абстрактные существительные с суффиксом -ость (мы зафиксировали более 300 таких узуальных лексических единиц), наречия с суффиксом -о (более 150 единиц). Те же модели служат в его словотворчестве для образования ИАН: мы зафиксировали 21 абстрактное существительное с суффиксом -ость, 13 наречий с суффиксом -о. Исследуя фактический материал, мы обнаружили, что автор предпочитает использовать непрямые глаголы, и та же неразвитость системы глагольных новообразований сохраняется в его словотворчестве.

И. Северянин отдает предпочтение таким моделям, как абстрактные существительные с суффиксом -ость (более 100 единиц), существительные, обозначающие отвлеченный признак, с нулевым суффиксом (более 150 единиц), прилагательные с суффиксом -н(ый), мотивированные существительными (более 250 единиц), глаголы с префиксом о- и суффиксом -и(ть), мотивированные существительными и прилагательными (более 200 единиц), наречия с суффиксом -о, мотивированные качественными прилагательными (более 150 единиц). Те же предпочтения сохраняются и в словотворчестве автора: мы зафиксировали 24 абстрактных существительных с суффиксом -ость, 21 отвлеченное существительное с нулевым суффиксом, 46 прилагательных с суффик-

Часть III

сом -н(ый), мотивированных существительными, 68 глаголов с префиксом о- и суффиксом -и(ть), а также 48 наречий с суффиксом -о, мотивированных прилагательными. Все это говорит, на наш взгляд, о зависимости автора от языкового стандарта.

Таким образом, подводя итоги, скажем, что любое ИАН, как показывает исследуемый нами фактический материал – это сложное соотношение системно-языкового и индивидуально-авторского. Соотношение это может быть разным, но оно всегда присутствует в каждом окказионализме: даже самое необычное по внешнему облику новообразование уходит своими корнями в языковую систему.

Литература

Ревзина О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4-х т. Т.2. Д – Л / Сост. Белякова И.Ю., Оловянникова И.П., Ревзина О.Г. М., 1998.

Л.Н. Чевтаева

Аббревиация и сокращения в компьютерном сленге

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

В связи с бурным развитием компьютерной техники и технологий исследование компьютерной лексики представляется весьма актуальным. Аббревиация и сокращения занимают особое место в сфере компьютерного сленга. Для литературного языка эти способы не являются самыми продуктивными словообразовательными приемами, хотя в XX в. и отмечается необычайно широкое их применение. Особенно это касается разговорной речи. В русском языке можно привести такие примеры сокращений: профи (профессионал), чел (человек), анек (анекдот). А английские *exposition, technological, exhibition, termination, doctor, dinosaurs* и многие другие превратились, соответственно, в *хро, techno, exhibit, termo, doc* и *dino*.

Говорить об аббревиатурном взрыве возможно и в области компьютерного сленга. Анализ его лексических составляющих, выполненный по результатам опроса людей работающих с компьютерами, показал, что аббревиация в русском языке составляет 0,6% от общего количества слов, в английском – 9%, а сокращения – 1,4 и 3% соответственно. Особенно большое количество аббревиатур можно встретить в чатах Интернета (от англ. *to chat* – болтать), где происходит обмен репликами в письменной форме.

Сокращения в компьютерном жаргоне представлены различными типами: усечение конечной части слова: *mod* (от *modification*), *digi* (от *digital*), *quest* (от *question*); усечение начальной части слова: *Net* (от *Internet*). В русском языке также чаще всего опускается конечная часть: админ (администратор), инфа (информация), прога (программа). Есть случаи сложносокращенных слов: *сисадмин* (системный администратор), *сисоп* (системный оператор), *матобес* (математическое обеспечение).

Но самым распространённым типом сокращения является, пожалуй, буквенное сокращение каких-либо словосочетаний и даже предложений. Например, буквенное сокращение предложений:

IRL – In Real Life;

PMFJI – Pardon Me For Jumping In;

WYSIWYG – What You See Is What You Get;

YW – You're Welcome.

Среди кодируемых предложений встречаются команды для пользователей (RTM – Read The Manual, RYS – Read Your Screen), советы (MLNW – Make Love Not War, NSD – Never Say Die, TBYB – Try Before You Buy), просьбы (GMAB – Give Me A Break, LMK – Let Me Know), выражения благодарности (TFTI – Thanks For The Information, TFFT – Thanks For The Thought), пожелания (HAND – Have A Nice Day, RIP – Rest In Peace), ругательства (KMA – Kiss My *A, FOAD – F* Off And Die). Здесь необходимо отметить, что аббревиатуры предоставляют возможности для эвфемистического употребления нецензурных слов и выражений, поскольку присутствует некоторая анонимность. Подобная непринужденность общения даже была причиной разработки особого сетевого этикета, цель которого была борьба с «сетевыми хамами». Во избежание неприятных последствий в некоторых случаях встречалась следующая расшифровка аббревиатуры RTFM – Read The Friendly Manual вместо Read The F* Manual. Некоторые аббревиатуры представляют собой зашифрованные крылатые выражения: GMTA – Great Minds Think Alike, MLNW – Make Love Not War, OV – Opinions Vary.

Ряд аббревиатур представляет собой комбинированные фразы, состоящие из букв и цифр:

W8N – Waiting

B4N – Bye For Now

4 – For

BBL8R – Be Back Later

NE1 – Anyone

W8 – Wait

2L8 – Too Late

Очевидно, что чаще всего в аббревиатурах используются цифры 4 и 8, чей фонемный состав [fo:] и ['eit] обыгрывается в различных вариациях m[eit], l[eit]r, b[fo:], w[eit], ['fo:]get и т.д., а также встречаются цифры 2 и 1.

Подобный прием шифровки используется и с помощью букв английского алфавита, например:

Y – Why

U – You

CU – See you

IOU – I owe you

OIC – Oh, I see

Некоторые аббревиатуры омонимичны, например, HAND (рука) – Have a nice day. Примерами таких аббревиатур, называемых акронимами, являются также:

WOMBAT (вомбат) – Waste Of Money, Brain And Time

JAM (затруднительное неловкое положение) – Just A Minute

SPAM (консервированный колбасный фарш) – Stupid Persons Advertisement.

Некоторые аббревиатуры обладают многозначностью, т.е. имеют несколько дефиниций, например:

BBS – Be Back Soon / Bulletin Board System

CU – See You / Cracking Up

CUL – See You Later / Catch You Later

G – Grin / Giggle

WN? – What Now? / What Next?

WRT – With Respect To / With Regard To.

Часть III

В отличие от английского, в русском языке очень мало компьютерных аббревиатур: ЧАВО (ЧАсто задаваемые ВОпросы), ЦАП (цифро-аналоговый преобразователь), ЦПУ (центральное процессорное устройство). Русскоязычные пользователи преимущественно применяют английские аббревиации и сокращения.

Таким образом, мы наглядно видим, что аббревиация и сокращения английского компьютерного сленга являются более многочисленными по сравнению с русским. Это вполне объяснимо тем, что англоязычные пользователи являются «изобретателями» новых компьютерных слов и выражений. Русскоязычные компьютерщики пользуются английской лексикой и изменяют её в соответствии с правилами своего языка. Таким образом, происходит заимствование английских аббревиатур и сокращений и одновременная их русификация. Например: англ. RAM – рама (оперативная память), CISKO – киска (роутер CISKO), VAX – вакса (операционная система компьютеров компании Digital), COM – комок (последовательный порт COM), ICQ – аська (программа Интернет-пейджер). При этом осуществляется дополнительное обогащение данной терминологической сферы новыми сленгизмами.

Подводя итог, необходимо отметить, что компьютерный жаргон – это особый лингвокультурологический феномен, который находится в стадии бурного развития, поэтому дальнейшее изучение его особенностей весьма перспективно.

Зависимость выбора типа языковой игры от социального статуса говорящего

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицына

Зависимость речевого поведения и речи человека от его возраста, воспитания, образования, окружения и других внелингвистических факторов неоднократно анализировалась в различных исследованиях.

В данной статье рассматривается зависимость языковой игры, как части повседневной устной коммуникации человека от его социального статуса на примере речи студентов и преподавателей. Исследование опирается на классификацию типов языковой игры В.З. Санникова [Санников, 1999].

В работе использован материал записей устной коммуникации студентов и преподавателей СГУ за 2003–2006 гг.

В данном исследовании языковая игра понимается как осознанное нарушение языкового канона, проявляющееся на всех уровнях языка, в тесной связи с ролевой и стилевой дифференциацией речевой деятельности и законами формальной логики, рассчитанное на осознание этого нарушения реципиентом и имеющее целью создание комического эффекта.

Принадлежность к студенчеству является предметом особой гордости. Представители этой социальной группы активно используют возможности языка для создания своего собственного мира, отличного от мира преподавателей и «чужих» студентов.

Прежде всего, различие языковой игры в речи студентов и преподавателей наблюдается на лексическом уровне. Студенты активно используют жаргон для указания на принадлежность к определенной социальной среде и более яркого и краткого выражения своих чувств, эмоций. За счет своей особой семантики и экспрессивной окраски жаргонные лексемы часто служат базой для языковой компрессии, например: *Не опускай мой интеллектуальный уровень до своего плинтуса* (здесь представлен лексико-семантический тип языковой игры).

В речи преподавателей жаргонная лексика встречается редко. Чаще всего она используется для резко негативной оценки явления, предмета, например: *Нельзя же так выражаться! Вы что, не чувствуете, что из этой фразы так и прет необразованность?*

Жаргонная лексика может использоваться преподавателями как материал для статусно-ролевой игры. Это частотный прием для снятия напряженности, установления более тесного контакта с группой. Особенно часто его используют молодые преподаватели, которые сами не так давно были студентами, например: *Не обращайтесь внимания, у меня сегодня с утра глюки, Все это большая фигня*. Дополнительной целью использования этого приема в речи преподавателей-филологов является более доступное объ-

Часть III

яснение и ненавязчивое побуждение сделать что-либо, например: *Если вы внимательно посмотрите на «Русскую грамматику–80», а если вы еще и читаете – то вы увидите там эти темы.*

Студентов редко используют этот вид языковой игры. Однако заметно, что с приближением педагогической практики филологи все чаще представляют себя в роли учителей. Для примера приведем диалог:

– *Представь, какая-нибудь школа в Запуньинске...*

– *Ага, приходишь и говоришь: «Do you speak English?»*

– *Ну да! А дети в ответ: «He-a-a. Мы speak мам. Хотите научим?»*

Материалом для создания языковой игры в речи студентов и преподавателей могут являться иноязычные слова. В речи преподавателей использование этого приема обусловлено спецификой предмета. С иноязычными словами играют преподаватели иностранных языков, например: *the more you know, the more you forget, see you на экзамене.*

В речи студентов это явление распространено очень широко. Знание других языков используется для дополнительной демонстрации уровня образованности и эрудированности говорящего. Макароническая речь выполняет несколько функций: 1) подчеркивает необычность ситуации, события: *Зацени situation*; 2) выражает негативную оценку предмета, явления: *Made in за углом*; 3) выражает интенсивность чувства, желания: *Я would like to свалить отсюда*; 4) выражает настойчивость в просьбе: *Tell me об этом сейчас же.* С теми же целями используются и иноязычные аффиксы, например: *У меня по латыни перездатус*; *Мне это абсолютно итрофигал.* Для стилизации высказывания студентами русского отделения используется лексика древнерусского и старославянского языков, которая также воспринимается как иностранная, например: *Расползлись яко тараканы.*

Желание быть не такими как все, выделиться среди студентов проявляется в присвоении общеупотребительным словам и словосочетаниям литературного языка новых значений, трансформации различных прецедентных текстов (поговорок, крылатых выражений). Например: *Точно = может быть, работал допоздна = играл по сети, друг познается в еде, пришел, списал, сдал.*

Такие высказывания отражают наиболее важные в жизни студента реалии и проблемы. Нередко, помимо комического эффекта, они несут в себе глубокое философское содержание, отражающее особенности мировосприятия, например: *Жизнь – игра, в которой нет Setup.*

Очень часто языковая игра в речи студентов строится на основе трансформации стихотворных прецедентных текстов. Например:

*Зима. Студенты, уж горя,
В семерку обновляют путь.
Зачеткой сессию почуя,
Плетутся рысью как-нибудь.*

Профессиональная лексика и термины часто становятся материалом для словообразовательной и морфологической языковой игры. Студенты наиболее часто употребляют такие лексемы в жанре угрозы для акцентирования категоричности требования, например: *С"Escape"вайся отсюда, пока по "Ctrl–Alt–Del"у не получил,* а преподаватели – для придания большей силы и экспрессии упреку, например: *Ни бита совести у Вас нет!*

Студенты часто используют приемы лексической языковой игры для высмеивания клишированных фраз в речи преподавателей путем замены отдельных слов в этих

устойчивых выражениях жаргонизмами или другими словами литературного языка, например: *рассмотрим этот вопрос поподробнее* трансформируется в *раздробим этот вопрос на части и зыркнем, что там внутри; как было указано выше...* трансформируется в *как было указано свыше*. Нередко слова заменяются на другие ради обесмысливания высказывания: *Начнем с того, что...* трансформируется в *Возьмем с того, что...* Данное явление отражает восприятие студентами подобных фраз как застывших, излишних, мешающих человеку свободно выражать свои мысли.

Отличия в речи студентов и преподавателей можно выявить на примере использования фонетического типа языковой игры. Общей функцией этого приема в речи студентов и преподавателей является обыгрывание названия своей специальности: *фи[г]олог, ф[у]лолог*. В студенческой речи фонетическая языковая игра распространена очень широко как один из наиболее простых путей творческой интерпретации языка. Поэтому набор ее функций намного разнообразнее, чем в речи преподавателей: 1) звукоподражание, имитация звуков, производимых предметом, человеком в его названии: *Иоганн Себастьян Б[у]х*; 2) имитация просторечия: *Подо[жж]и, [ц]а я до хаты сбегая*; 3) стилизация под детскую речь, выражающая желание говорящего отвлечься от проблем, вернуться на миг в беззаботный мир детства: *Название этого предмета я не выгова[л]иваю*. Эту же функцию выполняет рифмизация речи, например: *Тюдор – помидор* и акцентологический тип языковой игры, заключающийся в перестановке ударения в слове. Нередко это связано с рифмизацией речи. Например:

- *Не могу поднять ногу!*
- *Не ногу`, а но`гу!*
- *Все равно не мо`гу!*

Имитация детской речи, как видно из последнего примера, часто используется для привлечения к себе внимания друзей и близких, как средство выразить свою усталость, одиночество, беспокойство и другие негативные состояния. Данный пример можно также рассматривать как завуалированную просьбу о помощи, поддержке, совете, ласке.

В заключение подведем некоторые итоги. В целом можно сказать, что наиболее употребительными среди студентов являются приемы трансформации прецедентных текстов и макаронической речи. Языковая игра в данном случае используется для выражения пренебрежительного отношения к учебе, желания показать окружающим накопленные знания, похвастаться ими. Однако это не всегда означает их прочность. Для речи преподавателей, напротив, характерно точное цитирование текста, что доказывает уверенность в своих знаниях, а также является средством завоевания авторитета и уважения среди студентов.

Социальный статус преподавателя накладывает существенные ограничения на частотность и функции использования приема фонетической и лексической языковой игры. Наиболее частотны в речи представителей этой социальной группы приемы семантической и прагматической языковой игры, а также статусно-ролевая игра. Для студентов последний тип языковой игры не характерен, что связано с канонами общения на занятиях.

Литература

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

О.В. Вечкина

Прагматика коммуникативных неудач

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицина

Общаясь друг с другом, мы обычно стараемся, чтобы наша коммуникация была успешной и носила кооперативный характер. Для этого мы выбираем оптимальные тактики и стратегии речевого поведения, выражаем свою заинтересованность в получении информации, настраиваемся на собеседника.

Однако реальные ситуации общения зачастую далеки от идеала. Коммуниканты не всегда умеют устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт, ясно выражать свои мысли. Очень часто собеседники не владеют элементарными нормами речевого поведения. Все это неизбежно сказывается на успешности их речевого взаимодействия и приводит в конечном итоге к непониманию, к затруднению или невозможности общения. Другими словами, это приводит к возникновению такого явления деструкции коммуникации как коммуникативная неудача.

Под коммуникативной неудачей мы понимаем ситуацию, когда участники общения не достигают коммуникативных целей.

Неудачи могут быть вызваны самыми разными обстоятельствами.

Причиной речевого неуспеха может быть устройство языковой системы, вернее, то, насколько хорошо участники общения владеют возможностями языка. Неумение правильно построить высказывание, формально выразить свою мысль может стать источником коммуникативных неудач.

Однако как показывает большинство примеров, основными факторами, ограничивающими эффективность речевого общения, являются прагматические характеристики коммуникации: обстоятельства, в которых происходит речевое взаимодействие; говорящий, слушающий и их особенности.

Объектом данного исследования является важная составляющая прагматического контекста – свойства и характеристики участников коммуникации, влияющие на возможность возникновения коммуникативных неудач. Мы подробно остановимся на социальных характеристиках коммуникантов.

Внутри анализируемой группы социальных черт можно выделить следующие подгруппы:

- возраст участников общения;
- постоянное место жительства;
- профессиональная принадлежность;
- уровень общей культуры;
- мировоззрение коммуникантов и сложившиеся социальные стереотипы речевого поведения и мышления.

В процессе общения его участники выступают носителями определенных социальных качеств, признаков, что напрямую отражается на их речевой деятельности. Одной из важных социальных характеристик является возраст участников общения. Коммуникативные неудачи возникают в тех случаях, когда коммуниканты имеют разные

возрастные характеристики. Чаще всего непонимание вызывают те или иные номинации, которые не способны понять люди другого возраста. Например, употребление слов молодежного жаргона не всегда бывает понятно для коммуникантов, старших по возрасту:

Б. *Кстати / Бу-Бу уехал в Финляндию / в смысле уезжает // <...>*

А. *Кто такой Бу-Бу?*

Б. *Бутусов // [Живая речь..., 1995. С. 125].*

Постоянное место жительства участников общения также может сказываться на успешности коммуникации. Например, это бывает связано с тем, что одни и те же предметы или явления могут носить разные названия в разных городах:

А. (житель Екатеринбурга) *Она живет тут недалеко. Первая свечка от дороги.*

Б. (житель Саратова) *Не поняла.*

А. *Ну самая первая многоэтажка.*

Б. *У нас такие дома высотками называются.*

Название может быть неизвестно или непонятно для собеседника:

А. (житель Петербурга) *«Пушкинская» называется //*

Б. (житель Москвы) *«Пушкинская»?*

В. (житель Москвы) *А это что значит / «Пушкинская»?*

А. *Пушкин город / вы представьте себе!*

В. (с удивлением) *И поэтому так называется станция метро?*

А. *Да-а // Потому что там изображен кусок царского села / [Русская разговорная речь, 1978. С. 120].*

Наличие у участников общения различных профессиональных качеств влияет на степень их взаимопонимания и на возможность возникновения коммуникативных неудач. Например:

(в магазине дисков)

Клиент: *У меня игрушка не идет //*

Продавец: *А какой у вас компьютер?*

Клиент: *Да побольше вашего и такой серенький...*

В приведенном примере к коммуникативной неудаче привели профессиональные различия собеседников. Продавец хотел узнать не внешние признаки, а модель компьютера клиента для того, чтобы понять, почему проданный диск ему не подходит. Однако клиент, не обладающий подобными профессиональными знаниями, понял вопрос буквально.

Или:

– *Это я пока перепилил вобщем / там / набрал кое-как с грехом пополам дров / сварганил значит ноги ...*

– *Подожди / а что это такое?*

– *Ноги / это таежный костер // Это когда бревна кладутся вдоль все / рядышком одно к одному / то есть не в кучку / а вдоль //*

В этом примере говорящий и адресат располагают разным объемом информации в силу их разной профессиональной принадлежности. Говорящий – географ по образованию. Употребляя в своей речи узкоспециальную номинацию, он не объясняет ее значение, чем вызывает непонимание у адресата.

Еще один социальный признак коммуникантов – это уровень общей культуры. Коммуникативная неудача может быть вызвана низким уровнем языковой компетенции одного из собеседников. Сюда относятся случаи нарушения различных языковых норм и правил. Например, нарушения лексических норм языка:

Часть III

- (о коте) *Будет себя плохо вести / мы его потеряем //*
- *В смысле?*
- *Ну / потеряем //*
- *Как это?*
- *Ну / пойдем с ним гулять и потеряем где-нибудь //*

Непонимание вызвало употребление слова в не свойственном ему значении. Лексема *потеряем* имеет в своей семантике компонент «случайно» или «по неосторожности». Поэтому ее употребление нецелесообразно в данном высказывании. Согласно смыслу, более подходящими были бы лексемы *выгоним*, *прогоним* и т.п.

Грубость, несоблюдение этикетных норм речевого взаимодействия также приводят к коммуникативным неудачам. Например:

- *Извините, сколько стоит масло?*
- *У вас что глаз нет?*

В. *«Партия наш рулевой!» Ты забыл?*

Д. *Вы не тыкайте пожалуйста // Тыкает еще!* [Китайгородская, 1995. С. 111].

К социально обусловленным факторам можно отнести и мировоззрение, убеждения коммуникантов относительно окружающей действительности и сложившиеся социальные стереотипы речевого поведения и мышления. При несовпадении оценок или при нарушении социальных стереотипов могут возникать коммуникативные неудачи.

Причина несовпадения оценок говорящего и слушающего может заключаться в различии взглядов на мир, на различные предметы и явления этого мира. Коммуникативные неудачи в таких случаях могут перерасти в спор или даже в коммуникативный конфликт. Например:

– *Ой / какие ужасные шпильки!*

– *А мне нравятся // Я всю жизнь на каблуках хожу //* (о роли А. Джигарханяна в фильме «Здравствуй, это я»)

Т. *Нет / понимаешь / там он такой герой // Красавец физик /*

Г. *Какой он красавец / Он по-моему страшилище!* [Русская разговорная речь, 1978. С. 130]

Как уже было сказано, нарушение сложившихся социальных стереотипов речевого поведения или мышления может привести к коммуникативным неудачам. Например, считается некорректным обсуждать вопросы более или менее личного характера, касающиеся лица, не присутствующего при разговоре:

– *Он по-прежнему холостяк?*

– *Да. Но ничего конкретного по этому поводу говорить не буду.*

В. *А с кем он едет?*

Б. *Аня / не задавай такие вопросы / я даже не скажу к кому он едет //* [Живая речь..., 1995. С. 125].

Как видим, в речевом общении участники коммуникации предстают как носители определенных социальных характеристик, обнаруживая свои особенности мировосприятия, этические и ценностные ориентиры. В общении проявляются территориальные, возрастные, профессиональные различия собеседников. Неверная оценка социальных качеств участниками общения, недостаточное внимание к перечисленным параметрам при выборе способа речевого поведения могут существенно осложнить процесс речевого взаимодействия и стать источниками коммуникативных неудач.

- Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995.
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. М., 1995.
Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.

Н.С. Лазарева

Проявление коммуникативной категории чуждости в современной речи

Научный руководитель – доц. Е. П. Захарова.

Одной из особенностей современной лингвистики является активное изучение коммуникативных категорий, в том числе категории чуждости. Коммуникативная категория чуждости представляет собой оппозицию «свой – чужой», содержание ее определяется так: «Принадлежащее или не принадлежащее лицу говорящему; относящееся или не относящееся к личности говорящего, к группе, кругу, сообществу, в которые входит говорящий» [Захарова, 1998. С. 89] Основной набор языковых средств выражения коммуникативной категории чуждости составляют местоименные слова. Наша цель – исследовать проявления коммуникативной категории чуждости в современной речи и выявить роль местоименной лексики в ее выражении.

Коммуникативная категория чуждости строится на базе семантической категории чуждости. Она основана на семиотическом принципе деления мира на «свой» и «чужой». Для русской культуры издавна было свойственно следующее разделение: «свой» мир (мир уникальных, индивидуальных объектов) и «чужой» (мир чуждый, враждебный, неподвижный, статичный). «И если «свой» мир – это мир познанный и познаваемый, то в отношении мира «чужого» действует принцип воинствующего невежества – «не знаю и знать не хочу» [Пеньковский, 1985-1987. С. 62]. Однако в последнее время в городской разговорной речи наблюдается новое явление. Речь идет об ассоциации чужого не с плохим, а с хорошим. Например, в бытовых рассказах при описании чужой страны или чужого города противопоставление «свой – чужой» все чаще не связывается с отрицательной оценкой. Например: А: «У американцев всегда все ОК. Даже когда все плохо. Вот такой народец. А работают они классно, поэтому у них все ОК. Быстро и качественно. Постараюсь походить на них в этом». В этом и в следующем примере чуждость проявляется с помощью сочетания местоимения с предлогом: «у них». Эта конструкция употреблялась для обозначения мира чужого, далекого, неродного. Здесь же происходят изменения: А: «Расскажи про развлечения». В: «Развлечения. Даже не знаю, я не развлекался. Так, если учитывать, что у них расстояния короче, потому что там дороги и машины лучше, то это рестораны, TV, спорт». Это противоречит традиционным представлениям о чужом как опасном, враждебном, плохом. Подобные явления в разговорной речи свидетельствуют об изменении языковой картины мира. Рассказывается о положительном, о том, чему можно следовать, к чему можно стремиться. Нарушается давнее негласное правило «У меня нет, и у него не будет»; на его смену приходит другое «У него есть, а я сделаю лучше». Этот факт свидетельствует о реализации коммуникативной стратегии сближения с чужим.

Очевидно, многое зависит от целей, а также от предшествующего настроения, ожидания. Например, А едет в Америку на дополнительный заработок. В телефонном раз-

Часть III

говоре жалуется, что сильно устает. «А я не вижу здесь снов. Не знаю почему». Через некоторое время замечает: «Здесь природа просто офигительная!». Субъективное начало проявляется в том, что А начинает отчуждать то, что его по каким-то причинам не устраивает, и сближается с тем, что входит в рамки нормального или восхищает его. Причем, находясь в поле чужого, в данном случае в чужой стране, человек гораздо острее воспринимает то, что противоречит его взглядам и представлениям, вызывает раздражение. Например: А: «У меня прикольный работодатель, а вот его 16 – летняя дочь – толстуха. Я еще не видел ни одной красивой американки. Они все такие жирные!» Или «Готовят они ужасно невкусно! Все пресное, несоленое! И все поголовно объедаются фастфудом! Какая гадость!» Заметим только, что причины раздражающего явления могут быть объективны, и в России могут встретиться кафе и рестораны с плохим поваром. Таким образом, можно говорить о роли субъективной оценочности, цели в распределении предметов и явлений объективного мира по сферам «свой» и «чужой». На уровне местоимений это проявляется в употреблении слов «они», «все». Предполагается оппозиция «мы».

В приведенных примерах проявляется еще одна особенность функционирования категории чуждости – перенесение части на целое. Негативные характеристики отдельного предмета чужого мира переносятся на весь мир в целом. Например, А рассуждает об американцах, с которыми ему доводилось работать: «Чем они отличаются от нас, так это тем, что там всем друг на друга наплевать, никто никому не нужен!» На местоименном уровне это проявляется в противопоставлении они, там – от нас. Разговор шел о напарниках А. Заменяя «они» на «там», он переносит качества «их, тех» на все место в целом, на всю Америку.

Значимость целевой установки проявляется в различных ситуациях. Носители языка могут, например, сознательно отчуждать тот или иной предмет или явление. Например, В хочет пропустить занятие по информатике. Между ней и ее подругой происходит такой диалог: А: «Оль, пойдешь что ль на информатику?» В: «Да что там делать? Я лучше в шестерке посижу, книжки умные почитаю, чем на всякую ерунду время своё тратить!» В данном случае В сознательно переводит предмет разговора в поле чужого, попутно награждая его негативными признаками, для того, чтобы показать себя в выигрышном свете, самоутвердиться, оправдаться. На языковом уровне это проявляется с помощью местоимений там и всякую. С помощью местоимений В показывает свое пренебрежительное отношение к предмету и намеренно отчуждает его от себя. Еще пример. А наблюдает, как ее подруги играют в компьютерную игру, которая ей самой не нравится. А сердито говорит: «Да бросьте вы эту игру! Она такая дурацкая! Найдут же всякую всячину!» (спустя несколько минут) Вообще-то я потому эту игру и не люблю, что играть в нее не умею. Или не успеваю». В данном случае А пытается скрыть свое неумение, боится показаться чужой.

Однако интересно, что в большинстве случаев говорящий показывает свою чуждость. Например: А: «У вас в Саратове справочная 09?» Ср. А: «В Саратове справочная 09?» Было бы странным обратиться к жителю Саратова с таким вопросом. Возникла бы вполне обоснованная реакция: «Мы же и есть в Саратове!» Или: «Ирин, а у вас там работа есть?» Ср. «Ирин, там работа есть?» Последний вопрос будет понят и понят правильно только в контексте, данном во время разговора. В этих примерах категория чуждости выражается с помощью сочетания местоимения с предлогом «у». Это наиболее распространенный способ показать свою чуждость. Кроме того, это сочетание выполняет и контактоустанавливающую функцию. Таким образом, можно сделать вывод о том, что адресату необходимо, чтобы его причислили к той или иной группе, коллекти-

ву, общности, к которой он считает себя причастным. Более того, причисляя человека к такому кругу или группе, а также к той общности, к которой он стремится быть причастным, мы осуществляем так называемую тактику коммуникативного поглаживания. Может использоваться и тактика пейоративного отчуждения, когда человека присоединяют к группе, не престижной для него, или намеренно отдаляют от того коллектива, к которому он старается приблизиться. Например: А: «Ну когда же мы пойдем на ипподром?» В: «Кто это "мы"»? В (смущенно и обиженно): «Ну как же?».

Интересно заметить, что люди, осознающие свою принадлежность к одной общности, в разговоре о чужом объединяются. Близкие по взглядам, опыту, они испытывают состояние коммуникативного ожидания. Например, в разговоре о Москве, из которой недавно приехал В, А спрашивает: «А люди там какие?» В: «Знаешь, люди там ценят деньги. Они все меркантильные, прагматичные, сухие, циничные. Я бы не хотел там жить». А чувствует удовлетворение от слов В, потому что В оправдывает коммуникативные ожидания А. Дело в том, что у А недавно был разговор с подругой, тоже посетившей Москву. Подруга рассказывает историю о неприветливости москвичей, холодности, особенно в квартирных делах. Получив подобные сведения, А ожидает и от В услышать примерно тоже самое. Здесь проявляется сближение со своим. На языковом уровне это обозначается с помощью местоимений там, они, то есть в противопоставлении нам, своим.

По нашим наблюдениям, наиболее распространенными оказались местоимения в сочетании с предлогом «у». Заметим только, что конструкции «у вас», «у нас» всегда выражают либо обобщенное значение, когда указывается на принадлежность собеседника к какой-либо группе (например, разговор двух студентов разных факультетов: А: Да у нас на все экзамены разрешают лекции с собой приносить. В: Вот это ничего себе. У нас такого никогда не было), либо более частные, когда происходит конкретизация – где именно «у нас/вас». Например: «Сколько у вас в Саратове стоят маршрутки?» Или «Да у нас в Балаково с транспортом вообще проблем нет! Все пешком ходят!»

Наибольшей популярностью среди всех местоимений обладает слово «там», которое употребляется в 19,5% случаев.

Согласно словарю С.И. Ожегова, местоименное наречие «там» имеет значение «в том месте, не здесь», а также просторечное значение «потом, затем». Однако местоимение «там», как и сочетание «у вас», может употребляться в обобщенном и частном значении. Частное, или конкретное, значение – «недалекий, близкий, хорошо известный собеседникам, обусловленный контекстом». Обобщенное же значение близко толкованию С.И. Ожегова: «в том месте, не здесь». Именно это значение имеет отношение к категории чуждости. «Там» в обобщенном смысле не столько обозначает конкретное географическое место, сколько все то, что в сознании человека с этим местом связано. Например: А об Америке: «Да у них там очень чисто. Представляешь, тротуары с шампунем моют». «Там» обозначает тот, другой мир, мир чужих, в данном случае чужую страну. Или А: «Ириш, а где ты живешь?» В: «В однокомнатной на Техстекло. Нас там шестеро». А: «Ого! Слушай, так что же получается, ты для шестерых все по дому делаешь?!». В: «Ну, когда как. Смотри, кто раньше домой придет. А вообще у нас там весело». А: «Эт точно». Этот пример интересен еще и тем, что в нем прослеживается тенденция коммуникативного сближения. Отчуждение говорящих происходит на основе различий образа жизни. Это проявляется в использовании местоимений там, нас. Однако в примере видно стремление В не допустить дальнейшего отчуждения, поэтому она стремится показать, что ее образ жизни вполне нормален и ее устраивает. Таким обра-

Часть III

зом, мы наблюдаем стремление к коммуникативному сближению тогда, когда появляется отчуждение между людьми, заинтересованными друг в друге.

Итак, на основе проведенной работы можно сделать некоторые выводы:

Чужое все чаще ассоциируется с хорошим, реализуется коммуникативная стратегия сближения с чужим.

Элементы отчуждения старательно убираются из речи тогда, когда собеседники заинтересованы друг в друге.

Отношения в сфере «свой – чужой» зависят от субъективной оценки говорящим того или иного явления объективного мира.

Литература

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.

Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 87-94.

Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. М., 1989. С. 54-82.

И.В. Лукашенко

Дейксис как способ выражения отношений субъекта речи к субъекту восприятия: к постановке вопроса

Научный руководитель – профессор Э.П. Кадькалова

Дж. Лайонз определил дейксис следующим образом: «Под дейксисом понимается локализация и идентификация лиц, предметов, событий и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, ровно одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата» [цит. по: Падучева, 1996. С. 346].

Дейктические слова и грамматические категории эгоцентричны в том смысле, что ориентированы на *ego*, то есть на говорящего. Их значение изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве. Вслед за К. Бюлером точкой отсчета системы дейктических координат считается дейктический центр *Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС*. По К. Бюлеру, говорящий устанавливает отношения со всеми предметами со своей точки зрения. Он находится в нулевой точке пространственно-временных координат так называемого дейктического контекста. Роль говорящего в процессе диалога переходит от одного участника диалога к другому, соответственно меняется и референциальное значение *Я*, пространственно-временная точка отсчета (*ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС*) определяется положением говорящего в момент произнесения высказывания: *ЗДЕСЬ* – ‘там, где говорящий’, *СЕЙЧАС* – ‘в момент его речи’.

Дейктическая триада стала основой для выделения исследователями трех основных типов дейксиса: персонального, темпорального, пространственного. Однако в схеме К. Бюлера описан лишь простой случай дейктической ориентации. По мнению Е.В. Падучевой, ограничивать им понятие дейксиса было бы нецелесообразно. Более полная схема дейксиса, в которой центр координации дейктика может носить различный ха-

рактический, «позволяет более системно описать дейктические свойства языка в целом» [Падучева, 1996].

Центр персонального дейксиса лексикализован местоимением *Я*, референтом которого является говорящий. Однако говорящий далеко не всегда оказывается единственной точкой отсчета в системе дейктических координат. Уточнение центра персональной координации было осуществлено с помощью введения понятия *наблюдатель* (см. работы Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой), или *перцептор* (см. работы А.В. Бондарко), понимаемого как субъект восприятия, который не всегда совпадает с субъектом речи. Примеры такого рода несовпадения приведены в [Апресян, 1995]: см. его интерпретацию семантики глаголов типа *прийти, показаться, появиться, белеть, маячить* и т.п., пространственных наречий *вдалеке, вблизи* и т.п.

Идея несовпадения говорящего и наблюдателя легла в основу еще одной типологии дейксиса. Дейксис, ориентированный на говорящего, Е.В. Падучева предлагает называть первичным (в случае первичного дейксиса роль наблюдателя принимает на себя говорящий). Дейксис вторичный, по ее определению, «ориентирован на наблюдателя» [Падучева, 1996].

Системного и исчерпывающего описания средства кодирования вторичного дейксиса еще не получили: внимание исследователей в указанном аспекте привлекали прежде всего пространственный дейксис (см. работы Ю.Д. Апресяна) и дейксис темпоральный (см. работы Е.В. Падучевой, А.В. Бондарко).

Думается, что в кодировании вторичного дейксиса могут участвовать и персональные дейктики. Проиллюстрируем данное утверждение.

(1) *Володя глядел на простыню, которую поддерживала белая пухлая рука, и думал...*

-Молчит!- удивляется Нюта.- Это даже странно... Подумайте, будьте мужчиной! Ну, хоть улыбнитесь! (А. П. Чехов, «Володя»)

Во фрагменте-(1) содержится транспозиционное употребление формы третьего лица глагола *молчать* вместо второго (*молчит* - при прямой адресации действия, обозначенного глаголом, собеседнику). Говорящий как бы призывает в сочувствующие свидетели «третье лицо» – наблюдателя. Таким образом, интерпретация приведенной транспозиции предполагает обращение к сфере вторичного дейксиса, в основе которого лежит несовпадение говорящего и наблюдателя.

(2) *Я бормочу что-то несвязное, потому что решительно не знаю, что сказать ей... Машенька или Варенька закрывает лицо руками и говорит вполголоса, как бы про себя:*

-Он молчит... Очевидно, он хочет жертвы с моей стороны. Не могу же я любить его, если я все еще люблю другого! Впрочем... я подумаю... Хорошо, я подумаю...Я соберу все силы моей души и, быть может, ценою своего счастья спасу этого человека от страданий!(А.П. Чехов, «Из записок вспыльчивого человека»)

Транспозиционное употребление третьего лица вместо второго (*он молчит* – *он хочет* – *его* – *этот человек*) в указанном контексте также предполагает адресацию к фигуре наблюдателя. Однако субъект речи – героиня – на роль наблюдателя намечает своего собеседника. Мнимая апелляция к фигуре стороннего наблюдателя преследует свою цель объективизацию для собеседника информации, содержащейся в высказывании. Цель – большая убедительность с помощью снятия прямой адресации высказывания (референт *он* – *ты*).

Включение фигуры наблюдателя предполагает и интерпретация некоторых употреблений обобщенно-личных предложений. В приведенном ниже фрагменте реп-

Часть III

лика одного из героев рассказа – Абогина – обращена непосредственно к присутствующему доктору Кирилову, но опосредовано-адресована к ушедшей от Абогина и не присутствующей при диалоге жене Абогина.

(3) *...Послушайте, доктор, -горячо сказал он, подходя к Кирилову.-Вы были невольным свидетелем моего несчастья и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил набожно, как раб!.. Зачем же эта ложь? Я не требую любви, но зачем же этот гнусный обман? Не любишь, так скажи прямо, честно, тем более что знаешь мои взгляды на этот счет... (А.П.Чехов, «Враги»)*

Референтом всех я в приведенной реплике является субъект говорящий, референтом *вы* – собеседник, а у форм второго лица единственного числа сложная адресация: это и жена, не присутствующая при диалоге, это и доктор как наблюдатель, у которого герой ищет сочувствия, это и некто третий – еще один наблюдатель, скрытая апелляция к которому, видимо, необходима герою для уже упомянутых целей – поиска сочувствия, которого доктор к нему не испытывает, и объективизации информации. Ты-формы в приведенном контексте не дейктичны в смысле первичного дейксиса, но дейктичны в понимании вторичного дейксиса, так как предполагают апелляцию к наблюдателю.

Итак, интерпретация указанных личных транспозиций предполагает обращение к фигуре наблюдателя (субъекта восприятия), не совпадает с фигурой говорящего (субъектом речи), и, таким образом, могут быть отнесены к сфере так называемого вторичного дейксиса.

Литература

- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995.-Т.П.
Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1962.

О.А. Пономарёва

О некоторых тенденциях в развитии молодёжного языка (на материале немецкого языка)

Научный руководитель – доцент Т.И. Борисова

Большинство новых сленговых слов возникает и эволюционирует вполне естественным образом из конкретных ситуаций. Каждое новое поколение вводит в свой лексикон собственную кодировку общеизвестных понятий, в результате чего можно наблюдать, к примеру, переход от часто используемого слова «лихо» к слову «легко», от слова «классно» к слову «клёво», «круто». В результате по тем словам, которые люди употребляют в своей речи, можно определить, из какого они времени. Наиболее подверженным изменениям моды языковым пластом является сленг молодёжи.

Существует множество путей пополнения лексики молодёжного сленга (или молодёжного языка), к которым относятся:

- заимствования (на данный момент из английского языка) (cool= schön, toll, beeindruckend; chillen = sich ausruhen, entspannen);
- переосмысление значений (geil (sexuell erregt) = schön, toll; gediegen (zuverlässig) = entspannend, cool; arm (besitzlos) = ein bestimmtes Verhalten einer Person nicht in Ordnung);
- продуктивный для немецкого языка способ словообразования – сложение основ – (der Balkonraucher, der Warmduscher, der Schattenparker = der Schwächling);
- образование слов со значением превосходной степени с помощью, например, таких усилительных компонентов как super, mega, extra, hammer;
- образование неологизмов (röntern = sich hemmungslos betrinken, ödig =langweilig) и придание словам принципиально новых значений (schärfen: Wir gehen den XY aufschärfen (wir suchen ihn), Schärf doch einmal die Marmelade herüber! (gib sie her!)) [Wikipedia, die freie Enzyklopädie].

Х. Эйман, исследователь языка молодежи, полагает, что в молодёжном языке существуют определённые тенденции развития – прежде всего это видно в постоянно повышающемся количестве слов с агрессивной, грубой семантикой и вульгарных фекализмов [Hermann Ehmman, 1982. S. 10].

Подобные выражения звучат порой неприлично, даже безнравственно, но за непристойной оболочкой чаще всего скрывается абсолютно безвинная фраза.

Ach fick dich doch, du Spasti! = «Lass mich doch in Ruhe!»

Er wurde gefickt! = «Er wurde erwisch» [Wikipedia, die freie Enzyklopädie].

На создание новых креативных выражений больше всего влияют:

- музыка, кино, видео, Интернет, компьютерные игры, т. к. это всё активно потребляется подростками в любом виде, поэтому СМИ можно назвать одним из главных путей пополнения молодёжного жаргона;
- канакский немецкий язык, являющийся смесью немецкого с турецким языком.
- Эти явления представляют на данный момент два наиболее активных направления в современном немецком молодёжном языке.

Х. Хенне, специалист в области молодёжного языка, связывает подобные тенденции с влиянием средств массовой информации на язык подростков: язык становится игрушкой СМИ [Helmut Henne, 1986. S. 208]. П. Шлобинский считает иначе: игрушкой СМИ является не язык молодежи, а язык, стилизованный средствами массовой информации под молодёжный язык [Peter Schlobinski].

Как отмечают Шлобинский, Хенне и Эйман, сленг навязывается молодежи телевидением, прессой и рекламой. Реклама большей частью обращена к молодежи, которая является самым активным потребителем рекламируемых товаров, поэтому создатели роликов стремятся использовать близкий молодежи жаргон, чтобы спрос на товар стремительно возрос. При этом создатели рекламы ориентируются не на литературный немецкий язык, а на молодёжный сленг, что часто вызывает нарекания со стороны борцов за чистоту языка. Ярким примером может служить употребление слова «geil» в рекламе печенья «Принц», а также крупной сети магазинов бытовой техники «Сатурн».

Первоначальное значение «geil» носит скорее отрицательный характер (*gierig nach geschlechtlicher Befriedigung, vom Sexualtrieb beherrscht, sexuell erregt: ein – er Kerl, ein –es Lachen*), в то время как в молодёжном языке оно употребляется как синоним к словам «schön», «toll», «großartig» [DUDEN, 2001. S. 261].

Часть III

Реклама «Сатурна» содержит слоган «*geiz ist geil*», который призывает людей покупать недорогую бытовую технику в магазинах этой сети, делая акцент на том, что это «*geil*», т. е. «классно», «круто» и просто «отлично».

Реклама печенья «Принц»: мальчик ест печенье и при этом выражает словом «*geil*» свои эмоции. Его мама слышит это и недовольна тем, что её сын употребляет это слово, но стоит ей попробовать печенье, она сама им восхищается, используя ею же запрещенное слово «*geil*».

Таким образом, реклама внедряет слова молодёжного языка в речь всех жителей страны. Подобное насаждение происходит на первый взгляд естественным путём, но частое повторение роликов по телевидению и рекламные плакаты на улицах ненавязчиво откладываются в головах людей. В первую очередь молодежь, а также дети наиболее подвержены влиянию рекламы, что также отражается на их языке. Прежде всего это заключается в обыгрывании рекламных фраз в потоке речи, которые в виде цитат и фрагментов внедряются и модифицируются в процессе коммуникации.

Из рекламы шоколада «*Milka*» заимствовано начало фразы «*Die zarteste Versuchung seit es Schokolade gibt*». Подростки используют эту фразу в различных модификациях, где «*Schokolade*» и «*zarteste*» заменяются соответствующим ситуации понятием. Например: «*Die schwarz weißeste Versuchung seit es Ska mit lärmenden Gitarren und rauhem Gesang gibt*» – в данном случае полностью сохранена синтаксическая структура представленного в рекламе предложения, а лексическая наполняемость соответствует контексту разговора между тинейджерами. Подобное игровое обращение с текстами из рекламы находит отражение в разговорном языке, в котором очень быстро растворяются различные цитаты и фрагменты из СМИ. [Daniela Hartmann].

Современные газеты и журналы, посвящённые молодёжи, пытаются копировать язык своих читателей всё с той же целью увелечения спроса. Известный во всём мире журнал «BRAVO» является ярким тому подтверждением. По данным Д. Хартманн «BRAVO» использует лексические единицы молодёжного языка в своих статьях и ответах гораздо чаще, чем его читатели в своих письмах [Daniela Hartmann].

В письмах подростки ограничиваются усилительными частицами, как «*total*» (тотальный, абсолютный) и некоторыми глаголами и выражениями «*einwerfen*», «*abdrehen*» «*Bock haben*» (желать, хотеть что-л.). В целом возникает впечатление, что молодёжь вполне хорошо владеет письменным языком. Но в ответах редакции на письма отчётливо видно, что журналисты стремятся сократить возрастную дистанцию со своим читателем и приблизиться к нему, поэтому их язык в этом случае можно охарактеризовать как ещё более молодёжный нежели у самих подростков: «*tierisch leiden*», «*gut draufkommen*», «*knallharte Information*», «*auf Touren bringen*». Тактика журнала вполне объяснима: желание увеличить объёмы продаж. И издание, ориентированное на подростков от 10 до 18 лет, употребляет в этих целях язык своих читателей.

Как известно, молодёжь использует свой язык, чтобы показать принадлежность к определенной группе, чтобы дистанцировать себя от взрослых, показать свою самостоятельность и независимость. Этим-то и пользуются средства массовой информации, активно пропагандируя молодёжный сленг в прессе, на телевидение и прежде всего в рекламе.

Особую популярность на данный момент приобретает канадский немецкий язык. Начиная с 1999 г., он всё больше завоевывает телевидение, кино и литературу. Подобный феномен можно было наблюдать в Америке, где афроамериканцы долгое время использовали «*Black Englisch*», тем самым выражая гордость за свою культуру. Канадский язык является в свою очередь смесью турецкого и немецкого языков. Моло-

дые турки как бы говорят: я вырос здесь, но я придерживаюсь наших традиций, нашей культуры. Немецкий языковед П. Шлобинский считает, что подобная языковая форма является выражением равноправия и эмансипации. [UNICUM ABI]

Сотни тысяч подростков, дети и внуки эмигрантов, выросли в Германии. Внутри семьи чаще всего говорят на родном языке. Выйдя на улицу, они переходят на немецкий язык, который используют их немецкие друзья, учителя, продавцы, прохожие и т.д., поэтому неудивительно, что элементы одного языка плавно перетекают в другой и активно там используются. На основе этого и возникает «*Kanak Sprak*», «*Mischmasch*», т.е. канакский немецкий язык. Когда подростки взрослеют и начинают работать, чаще всего это явление уходит из их языка, но сохраняется в том случае, если человек продолжает оставаться в этнической среде. Прежде всего в крупных городах возникают этнически смешанные группы, состоящие из молодёжи с происхождением из разных стран и коренных немцев, поэтому развитие сленга идёт в двух направлениях: обогащение разговорного языка путем вкрапления элементов из различных языков эмигрантов (немного турецкого, итальянского, сербского), чтобы выразить одно и то же: приветствие и прощание, ругательства, угрозы и флирт. Вторым направлением являются так называемые этнолекты: манера говорения, которая маркирует ненемецкое происхождение говорящего благодаря особым признакам. Эта манера говорения, придуманная подростками разного происхождения, отличается от коренного местного разговорного языка звуковыми, просодическими и грамматическими признаками. Приветствия, ругательства, разговорные формы, различные оценочные выражения относятся большей частью к обычному разговорному языку, но произносятся со свойственным эмигрантам акцентом и часто используется в речи с другим значением.

Подобные языковые явления, возникающие в школах, парках, клубах, районах, где живут эмигранты, переходят в общий язык уже в измененном средствами массовой информации виде. Фильмы, ток-шоу, клипы, литература, комиксы превращают уличную языковую смесь в язык, который лишь частично похож на реальность. *Feridun Zaimoglu* описывает жизнь юных эмигрантов, используя канакский немецкий язык. Он считает это, своего рода, тайным кодом. *Michael Freidank* стал популярным благодаря псевдонаучному оформлению лейбла «*Kanakisch*»: в его книгах переплетаются молодёжный сленг и просто невозможные языковые конструкции. Например, глаголы оканчиваются на – *em* (*wirn fickem*), употребление ругательств в качестве нормативной лексики «*Arschloch*», предложения, несоответствующие грамматическим правилам «*Dem hat noch nie gehabt Typ*». Автор действует по принципу: самое главное, чтобы неправильно и как можно дальше от литературного языка. Сам *Michael Freidank* считает подобный стиль говорения гениальным: удивительно, что можно выразить таким небольшим количеством конструкций и грамматики. Достаточно прибавить в конце предложения «*weisstu*», чтобы получить вопросительное предложение [Christa Dürscheid].

Этот язык приобрёл огромную популярность среди молодёжи благодаря выпущенному сборнику сказок на канакском языке, а также благодаря известному во всей Германии дуэту комиков *Erkan und Stefan*, чьи пародии выстроены на турко-немецком языке. Здесь можно вновь обратиться к средствам массовой информации, что лишний раз доказывает их огромное влияние на молодёжный язык.

Ich gehe Schule, wie isch Bock hab!

Was guckstu: Bin isch Kino, oder was? [Christa Dürscheid]

И. Кайм, языковед из Германии, считает, что *Kanak Sprak* – это больше, чем быстро проходящая мода. Под канакским языком следует понимать сильно редуцирован-

Часть III

ный язык, но это никак не связано с неуверенностью или грамматическими ошибками. Молодёжь турецкого происхождения, как правило, говорит очень хорошо как на турецком, так и на немецком языках, а их стремление исключить из речи предлоги и артикли свидетельствует лишь о том, что они не чувствуют своей принадлежности ни к одной из культур. Смешанный язык – это, своего рода, символ собственной социокультурной идентификации. При этом подростки различают литературный немецкий язык, турецкий и турецко-немецкий в зависимости от ситуации [Peter Gilles].

Таким образом, мы видим, что огромное влияние на развитие современного молодёжного языка оказывают СМИ. Молодёжь перенимает понравившиеся её цитаты и фрагменты из рекламы на телевидении и из газет. В свою очередь, СМИ и реклама активно используют молодёжный сленг для увеличения спроса на товары и их популярность. Явление „Kanak Sprak“ играет в современной молодёжной сфере огромную роль, т. к. является её стилем. Лексика и грамматика канакского немецкого языка активно внедряются на телевидение, чьим главным потребителем являются подростки, которые начинают активно перенимать и использовать канакский язык, а точнее его элементы в своей речи. Взаимоотношения СМИ, молодёжного и канакского языков представляют собой, своего рода, единство: молодёжный сленг пополняется из СМИ и канакского языка, которые, в свою очередь, активно используют его лексические единицы и грамматические структуры. При этом Kanak Sprak является средством СМИ, которое в последние годы стало очень популярным.

Литература

- DUDEN, Band 7 Herkunftswörterbuch, Dudenverlag Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2001
Dürscheid, Christa Jugendsprache im öffentlichen Diskurs, www.detlev-mahnert.de
Ehmann, Hermann affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache, München, 1982
Gilles, Peter „Sprache ist der Dosenöffner“ Die Kreativität der Sprache: Reflexion und Konstruktion von sozialer Realität. Das Phänomen „Kanaksprach“ in Deutschland, www.archetype.de
Hartmann, Daniela Jugendsprache im DaF- Unterricht „Das kām`vielleicht echt voll groovy rüber“, www.detlev-mahnert.de
Henne, Helmut Jugend und ihre Sprache. Darstellung, Materialien, Kritik, Berlin New York, 1986
Schlobinski, Peter Jugendsprache und Jugendkultur, www.fbls.uni-hannover.de/sdls/schlobi/jugend/index.htm
UNICUM ABI „Aus der Traum?“ (ein Interview mit Peter Schlobinski), www.unicum.de
Wikipedia, die freie Enzyklopädie: Jugendsprache, www.wikipedia.de

Е.Л. Рабинович

Ситуации выражения интеллектуального превосходства

Научный руководитель – профессор В.В. Дементьев

Цель данной статьи – дать определение коммуникативной ситуации выражения интеллектуального превосходства (далее в тексте – ситуация ВИП) и предложить один из возможных способов классификации таких ситуаций. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что стремление продемонстрировать свое превосходство над окружающими заложено в самой природе человека. Как отмечает, например, А.В. Курпатов, «социальные отношения, <...> – это <...> прежде всего выяснение «силы». В любом коллективе можно увидеть, что прежде всего его члены проверяют друг

друга по критерию «силы» - кто сильнее физически, кто сильнее интеллектуально, кто сильнее психологически. Нам это важно знать, поскольку это определяет диспозицию сил в данном коллективе» [Курпатов]. Альфред Адлер, знаменитый австрийский психолог, пишет, что «стремление к превосходству никогда не исчезает, и фактически, именно оно формирует разум и психику человека» [Адлер]. Следовательно, демонстрация собственного превосходства в различных формах широко распространена и занимает важное место в общей поведенческой стратегии личности.

Границы понятия «интеллектуальное превосходство» весьма широки, и в нашей работе оно сведено к тем случаям, когда адресант обладает большим объемом знаний – лучше образован или более сведущ в какой-либо области, и ситуациям, в которых адресант демонстрирует умение логически мыслить, сообразительность и прочие качества, традиционно ассоциирующиеся с высоким уровнем интеллекта. Таким образом, коммуникативная ситуация ВИП – это ситуация, в которой говорящий стремится в словесной форме, прямо или непрямо, продемонстрировать свое превосходство над адресатом в одной из указанных областей. Необходимо подчеркнуть, что превосходство адресанта не обязательно должно быть объективным. Более того, говорящий зачастую осознает, что он ничуть не образованнее или сообразительнее собеседника. Определяющим моментом в ситуации ВИП является не реальное интеллектуальное неравенство, а стремление адресанта убедить адресата в том, что такое неравенство существует, имея в виду какую-либо цель.

Ситуацию ВИП можно следующим образом описать на языке семантических примитивов:

Я знаю больше другого

Это хорошо

Люди могут подумать что-то хорошее обо мне

Может произойти что-то хорошее для меня

Поэтому я говорю что-то, чтобы другой знал:

Я знаю больше него.

Вместо утверждения «я знаю больше другого» может быть использовано «я думаю быстрее» и др., в зависимости от того, что адресант считает основным признаком своей интеллектуальной состоятельности.

Коммуникативные ситуации ВИП можно классифицировать по различным параметрам. Одна из возможных классификаций ситуаций ВИП представляет собой классификацию по способу выражения превосходства и связана с тем, что Т.А. Ван Дейк называет внутренней структурой говорящего – его мнениями и установками [Ван Дейк, 1989]. Она также тесно связана с проблемой оценки и оценочных высказываний – одной из актуальных проблем современной лингвистики. Классификация основывается на выраженном в высказывании представлении говорящего о своем интеллектуальном уровне и уровне собеседника. Исходя из этого положения, ситуации ВИП можно разделить на две группы. В первом случае говорящий подчеркивает высокий уровень своих знаний, собственную исключительность, дает положительную оценку себя. При этом оценка адресанта отсутствует или играет вспомогательную роль в стратегии ВИП. Во втором случае акцент делается на низкий интеллектуальный уровень собеседника, его знания/способности оцениваются отрицательно. Говорящий автоматически оказывается выше адресанта, но положительная оценка самого себя отсутствует или занимает второстепенное положение.

Рассмотрим подробнее оба варианта.

1) Говорящий подчеркивает собственную исключительность.

Часть III

В этой ситуации возможен прямой и непрямой способ выражения интеллектуального превосходства. Прямым выражением предлагаем считать высказывания, содержащие положительную самохарактеристику, на основании которой говорящий считает себя умнее большинства – «Я умнее многих/таких, как ты/он, потому что...».

Проиллюстрируем этот пункт примером из книги А. Марининой «Незапертая дверь». Между героями завязывается шутивная телефонная дуэль:

- Зачем? – неосторожно спросил Сергей и тут же нарвался:

- А я тебе потом скажу, если начальство разрешит, клопик ты мой ненаглядный.

- Сколопендра, – огрызнулся Зарубин.

- А ты – каракурт, – тут же отпарировала она. – Серджик, ты со мной в эти игры не играй, я всю жизнь кроссворды разгадываю и потому знаю нужных слов раз в сто больше, чем ты.

- Жужелица! – отчаянно кинулся в бой Сергей, но тут же испугался и повесил трубку».

Героиня Марининой прямо выражает свое интеллектуальное превосходство («знаю нужных слов в сто раз больше, чем ты»), указывает на его источник («всю жизнь кроссворды разгадываю»).

Теперь рассмотрим фрагмент интервью Николая Петрова газете «Аргументы и факты». Краткое описание коммуникативной ситуации: известный пианист на протяжении всего интервью возмущается культурным уровнем современного общества, громит поп-культуру как средство оболванивания людей, бросая фразы вроде: «Ничто так не объединяет людей, как отсутствие интеллекта». Вот одно из высказываний музыканта:

«...этот «бронированный кулак», помимо того, что занимается растлением людей, пытается уничтожить редкие ручейки подлинной культуры. Под видом реорганизации уничтожена радиостанция «Орфей». Там теперь классическую музыку дают маленькими кусочками. При том что каналов, из которых льется смердящая попса – десятки. Это свидетельствует о бескультурье народа».

Николай Петров прямо не говорит о том, что он умнее, образованнее, культурнее большинства россиян. Но логика его рассуждения вполне может быть восстановлена из приведенного фрагмента и фоновых знаний адресата путем дополнительных интерпретативных усилий. Уничтожают ручейки подлинной культуры, например, радиостанцию «Орфей», которая передавала классическую музыку. Значит, классическая музыка – это подлинная культура. Он, Петров, исполняет в основном классику, значит, он является носителем подлинной культуры. Большинство людей слушают попсу, которой пианист присваивает уничижительный эпитет «смердящая», и которая не является частью подлинной культуры. Значит, он, Петров, культурнее большинства. Слово «культурный», согласно Толковому словарю русского языка под ред. Ушакова Д.Н., синонимично слову «образованный», а последнее непосредственно связано с уровнем интеллектуального развития. Вывод – Николай Петров интеллектуальнее большинства россиян. При этом «большинство россиян» — это субъективное представление, некий концепт, присутствующий в сознании пианиста. Он может совпадать, а может и не совпадать с реальным положением вещей.

2) Говорящий ставит собеседника ниже себя, отрицательно оценивая его интеллектуальные способности.

В этом случае адресант делает упор не на свое превосходство, а на интеллектуальную неполноценность адресата. При этом сравнение может быть не только индиви-

дуальным («я-ты»). В ряде случаев говорящий ощущает свою принадлежность к определенной группе людей, являющихся носителями некоего стандарта, до которого адресат не дотягивает.

Здесь также возможны прямой и непрямой способы выражения, при этом в рассмотренном нами материале непрямой способ выражения встречается чаще.

Прямым способом выражения предлагаем считать как прямое утверждение типа: «Ты глупее меня, потому что...», так и утверждения, в которых для характеристики адресата используются слова, содержащие сему интеллектуальной неполноценности.

Рассмотрим пример из книги J.K. Rowling «Harry Potter and the Philosopher's Stone». Персонаж романа Драко Малфой пренебрежительно отзывается об интеллектуальных способностях одного из учащихся школы, Невилля Лонгботтома:

«You know how I think they choose people for the Gryffindor team?» said Malfoy loudly a few minutes later, as Snape awarded Hufflepuff another penalty for no reason at all. «It's people they feel sorry for. See, there's Potter, who's got no parents, then there's the Weasleys, who've got no money — you should be on the team, Longbottom, you've got no brains».

Адресант четко характеризует Лонгботтома как человека «без мозгов». Он подчеркивает, что адресат достоин жалости, наравне с сиротой и бедняком, и ставит Лонгботтома ниже интеллектуального уровня большинства учащихся.

Во втором примере, взятом из произведения того же автора «Harry Potter and the Goblet of Fire», этот герой говорит об интеллектуальной неполноценности Гарри Поттера непрямо. Один из преподавателей называет Гарри Поттера лучшим учеником школы. Драко Малфой немедленно реагирует:

«Since when have you been one of the top students in the school, Potter? Or is this a school you and Longbottom have set up together?»

Высказывание не содержит лексем, явно указывающих на то, что адресат находится ниже интеллектуальной нормы большинства. Чтобы интерпретировать слова героя, необходимо знание прагматического контекста. Читателю, знакомому с героями романа, известно, что Невилль Лонгботтом – не способный практически ни к какому предмету ученик, чьи неловкость и рассеянность давно стали притчей во языцех. Невилль гораздо слабее большинства учеников школы. Своим сравнением Драко Малфой ставит Гарри Поттера на один уровень с Лонгботтомом.

В разговоре между Гарри Поттером и его кузеном Дадли («Harry Potter and the Order of the Phoenix») реализуется интересная стратегия ВВП. Гарри и Дадли ссорятся, Гарри всячески стремится продемонстрировать, что считает кузена глупцом. В разговоре проскальзывает такой обмен репликами:

«Not this brave at night, are you?» sneered Dudley.

«This is night, Diddykins. That's what we call it when it goes all dark like this».

Разумеется, Дадли, как и большинству людей, знакомо слово «ночь», и он не нуждается в пояснениях. Объясняя Дадли значение элементарного понятия, Гарри подчеркивает и даже преувеличивает интеллектуальную неполноценность кузена относительно абсолютного большинства носителей языка. При этом он не произносит ни одного пренебрежительного слова в адрес последнего и вообще никак его не характеризует, если не считать уменьшительного обращения.

Отмети, что вполне можно представить себе реализацию обеих выделенных нами стратегий в одном высказывании.

«Детка, ты права, вряд ли у меня есть большие преимущества перед другими мужчинами. Давай рассмотрим мою кандидатуру внимательно. Мне тридцать три

Часть III

года. Я старше твоих придурков-ровесников на целых двенадцать лет, у меня больше ума и жизненного опыта» (А. Маринина, «Незапертая дверь»).

В этом примере герой одновременно положительно оценивает себя («больше ума и жизненного опыта»), и использует в отношении более молодых мужчин слово «придурки», содержащее в себе отрицательную оценку («придурок – глуповатый, бестолковый человек» - Толковый словарь русского языка под ред. Ожегова, Шведовой).

Данная классификация ситуаций ВИП отнюдь не является единственно возможной, так как коммуникативные ситуации обычно характеризуются целым рядом значимых параметров. Например, Делл Хаймс выделяет семь компонентов «акта речи»: отправитель, получатель, форма сообщений, канал связи, код, тема, обстановка [Хаймс, 1975]. Каждый из этих компонентов может послужить основанием для классификации.

Литература

Адлер А. Наука жить. <http://lib.ru/PSIHO/ADLER/live.txt>.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Курпатов А.В. 3 ошибки наших родителей. <http://www.knigi.ee/books/kur6.htm>.

Толковый словарь русского языка под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. <http://www.vbooks.ru/DICTION/OZGEGOV-SI-SHVEDOVA-NYU/>.

Толковый словарь русского языка под ред. проф. Ушакова Д.Н. М., 1939.

Хаймс Д.Х. Этнография речи. // Новое в зарубежной лингвистике. Социолингвистика. М., 1975. Вып. 7.

Т.В. Русинова

О некоторых дополнительных средствах усиления и ослабления запрета

Научный руководитель – профессор В.Е. Гольдин

Являясь директивным речевым актом, запрет играет важную роль в регулировании и контроле деятельности и действий человека. Запреты разнообразны по формам выражения, что позволяет реализовывать их в разных коммуникативных ситуациях. Разница в формах выражения сказывается на силе и эффективности запрета. Но здесь следует помнить об опасности употребления излишне “сильного” запрета, который при несоответствующих коммуникативных условиях может вызвать протест и отрицание со стороны адресата и привести к коммуникативным неудачам. Аналогично неэффективным может оказаться слишком “слабый” по форме выражения запрет. Категоричность запрета резко возрастает благодаря просодике высказывания, использованию форм императива или перформативных глаголов группы запрещать [Апресян, 2003. С. 113-115], длине высказывания и др. Напротив, запрет может ослабляться за счет введения маркеров вежливости, использования косвенных запретов, употребления безличных предложений в русском языке.

Предметом исследования в данной статье являются дополнительные периферийные средства варьирования категоричности запрета, а именно обращения, разного рода интенсификаторы и аргументация.

Обращение является «одним из способов увеличения иллюкутивной силы высказывания» [Еремеев 2001.С.92]. Использование обращения в ситуации, в которой необходимость в нем отсутствует, объясняется, с одной стороны, мнением говорящего о том, что обращение косвенным образом усиливает силу высказывания, действуя на адресата подобно вежливым формулам. Это относится к тем случаям, когда обращаются по имени. Но в запретах присутствуют не только “смягчающие” обращения.

В 38 % ситуаций с использованием обращения с запретом, обращение имеет явно уничижительный характер. Приведем некоторые из встреченных здесь обращений: предательница, стоеросовый, шлюха, дрянь, глупая женщина, негодяйка, вертихвостка, идиотка, старуха, стручок, хам, вражина, например: Не подходи ко мне, вражина! (Розов).

Для усиления директивной силы высказывания используются обращения – местоимения ты или вы, например: Да не кричите вы, вам говорят, у него с головой не все в порядке (Вампилов). В приведенном примере появление местоимения «Вы» в императивной конструкции призвано увеличить силу воздействия на адресата.

Еще одним выделяемым типом обращения является обращение, называющее профессиональное, семейное положение или обращение по половой / возрастной принадлежности, например: учительница, жenuшка, девушка, например:

Гирей: Куда?

Даша: На прогулку.

Гирей: Теперь, жenuшка, ни на метр от мужа и ни полшага со двора. (Ивашин).

Следует отметить, что обращение может не только входить в состав запрещающего высказывания, но и формировать его. В так называемых вокативных предложениях имя собеседника расценивается как желание прекратить действие и является косвенным запретом.

Проанализировав употребляющиеся в высказываниях обращения, можно сделать выводы о том, что в запрете они играют двоякую роль. С одной стороны, введение обращения традиционно делает высказывание более вежливым, тем самым ослабляя директивность высказывания. С другой стороны, обращение может являться дополнительным экспрессивным средством увеличения силы и категоричности запрета.

Запрет может усиливаться или ослабляться за счет сочетаемости с другими речевыми актами и высказываниями.

В директивах вообще и в запретах в частности аргументация играет важную роль. Так же, как и обращение, аргументация может смягчить или усилить директивную интенцию. В.И. Карабан делает попытку классифицировать аргументирующие (вспомогательные) речевые акты, используемые в сложных речевых актах комплексных просьб, состоящих из директивных и репрезентативных речевых актов [Карабан, 1993]. Аргументация служит в первую очередь средством достижения ожидаемого перлокутивного эффекта и может уменьшать или увеличивать перлокутивную силу главного директивного речевого акта. В зависимости от ситуации, аргументация опирается на два положения: неудовлетворенность адресанта сложившейся ситуацией и возможность адресата изменить ситуацию. В своей работе В.И. Карабан высказывает мнение, что аргументация повышает личностный статус адресата. Аргументация усиливает воздействие просьбы как на социальную, так и на эмоциональную сферу сознания адресата.

В рассмотренном материале аргументация была обнаружена в 20,5% случаев. Иногда она принимает форму внутреннего протеста против того, что коммуникант заставляет делать. Чаще всего это связано с тем, что один из коммуникантов не имеет необходимой для запрета статусно-ролевой принадлежности, например:

Часть III

Прекрати! Не у себя там, командовать чтобы... (Кузнецов).

Аргументация может носить объективный характер и объяснять причину запрета, например:

Женя: Не смей так говорить с моим отцом!

Рита: Чего? Ха!

Женя. Он тебе никто! Ни муж! Ни любовник! Ни компаньон! Он даже не твой механик! И не твой гинеколог! А мне он - отец. И все! Он мой! Поняла? Мой отец! И я никому не дам его в обиду (Шприц).

В приведенном примере дочь, обращаясь к матери, запрещает ей плохо отзываться об отце, при этом она подчеркивает, что та не имеет права так говорить в ее присутствии.

Помимо этого, может также встречаться субъективная аргументация, когда адресант не имеет реальных оснований или причин на запрет, например:

Пошла вон отсюда. Он – мой (Белецкий).

В приведенном примере коммуниканты статусно равны, но та девушка, которая запрещает, играет роль лидера, поэтому заявление “он мой” основывается на ее праве сильного.

Итак, аргументация играет в высказывании важную роль, поскольку она снижает степень категоричности высказывания, объясняя причину запрета.

Средством повышения директивной иллокутивной силы высказывания являются, по мнению Я.Н. Еремеева [Еремеев, 2001], лексические и синтаксические интенсификаторы – повторение глагола, обозначающего предлагаемое действие, либо объекта этого действия, либо субъекта действия (обращение), специальные усилительные слова. Интенсификаторы выделяют ту или иную часть высказывания. Например, чаще всего используются в качестве интенсификаторов глаголы восприятия и речи, такие, как слышать, понимать, сказать, говорить, например: Прекрати, сказал (Ляпин).

Такие интенсификаторы призваны актуализировать само запрещающее действие. При этом они направлены либо на говорящего (я сказал), либо на слушающего (понял).

Следующую группу составляют интенсификаторы, актуализирующие запрещаемое действие, а точнее, время его осуществления: сейчас же, немедленно, например: Олег, перестань сейчас же (Розов).

Для выделения запрещаемого действия используется усилительная частица даже, например: Запрещаю даже приближаться к воротам (Ивашин).

Повышенной эмоциональностью и, соответственно, повышенной силой обладают запреты, выраженные инфинитивом глагола сметь, например: Не сметь так выходить за пределы жанра (Носов). Формы с не смей также являются формами прототипического запрета и почти всегда служат для передачи запрета.

Таким образом, существует ряд дополнительных средств усиления или нейтрализации запрета. Они играют важную роль в процессе коммуникации, так как от них зачастую зависит эффективность реализации тех или иных типов высказываний, в частности, директивных речевых актов запрета. При этом традиционно “смягчающие” силу директивов средства могут играть и противоположную роль, превращая высказывания в более сильные и резкие запреты.

Литература

Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. М, 2003.

- Белецкий Р. Фанатки. http://lib.ru/PXESY/BELETSKY/play_9.txt
Вампилов А. Провинциальные анекдоты // lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov_anecdots.txt
Еремеев Я.Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: Дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
Ивашин Б. Миряне. <http://lib.ru/PXESY/TWASHIN/miryane.txt>
Карабан В.И. Аргументация просьб в комплексных директивах // Речевое общение и аргументация. Speech communication a. documentation. Вып. 1. СПб., 1993.
Кузнецов С. Шкура неубитого медвежатника // lib.ru/ZHURNAL/KUZNECOW/shkura.txt
Ляпин В. Господа, товарищи, сволочи и дамы // lib.ru/PXESY/LYAPIN/g1.txt
Носов С. За стеклом // www.101.km.ru/fest_2002/mch7/nosov.htm
Розов В. В поисках радости // lib.ru/PXESY/ROZOW/radost.txt
Шприц И. Как скажешь, любимый // newcomedia.narod.ru/photoalbum31.html

Т.В. Руссинова

**К вопросу об адресации и функции запрета
в ситуациях непосредственного общения
(на материале русского и английского языков)***

Научный руководитель – профессор В.Е. Гольдин

Запрет представляет собой высказывание, целью которого является прекратить или предотвратить совершение действия, при этом адресант высказывания официально или неофициально/ситуативно занимает статусно - приоритетную позицию. Запреты встречаются во всех типах общения и реализуются в ситуациях как официального, так и неофициального характера. Объектом изучения в данной статье являются запреты в их функционировании в ситуациях непосредственного общения (далее НО).

Запреты в научной литературе как правило, рассматриваются как директивные речевые акты [Беляева, 1992; Еремеев, 2001; Карасик, 2002, Ломакина, 2003]. Основной чертой запрета, как директива, является наличие статусной иерархии между коммуникантами – говорящий реализовывает данное ему право на запрет. В связи с этим выделяются различные типы адресантов. В основании деления лежит признак официальности/неофициальности закреплённого за адресантом права на запрет, а также та роль, которую запрет выполняет в коммуникативной ситуации. В приводимой статье целью является рассмотрение статусных особенностей коммуникантов и связанные с этим роли запрета в акте коммуникации в ситуациях НО в русском и английском языках.

Первый выделяемый нами тип адресации реализует официально закреплённые статусные отношения. Это может быть связано со сферой деятельности, например, начальник – подчинённому, глава города – жителям, старший по званию – младшему, временным официальным статусом: администратор гостиницы – жильцам, проводница – пассажирам, продавец – покупателю. Этой же группе принадлежат запреты, исходящие от лиц, имеющих духовное право, таких как священники, жрецы, духовные наставники.

Несмотря на статусное доминирование в запрете, ситуации не ограничиваются только отношениями вышестоящий – нижестоящему. Вторую подгруппу составляют высказывания, в которых запрет исходит от официально/полуофициально нижестоящих

* Статья 2005 года

Часть III

лиц: заключённый – надзирателю, подчинённый – начальнику, человек толпы – представителю власти, жилец – администратору гостиницы, младший по званию – старшему.

Ярким примером смещения статуса и ситуативного лидерства является следующая ситуация

DAVID: If you fire nukes, so will the rest of the world. Do you know what that kind of fall out will do? How many innocent people...

GENERAL GREY: (stern) Sir, I remind you that you are just a guest here... (Independence Day)

В приведённом примере из кинофильма генерал взят в плен и его подчинённый теперь диктует условия, несмотря на разницу в официальном статусе. Запрет в ситуации выражен косвенно и представляет собой напоминание, что смягчает его силу и категоричность.

Следующая значительная группа запретов представлена запретами, имеющими место между членами семьи. Здесь отмечаются практически все из возможных вариантов отношений:

отец – сыну, мать – сыну, мать – дочери, сестра – мл. брату, ст. брат – мл. брату; а также обратные ситуации: сын – отцу, сын – матери, дочь – матери.

Как видно из приведённого списка, запреты так же, как и в предыдущей группе, появляются в ситуациях от младшего к старшему.

И третьей группе принадлежат запреты, статус коммуникантов в которых никак не маркирован. Здесь коммуникация совершается между людьми, находящимися по отношению друг к другу в нейтральной позиции. Это могут быть знакомые, друзья, прохожие, коллеги и др.

Когда коммуниканты равны по своим статусным характеристикам, или запрет направлен от младшего к старшему, основание запрета нужно искать в характере запрещаемого действия, а также той цели, которую преследуют при реализации запрета. С точки зрения характера запрещаемого действия запреты можно разделить на несколько типов. К первому относятся те запреты, в которых говорящий выступает в своих интересах. Здесь можно выделить более и менее категоричные запреты. Именно среди высказываний данной группы встречаются категоричные формы. Часто в этой группе встречаются запреты-угрозы, например,

Ни слова больше или тебе конец!

Молчи! Не подходи! Убью!

или

SCARLETT: All the chickens, everything?

*SERVANT They took them the first day. And what they didn't eat they carried off
across their saddles.*

SCARLETT: Don't tell me any more about what they did.

Скарлетт не хочет слышать о том, что происходит вокруг неё, это вызывает раздражение и тоску.

В запретах данной группы говорящий просто выражает свою волю, без опоры на нормы, правила или другие основания. Это своего рода “субъективный запрет”, в котором выражена воля говорящего.

Противоположный тип запрета будет представлен в ситуациях, где центром притяжения является адресат, и речевой акт осуществляется в его интересах. В отличие от предыдущей группы, составившей около половины всех высказываний, второй тип представлен очень незначительно. Здесь запрет может приближаться к совету, напри-

мер “*Ничего не ешьте, не пейте*”. Запрет обращён к пациенту и носит характер наставления. Также запреты этой группы приближены к предостережениям и иногда сочетаются с превентивами. Этот тип запрета встречается значительно реже, чем первый, реализуемый в интересах адресанта.

Даже и не думай. Не спорь с ним! (А. Курейчик. Потерянный рай.)

Данный запрет является периферийным, поскольку он по своей семантике и иллокутивной направленности приближен к совету и рекомендации.

Но есть большое количество высказываний, не укладывающихся в узкие рамки подобной классификации. Анализ корпуса примеров позволяет классифицировать те функции, которые запрет выполняет в акте коммуникации. Наиболее типичными являются примеры, в которых запрет выполняет защитную функцию, то есть говорящий здесь может выступать в защиту как себя, так и некоторого третьего лица, либо напрямую не вовлеченного в коммуникацию, либо по той или иной причине нуждающегося в защите. Напр.,

КАПИТАН. Так и знал! Стоит на секунду отойти, как возле барабана уже копошатся какие-то мартышки.

ПАНТАЛОНЕ. Не смейте меня оскорблять!

(Л. Ворон. Маски и барабан).

В семье также часто младший запрещает старшему в ситуациях внутреннего кризиса, напр.,

С В Е Т А: Зря ты так поступила, мама. Если бы ты не ушла, может быть, он и не совершил бы преступление.

Л. М. Что ты понимаешь, девочка.

С В Е Т А. Не смей называть меня "девочкой"!

(Р. Белецкий. Фанатки)

В английском языке самыми распространёнными являются именно защищающие запреты, среди которых доминируют запреты, направленный на защиту себя. Например,

Hootan: Don't move or I'll blow you away. I'll do it nigger. Earl: Don't call me nigger

В ответ на брань и оскорбления в свой адрес человек пытается защитить себя, запретить обращаться с собой неподобающим образом.

В следующем примере адресат выступает в защиту другого лица:

BRITAIN (Impatiently) I think I deserve to know what happened. DEAN Can't you respect Chris's feelings enough to shut up? (There is a long uncomfortable silence.)

BRITAIN (Relenting) I'm sorry, Chris. I'm a little freaked out here, that's all

Говорящий заступает за одного из персонажей, в попытке приостановить затронутую болезненную для другого персонажа тему. В данном примере указывается лицо, которое защищается.

Интересными примерами самозащиты являются ситуации, где предыдущая директивная реплика инициирует возмущение-запрет со стороны говорящего. Например,

И нечего командовать. Ты мне не начальник.

То есть запрет может являться реакцией на запрет или другой сильный директив с запрещающей семантикой. В приведённом примере названа иллокутивная сила предыдущего высказывания (команда).

Второй функцией запрета в НО является восстановление с его помощью некоторого правильного порядка вещей. Такой запрет мотивирован разумностью действия. Частым случаем является запрет “Замолчите!”, высказываемый в ситуации конфликта,

Часть III

когда существует необходимость навести порядок. Такие высказывания как “*Prekratime! Xvatim!*” имеют целью прекращение беспорядка, крика, оскорблений и т.д. Например: “*Замолчи Леонид! Не кощунствуй*” или:

SERGEANT: Stop yelling Johnson. Now what is it?

Сержант призывает к порядку, реализуя с одной стороны свои властные полномочия, а с другой – восстанавливая правильный ход вещей. Этот тип запретов в равной доле встречается и в русской и в английской выборке.

Наконец, в основании запрета могут находиться некоторые нормы и правила, к которым апеллирует говорящий. Эти запреты являются лишь озвученными правилами и являются собственно деонтическими запретами [Шатуновский 1996]. Они не имеют ничего общего с желаниями и нуждами говорящего или слушающего. Например, человек, подошедший вместе с другими к воротам здания, говорит, обращаясь к остальным: “*Дальше запрещено. Частные владения*”. Высказывание не означает, что этот человек является автором запрета, он лишь озвучивает запрет, данный свыше. Следующий пример из английской выборки включает в себя подобный запрет, а также апеллирует к тому, что запрет представляет собой правило, которому необходимо подчиняться. Когда один из героев фильма пытается войти в помещение, в которое входить не разрешено, то его останавливают следующими словами:

It's against the rules. Only dogs and cats allowed in the house. It's a good rule, but this is bigger than rules. This is life and death.

Полученные результаты показывают, что в целом запрет, как речевой акт, имеет универсальный характер и выполняет одинаковые роли как в русскоязычной, так и в англоязычной коммуникации. При анализе нашего корпуса примеров на материале русского и английского языков было отмечено, что в английском языке чаще реализуются защищающие запреты, а также запреты, которые направлены на наведение порядка, регламентацию ситуации. Для русского чуть более чем для английского материала оказался характерен институциональный запрет, вербализующий норму. Данные позволяют сделать вывод, что отклонения с точки зрения вежливости при общении чаще вызывают протест у коммуникантов в английской выборке. С другой стороны, данные свидетельствуют о более авторитарном характере русского коммуникативного поведения, что подтверждает уже устоявшееся мнение исследователей о толерантности англоязычного речевого поведения, директивности и категоричности русского [Стернин, Шилихина, 2001; Тер-Минасова, 2000; Еремеев, 2001, Blum-Kulka, 1989, Wierzbicka, 2002].

Литература

- Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
Еремеев Я.Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: Автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
Ломакина Н.А. Репрезентация концепта “запрет” в рамках диалогического дискурса.// Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. 16 – 18 мая 2001 года. Часть I. Тамбов 2001.
Стернин И.А. Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001
Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
Blum-Kulka Sh., Hause J., Kasper G. Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An Introductory Overview // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, 1989.
Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, 2003.

Непрямые способы общения автора с читателем в рассказе Джеймса Джойса «Сестры»

Научный руководитель – И.А. Тарасова

В настоящее время в связи с интеграционным подходом к изучению языка как развивающейся антропоцентричной системы становится актуальным рассмотрение текста в аспекте его коммуникативной организации. Любой текст, в том числе и художественный, предстает как своеобразное связующее звено в общении между автором и адресатом, выступая как форма художественной коммуникации. Методы исследования этой формы могут быть самыми различными. С учетом категорий рецептивной эстетики подходит к проблеме диалога «автор» – «читатель» В.В. Прозоров [Прозоров, 2003]. Коммуникативная модель «автор» – «текст» – «читатель» активно разрабатывается учеными Томской школы коммуникативной стилистики с опорой на теорию текстовой регулятивной структуры [Болотнова, 2005].

Цель художественной коммуникации заключается в стремлении автора донести до читателя свое отношение, восприятие окружающей действительности. При этом автор оставляет за читателем право на сотворчество, «домысливание», «дофантазирование» (Д.С. Лихачев): «Художественное произведение раз созданное, отрывается от своего создателя; оно не существует без читателя; оно есть только возможность, которую осуществляет читатель» [Выготский, 1998. С. 344], поскольку смысл художественного текста выявляется только в процессе его восприятия [Залевская, 2001. С. 65]. В этом отношении художественная коммуникация близка к другой разновидности коммуникации – непрямо́й коммуникации, обычно трактуемой как содержательно осложненная коммуникация, в которой «понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию знака» [Дементьев, 2000. С. 4]. В художественной коммуникации, как и в непрямо́й коммуникации, итоговой смысл высказывания выводится адресатом, и для этого оказывается недостаточно знания одних правил языка.

Созданный автором художественный текст содержит в себе «готовности к совершенствованию восприятия, приоткрываясь одним на стадии неустойчивого внимания, взывая к соучастию других, подвигая третьих к разного рода эмоционально-интеллектуальным открытиям и откровениям» [Прозоров, 2003. С. 52]. Но у читателя не должно возникать ощущение вседозволенности, ведущее к произвольной, необоснованной интерпретации, результат которой – искажение авторского замысла. Постигая художественный текст, читатель должен следовать за «мыслью автора по тем вехам, которые заложены в словесной ткани произведения» [Карпенко, 1999. С. 26]. Иначе говоря, он должен уметь на основе языкового кода «подбирать ключи» к эстетическому, смысловому и коммуникативному кодам текста. Под коммуникативным кодом текста в данном случае понимается «эстетически воплощенная в тексте коммуникативная информация об ориентации на читателя» [Болотнова, 2002. С. 6]. Определение коммуникативного кода является важным шагом в работе над текстом, так как без него невозможно определить эстетический код произведения – «систему разнообразных средств и принципов их организации, воплощающих образный строй текста, его идейно-художественное своеобразие, в которых так или иначе проявляется творческая позиция писателя, система его эстетических и нравственных ценностей и индивидуально-

Часть III

авторских предпочтений» [Болотнова, 2002. С. 7]. Это, в свою очередь, влияет на формирование общего смыслового кода текста, который понимается как «закодированная в тексте содержательно-фактуальная и содержательно-коцептуальная информация о мире и личности художника слова, стоящего за текстом» [Там же].

Коммуникативная информация может заключаться как в «прямой беседе с читателем» в виде прологов, предисловий, предуведомлений или заключений для введения «читателей в своеобразный мир образов, предстающий в их произведениях, охарактеризовать специфику своего видения жизни, свое отношение к тем или иным явлениям словесного искусства» [Прозоров, 1975. С. 39], так и в «непрямом общении». Для выявления непрямых способов общения автора с читателем в процессе анализа художественного произведения следует сосредоточить внимание на таких «слагаемых художественно-словесной ткани, само назначение которых – особым образом, «сознательно» завладеть читательским вниманием, управлять им, непосредственно привлекать читательский интерес» [Прозоров, 1975. С. 40]. Это и «говорящее» название, являющееся своего рода «визитной карточкой, предъявляемой автором читателю» [Там же]; и повествовательный зачин, вступление; первая фраза, особым образом настраивающая читателя, «переключающая» его из мира реальных представлений в условно-поэтический мир; выбор места и времени действия, определяющий маршрут возможного читательского путешествия. К этому же необходимо отнести и отбор писателем лексико-фразеологических средств выражения.

Рассказ Джеймса Джойса «Сестры» открывает сборник рассказов «Дублинцы», где автор выступает обличителем современного ему общества, предстающего, по его мнению, средоточием пороков – косности, низкопоклонства, коррупции, культурной отсталости, бездуховности и т.д. Корень зла писатель видит в католической церкви, которая губит всякое свежее движение мысли и чувства. В мире бездуховности и застоя человек, вступающий в жизнь, сталкивается с тем, что его внутренний мир находится в противоречии с окружающей действительностью.

Название рассказа сразу же привлекает внимание читателя: в нем обыгрывается двойное значение слова «sisters», которое может быть переведено на русский язык как сестры или монахини. Таким образом, с самого начала, с первого слова в сознании читателя возникает тема религии.

Сюжет рассказа достаточно беден в плане каких-либо событий, поскольку главная задача автора – сосредоточить внимание читателя на внутренних переживаниях главного героя – мальчика-подростка, от лица которого ведется повествование. Доверив ребенку вести рассказ о смерти своего духовного наставника, священника Флинна, Джойс создает так называемый «исповедальный эффект», что способствует устранению дистанции между автором и читателем, который проникается доверием ко всему, о чем идет речь в произведении.

Композиционная организация рассказа также очень важна для понимания идейно-художественного содержания. Разработанная автором концепция епифании предполагает такое построение сюжета, при котором читатель по мере прочтения рассказа идет по пути озарения, осознания его главной идеи. Термин «епифания» заимствован из богословия и буквально означает «богоявление». Джойс не изменил смысла этого религиозного термина, но расширил его границы. Богоявление, эманация божественной сущности, стало у Джойса выражением и проявлением сущности вообще. Своеобразной «епифанией» становится, как правило, концовка рассказа, написанная в ином ритмическом и эмоциональном ключе – для нее характерна ясная, богатая аллитерациями, а иногда и ритмизованная проза [Гениева, 1972. С. 10].

Читатель вводится в рассказ мгновенно и предельно ясно: *There was no hope for him this time: it was the third stroke [Joyce, 1982. С. 41]*. Священник умер, и причиной болезни, сразившей его, был паралич. Слово «paralysis» несет в тексте огромную смысловую нагрузку: повторяясь несколько раз в первой части рассказа, оно, в конце концов, превращается в лейтмотив, постепенно наводя читателя на мысль, что паралич – это не только недуг отдельного человека, но и духовное состояние общества. При этом мотив паралича в рассказе неразрывно связан с мотивом греха и смерти.

Словосочетания, относящиеся к мотиву паралича, оказываются связанными сложными ассоциативными отношениями. Синтаксическое и лексическое сходство словосочетаний *the word paralyses, the word simony in Catechism, the word gnomon in the Euclid* акцентирует внимание читателя на связи слова *paralysis* со словами *gnomon* и *simony*. Данная ассоциация выражается как синтагматическими, так и парадигматическими средствами. Паралич выступает показателем, знаком (*gnomon* – 1) указатель, 2) столбик-указатель, 3) указатель солнечных часов). В то же время паралич ассоциируется с церковью (*simony* – 1) отпущение грехов за деньги, 2) купля-продажа церковного сана). Сопоставляя слово «paralysis» со словами «gnomon» и «simony», автор намекает читателю на продажность ирландской католической церкви, и говорит о сложной задаче, которую, очевидно, предстоит решить главному герою.

Кульминацией развития мотива в экспозиции рассказа является предложение: *But now it sounded to me like the name of some maleficent and sinful being*. Если ранее о параличе говорилось как о слове, то в данном случае паралич выступает уже как одушевленное существо. Вторичное значение словосочетания «*the name of some maleficent and sinful being*» определяется тем, что именно персонаж рассказа, священник, олицетворяет паралич общества. В предложении «*It filled me with fear, and yet I longed to be nearer to it and to look upon its deadly work*» восприятие главным героем паралича описывается при помощи образного словосочетания «*deadly work*». Вторичный смысл усиливается за счет двукратного воспроизведения корневой морфемы *dead* и омонимической аттракции: *'I am not long for this world' – and yet I longed to be nearer*.

Мотив смерти реализуется в описании мертвого священника, которое выполнено автором в торжественном ключе. Для привлечения внимания читателя к данному эпизоду Джойс прибегает к максимальной концентрации целого ряда выразительных средств: обособленных эпитетов, параллелизма двухкомпонентных словосочетаний, звуковой аттракции, основанной на повторе звука [s]:

But no. When we rose and went up to the head of the bed I saw that he was not smiling. There he lay, solemn and copious, vested as for the altar, his large hands loosely retaining a chalice. His face was very truculent, grey and massive, with black cavernous nostrils and circled by a scanty white fur. There was a heavy odour in the room – the flowers [Joyce, 1982. С. 45].

С этим описанием контрастирует изображение сестер отца Флинна, в котором автор использует именные словосочетания, обладающие негативной коннотацией. Интересно, что данные героини напоминают библейских персонажей. Обе сестры ухаживают за своим братом-священником так же, как сестры Мария и Марфа ухаживали за своим братом Лазарем. Но если в библейской истории Лазарь был воскрешен, для героя Джойса смерть необратима. Дублин под влиянием религии превращается в монастырь, а дублинцы – его обитателей, отсюда обилие женских персонажей, сходных с монашками, которые на каждом шагу цитируют Библию, не задумываясь о духовном смысле библейских слов. Об этом говорит и имя Нэнни, которое является примером паронимической аттракции (*Nanny* – 1. уменьшительное от *Ann*; 2. нарицательное название мо-

Часть III

нахини; 3. няня). Другая часть дублинцев, напротив, настолько далека от духовных запросов, что с пренебрежением говорит даже о религии и образовании. Таковы, например, дядя мальчика и мистер Коттер. Все персонажи, кроме рассказчика, преклонного возраста. Это подводит читателя к мысли том, что Дублин находится в состоянии упадка и застоя.

Мотив греха также отражен в отрывке-экспозиции: *But the grey face still followed me... It murmured; it desired to confess something... and there again I found it waiting for me... It began to confess to me in a murmuring voice and it smiled continually... But then I remembered that it had died of paralysis [Joyce, 1982. С. 43].* Первое и последнее слова абзаца – *it* и *sin* – согласованы в плане звуковой формы, что усиливает ассоциативные связи между идеей паралича и идеей греха в сознании читателя. Это подчеркивается и при помощи звуковой аттракции, которая в данном случае основана на звуке [s]: *But then I remembered that it had died of paralysis and I felt that I too was smiling feebly, as if to absolve the simoniac of his sin.* Цели акцентуации данной идеи служат и словосочетания, обладающие негативной коннотацией: *the heavy grey face; moist with spittle.*

Для усиления звучания мотива духовной смерти общества автором вводится символ «idle chalice». Инцидент с разбитой чашей, символизирующей чашу жизни и страданий, которую предстоит испить каждому человеку, приводит священника к переосмыслению своего положения в обществе. Отец Флинн приходит к осознанию правды о своей жизни, являющейся неудачной, пустой, но это осознание является для него столь шокирующим, что становится причиной нервного потрясения и, в результате, душевного заболевания. Священник грешен, так как понимает свою несостоятельность в качестве духовного наставника. В одном из эпизодов рассказа мальчик становится духовником священника, отпускает ему грехи, принимает его исповедь. В рассказе священник оказывается в том положении, когда прежняя жизнь для него невозможна, а для новой он не находит душевных сил и вынужден умереть. Таким образом, концовка рассказа вполне закономерна. Читатель, как и главный герой рассказа, приходит к мысли о том, что смерть является для Флинна счастливым исходом из мира.

Раскрывая динамику отношения рассказчика к одному из представителей церкви – священнику Джеймсу Флинну – автор пытается показать свое отношение к церкви как институту. Священник болен параличом, причина состоит в понимании своей несостоятельности как духовного наставника. Исходом душевного конфликта становится смерть. Лицемерное, обезличенное католическое христианство, олицетворением которого является священник, выступает как образ смерти и застоя. Такую же аналогию читатель может провести и с дублинским обществом. Это становится возможным благодаря построению сложных ассоциативных связей между синтаксическими единицами, реализующими эти мотивы, а также использованию приемов паронимической аттракции, омонимической аттракции и полифонии.

Литература

- Болотнова Н.С. Диалог с текстом как комплексная лингвометодическая проблема // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Материалы V регионального научно-практического семинара (25 апреля 2002г.) / Под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2002. Болотнова Н.С. Изучение концептуальной структуры художественного текста в коммуникативной стилистике // Художественный текст и языковая личность: Материалы IV Всероссийской научной конференции (27-28 октября 2005г.) / Под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2005.
- Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов-н-Д., 1998.
- Гениева Е.Ю. Художественная проза Джеймса Джойса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
Карпенко С.М. О роли ассоциативных связей слов в смысловой интерпретации поэтических текстов Н.Гумилева // Молодежь и наука: проблемы и перспективы: Докл. III Межвуз. науч. конф. Т. 2. Томск, 1999.
Прозоров В.В. Другая реальность: Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2003.
Прозоров В.В. Читатель и литературный процесс. Саратов, 1975.
James Joyce. Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man. Moscow, 1982.

Н.К. Хлебцова

Негативные реакции в межличностном и институциональном общении

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротина

Предметом нашего рассмотрения являются средства выражения негативных реакций в межличностном и институциональном общении. Межличностное общение должно удовлетворять следующим критериям: 1) в нем участвует небольшое число людей; 2) это непосредственное взаимодействие: его участники находятся в пространственной близости, имеют возможность видеть, слышать, касаться друг друга, легко осуществляют обратную связь; 3) оно лично-ориентированное. [Куницына и др., 2001. С. 12]. В зависимости от мотивов и целей коммуникантов выделяются разные уровни межличностного общения: 1) ритуальный, или социально-ролевой; 2) деловой, или манипуляционный; 3) интимно-личный. [Куницына и др., 2001. С. 14].

В.И. Карасик противопоставил лично-ориентированный, или бытовой, дискурс и статусно-ориентированный, или институциональный. В первом случае «общение носит свернутый, «пунктирный» характер, речь идет об очевидных вещах, используется разговорная форма речи» [Карасик, 2002. С. 346]. Институциональное общение – это «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [Карасик, 2002. С. 277]. Таким образом, межличностное общение – непосредственное, непринужденное, чаще всего неофициальное, а институциональное – общение прежде всего представителей той или иной социальной группы, носит официальный характер, строится по определенному шаблону.

Особенности межличностного общения выявлялись на основании анализа собственноручных записей разговорной речи, в частности обиходно-бытовых разговоров. Материалом для изучения институционального общения послужили 1) расшифровки магнитофонных записей защит диссертаций, хранящиеся на кафедре русского языка и речевой коммуникации СГУ (далее ЗД); 2) сделанные собственноручно записи заседаний кафедры русского языка (далее ЗК); 3) расшифровка магнитофонной записи радиопередачи – интервью с председателем Счетной палаты (далее РП). Следует отметить, что не все рассмотренные нами диалоги четко противопоставлены по признаку межличностности / институциональности, существуют и такие, которые находятся на границе межличностного и институционального общения. Например, сравнение записей двух заседаний кафедры русского языка показало, что речь участников общения зави-

Часть III

сит от того, присутствуют ли на заседании «посторонние люди» или только члены кафедры. В первом случае (мы брали заседание кафедры, на котором проходила защита диссертации) речь носит более официальный характер, т.е. осуществляется институциональное общение. В научном дискурсе участники коммуникации в большинстве случаев стараются избежать категоричности, в том числе и резких негативных реакций. Это прежде всего касается выступления рецензентов, которые, критикуя работу диссертанта, в большинстве случаев свои замечания выражают в виде пожеланий или только отчасти соглашаются с диссертантом, используя конструкции Да, но...; Вы правы, но; Работа соответствует требованиям, но и под.: – Можно защищать так / но я бы подправил // Даже основательно // Кое-что бессистемно / в частности композиция // (ЗК).

Речь на заседании кафедры, на котором присутствуют только члены кафедры имеет непринужденный характер, коммуниканты меньше заботятся о форме выражения, поэтому возникают негативные реакции типа: –Страсти прям (на сообщение о проверке документации кафедры); – Вот у меня вопрос // Поставили педпрактику экзаменом // – Чё это такое за фокусы! (ЗК).

Негативные реакции могут быть выражены различными коммуникативами, предложениями, конвенционально, клишировано [Хлебцова, 2006. С. 119-122] и все эти средства выражения встречаются и в межличностном, и в институциональном общении, но в каждом виде общения есть особенности их употребления.

Конвенционализмы и клишированные фразы встречаются преимущественно в межличностном общении, в институциональном общении, по нашим наблюдениям, такие случаи единичны: – У меня было там разобрано // [о вещах] – Да уж конечно! // Ты мне расскажи сказку! // (РР); –Пахнет вот здесь проводкой // Ты чё-т не так подключил // – Да брось ты // (РР); – Скоро весна // – Скорей бы // Я прям не могу холод // (РР); – Автор считает что сочувствие апеллирует к логике и разуму // Да ничего подобного! // (ЗК).

Для межличностного общения при выражении негативных реакций характерно разнообразие коммуникативов: – Прикольное пиво // – Да ладно // Не на ту сумму // – Не-а // Прикольное //; – У нас хороший тренер сборной по хоккею // – Да ладно // Только когда играла в последней раз в четвертьфинала // Она слила сборной Латвии //; – Некоторые саратовцы нашли в своих ящиках двойные квитанции // – Боже мой // Лучше вообще не платить / ц; – Завтра двадцать градусов // – О-о-ой (со вздохом) // Не жарко //; – Представляешь / у нас оценка по экзамену приравнивается к госу (государственному экзамену) // –И идёт в диплом // – О нет //. Причем достаточно распространены коммуникативы междометного характера (ой, фу, эх), обладающие повышенной эмоциональностью и выражающие различные чувства: пренебрежение, удивление, возмущение. Как отмечает И.А. Шаронов, «междометия <...> восходят к произвольным и нерасчлененным выкрикам, звуковым реакциям человека на внешние или внутренние раздражения» [Шаронов, 2005. С. 220]. Говорящий использует междометия в своей речи произвольно и необдуманно. Вследствие этого в институциональном общении – обдуманном и регламентированном определенными нормами поведения – междометные коммуникативы с негативной окраской недопустимы.

В институциональном общении чаще всего встречается коммуникатив нет: –... И все словари... Вы пользовались одним словарем... давали одно правописание... – Нет, конечно. Ну мы брали а... э... Оксфордскому словарю, в основном это... материал привлекался этого словаря (ЗД); Это – что, это сетка и... – Нет-нет, это нь... Это не понятийная сетка (ЗД); – <...> то есть сочувствие выражается только вербально? – Нет /

сочувствие может вообще не выражаться // Может посочувствовать / но не сказать // (ЗК).

Следует отметить, что в таких случаях коммуникатив нет встречается не изолированно, а в составе предложения. Частотность коммуникатива нет объясняется прежде всего тем, что он используется для выражения несогласия с мнением собеседника, а для защиты диссертации наличие различных точек зрения вполне обычно.

По нашим наблюдениям, негативные реакции в институциональном общении чаще всего выражаются предложениями, различными по своей структуре. Во-первых, это предложения с компонентом Да, но... (вариант конечно, но). Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев считают, что высказывания с таким компонентом имеют функцию скрытого возражения. Они более предпочтительны, чем открытое возражение, так как соответствуют требованиям вежливости. Используя в своей речи модель Да, но... «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы этой мысли» [Булыгина, Шмелев, 1997. С. 137]. Таким образом, говорящий либо частично готов согласиться с оппонентом, либо дает понять, что, по крайней мере, принимает во внимание его аргумент: – <...> для огромной страны / энергетически / э / насыщенной / и в то же проблемной в этом плане северной страны России / должен быть национальный проект «Электроэнергетика» // – Да / но с другой стороны Сергей Вадимыч / вот мы всё время платим так скать за коммунальные услуги и этим / эти цены возрастают / из года в год возрастают // (РП); – Здесь я вам скажу есть и плюсы и минусы на самом деле / с точки зрения социальной справедливости конечно мне представляется должна быть прогрессивная шкала налога // Но когда шли на 13 процентов для всех / была попытка в определенной степени вы знаете успешная / (РП). В разговорной речи нами зафиксированы немногочисленные случаи употребления этой конструкции, преимущественно в тех ситуациях, в которых актуализируются социальные роли преподаватель – студент, т.е. в институциональном общении: – Это будет в каждой семье / свои номинации // – Да но в каждой семье называют по-разному зал / большая комната и маленькая комната // (РР).

В институциональном общении при выражении негативных реакций нами отмечено широкое использование слова «к сожалению»: – К сожалению да / это проблема номер один // (РП); – К сожалению я говорю абсолютно откровенно / э / движения вперед практически нет // (РП); – А больше всего поражает то что / к сожалению // как воровали / чиновники некоторые / так и продолжают // (РП). В данном случае негативные реакции вызваны не репликами собеседника, а фактами, о которых идет речь.

В институциональном общении собеседник пытается быть предельно вежливым, поэтому он нередко извиняется за свои слова или за неточно использованное слово, выражая свою негативную реакцию: – Есть одна тема / э / к которой мы шли тяжело / но вот сумели её / э / извините за такое слово продавить / э // (РП); – Эта тема / это тема и по этой теме мы сейчас работаем / и в апреле месяце доложим / и правительству и нашим / э / избирателям / нашим / нашим согражданам / извините что я так говорю про избирателей о том что происходит // (там же); –Иди вон контрактником / если совсем / я прошу прощения / пускай на меня мои люди в погонах не обидятся // (там же).

Подводя итог, можно сказать, что негативные реакции в институциональном и межличностном общении различаются средствами выражения. В межличностном общении происходит непосредственный, неподготовленный контакт коммуникантов, поэтому они меньше заботятся о форме выражения своих мыслей. Вступая в институциональное общение, коммуниканты строят свое речевое поведение в зависимости от со-

Часть III

циальной роли, которая им присуща в данный момент общения, поэтому стремятся не выходить за рамки предписанных для этой роли правил коммуникации.

Список сокращений

ЗД – защиты диссертаций
ЗК – заседание кафедры
РП – радиопередача

Литература

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Возражение под видом согласия // Облик слова. М., 1997.
Хлебцова Н.К. Негативные реакции в научной, телевизионной, публицистической и разговорной речи. Попытка классификации // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2006.
Шаронов И.А. Междометия в речевой коммуникации // Эмоции в языке и речи. Сб. ст. / Под ред. И.А. Шаронова. М., 2005.

Текст и дискурс

А.В. Андреева

Языковые средства создания уникального политического предложения

Научный руководитель – доцент Т.В. Харламова

В настоящее время реклама стала частью нашей жизни, мы сталкиваемся с ней повсюду, она влияет на ход наших мыслей, на наше поведение. В связи с этим все большее число специалистов из разных областей знаний стали заниматься исследованием рекламы. Наряду с коммерческой рекламой существует политическая.

С точки зрения российского законодательства, «Политическая реклама – это реклама партий (объединений), органов государственной власти, государственных и общественных объединений и принимающих участие в политической деятельности отдельных граждан; их действий, идей, программ и отношений к каким-либо организациям, событиям, гражданам, идеям» [Закон РФ о политической рекламе].

В наиболее комплексном, синтетическом определении, предложенном Д.В. Ольшанским, «политическая реклама – это система политических коммуникаций, призванных изменить сознание и поведение людей в соответствии с политическими целями рекламодателя» [Ольшанский, 2002. С. 122].

Так как политическая реклама это своего рода результат развития коммерческой рекламы, то многие теории, приемы, используемые при создании торговой рекламы, были усвоены и политической рекламой. Так, в американской политической рекламе всегда активно используются технологии коммерческой рекламы. Специалисты давно пришли к следующему выводу: специфика «продажи» политика состоит только в том, что он умеет говорить. Ничем другим он не отличается от товара и услуги.

В рекламе последних десятилетий наиболее влиятельны три основные теории: теория имиджа Д. Огилви, теория позиционирования Дж. Траута и А. Райса и теория уникального торгового предложения Р. Ривса. Все они получили свое развитие в политической рекламе. Остановимся более подробно на теории уникального торгового предложения Р. Ривса.

Основным стержнем политической рекламы как таковой стала концепция уникального торгового предложения, которое было трансформировано из чисто торгового в сугубо политическое. Трансформация уникального торгового предложения в уникальное политическое предложение во многом определяет основные различия между коммерческой и политической рекламой. Концепция уникального политического предложения отделила политическую рекламу от торговой на теоретическом уровне.

Возникшее по аналогии с «уникальным торговым предложением» «уникальное политическое предложение» имеет трехкомпонентную структуру и включает:

1. внятное и четкое обозначение товара и услуги;
2. уникальность самого предложения;

Часть III

3. его достоинства и его выгоды.

«Уникальное политическое предложение» создается за счет вербальных средств и закрепляется в памяти людей из-за его постоянного повтора.

Так, в кампании 2000 г., проводившейся Республиканской партией США на радио и телевидении, «уникальное политическое предложение» было связано с социальной сферой, а именно: снижением налогов, предоставлением родителям возможности самим выбирать школу для своих детей, государственной программой по обеспечению пенсионеров медикаментами.

При анализе лингвистической составляющей «уникального политического предложения» было выявлено широкое использование повторов разного типа. В частности, лексические и транспозитивные (*school choice* (выбор школы) и *to choose school* (выбрать школу)) повторы, способствующие закреплению и усвоению информации, а также продвижению политического продукта на рынке товаров и услуг. Примером лексического повтора может служить номинация *tax credits* (сумма налога по дивиденду акции, которую оплачивает компания), примером транспозитивного повтора являются словосочетания). Повторы возможны не только в рамках одного рекламного текста, но и целого рекламного цикла. Повтор номинации создает замкнутость рекламного цикла, что позволяет воспринимать каждый отдельный ролик как часть одного целого. Кроме того, повторы способствуют ассоциативности восприятия. Так, зритель/слушатель воспринимает каждую рекламу в контексте всего цикла.

Для успеха рекламной кампании необходимо уделить особое внимание самому названию рекламного продукта. В нашем случае это название политической партии. В качестве базовой номинации выступает *Republican National Committee* (Республиканский национальный комитет). Однако в качестве основной, т.е. наиболее частотной, выступает номинация *Republicans* (республиканцы), что подчеркивает не абстрактность, а реальность существования рекламируемой партии. Республиканцы – живые люди, способные действовать, воплощать свою политическую программу на деле. Название *Republicans* ближе избирателям. Использование номинации *Republicans* позволяет партии отождествлять себя не с избранной группой людей, входящих в состав Республиканского национального комитета, а с обыкновенными членами партии и просто людьми, разделяющими политический идеи данной партии.

Существует огромное количество классификаций политической рекламы. Этим вопросом занимались А. Дейян, Ф. Котлер, М. Керн, Р. Джослин, Джонсон-Карти, Д. Ольшланский, Дж. Котленд. Остановимся на более общей классификации, основанной на цели рекламного сообщения. Выделяется реклама положительная, негативная и сравнительная. В положительной рекламируемый товар, то есть политик/партия, показывается с позитивной стороны; в негативной рекламе атакуется оппонент; в сравнительной – политик или партия сопоставляются с соперниками.

В президентской кампании 2000 г. из 14 роликов 4 были полностью негативными, 9 – сравнительными, с преобладанием в них отрицательной коннотации по отношению к конкуренту, и лишь 1 клип был позитивно-информативным.

Задачей негативной политической рекламы является создание у зрителя отрицательного восприятия политического соперника, для этого используются следующие лингвистические средства:

1. Лексические единицы с отрицательной коннотацией. Например: *to wipe out* (уничтожать), *to threaten* (угрожать), *to fail* (потерпеть неудачу), *to skyrocket* (резко подскочить – о ценах), *to oppose* (противиться), *to pollute* (загрязнять), *recession* (спад), *disaster* (несчастье, бедствие), *distortion* (искажение фактов, идей).

Данные лексемы с отрицательной коннотацией нередко используются при описании противника, его действий и его политической программы.

2. Немалую роль при создании отрицательного образа политика-соперника играет военная лексика, с помощью которой изображается враждебное поведение оппонента А. Гора по отношению к Дж. Бушу и всей американской нации. Данная лексика весьма характерна для предвыборного политического дискурса, она воссоздает ситуацию борьбы. Например: *Al Gore's negative attacks on George Bush (attacks – атаки); his prescription drug plan forces seniors into HMO selected by the federal government (forces – принуждает); He says he wants to fight for the people against HMOs (to fight for sb. against sth. – защищать кого-либо от чего-либо); Al Gore may see the car as our enemy, but in Michigan it's our jobs (enemy – враг).*

Обилие военной лексики обеспечивает формирование у зрителя ощущения опасности происходящего.

3. Наряду с использованием лексических единиц с негативным семантическим значением для создания отрицательного образа оппонента также применяются и отрицательные грамматические конструкции, такие как: *can't read* (о школьниках: не умеют читать); *Gore's plan doesn't take it into consideration* (предложенная Гором программа этого не предусматривает); *he doesn't require any real testing* (он не требует проведения серьезных экзаменов); *no testing means no accountability* (нет экзаменов – нет ответственности); *he didn't even do it* (он даже и не делал этого).

При помощи отрицательных грамматических конструкций подчеркивается бездействием оппонента. Это бездействие соперника нередко является основой для негативной рекламы. Данные отрицательные грамматические конструкции повторяются, переходя из одной рекламы в другую. Таким образом, мы наблюдаем повтор не только на лексическом, но и на синтаксическом уровнях.

4. Хотя в рекламных роликах нет прямого обличения во лжи, все же достаточно ясно выражается недоверие по отношению к сопернику (в частности, к Гору). Сомнение, как правило, выражается вопросительными конструкциями типа: *Can I believe him?* (Могу ли я ему доверять?) – когда напрямую задается вопрос о доверии кандидату. *Why does Al Gore say one thing, when the truth is another?* (Почему Гор говорит одно, когда правдой является совершенно иное?) – в данном примере также подвергается сомнению правдивость заявлений Гора. *The Al Gore who raises campaign money at a Buddhist temple? Or the one who now promises campaign finance reform?* (Тот Альберт Гор, который добывает деньги для проведения избирательной кампании у буддистского храма? Или тот, который сейчас обещает нам провести финансовую реформу избирательной кампании?).

5. Необходимо также уделить внимание скандальному рекламному ролику Республиканской партии «Priority» («Приоритет») [<http://www.gwu.edu/~action/ads2/rncad5.html>]. В нем были использованы техники нейро-лингвистического программирования. В рекламе речь идет о подходах Буша и Гора к реализации государственной программы по обеспечению пенсионеров медикаментами. Гор обвиняется в том, что его план выгоден только бюрократам: *The Gore Prescription Plan: Bureaucrats decide* (План Гора: бюрократическое решение). При этом данная строка выделяется графически на фоне говорящего Гора. Более того, в слове *Bureaucrats* (бюрократы) вспышкой выделяется его вторая часть *RATS*, которое идентично слову *RATS* (крысы), что придает негативную окраску избирательной кампании Гора.

Таким образом, создатели рекламы соединили образ Гора с бюрократами и крысами, т.е. прикрепили к нему негативный ярлык. Навешивание ярлыков – одна из так-

Часть III

тик диффамации противника. Среди НЛП-тренеров подобный прием получил название визуальной «барабанной дроби».

Оппонент А. Гора, Дж. Буш, напротив, преувеличенно идеализируется в этом ролике. Образ Дж. Буша в рекламе – популистский. Если обратиться к классификации популистских имиджей, предложенной К. Кенни и М. Колганом [Images that injure, 2003. P. 223], то мы можем сказать, что в данной рекламе Буш является собой так называемый тип политика «рад вас видеть». Для создания данного образа кандидата показывают на фоне обыкновенных людей, на встрече с избирателями, в рассматриваемом нами примере, на встрече с пенсионерами.

Можно сделать вывод, что «уникальное политическое предложение» создается при помощи различных вербальных средств на лексическом, грамматическом, синтаксическом и нейро-лингвистическом уровнях и нередко формирует отрицательное восприятие политического оппонента. Комбинация разнообразных вербальных средств способствует достижению желаемого результата.

Литература

- Огилви Д. Тайны рекламного двора // Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход: учеб. пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. Самара, 2001.
- Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2002.
- Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб., 2003.
- Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2002.
- Johnson-Cartee K.-S., Copeland G.-A. Negative political advertising: Coming of Age. N.Y., 1991.
- Kenney K., Colgan M. Positive, populist images: news photographs // Images that injure: pictorial stereotypes in the media. Praeger, 2003.

Е.В. Афанасенко

Своеобразие семантической повторяемости в реализации тактик и стратегий в ритуальном политическом дискурсе

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Целью данной статьи является выявление своеобразия семантической повторяемости в реализации тактик и стратегий в ритуальном политическом дискурсе (ПД). К ритуальным жанрам относятся традиционные обращения политиков к народу (например, инаугурационная речь президента, традиционное новогоднее поздравление президента, тронная речь королевы и т.п.), то есть иллюкутивные акты, которые Дж. Р. Сёрль называл декларациями. Такие тексты не имеют целью побудить адресата к совершению какого-либо действия или донести до него какую-то новую информацию, но они необходимы в политической жизни каждого государства, так как являются соблюдением традиций народа и таким образом способствуют объединению всех граждан данного государства, то есть в них преобладает фатика интеграции.

Исследование проводилось на материале инаугурационных выступлений президентов В. Путина (2000 г., 2004 г.) и Д. Буша (2005 г.). В соответствии с коммуникативной интенцией, направленной на решение частных, тактических коммуникативно-прагматических задач, разделим анализируемые тексты на дискурсивные сегменты (ДС). Членение инаугурационного выступления американского президента выглядит

следующим образом: ДС вступления, ДС реминисценций, отражающий историю развития государства со дня основания, ДС обрисовки целей и задач, которые ставит перед собой и своей страной Д. Буш.

Характерной чертой выступления российского президента в 2000 г. является то, что здесь нельзя чётко разделить текст на ДС, в то время как в тексте 2004 г. это разделение уже более явно. Это объясняется главным образом экстралингвистическими факторами: США имеют многовековую историю развития государства во главе с президентом с давно сложившимися традициями в политической жизни страны, в то время как в России институт президентства достаточно нов, история его развития насчитывает всего несколько лет.

Инаугурационная речь президента, как отмечалось выше, относится к ритуальным жанрам, сопровождает торжественное национальное событие (инаугурацию президента), поэтому одной из основных стратегий, реализуемых в таком тексте, будет **стратегия формирования эмоционального настроя адресата**, проявляющаяся главным образом в тактике единения и солидаризации и тактике учёта ценностных ориентиров адресата.

Тактика единения и солидаризации служит задаче сплотить всех слушателей как единый народ и говорящего как часть этого народа. Реализуется данная тактика через лексический ТП местоимения *we – мы* (30 употреблений), *our – наши* (40), *us – нам* (2). Ср. речь Д. Буша: 7 употреблений местоимения *I – я* и 2 – местоимения *tu – мой*; речь В. Путина 2000 г.: *мы* в разных падежах – 14 словоупотреблений, *наши* – 7, *я* – 12, *мой* – 1, а также 7 случаев предложений без подлежащего с глаголом в 1 л. ед. ч. (например, *Хочу поблагодарить..., Могу заверить...* и т.п.); речь 2004 г.: *мы* – 14 раз, *наши* – 5, *я* – 5, *мой* – 1 и 6 предложений, где подразумевается подлежащее *я*. Заметно преобладание местоимений множественного числа и резкое уменьшение использования местоимения *я* в именительном падеже в более позднем по времени выступлении (ср. 2000 г. – 9 употреблений, 2004 г. – 1). Кроме того, в тексте инаугурационной речи 2004 г. местоимение *мы* усиливается словами, передающими семантику единения (*мы вместе, мы с вами*). Тактика единения и солидаризации проявляется в повторе слов, имеющих в своём значении сему ‘единство’. Например, повтор глагола *unite (объединять)*, элементы которого встречаются в ДС вступления речи Д. Буша и в конце текста, как бы образуя рамочную конструкцию и подчёркивая одну из основных мыслей, которую говорящий стремится донести до слушателей. В выступлении В. Путина данная тактика реализуется через более разнообразные виды семантической повторяемости, компонентами которых являются ключевые слова, имеющие в своём значении сему единства: лексический ТП (*общий, вместе*), корневой ТП (*общий – сообща, единство – единый*), синонимический повтор (*вместе – сообща, целостность – единство*).

Главным отличием ПД от других видов дискурса считается его апелляция к ценностной системе, существующей в данном обществе. На речевом уровне **тактика ценностной ориентации адресата** выражается в повторении ключевых слов, отражающих ценностные доминанты. В речи Д. Буша для этого используются лексический и корневой ТП (*just-justice*) и синонимический повтор (*freedom-liberty*), подчёркивающие главные ценности американского демократического общества в целом: свобода, равенство, справедливость. В выступлении В. Путина к указанным видам повторяемости добавляется фразовый ТП (*демократическое государство, политическая стабильность*), подчёркивающий главные ценности российского общества, связанные с государственными задачами в целом – объединением общества, политической стабильностью, экономическим развитием и т.п.

Часть III

Значительное место в инаугурационном выступлении занимает и **агитационная стратегия**, реализующаяся через тактики обещания и призыва. На речевом уровне в англоязычном тексте для реализации **тактики обещания** используются глаголы будущего времени или глагол состояния *to be determined* (полон решимости что-либо сделать). Для обозначения предмета обещания используется повтор ключевых слов, обозначающих главную ценность американского общества (*freedom, liberty*). В речи В. Путина используются разные виды повторов, в состав которых входят глаголы: глагольный ТП, обладающий грамматической вариативностью (*могу обещать и обещаю*); фразовый ТП; корневой ТП (с глаголом в качестве одного из элементов), где семантика однокорневых слов связана с принятием обязательств (*ответственность – отвечать за*), а также синонимический повтор, состоящий из существительных (*обязанность, долг*) и наречий (*открыто, честно*), семантика которых связана с принятием обязательств и обещанием их исполнить.

Тактика призыва в выступлении американского президента реализуется через использование глагола *to ask* (*просить*) и глаголов в повелительном наклонении, а также с помощью семантической повторяемости: лексического ТП (*liberty, freedom, free*) и корневого ТП (*free – freedom*) ключевых слов, корневого ТП слов, по семантике противоположных понятию свободы (*oppression – oppressors*). В речи В. Путина не используется повелительное наклонение, нет ни одного местоимения или глагола во втором лице, только *мы, нас, наши*. Тактика призыва здесь, главным образом, реализуется с помощью синонимичных предикатов и направлена на всех россиян вместе с президентом – *мы обязаны, мы должны*, синонимический повтор *вместе – сообща*, – всё это делает призыв менее категоричным и вызывает большее доверие к говорящему, который также является одним из тех, на кого направлен призыв.

Таким образом, основные стратегии, используемые в инаугурационном выступлении, относятся к группе стратегий удержания власти (так как говорящий уже находится у власти) или к группе стратегий убеждения (что соответствует основной интенции ПД в целом). Главными здесь являются стратегии, созвучные с основным пафосом ритуального ПД: стратегия формирования эмоционального настроения адресата, встречающаяся во всех ДС, и агитационная стратегия, отсутствующая только в ДС реминисценций.

Особенности англоязычного и русскоязычного ритуального ПД состоят в реализации отдельных тактик. Кроме того, как показало наше исследование, повторы в русском тексте более разнообразны, чем в американском. Данные особенности объясняются, с одной стороны, экстралингвистическими факторами (политическая история российского государства требует использования дополнительных средств воздействия на адресата – народ), а с другой – синтетическим строем русского языка, дающего больше возможностей для формирования разных видов повторяемости.

П.А. Герасимова

Средства выражения субъективной модальности в речи англоговорящих детей 3-6 лет

Научный руководитель – доцент Н.Г. Мальцева

Данная работа посвящена исследованию средств выражения субъективной модальности в речи англоговорящих детей на основе анализа их высказываний в диалогич-

ческой речи. Материалом исследования послужили записи детей от трех до шести лет, собранные в базе данных CHILDES (Child Language Exchange System) в университете Пенсильвании и университете Карнеги-Меллона (www.childes.psy.cmu.edu).

Антропоцентрическое направление в языкознании способствовало тому, что субъективизм речевой деятельности стал предметом пристального внимания со стороны учёных. Языковой эгоцентризм ориентирован на ситуацию речевого общения с «Я» как субъектом речевой деятельности и исходным пунктом грамматического анализа.

Известно, что эгоцентризм является одной из доминирующих характеристик детской речи и детского сознания, наряду с анимизмом, антропоморфизмом, синкретизмом и др. [Мальцева, 2002].

Детский дискурс включает в себя диктум и модус, то есть отражение в описаниях некоторой предметной составляющей, и отражение самой речевой ситуации, включая её субъективную оценку, отношение объективной ситуации к действительности. Ребёнок не может абстрагироваться от личного, индивидуального начала в мировосприятии. Это ярко отражается в его речи и реализуется посредством так называемой «Я-темы» (термин А. Вежбицкой).

Субъективная модальность – это оценка говорящим описываемых фактов (положительная или отрицательная, уверенность или неуверенность, согласие или несогласие). В категории субъективной модальности язык фиксирует свойства человеческой психики: противоречие «Я» и «не Я», фактическое содержание высказывания (диктум) и индивидуальную оценку излагаемых фактов (модус).

Основными средствами реализации субъективной модальности на основе полученных данных являются следующие:

1. Интонация формируется очень рано, с появлением первых вокализаций ребенка. Наблюдается чёткая дифференциация интонационных контуров, выражающих несогласие, убеждение, равнодушие, раздражение.

2. Своеобразным «мостиком» между интонационным и лексическим способами выражения модальности некоторые исследователи (например, В. Швец) считают синтаксическую конструкцию переспроса с восходящей интонацией – в английском языке это так называемые «tag questions»:

She is always hungry, isn't she? (5 – возраст ребенка).

В данных примерах переспрос является реализацией модальности достоверности: ребёнок выражает неуверенность в своем предположении. С другой стороны, это – своего рода контактоустанавливающие фразы: ребёнок стремится к диалогу, ждёт подтверждения своей идеи.

3. Междометия. Помимо непосредственно выражения эмоций, междометия выполняют функцию привлечения внимания к высказыванию («hey», «look» и т.п.), то есть являются фатическими элементами:

Hey, I see a pigeon! (4.6).

Oh, dear! Oh, boy! (5.2).

Holy cow! Look, what happened! (4.6).

4. Лексические интенсификаторы, наречия. Благодаря определённому предметно-логическому значению и большой модальной нагруженности, данные лексические единицы уподобляются междометиям:

He's really big!

That's perfect!

It's awful!

Часть III

5. Эмоционально-оценочная лексика. Проблемы ее функционирования в речи детей заслуживают особого внимания. Оценочные прилагательные составляют значительную часть лексикона детей с самого раннего возраста:

Funny apple, funny ice-cream (3.1).

Pretty dress (3.9).

Nice trousers (5.0).

Наиболее ярко в речи детей исследуемого возраста представлены средства выражения уверенности, или, чаще, неуверенности говорящего в истинности высказывания. В.В. Швец отмечает, что данное противопоставление у ребёнка еще не актуализировано: он требует от взрослого подтверждения любой сообщённой информации [Швец, 2003].

При оценке высказывания как достоверного ребёнок должен учесть тип информации, который лежит в основе данной оценки:

а) непосредственная информация, базирующаяся на чувственном восприятии, ранее приобретенном опыте;

б) косвенная информация, на основании которой говорящий может путём логического рассуждения сделать оценку её вероятности [Швец, 2003].

Каждый тип информации предполагает использование специфических модальных средств. Для оценки достоверности сообщаемого в ситуации, когда ребёнок не вполне доверяет своему чувственному восприятию, он чаще всего употребляет инициальную конструкцию «It looks like»; «Looks like»:

Looks like a Christmas tree, that tree (4.9).

That doesn't look like an ice cream cone (3.7).

Для оценки достоверности своего предположения дети употребляют такие вводно-модальные компоненты, как «probably», «maybe», «might be», а также часто используют модальные глаголы:

Maybe it's gone out for a walk (4.9).

That might be her husband (5.0).

Probably I'll (5.1).

Might fit there (5.0).

В дальнейшем ребёнок расширяет репертуар модальных лексем с данной семантикой:

I expect they'll run and jump over (5.0).

В данном примере ребёнок выражает предположение о возможном развитии событий.

Характерно, что подобные глаголы, выражающие предположение, в диалоге детей со взрослыми практически не встречались. Однако обращает на себя внимание неоднократное употребление фразы «I suppose» (я предполагаю) в составе цитации – имитации речи взрослых в процессе игры. Например, дети играют в «мужа и жену», причём муж занимается в данное время починкой машины:

Oh, oh, boy, you gave me a shock, uh, suppose, you have the rest of the tools in my belt (5.1).

Uh, suppose I be working on the wheels now, honey (5.1).

В целом, активное употребление модальных лексем с семантикой сомнения, неуверенности и предположения свидетельствует о том, что ребёнок начинает строить различные гипотезы, устанавливая причинно-следственные связи между событиями и явлениями. Появляется осознание «Я» как активного начала, субъекта деятельности. Развивается усвоение культурно обусловленных оборотов речи, словесной сочетаемо-

сти и фразеологических единиц. Развивается осознанная цитация. Приобщаясь к культуре взрослых, ребёнок осознаёт себя как часть общества, у него появляется желание «говорить, как взрослые» [Ионова, 1997].

Лексические средства выражения уверенности встречаются реже. Среди них можно отметить «Of course» (конечно), «I am sure», «I bet»(я уверен):

I bet nobody, I bet the six million dollar man can't lift those things up (4.7).

I bet you don't know what's in there (5.0).

Но в целом процентное содержание лексем, выражающих уверенность, значительно ниже, чем лексических элементов, выражающих сомнение, неуверенность. Последние часто реализуются неспецифическими лексическими средствами, сочетающими своё основное значение с модальными. Среди них одним из наиболее употребительных является коммуникатив «Well»:

Well, he is eating a banana (3.7).

Данный коммуникатив обычно сигнализирует о начале нового высказывания и является средством заполнения паузы в речи. Он чаще всего употребляется детьми при высказывании собственного мнения, особенно если ребенок не очень уверен в правильности своего предположения.

Довольно часто также встречаются коммуникативы «You see», «You know», «I mean»:

You know, cats can't climb the table (3.7).

I mean, a boy and a doggie (3.7).

Описанные элементы выполняют несколько функций. Они не только выражают субъективные смыслы, отражая позицию говорящего, но и являются одним из средств адресации. Их употребление приводит к «субъективизации» информации, её направленности от говорящего к адресату. Данные вводные компоненты в этом случае выполняют фатическую функцию и их употребление продиктовано проявлением внимания говорящего к собеседнику, желанием установить контакт с ним. В результате такого «адресованного» употребления вводно-модальных компонентов возникает внутренняя диалогичность речи [Пляскина, 2001].

Таким образом, оборот «you know» (понимаешь) в приведённом выше примере можно рассматривать как стремление найти поддержку у собеседника, «установление корпоративных отношений между ними: «мы одинаково смотрим на мир» [Пляскина, 2001. С.143]. Вводный компонент «I mean» (я имею в виду) выступает как предупреждение возможного непонимания: не пойми меня неправильно.

Такие вводно-модальные компоненты как «Maybe» (может быть), «Perhaps» (возможно) могут служить не только для выражения неуверенности, но и реализовать интенцию некатегоричного побуждения – просьбу, приглашение к совместному действию:

I don't know, maybe we could have some ice-cream (3.3).

«Maybe» в данном примере оформляет императивное высказывание; формально являясь утвердительными, такие предположения выполняют роль побудительных; их иллюкутивная функция – побуждение к действию.

Таким образом, модально-оценочная составляющая играет значительную роль в детских высказываниях наряду с содержательной стороной. В данной работе мы рассматриваем прежде всего лексические способы выражения модальности. Они появляются в речи детей приблизительно в период от 2,5 до 3-х лет. К 5–6 годам модальная составляющая представлена достаточно широко.

Часть III

Так как материалом исследования является разговорная детская речь, в ней практически не встречаются «взрослые» вводно-модальные обороты, характерные для письменных текстов или речи взрослых. Языковые возможности детей, безусловно, ограничены инпутом. Слова, составляющие ядро лексико-грамматического класса вводно-модальных слов, передающие степень достоверности («По-видимому», «Вероятно», «Возможно») в речи детей встречаются редко [Седов, 2004].

В речи как русскоговорящих, так и англоговорящих детей, реализуются языковые средства иного рода.

Основными средствами реализации субъективной модальности являются интонация; междометия, вводно-модальные компоненты, а также широкий класс модальной, оценочной и экспрессивно окрашенной лексики.

Литература

Ионова Т.Л. Типология экспрессивных средств в детской речи // Проблемы онтолингвистики. СПб., 1997.

Мальцева Н.Г. Устный дискурс русских и английских детей в возрасте пяти-шести лет: Дисс... канд. филолог. наук. Саратов, 2002.

Пляскина М.В. Модальные слова как средство воздействия на адресата // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – текст – адресат. Новосибирск, 2001.

Седов К.Ф. Дискурс и личность. М., 2004.

Швец М.В. Выражение уверенности-неуверенности в достоверности сообщаемого в речи детей 2-4 лет // Возрастное коммуникативное поведение. Воронеж, 2003. Вып.1.

Д.О. Исмагулова

Средства выражения возможности в функции создания образа героя в романе И.С. Тургенева «Рудин»

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицына

Модальность – сложная и многоаспектная категория, раскрывающая отношение содержания предложения к действительности. В содержательный объем этой категории включаются такие значения, как реальность/нереальность, утверждение/отрицание, достоверность, необходимость, желательность, возможность и другие.

Модальность возможности «оформляет предикативное отношение как потенциальное в реальном или нереальном бытии явлений» [Пете, 1991. С. 359]. В художественном тексте она имеет многообразный план выражения и выполняет различные функции. В работе исследуется одна из функций средств выражения возможности в романе И.С. Тургенева «Рудин» – создание образа героя.

Модальность возможности в некоторых своих значениях тесно связана с категорией оценочности. Это такие значения, как постоянная способность сделать что-либо, умение, талант; способность сделать что-либо в конкретной ситуации и возможность определенного действия в нужный момент времени. Желая выяснить, какие именно качества и способности героев оцениваются в романе Тургенева «Рудин», мы пришли к выводу, что важнейшие для понимания образа главного героя и частично других героев этого романа характеристики с помощью средств выражения возможности – это умение говорить и способность действовать. Важность этих характеристик, содержащих в себе

семантику возможности, для понимания образов героев и представленность их в тексте множеством примеров подтверждают, на наш взгляд, актуальность исследования модальности возможности как одного из средств создания образов героев. Проанализируем каждую из этих характеристик в отдельности.

Владение языком, умение и способность говорить являются очень важными характеристиками героев в любом художественном произведении, но в контексте романа «Рудин» они приобретают совершенно особое значение, напрямую связанное с личностью главного героя. В тексте романа нами найдено большое количество высказываний, оценивающих умение того или иного персонажа говорить, и большинство из них образовано именно с помощью средств выражения возможности. Здесь представляется возможным выделить ряд значений.

1. Часто оценивается красноречие, т.е. «дар хорошо и красиво говорить» [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 2002. С. 303], а дар – это «способность, талант» [Там же. С. 152], т.е. в самом слове **красноречие** присутствует модальный фон возможности.

Характеристика красноречия героев чаще всего создается с помощью собственно модальных глаголов **уметь** и **мочь** и используемого в предикативной функции краткого прилагательного **красноречив**.

Большинство примеров с этим значением относятся именно к Рудину и характеризуют его как человека, обладающего великолепным даром красноречия. Например: «Рудин владел едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать другие» [С. 469]. В авторской характеристике, образованной с помощью конструкции с глаголом **владеть** и модального глагола **уметь**, звучит искреннее восхищение.

Если рассмотреть примеры, в которых герои сами оценивают свое умение говорить, то здесь заметно намеренно создаваемое автором противопоставление Рудина и Пигасова. Рассмотрим их реплики.

Рудин: «...Говорят, я был красноречив когда-то» [С. 555]; «Способности мои недюжинные же, наконец, языком я владею...» [С. 557].

Пигасов: «Так-с, так-с. Доложу вам, по моему мнению... а я могу-таки при случае свое слово молвить; я три года в Дерпте выжил...» [С. 461].

Оценка Пигасовым своего умения говорить, образованная с помощью модального глагола **мочь**, категорична и отдает хвастовством и излишней самоуверенностью. Оценки Рудиным своего умения говорить более чем скромны, особенно если принять во внимание высказывания об этом автора и других персонажей, а главное, саму его речь, и создаются эти оценки совсем другими средствами. Употребление оценочного прилагательного **красноречив** по отношению к себе смягчается прошедшим временем и использованием неопределенно-личной конструкции **говорят**, которая как бы снимает с Рудина возможные обвинения в похвальбе. Конструкция же **владеть языком**, используемая Рудиным, слишком нейтральна по отношению к тому, кто владеет «музыкой красноречия» [С. 469].

Отношение автора к речи Рудина как к некому эталону красноречия подчеркивается тем, что речь других героев оценивается часто в соотношении с речью Рудина. Например, автор говорит о приближении Натальи к этому образцу: «Щеки Натальи слегка зарумянились, и глаза ее заблестели. До знакомства с Рудиным **она никогда бы не произнесла** такой длинной речи и с таким жаром» [С. 504].

2. В тексте встречаются и оценки отдельных речевых умений. Например: «Рудин начал рассказывать. Рассказывал он не совсем удачно. В описаниях его не доставало красок. Он не умел смешить» [С. 469]. Автор с помощью модального глагола **уметь**

Часть III

показывает, что смех – не стихия Рудина, не его сильная сторона. Это характеризует всегда увлеченного серьезными мыслями Рудина как человека, которому не хватает непосредственности, сердечности, теплоты.

3. Выделяется группа примеров, которые относятся к способности героя говорить в определенной ситуации или относительно определенного предмета.

Рассмотрим пример, в котором Ласунская говорит о неспособности Пигасова продолжать спор с Рудиным.

– Позвольте, позвольте, однако, – начал было Пигасов...

Но Дарья Михайловна захлопала в ладоши, воскликнула: «Браво, браво, разбит Пигасов, разбит!» – и тихонько вынула шляпу из рук Рудина [С. 462].

Значение возможности здесь выражено имплицитно с помощью краткого причастия **разбит** (=не может спорить), которое создает лаконичную и эмоциональную реплику. Однако и без характеристики Ласунской читателю ясна блестящая победа Рудина над желчным скептиком Пигасовым. Эти слова гораздо больше характеризуют ее саму и атмосферу, царящую в ее доме. Ласунская дает резкую характеристику Пигасову не потому, что чувствует умственное и нравственное превосходство Рудина, а потому что Рудин в данный момент интересен ей как новый человек, как незаурядная личность, которая может стать украшением вечеров в ее доме.

4. Среди примеров, характеризующих речь героев, встречаются такие, в которых говорится о важном свойстве речи оказывать воздействие на людей, пробуждать в них какие-то мысли, чувства и желания. Мы уже приводили примеры из речи автора, говорящего о чудесной способности речи Рудина оказывать сильнейшее впечатление на людские сердца [С. 469], о влиянии его красноречия на Наталью [С. 504]. Но самые главные слова вводит автор в монолог Лежнева, который воспринимается как оправдание Рудина: «...Я, помнится, также утверждал, что слова Рудина не могут действовать на людей; но я говорил тогда о людях, подобных мне, в теперешние мои годы, о людях, уже поживших и поломанных жизнью» [С. 544]. Здесь с помощью модального глагола **мочь** говорится о способности Рудина пробуждать жажду действий в молодых людях, которые и являются творцами новой жизни.

5. Важно отметить, что оценка умения хорошо говорить, являющаяся неотъемлемой чертой образа главного героя, в тексте часто является отрицательной.

Например, диалог Волынцева и Лежнева:

– С какой торжественностью он <Рудин> вошел и говорил, ты <Лежнев> себе представить не можешь!..

– Ну, да без этого уж нельзя. Он сюртук застегивает, словно священный долг исполняет [С. 515].

Эти характеристики открывают другую сторону красноречия Рудина. К сожалению, это не только удивительный дар виртуозного владения языком, но и фразерство, рисовка, отсутствие непосредственности. Такая двойственная оценка красноречия Рудина согласуется с неоднозначной трактовкой автором его образа, одновременно обвиняющей и оправдывающей героя.

Способность действовать тоже очень важна для понимания образа Рудина. Нередко она сопоставляется с его умением говорить и противопоставляется ему. Оказывается, что Рудин не может реализовать свои идеи на практике. Он способен на героический порыв, что доказывает его смерть на баррикаде, но не способен на систематический повседневный труд, на преодоление мелких препятствий, о чем говорят его собственные слова: «...Мне <Рудину> решительно скрывать нечего; я вполне, и в самой сущности слова, человек благонамеренный; я смиряюсь, хочу примениться к обстоя-

тельствам, хочу малого, хочу достигнуть цели близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нет! не удается!» [С. 559]. Здесь с помощью модального глагола удаваться Рудин говорит о своей неспособности довольствоваться малым, медленно идти к своей цели.

Характерно частое употребление средств выражения возможности, оценивающих способность Рудина действовать, в сочетании с прилагательным *новый*, например, в речи Лежнева: «...ты, я уверен, сегодня же, сейчас готов опять приняться за новую работу, как юноша» [С. 561]; в речи самого Рудина: «...Вот я и решился посвятить себя этому новому делу» [С. 557]. Это подчеркивает способность Рудина загораться, увлекаться новым, но неспособность доводить начатое дело до конца.

Итак, сам Рудин не способен действовать, но, как уже было сказано, способны действовать его слова, что подтверждает монолог Лежнева: «Он <Рудин> не сделает сам ничего именно потому, что в нем природы, крови нет; но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? Что его слова не заронили много добрых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?» [С. 544]. И это, по мнению многих писателей и литературоведов, едва ли не более важная способность в тех исторических условиях.

Таким образом, модальность возможности, тесно связанная с категорией оценочности, играет важную роль в создании образов героев романа Тургенева «Рудин». Она активно используется в этой функции в речи героев и иногда в речи автора. Важность модальности возможности для этого произведения объясняется особенностями образа главного героя, основу личности которого составляет противоречие между двумя возможностями – умением говорить и способностью действовать. Данные характеристики помогают созданию сложного, противоречивого, подлинно художественного образа главного героя, образа, который не приемлет однозначной трактовки.

Литература

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2002.
Пете И. Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Танкенькиадо, Будапешт, 1991.
Тургенев И.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1968. Т. 1. (Б-ка «Огонек»). Ссылки на это издание в тексте даны в квадратных скобках без указания фамилии автора.

Ю.В. Казачкова

Лингвокультурные особенности выражения сочувствия в русском и английском речевом общении

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицына

Выражение сочувствия (в частности, с помощью речевых жанров «утешение», «сочувствие» и «соболезнование») относится к общекультурным нормам. Однако у русских и англичан есть свои традиционные нормы поведения в этих ситуациях и традиционные формы восприятия этих ситуаций.

В лингвострановедческой и лингвистической литературе при сравнении двух этих национальных характеров и менталитетов русская эмоциональная открытость противопоставляется английской сдержанности [Wierzbicka, 1992; Овчинников, 1988;

Часть III

Гачев, 1998; Викторова, 1999; Стернин, 2001; Вежбицка, Годдард, 2002; Ратмайр, 2003]. В славянских культурах поощряется выражение эмоций (в том числе, сердечности и привязанности). Отмечается установка русской культуры на высокую степень кооперативного общения, что проявляется в желании одобрения и согласия. В русской культуре люди с удовольствием изливают другим свою душу, им приятно открыть свой мир другому, и они любят жаловаться. Нормы англо-американского общества поощряют сбалансированное выражение взглядов и не одобряют “emotionality” (излишнее выражение чувств). Не удивительно, что, как показывает исследование Е.Ю. Викторовой, англичане не злоупотребляют эмоциональными разговорными формулами [Викторова, 1999].

Есть, однако, и другие данные, которые корректируют сложившиеся для обеих лингвокультур стереотипы национального поведения. Среди тенденций современной русской речи выделяют её огрубление, агрессивность в речевом поведении людей [Бесарабова, 2002]. В.И. Карасик отмечает появление новых норм межличностных отношений в современной России, точнее ориентацию (речевого) поведения на англо-американские нормы индивидуалистического поведения. Он анализирует фразу «А кому сейчас легко?». Это выражение в разной тональности появляется в ответ на выражение потребности в сочувствии, чаще всего жалобу. Адресату отказано в сочувствии, утешении, подбадривании. Тем самым собеседник как бы говорит, что адресату надо самому справляться с собственными трудностями. Такое отношение характерно для индивидуалистического поведения [Карасик, 2002]. Подобное преобразование русского менталитета под влиянием новых экономических отношений отмечает И.А. Стернин [Стернин, 2004].

Английская холодность также не означает национальной чёрствости. В.И. Шаховский отмечает, что холодность и безразличие англоговорящих народов друг к другу сменились в 20 в. сочувствием и теплотой [Язык и эмоции, 1995]. Данные художественной литературы, на которые ссылается В.И. Шаховский, могут служить лишь косвенным подтверждением этого. Большею весомостью обладает документальное свидетельство очевидца. В повести журналиста В. Овчинникова «Корни дуба» можно встретить немало интересных замечаний о национальном характере англичан, наблюдать за которым автор имел возможность во время длительного пребывания в Великобритании:

«С одной стороны, постоянно убеждаешься, что способность не замечать, игнорировать незнакомых людей вовсе не означает, что англичане черствы, безразличны к окружающим. Отнюдь нет! При всей своей замкнутости и отчуждённости они на редкость участливы, особенно к существам беспомощным, будь то потерявшие хозяев собаки или заблудившиеся иностранцы.

Можно остановить на улице любого лондонца и быть наперёд уверенным, что он, не считаясь со временем, окажет любое возможное содействие.

Если в незнакомом посёлке у тебя сломалась машина, тут же найдутся люди, готовые съездить за механиком в ближайшую автомастерскую. Если ребёнок в дождливый день не может попасть домой из-за того, что потерял ключи, незнакомые соседи тут же уведут его к себе, согреют, напоят чаем» [Овчинников, 1988. С. 232].

Таким образом, обе нации равно способны на сочувственное отношение и поведение.

Можно выделить некоторые особенности понимания сочувствия в русской и английской культурах. А.В. Сергеева отмечает разницу в восприятии русских и иностранцев (в частности, англичан и американцев), указывая на то, что при всех жизнен-

ных неудачах и проблемах иностранцы не считают себя несчастными. Особенность же русских заключается в их внимании к тем, кто несчастлив и нуждается в помощи и сострадании. А.В. Сергеева утверждает, что мотив сочувствия глубоко укоренён в русской ментальности и сохраняется до сих пор. Русские доброжелательно и сочувственно относятся к несчастью, потому не стесняются говорить о своих несчастьях, рассказывать о своём горе, не сомневаясь в том, что его внимательно выслушают, а потом постараются понять, помочь, поддержать, выразят своё сочувствие, начнут давать советы и даже постараются практически помочь [Сергеева, 2004].

Исследователями также отмечается обязательность, нормативность выражения сочувствия в определённых ситуациях. Традиции причастности и соучастия заставляют русских ожидать нравственного сочувствия и деятельной помощи от друзей и сослуживцев, поэтому личные неприятности нередко обсуждаются даже в широком кругу [Верещагин, Костомаров, 1999].

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова приводят следующий пример: «Не нужны мне твои советы// Я тебе пожаловался/ ты посочувствуй//» [Китайгородская, Розанова, 1999. С. 24]. Говорящий расценивает ситуацию как требующую определённого речевого поведения. В сознании жалующегося присутствует настроенность на вполне определённую ответную реплику. Находясь в условиях русской речевой культуры, говорящий ожидает сочувствия в ответ на жалобу. Не случайно, как показывает собственное исследование, жалоба является типичным речевым стимулом, вызывающее выражение сочувствия.

Хочется отметить, что собственное исследование языковых средств выражения сочувствия позволяет утверждать, что и русские и англичане способны одинаково эмоционально выражать сочувствие с помощью различных эмоционально-экспрессивных средств [Казачкова, 2006а; Казачкова, 2006б].

Таким образом, не вызывает сомнений, что и русские и англичане способны на сочувствие. Более того, несмотря на сложившиеся стереотипы, не только русским, но и англичанам свойственно эмоционально выражать сочувствие. Справедливо и то, что в русской культуре много внимания уделяется как своему так и чужому несчастью. Этим, вероятно, и объясняется большая, чем в английской культуре, нацеленность на выражение сочувствия.

Литература

Бессарабова Н.Д. Оценка языка СМИ с точки зрения этических норм // Международная конференция «Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий» Москва, 18-19 апреля 2002 г.: рабочие материалы. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи: Сборник научных статей: Вып.3. Саратов, 2002.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик/ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. М, 1999.

Викторова Е.Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков). Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М., 1998.

Зализняк А.А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имён // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв И.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005.

Казачкова Ю.В. Некоторые особенности средств выражения сочувствия в русском речевом общении // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2006а. Вып.6

Часть III

- Казачкова Ю.В. Экспрессивные средства выражения сочувствия в английском речевом общении // Германская филология: межвуз. сб. научн. тр. Саратов, 2006б. Вып. 1
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1999.
- Овчинников В. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел: Повести. М., 1988.
- Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М., 2003.
- Сергеева А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Стернин И.А. Проблемы прогнозирования коммуникативного и языкового развития России первой половине XXI века // Русистика: сб. научн. тр. Вып. 5. Киев, 2004.
- Язык и эмоции: сб. научн. тр. Волгоград, 1995.
- Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. NY., 1992.

А.Г. Коробейников (Санкт-Петербург)

Функционирование системы глагольных времён в первой краткой редакции «Жития Михаила Клопского» и проблема авторства и целостности текста

Научный руководитель – профессор Т.В. Рождественская

Среди литературных произведений Древней Руси есть некоторые, стоящие особняком, и не только по своим художественным качествам, но и благодаря особенностям жанра. Это и «Слово о полку Игореве», и «Житие протопопа Аввакума», и, как нам кажется, сравнительно мало изученное произведение XV в. – «Повесть о житии Михаила Клопского».

Автором первой редакции, о которой и пойдёт речь (так называемая, вслед за В.О. Ключевским, «краткая редакция», или «редакция чудес»), очевидно, является кто-то из монахов Клопского монастыря, возможно, купец или ремесленник (посмертное чудо происходит с купцом). Она составлена через недолгое время после смерти Клопского, определяемой между 1453 и 1458 гг. Эта редакция отличается заведомой неканоничностью, выделяясь даже на фоне других новгородских житий этого периода – Варлаама Хутынского, архиепископов Иоанна, Моисея. Исследователи предполагают, что, вероятно, автор был мало искущён в книжном писании и не следовал законам жанра. В житии нет множества обязательных моментов. Так, Л.В. Левшун относит к формальным признакам житийного канона самоуничужение автора, рассказ о рождении святого младенца, добродетели его родителей (хотя их имена редко упоминаются), рассказ о детстве, далее – многочисленные видения и учение святого [Левшун, 2001. С. 147]. Всего этого нет в «Житии Михаила Клопского». Вместо этого без всякого вступления автор сразу начинает рассказ о приходе Михаила в монастырь фразой, практически как будто взятой из новой классической литературы: «А пришел канун дни честнаго Рождства Иоанна в ночь». Полагаем, однако, что автор первой редакции вовсе не стремился к разрушению канона, а просто не располагал необходимой информацией, в частности,

о жизни Михаила до монастыря, а выдумывать её (как порой поступали некоторые книжники) не счёл нужным.

Язык жития отличается своеобразием. Он близок к живой народной стихии в той же степени, в какой само житие близко к фольклорным преданиям. А.С. Дёмин связывает это с тем, что «примерно со второй половины XV в. усилилось тяготение верхов к фольклору, русскому и нерусскому. Произошло это из желания властей широко использовать материальные и духовные ценности в своих интересах» [Дёмин, 1998. С. 202]. Так или иначе, язык жития очень прост и вместе с тем по-народному красочен: простой синтаксис сочетается с меткими и подчас злыми высказываниями Михаила: «Будешь без рук и без ног сам, и мало не утонешь в воде!»; «Княже, досягнеши Злакотнога гроба!»; «То у вас не князь – грязь!»

В связи с этим некоторое недоумение вызывает слабая изученность памятника лингвистами. Ещё В.О. Ключевский указывал, что «некнижная редакция может представлять некий интерес только по отношению к истории литературного древнерусского языка» [Ключевский, 2001. С. 635]. Он же и предпринял первую попытку анализа языка произведения: «Изложение её [редакции] далеко не чуждо церковно-славянских грамматических форм и не может быть признано образчиком чисто русской народной речи 15-16 вв.; всё его отличие от изложения 1-й редакции [под 1-й редакцией Ключевский понимает так называемую «редакцию пророчеств», или пространную] состоит в большей примеси форм русского языка» [там же].

Наиболее известный исследователь данного памятника и его издатель историк литературы Л.А. Дмитриев касался проблем языка произведения лишь вскользь, а другие литературоведы лингвистические особенности жития просто игнорировали.

Достаточное внимание уделила языку произведения, особенно системе времён глагола, М.Л. Ремнёва в своей недавней работе «Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв.» [Ремнёва, 2003].

Её основные выводы по этому вопросу таковы:

1) «Житие Михаила Клопского» – одно из первых житий, не соответствующих канону, что проявляется в использовании множественного числа вместо двойственного, а также формы на -Л; 2) форма на -Л и аорист свободно соседствуют в языке жития; 3) в предикативной функции возможно причастие; 4) наличие перфектных форм свидетельствует о том, что употребление формы на -Л и перфекта соответствует их использованию в деловой письменности, где различные формы глагола БЫТИ выступают в качестве функционального эквивалента личного местоимения; 5) поскольку в Тучковской редакции не отмечается случаев употребления формы на -Л, это свидетельствует о сознательном характере вносимых Тучковым замен и о несоответствии этих форм избранной автором языковой системе.

В нашей работе мы будем использовать несколько другой принцип анализа.

Из текста мы в предыдущей своей статье по данному вопросу посчитали нужным выделить 15 отдельных рассказов:

1) приход Михаила в монастырь; 2) эпизод с просвирами; 3) посещение князя Константина; 4) обретение колодца в засуху; 5) чудесное спасение от голода; 6) второе посещение князя и постройка каменной церкви (точная датировка в тексте - строилась с 22 апреля 1423 г. по 24 сентября 1424 г.); 7) предсказание Михаила Феодосию; 8) эпизод с оленем; 9) рассказ о взаимоотношениях Михаила с посадником Григорием Посахно; 10) предсказания недоброго врагам монастыря; 11) предсказание Евфилию II; 12) предсказание Шемяке; 13) предсказание посаднику Немиру (сделанное явно

Часть III

«задним числом»; именно по нему и датируется текст); 14) описание болезни и смерти Михаила Клопского; 15) посмертное чудо с кораблём.

Эта своеобразная композиция жития даёт основание рассматривать некоторые эпизоды в отдельности, поскольку характер их прикрепления друг к другу близок к летописному, анфиладному – вероятно, рассказы записывались по мере их возникновения.

В особенности такой подход, с нашей точки зрения, применим к первому эпизоду, наиболее сильно отличающемуся от канонического повествования в житиях. Вызывает интерес наличие большого количества в эпизоде форм настоящего времени: «аже старец сидит на стуле, а пред ним свеча горит. А пишет, сидя, деяния святого апостола Павла, плавание»; «И он от темьана закрывается, а крестом знаменается». Это употребление настоящего исторического времени придаёт повествованию характер непосредственного живого рассказа о событиях, свидетелем которых будто бы был сам автор (хотя это, скорее всего, невозможно, так как приход Михаила в монастырь и время составления памятника разделяет около 70 лет). Характерно, что формы настоящего времени из трёх действующих лиц эпизода (Михаил, игумен Феодосий и поп Макарий) постоянно фигурируют только тогда, когда субъектом выступает именно Михаил. Встречаются они и применительно к Феодосию, однако не к его действиям, а к речам: «И Феодосии молвит ему», «И Феодосей молвить старцам таково слово», «да даст старцу, да молвит Федосей старцу». По отношению же к попу Макарию настоящее время не употребляется ни разу. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода иерархией святости: святой юродивый, герой повествования, более всех заслуживает упоминания в настоящем, а фактически в вечном времени, и далее по нисходящей. Можно здесь отыскать параллель к замечанию той же М.Л. Ремнёвой о житийных текстах XI-XIV вв., что «имперфект закреплён не только за определёнными контекстами, но иногда и за определёнными героями – богом и святыми, которые говорят, мучаются и думают в категориях имперфектного, «вечного», по выражению О. Есперсена, времени» [Ремнёва, 2003. С. 118-119]. Таким образом, в нашем тексте настоящее историческое время выполняет эту сакрализующую, так сказать, функцию имперфекта, который, кстати, в памятнике почти не встречается.

Разумеется, употребление настоящего времени в эпизоде не ограничивается такими контекстами; оно широко представлено и в прямой речи, переданной автором жития очень живо и с определённым художественным мастерством, в котором ему настойчиво отказывали безымянный автор поздней летописи, сравнивавший труд Тучкова с предыдущими редакциями не в их пользу, В.О. Ключевский, а частично и Л.А. Дмитриев: «Откуда еси? Что твое имя?»; «Кто оси ты, человек ли еси или бес? Что тебе имя?» Также в прямой речи в своём исходном значении употребляется связочный перфект второго лица: «Как еси к нам пришел?» Примеров использования связочного перфекта вне контекста прямой речи текст не содержит.

В авторском повествовании в этом эпизоде преобладает элевая форма: 19 случаев её употребления на 9 случаев употребления аориста, причём чаще всего аорист используется в фиксированных конструкциях типа РЕЧЕ. Обе формы свободно употребляются рядом: СОТВОРИ и СОТВОРИЛ – 3 раза (правда, в этом случае неизвестно, нельзя ли считать форму СОТВОРИ недописанным СОТВОРИЛ).

Также встречаются предложения с пропуском спрягаемого глагола: «аже келиа отомчена», «аже сенци заперты», «и поп, отпев обедню, да к Феодосию к ыгумену с проскурою». В современном русском языке подобные предложения безоговорочно относятся к темпоральному плану настоящего. Здесь, однако, вряд ли это так: в двух пер-

вых случаях придаточные предложения, вероятно, могут быть отнесены к тому же временному плану, что и главные части, т.е. к прошедшему. На наш взгляд, в древнерусском языке были возможны пропуски спрягаемого глагола не только в настоящем, но и в прошедшем времени, если этот временной план с уверенностью восстанавливался из контекста.

Достаточно тесно примыкает к первому эпизоду второй – история с просвирами. Однако отличия в средствах выражения уже достаточно явственные – настоящее время в авторской речи употреблено только дважды: «Аж стоят на монастыре три мужи»; «Аже их идет 30 в доспесех со оружьи и з сулицами». Но это зависимое употребление – действие, одновременное главному прошедшему, а не настоящее историческое, встречавшееся в первом эпизоде. Изменения происходят и в повествовании: на 7 случаев употребления элевой формы аорист использован уже 20 раз. Дважды употреблен и имперфект – «И даша един от них 100 бел на трапезу» (смешиваются окончания имперфекта 3 л. ед. ч. -ШЕ и аориста 3 л. мн. ч. -ША); «желааше в черльци». При этом бросается в глаза любопытный факт: все случаи употребления элевой формы относятся к пришельцам, но после того, как происходит ключевой пункт эпизода – «и разболелися в тый час оба, которые не яли хлеба», элевая форма в эпизоде исчезает: «И востаха от трапезы, прославиша бога и святую Троицу». Таким образом, просторечные морфологические формы относятся только к мирянам и только до периода их «просветления». Бесспорно, это нельзя объяснить случайными обстоятельствами. В свете этого вызывает сомнение тот факт, что автор был так уж мало искущён в «премудрости книжной»: подобные словесные игры сделали бы честь любому, даже современному писателю.

В третьем эпизоде картина использования прошедших времён вновь меняется – лишь один случай употребления аориста против пяти элевых форм, а также пять форм настоящего времени одного и того же глагола – МОЛВИТЬ.

Четвёртый и пятый эпизоды имеют легендарно-летописное содержание, впрочем, по утверждению ВЛ. Янина, имеющее реальную историческую подоплёку – голод и засуху в Северо-Западной Руси. Здесь опять же заметно морфологическое «распределение ролей»: субъекты-природные явления и более мирские люди (пономарь церкви) предидируются элевыми формами: «И тогда в Веряжи вся вода высохла»; «И пономарь, как обедню отпели, сказал игумену Феодосию». В то же время в отношении Михаила и Феодосия использованы настоящее время, притом даже от приставочных глаголов («И посмотрит игумен, аже написано на песку, и спросит игумен у Михаила») и аорист («И створи игумен и Михаила молитву»).

Эпизоды с шестого по восьмой, представляющие собой традиционные моменты из жизни святого, с морфологической точки зрения довольно однообразны: в них огромное преобладание имеет аорист. Единственный случай вторжения других форм – имперфект, четыре элевые формы подряд и настоящее время – находим в отрывке, описывающем «погодие велико» – силу, препятствующую строительству церкви. После пророчества Михаила о восстановлении хорошей погоды вновь следует череда аористов.

Элевые формы вновь появляются в большом количестве в явно мирском эпизоде – там, где описываются взаимоотношения Михаила и всего Клопского монастыря с посадником Григорием Посахно. Все бытовые действия посадника, приведшие его в итоге к беспомощному состоянию, описаны с помощью элевых форм: «И он пошел к ним, к реки, да и в реку за ними сам сугнал, да ударил рукою, да хотел в другорят ударить, так мимо ударил да пал в воду и мало не утоп». Так продолжается до тех пор, пока посадник не приезжает искать прощения в монастырь. Только здесь появляются формы ао-

Часть III

риста: «И дойде до переноса», «И посадник рече», «И бысть с тех месть добрь до Михаила и до монастыря».

Для сравнения отметим, что в отношении Дмитрия Шемяки, как известно, не покаявшегося в своих заблуждениях и не отрекшегося от своих притязаний, постоянно употребляется исключительно элевая форма. Даже его исключительно положительное отношение к монастырю и лично к Михаилу не спасает его от гибели и не приобщает его к числу сакрализованных субъектов: «Опять прибег в Великий Новгород. И приехал князь на Клопско монастыря кормить, на Троецкой недели в пяток, и у Михаила благословится. И накормил и напоил старцов. И Михаилу дал шубу, с себе снем».

Однако надо отметить, что и обстоятельства болезни и смерти Михаила также описываются в основном с помощью элевых форм. Однако относятся они в основном к бытовым подробностям: «А келью топил калом коневым»; «Жил себе в кельи один. Ни постели, ни озголовья не имел, ни платна, ни одежды, а лежал себе на песку». После же смерти, при погребении его именно на том месте, которое он предсказал как свою будущую могилу, в повествовании появляется аорист: «И оне того места досмотриша, аже земля тала. И они погребоша его честно у живоначалныя Троици».

Аорист же употребляется и в единственном в данной редакции посмертном чуде Михаила с кораблём.

Таким образом, проведённое исследование позволяет нам сделать следующие предположения:

1) текст первой краткой редакции «Жития Михаила Клопского» не является целостным произведением; его отдельные эпизоды, согласно грамматическим данным, очень отличаются друг от друга, так что может даже быть поставлен вопрос о том, один ли у произведения автор;

2) грамматические времена выполняют в тексте важную стилистическую функцию: аорист и настоящее время чаще всего относятся к сакральным событиям и действиям либо святого и игумена монастыря, будущего архиепископа, либо мирских персонажей, покаявшихся в своём поведении (разбойники из эпизода с просвирами, посадник Посахно) или действовавших на благо монастыря (князь Константин, построивший каменную церковь);

3) искусное использование автором текста (или, по крайней мере, отдельных эпизодов) указанного выше приёма, по нашему мнению, ставит под сомнение тот общепризнанный факт, что составитель этой редакции жития был не очень умелым книжником, хотя текст явно отличается от известных житийных образцов;

4) все эти выводы нуждаются в подтверждении исследованиями специалистов в других областях гуманитарного знания, что в задачу настоящей статьи не входило.

Литература

Дёмин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998.

Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973.

Ключевский В.О. Русская история: в 5 т. М., 2001. Т. 4.

Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI-XVII веков. Мн., 2001.

Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958.

Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. М., 2003.

Янин В.Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.

Жанр «самопрезентация» в Интернет-дискурсе (на примере чат-коммуникации)

Научный руководитель – профессор К.Ф. Седов

В последнее десятилетие наряду с исследованием различных видов общения появился ряд работ, посвященных общению, опосредованному компьютером. Эта новая сфера взаимодействия людей представляет собой крайне разнородное явление, которое включает в себя и официальный, и деловой, и персональный виды коммуникации. Все эти компоненты имеют свою специфику и изучаются отдельно. Объектом нашего исследования является чат-коммуникация, относящаяся к персональному общению. Чат-коммуникация как один из способов синхронного общения в сети отличается максимальным сближением с разговорной речью при письменной форме существования (чат-коммуникация реализуется через текст). Рассматриваются различные аспекты этого типа общения, опосредованного компьютером: особенности орфографии, грамматики и синтаксиса, специфическое словообразование и словоупотребление. Одно из перспективных направлений осмысления чат-коммуникации, на наш взгляд, – изучение ее жанровой организации.

В комнатах чатов складывается определенная социальная среда, которая порождает свои типические ситуации взаимодействия пользователей. Эти ситуации получают соответствующее вербальное оформление, поэтому представляется возможным выделить жанры, бытующие в рамках чат-коммуникации. Репертуар таких жанров ограничен, употребляются, в основном, беседы, аналогом которых в непосредственном общении являются дружеская и светская беседы, флирт и жанр «самопрезентация», сближающийся с жанром «знакомство» в реальной коммуникации.

Перед тем, как перейти к анализу жанра «самопрезентация», необходимо отметить, что все полученные результаты применяются нами только к развлекательным чатам (т.н. «recreational chats»). Мы не делаем никаких обобщенных выводов для образовательных («educational chats») и профессиональных («professional chats») чатов, так как они имеют свою специфику и отличаются иной тематической организацией и ситуациями общения.

Мы уже упомянули, что жанр «самопрезентация» сближается с жанром «знакомство» в непосредственном общении. Этот жанр оформляет особое событие в социальной сфере, вхождение пользователя в новое для него сообщество, попытку завязать новые отношения. Самопрезентация отличается тем, что в его рамках опускается традиционный вопрос об имени собеседника, его в чате заменяет ник, своеобразное прозвище. Кроме того, в чате, как и, в целом, в общении, опосредованном компьютером, отсутствуют паравербальные компоненты (информация о внешности, мимике, жестах, интонации, тембре голоса). Каждый раз пользователь обращается к маске, мифу, к человеку, о котором он не знает ничего или вынужден ограничиваться сведениями, которые тот посчитал нужным поместить в профайл, напоминающий анкету. Причем достоверность этих сведений проверить практически невозможно. Поэтому единственной реальностью в чате является текст. Виртуальное общение легче прервать, чем реальное, и в нем меньшую роль играют разница в социальном статусе и возрасте.

Мы проанализировали 2019 сообщений англоязычного чата Friendfinder, скаченных в течение месяца с интервалами в одну неделю. На жанр «самопрезентация» приходится 206 сообщений. Все эти сообщения представляют 14 примеров указанного

Часть III

жанра. Мы не включали в это число приветствия и обращения вновь пришедших в чат пользователей, которые остались без ответа.

На первом этапе анализа жанра «самопрезентация» мы решили воспользоваться моделью речевого жанра Т.В. Шмелевой, которая, как известно, выделяет ряд жанро-образующих признаков РЖ.

С точки зрения коммуникативной цели, жанр «самопрезентация» – жанр этикетный. Он нацелен на установление контакта между незнакомыми пользователями, оформляет особое событие в виртуальном сообществе.

Автор в рассматриваемом жанре – человек, который пришел в комнату чата в первый раз и незнаком с другими пользователями, либо часто общается в этой комнате, но есть пользователи, к которым он обращается в первый раз. Автор заинтересован в том, чтобы его или ее заметили. Ему необходимо привлечь к себе внимание, иначе его обращение проигнорируют. В качестве обращений используются приветствия, адресованные всей комнате или отдельным пользователям, вопросы:

hi all

hi evr1

hi ocs9000

the states Gent

where's evrybody from in here P town here

Эти формулы стандартны и воспроизводятся всеми пользователями.

Проанализировав отобранные примеры, можно сделать вывод, что приветствия, адресованные определенному собеседнику, игнорируются реже, чем обращения ко всей комнате.

Адресат в жанре «самопрезентация» - обычно завсегдаятай комнаты, реже такой же новичок. Ему общение в какой-то мере навязывается, за ним всегда остается право принять такое общение или нет. Более того, нередки случаи, когда человек приветствует всех пользователей, находящихся в комнате в данный момент времени, т.е. адресатом является не конкретный собеседник. Можно сказать, что образ адресата один из определяющих признаков жанра. Большое количество обращений, которые не получают ответа, отрицают расхожее мнение, что завязать общение в чате легко. Традиционно сложилось мнение, что общение, опосредованное компьютером, свободно от влияния социального статуса, возраста и гендерных различий. Однако это не всегда так. В частности, наш материал показал следующее. Во-первых, во всех 14 выделенных примерах жанр «самопрезентация» разворачивается между пользователями разного пола. Трудно утверждать, кто чаще всего инициирует общение, мужчина или женщина, так как только 8 примеров из 14 скачены с начала. Это объясняется тем, что сообщения в чатах не сохраняются и не всегда возможно вернуться к репликам, которые появились на экране раньше. В указанных 8 образцах жанра в половине случаев инициатором выступает мужчина. Возможно, исследование большого количества сообщений даст более определенные результаты. Такие наблюдения представляют огромный интерес, поскольку некоторые лингвисты утверждают, что в чат-коммуникации женщины получают больше сообщений от противоположного пола, чем наоборот, так как они прежде всего являются объектом флирта. Кроме того, в 3 случаях из 14 завсегдаятаи анализируемого чата, возраст которых от 26 до 54 лет, игнорируют сообщения от пользователей младше 25 лет либо общаются с ними неохотно с ноткой снисхождения. Во-вторых, мы заметили, что в виртуальных сообществах складываются свои социальные связи, своя социальная иерархия. Решающую роль в таких сообществах играют долгожители чата, они,

как правило, неохотно впускают в свой круг кого-то еще. Этот вывод подтверждается и в работах некоторых американских исследователей.

Если мы обращаемся к образу прошлого и образу будущего, следует отметить, что жанр «самопрезентация» является инициальным речевым жанром. Он обычно переходит во флирт, светскую или дружескую беседу, в зависимости от того, какие отношения устанавливаются между пользователями в процессе развертывания жанра.

Теперь перейдем к последнему параметру модели рассматриваемого жанра – языковому воплощению. Жанр «самопрезентация» реализуется посредством набора стандартных фраз: в этот набор входят приветствия, вопросы о локации собеседника (местонахождение, описания города или штата, его обитателей, погоды), о профессии собеседника, просьбы сообщить свой электронный адрес. Эти реплики-вопросы – первые сигналы для адресата; то, из чего он считывает информацию об авторе. В зависимости от креативности автора и адресата жанр может наполняться разнообразными высказываниями, которые намечают переход от самопрезентации к флирту, дружеской или светской беседам. Стандартное развертывание жанра «самопрезентация» можно увидеть на примере следующего диалога, в котором участвуют пользователи alex0 и sweetdreams0304 (цифры и буквы в скобках соответствуют возрасту и полу говорящих):

alex0 (34M) hi sweetdreams

привет sweetdreams

sweetdreams0304 (27F) hello alex

привет алекс

alex0 (34M) hi sweet where u from

привет sweet (сокр. от sweetdreams или милашка) откуда ты

sweetdreams0304 (27F) alex im from London

алекс я из Лондона

alex0 (34M) no far from there at all sweet

а я совсем недалеко оттуда sweet

alex0 (34M) not guilty sweetdreams lol

не моя вина sweetdreams (смеется)

sweetdreams0304 (27F) Nope Alex

нисколько алекс

sweetdreams0304 (27F) lol alex nothing wrong with London – well not much!

(смеется) алекс вроде с Лондоном все в порядке, ну или почти все!

alex0 (34M) I love london sweet still have a place in ealing but now live in ascot

я люблю лондон sweet у меня квартира в илинге но сейчас живу в эскоте

sweetdreams0304 (27F) ascot eh Alex, can you see above all those big hats?

ух ты Эскот Алекс, что-нибудь видно поверх всех этих больших шляп?

(ком. В Эскоте ежегодно проводятся скачки, на которые собирается все высшее общество Англии, дамы традиционно носят шляпки)

alex0 (34M) na not that tall lol

неа я не такой высокий

sweetdreams0304 (27F) lol alex never mind you can borrow my heels

(смеется) ничего алекс можешь взять мои туфли на каблуках

alex0 (34M) what do u do sweet

чем занимаешься sweet

sweetdreams0304 (27F) Im an Editor on two scientific journals

я издатель двух научных журналов

alex0 (34M) generous offer sweet but suspect they would look so much better on u lol

Часть III

*великодушное предложение sweet но на тебе по-моему они будут
смотреться лучше (смеется)*

alex0 (34M) well holly smoke sweet a scientific creative writer rare combination indeed lol

*черт возьми, sweet, редкое сочетание и наука, и творчество
(ком. намек на то, что sweet остроумно обыгрывает реплику об Эскоте)*

В заключение, хотелось бы отметить, что многие аспекты РЖ «самопрезентация» не укладываются в модель Шмелевой. Составленный портрет жанра не дает представления о коммуникативных стратегиях и тактиках, используемых собеседниками. Образы автора и адресата дают поверхностные характеристики их языковых личностей, их типов, обращение к которым становится особенно актуальным при возникновении конфликтных ситуаций. В наших примерах выделено 2 случая конфликтных ситуаций как реакции на игнорирование обращений пользователя, и в обоих случаях говорящие повели себя по-разному. Указанная концепция служит для первоначального осмысления этого жанра. В дальнейшем, безусловно, необходимо выработка другой концепции для более детального описания жанра «самопрезентация» и других жанров, бытующих в чат-коммуникации.

Литература

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.

Herring S.C. Computer-mediated Discourse Analysis: An Approach to Researching Online Behaviour. Designing for Virtual Communities in the Service of Learning. <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/cmda.html>

П.С. Фатеев

«Ворчание» как речевой жанр

Научный руководитель – профессор В.В. Дементьев

Речевое поведение любого человека зависит от большого количества социальных, ситуативных, психологических, прагматических факторов, его намерений, целей, которые он преследует. В результате существует очень много разнообразных речевых жанров. Одним из интересных жанров является так называемое «ворчание». Этот жанр знаком практически всем носителям языка, суть ворчания для большинства людей интуитивно понятна, и любой может отличить его от других речевых жанров. Поэтому кажется странным, что этот чрезвычайно распространенный жанр до сих пор не был объектом специального лингвистического исследования.

Вызывает сомнения то, что словарное определение ворчания достаточно адекватно. Глагол «ворчать» в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1995] толкуется лишь как «сердито бормотать, выражая недовольство» – о человеке и «издавать короткие низкие звуки» – о животных. Если заменить все слова в этом определении на их толкования, получим, что «ворчать» – это «показывать свое отрицательное отношение к чему-либо, вызванное неудовлетворением этим «чем-либо», заключающееся в использовании тихой и невнятной речи, полной озлобления и досады». Более полное толкование глагола можно найти в Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2005] – «говорить раздражительным тоном, негромко и не-

отчетливо, выражая неудовольствие, досаду и т.п.'. Заменяя слова на их толкования, получим: ворчание – 'выраженное в устной речи, тихо и плохо различимо, через раздражительный оттенок голоса, чувство неприязни, отрицательного отношения к чему-либо, вызванное неудачей, обидой и т.п.' Обобщив полученные определения, можно сказать, что существует некоторое событие А, которое вызывает в Б чувство раздражения, неудовлетворения или досады, поскольку А по каким-то причинам либо не удовлетворяет потребностям Б, либо просто ему неприятно, что выражается с помощью достаточно тихой и невнятной речи, подобной низким звукам, издаваемым животными, тем самым Б дает окружающим понять свою отрицательную и даже агрессивную позицию по отношению к А.

Нами было рассмотрено семантическое поле, которое образуют синонимы этого глагола. Для русского языка таковыми являются глаголы «брюзжать», «бубнить», «воркотать», «загугнить», «квохтать», «мурзиться», «мурчать», «тявкать», «урчать», «шебаршить», «шипеть», «шуршать». Важно то, что лексическое значение всех слов определяется именно через глагол «ворчать». Почти дублетами являются глагол «брюзжать» (Надоедливо ворчать, беспрестанно выражать недовольство) и «мурчать», который является областным вариантом глагола «ворчать». Другие слова имеют некоторые отличия от «ворчать»: «бубнить» – бормотать, несмело выражать протесты; «загугнить» – гнусаво ворчать. Остальные глаголы являются синонимами «ворчать» только в переносном значении, употребляясь, в основном, в разговорной речи. В прямом значении основной отличительный признак этих глаголов – сходство речи со звуками, которые издают птицы, животные, неживые предметы (метафоризация по фонетическому признаку). В других языках, например, в английском, французском, немецком, синонимов глагола «ворчать» в несколько больше, чем в русском, но также большое их количество связано с «ворчать» переносно, как фонетическая метафора. Как правило, основными значениями таких глаголов являются «лаять» (bow-wow), «каркать» и «квакать» (croak), «рычать» (growl, snarl, brummen, knurren), «хрюкать» (grunt, grogner, grommeler (2), ragoter (2)), «шелестеть» (murmur, murmurer), «блеять, мычать» (bleat, bleckern), «хрипеть» (galer). В одном ряду при определении лексического значения вместе с «ворчать» идут такие глаголы, как «жаловаться», «ныть», «придираться», «выражать недовольство» в английском; «сердиться», «ссориться», «спорить», «ругаться», «бранить» в испанском; «бранить», «ругаться», «придираться», «роптать», «быть мрачным», «быть недовольным» в немецком; «бормотать», «проявлять недовольство», «злиться», «ругать» во французском.

Глагол «ворчать», как глагол речи, в отличие от глаголов типа «сказать» или «говорить», относится к качественным глаголам, которые несут в себе дополнительную информацию о манере/тоне/эмоциях в голосе. Все глаголы речи можно охарактеризовать с помощью некоторого списка компонентов, исходя из признаков, свойственных звуковой форме речи, поскольку такие признаки не могут не быть отражены в звучащей речи, например, высота звука, темп (быстрый или медленный), артикуляция (четкая или нечеткая), интенсивность (громко – тихо), эмоциональность (положительная или отрицательная) [Степанова, Шрамм, 1980]. Таким образом, по звучанию речи глагол «ворчать» можно охарактеризовать следующим образом: по высоте звука – как правило, низкий или не очень высокий; по темпу речи – как быстрый, так и медленный, по артикуляции – нечеткий и вялый; по интенсивности – в основном тихий или не очень громкий; по эмоциональности – отрицательный и агрессивный. Невнятная артикуляция речи является одним из компонентов, на основании которого «ворчать» отличается от одних речевых действий, схожих по другим компонентам – «ругать», «приди-

Часть III

раться», «бранить» «роптать», и сближается с другими «невнятными» речевыми действиями, такими как «мямлить», «лепетать», «бурчать», «бормотать». В итоге получаем, что «ворчать» как речевое действие – это ‘речь, довольно низкая по высоте звука, нечеткая по артикуляции, различная по темпу произношения, выражающая отрицательные эмоции агрессии и похожая на звуки, издаваемые животными’. Следует отметить, что ни один из названных признаков не представлен в речи в «чистом виде», ибо любой из них трансформируется из-за особенностей самого процесса речи [Степанова, Шрамм, 1980].

Рассмотрим «ворчание» на примере особой языковой личности – «ворчуна». На начальном этапе исследования обращаемся к двум несомненным «ворчунам» из детской литературы – Ворчуну из «Приключений Незнайки и его друзей» Н.А. Носова на русском языке и ослику Иа из «Винни Пуха» А. Милна на английском языке. Тип их языковых личностей мы будем определять на основе методики К.Ф. Седова [Седов, 1999].

Начнем с Ворчуна. О жизни этого героя сказано очень мало, он такой же, как и все, ничем не занимается, ни с кем не общается, кроме как в процессе «ворчания». Ворчун использует литературный язык и почти не использует никаких элементов эмоциональной окраски речи. Он является персонажем недоминантным, у него нет большого желания активно проявлять свое недовольство. Важно, что его речевые действия неинициативны: ворчание является всего лишь реакцией на какой-то, как правило, сиюминутный стимул, присутствующий в ситуации общения. Ворчун не говорит о том, что произошло не в данный момент. Он персонаж ригидный, неспособный приспособиться к условиям коммуникации и скорее экстравертный: он ворчит «для других», притягивает к себе внимание, хотя ворчание, конечно, ориентировано на себя. Его поведение не варьируется, он постоянно ищет что-либо отрицательное в ситуации общения, объяснений, как правило, не дает. Он использует нарративную стратегию речевого поведения. Одновременно с моделированием действительности присутствует рефлексия в отношении изображаемых фактов, событий и т.п. и используется субъективно-аналитическая стратегия. Используется инвективная стратегия речевого поведения. Что касается доминирующей установки на собеседника, то она конфликтная: говорящий ориентирован на себя и против партнера по коммуникации. Ворчун является активным эгоцентриком, неспособным поддержать точку зрения собеседника, и конфликтно-агрессивным персонажем. В его речи проявляется открытая враждебность к собеседнику и желание им манипулировать для достижения каких-то своих целей. В качестве тактик используются упрек, обвинение, поучение.

Теперь обратимся к ослику Иа. О нем известно, что он – одинокий персонаж, живущий в отдаленном месте (на карте так и обозначено – «Eeyore's gloomy place, rather boggy and sad» – «Угрюмое место Иа, болотистое и грустное»). Активного участия в различных мероприятиях Иа не принимает. В речи присутствует депрессивная и отрицательная оценка окружающего мира и (по форме) пренебрежительное, при этом никак не мотивированное отношение к себе. Иа использует литературный язык с обилием лексики, используемой для выражения грусти. Он персонаж доминантный: может ворчать без всякого стимула, при этом достаточно вяло (в качестве собеседника может выступать и он сам); ригидный: тема для ворчания у него одна и та же – как все грустно, как все плохо; экстравертный: его ворчание направлено на себя и в то же время устремлено вовне. Отличительная черта – отсутствие фантазии, используются в основном одни и те же слова, одни и те же конструкции. В речи присутствует эмоция обиды и, возможно, скрытая агрессия. По установке на собеседника Иа является центрирован-

ным персонажем, при этом пассивно-центрированным: наблюдается отсутствие интереса к темам, предлагаемым собеседником.

Таким образом, языковые личности этих персонажей имеют общие черты. У Ворчуна отрицательная оценка стимулируется самой ситуацией общения, действиями и репликами товарищей. Для, так сказать, «полноценного ворчания» Ворчуну обязательно необходим собеседник, на которого и будет направлена его прямая и непрямая агрессия. У Ослика Иа, напротив, преобладает глобальная отрицательная оценка всего, что его окружает. Ворчание его ничем не стимулируется, инициативно, в большинстве случаев в роли собеседника выступает он сам, а появление другого собеседника почти ничего не меняет. Агрессия направляется только на других собеседников, таким образом, он пытается ими манипулировать. Оценка происходящего у Ворчуна частная, у Иа – общая. Цель ворчания – с одной стороны, привлечение внимания к себе, с другой, – попытка манипулировать собеседниками для достижения своих целей.

Можно завершить данный этап исследования некоторыми выводами: «ворчание» является одним из способов выражения агрессии, которая может быть направлена на любой объект. Она может быть направлена на участника ситуации общения, но по форме выражена так, как будто направлена на каких-то третьих лиц, которые в ситуации не участвуют. Это как прямой, так и непрямой способ выражения агрессии. Непосредственной коммуникативной цели у ворчания, по-видимому, нет: посредством ворчания каждый раз достигаются разные цели. Это может быть и косвенное манипулирование людьми, и своеобразное привлечение к себе внимания, и выход затаенного раздражения, и своеобразный коммуникативный вампиризм – всё это факультативные цели, выбор которых целиком зависит от ворчуна. Ворчанию не надо специально учиться, им владеет любой носитель языка, поэтому оно всем понятно интуитивно, о чем свидетельствует тот факт, что синонимы глагола «ворчать» определяются именно через него.

Литература

- Англо-русский словарь общей лексики. М, 2005.
Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М, 2005.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М, 1995.
Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28.
Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка. Калининград, 1980.

Когнитивная лингвистика

А.С. Беликова

Концептуальная метафора (на материале семантического поля «Вкусовые ощущения человека» в русском, английском и турецком языках)

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

В настоящее время одной из актуальных проблем лингвистики является изучение специфики языковых картин мира различных этносов [Апресян, 1995; Аругюнова, 1999]. Это является причиной того, что в последнее время все больше внимания уделяется исследованию концептуальных метафор, как «призмы, через которую совершается мировидение» [Постовалова, 1988. С. 33], как феномена, связанного с функционированием языковой картины мира, с одной стороны, и с глубинными процессами человеческого мышления, с другой.

Как отмечают исследователи, одной из древнейших примет человеческого сознания является «физиологическая неразборчивость», нерасчлененность восприятия чувственных (зрительных, слуховых, обонятельных и др.) ощущений, что послужило основой для метафорических преобразований (ср.: кислая физиономия, горькие слезы). Однако данное свойство сохраняется в языке и в настоящее время. По-видимому, здесь отражено интуитивное стремление человеческого разума воспринимать мир не дискретно, а синкретически, в единстве [Скляревская, 1993. С. 52]. В этом отношении можно утверждать, что, вкусовые ощущения – концептуально значимы для понимания особенностей языковых картин мир различных этносов.

Предметом данного исследования стало семантическое поле «Вкусовые ощущения» в первичных и метафорических значениях в русском, английском и турецком языках. Как показал анализ, количественный состав исследуемого поля не одинаков по языкам. Так, в русском языке в него входит 70 единиц, в английском – 71, в турецком – 56.

В каждом из рассматриваемых языков семантическое поле «Вкусовые ощущения» – это сложные образования, которые имеют много общего в своей структуре. Так, ядро поля совпадает по всем трем языкам, что обусловлено единством строения вкусовой системы человека, периферийная же зона содержит значительные различия, поскольку в большей степени связана с культурными традициями.

Структуру поля «Вкусовые ощущения человека» можно представить следующим образом.

Во-первых, противопоставление различных продуктов, веществ связано с общей оценкой вкусовых качеств по шкале «вкусный/palatable/lezzetli – невкусный/unpalatable/lezzetsiz». Левый член оппозиции в английском языке включает в себя большее число элементов по сравнению с двумя другими анализируемыми языками (ср.: английский язык – dainty, delicious, palatable, savory, tasty, toothsome, yummy; русский язык – вкусный, лакомый; турецкий язык – lezzetli и tatlı).

К ней примыкает оппозиция по признаку наличия или отсутствия вкусовых качеств, причем ее правый член одновременно входит в состав второй оппозиции (невкусный): несладкий, несоленый, пресный, *unsavory* ‘невкусный’, *vapid* ‘травянистый’, *insipid* ‘пресный’, *tuzsuz* ‘несоленый’, *şekersiz* ‘несладкий, без сахара’, *baharatsız* ‘без приправы’.

Левый член оппозиции во всех трех языках представлен в виде системы базовых вкусовых ощущений: сладкий/*sweet/tatlı*, соленый/*salty/tuzlu*, кислый/*sour/ekşi*, горький/*bitter/acı*, их комбинаций: кисло-сладкий, горько-сладкий, *bittersweet*, *mayhoş*, а также совокупности ощущений с фиксацией силы воздействия на вкус (с возможной оценкой вкуса по шкале «приятный/неприятный»): острый, пряный, вяжущий, *sharp*, *spicy*, *tart* и *keskin*, *baharatlı*, *buruk*.

Во-вторых, при дифференциации вкусовых качеств продукты питания могут характеризоваться по жирности (ср.: жирный/*fatty/yağlı*, постный/*lean/yavan*), по сочности (ср.: сочное яблоко/*mellow apple/sulu elma*), по свежести (ср.: прокисшее молоко/*sour milk/ekşi süt*, прогорклое масло/*acılaşmış tereyağ*).

Несмотря на то, что общая структура полей в исследуемых языках совпадает, можно наблюдать существенные различия в количественном составе отдельных парадигм, в степени дифференциации отдельных вкусовых ощущений, а также в сочетаемости отдельных параллельных образований. Например, в русском языке прилагательное жирный обладает большим дистрибутивным потенциалом, чем его перевод в английском языке. Если в русском языке прилагательное жирный может использоваться по отношению как к пище в целом, так и к отдельным продуктам и блюдам (ср.: жирная пища, жирный суп, жирные блины, жирное молоко, жирные сливки), то английское *fatty* имеет более узкую сочетаемость. В частности, оно не употребляется по отношению к блюдам (ср.: *fatty food* (жирная пища), *fatty meat* (жирное мясо), но нельзя сказать **fatty soup*). Более того, только в английском языке есть прилагательные *fat-free* (не содержащий жира) и *low-fat* (с низким процентом содержания жиров), акцентирующие внимание на содержании в продукте жиров, их концентрации. Возможно, это свидетельствует о большей актуальности проблемы здоровой пищи для англоязычных народов.

И в русском, и в английском, и в турецком языках исследуемое поле является очень продуктивным в плане формирования переносных значений – более 60, 85 и 80 % их членов участвует в этом процессе.

Исследователи не раз отмечали, что метафорическая система в целом характеризуется антропоцентризмом [Ульман, 1970. С. 226–230; Гак, 1988. С. 26; Телия, 1988. С. 175; Балашова, 1998. С. 118-195].

Наиболее регулярными в исследуемых языках являются переносы, характеризующие человека как физиологическое существо. Самые частотные среди них – это переносы в сферу других чувственных ощущений (зрительных, слуховых и обонятельных). В русском языке они составляют 39 % от общего числа метафорических образований, в английском – 29 %, а в турецком – 27 %. Это свидетельство синкретичности, слитности восприятия разнородных по своим источникам ощущений.

Так, во всех трех языках члены СПВ регулярно характеризуют обонятельные ощущения (запах): русский язык – пряный, терпкий, приторный, кислый; английский язык – *sour* ‘кислый’, *spicy* ‘пряный’, *sweet* ‘сладкий’; турецкий язык – *tatlı* ‘сладкий’.

Не менее регулярно с помощью членов СПВ именуется слуховые ощущения (звук, голос): русский язык – сочный, сладкий; английский язык – *sour* ‘фальшивый’, *sweet* ‘сладкий’; турецкий язык – *tatlı* ‘сладкий’, *tatsız* ‘монотонный’.

Часть III

Достаточно распространенным в исследуемых языках оказывается перенос и в сферу зрительных ощущений (цвет): русский язык — сочный; английский язык — *acid green* ‘ярко зеленый’, *mellow green* ‘насыщенный зеленый’; турецкий язык — *acı yeşil* ‘темно-зеленый’, *tatlı genk* ‘приятный для глаз цвет’.

При таком переносе можно выделить две особенности. Во-первых, при метафорическом обозначении на первый план выходит не именованное конкретное запахи, звука, цвета, а их оценка. Во-вторых, сенсорно-вкусовой тип оценки при такой номинации обычно комбинируется с эстетическим типом (звук, цвет) или психологически-эмоциональным (ср.: осязание: сладкий поцелуй/*sweet kiss/tatlı öpücük*).

В целом наиболее многочисленной и разнообразной во всех трех языках является характеристика визуальных ощущений, причем ведущее положение среди них занимает оценка внешних данных человека (общее впечатление от внешности, фигуры, лица, цвета кожи). И в данном случае сенсорная оценка обычно совмещается с эстетической, эмоциональной или психологической, ср.:

- общее впечатление о внешности, фигуре человека: русский язык — пикантная внешность, налитая спина, наливные плечи; английский язык — *tasty* ‘симпатичный’, *sweet* ‘милый, очаровательный’; турецкий язык — *tatlı* ‘привлекательный’, *ham vücutla* ‘с не накаченным телом’;

- лицо: русский язык — кислая мина, постная физиономия, слащавый взгляд, сладостная улыбка; английский язык — *sour face* ‘кислое лицо’, *luscious lips* ‘сладкие губы’; турецкий язык — *ekşi yüz* ‘кислое лицо’, *tatlı gözler* ‘красивые глаза’, *acımsız gözler* ‘безжалостные глаза’.

Характерно, что если в языке присутствует дифференциация по гендерному признаку, то это чаще всего оценка женской внешности, ср.: *конфетка* / *sweetie* ‘конфетка’ / *ballı börek* ‘красавица’ (досл. ‘медовый пирожок’). Кроме того, часто названия продуктов, используемые для выражения такой оценки, варьируются по языкам, отражая особенности национальной кухни (ср.: русский — *пышечка*, *персик*, английский — *sweetie pie* ‘сладкий пирожок’ и турецкий — *lokum* ‘рахат-лукум’, *fistik* ‘фисташечка’). Примечательно, что при такой оценке акцент обычно делается на сексуально привлекательной внешности женщины.

Оценка же сильного пола по шкале «красивый/некрасивый» в анализируемых языках менее распространена, что вполне отражает традиционный взгляд на красоту, как на свойство, присущее прежде всего женщине.

Не менее регулярно процесс метафоризации членов СПВ связан с действием модели «вкусовые ощущения → человек как социальное существо», представленной в рассматриваемых языках большим числом конкретных сфер, в которые осуществляется перенос лексики вкусовых ощущений.

Около 20–25% переносов в исследуемых языках связано с переносом в семантическую сферу «Речь, язык», например:

- русский язык — ядреное словцо, медовые речи, соленый анекдот, пикантные слухи;

- английский язык — *acidulous satire* ‘едкая сатира’, *honeyed words* ‘медовые речи’, *pungent epigrams* ‘язвительные эпиграммы’, *racy story* ‘пикантная история’;

- турецкий язык — *acı söz söylemek* ‘говорить обидные слова, критиковать’, *sulu sözler* ‘непристойные слова’, *tatlı kompliman* ‘приятные комплименты’, *tatsız şakalar* ‘непристойные шутки’.

Это достаточно показательно, поскольку свидетельствует о том, что русским, англичанам, американцам и туркам свойственно воспринимать коммуникацию в системе чувственных образов. Можно провести такую параллель: подобно тому, как пища жизненно необходима для человека как биологического организма, коммуникация жизненно необходима для человека как существа общественного (ср.: пища для разговора). Именно поэтому обе категории оказываются тесно связанными в сознании человека, независимо от его языковой принадлежности.

В данной сфере оценка выступает на первый план, причем оценка комплексная (эстетическая, психологическая, эмоциональная, этическая и т.д.). Примечательно также, что чаще всего оценивается содержательная сторона речи, а если есть оценка участников коммуникации, то в рассматриваемых языках это обычно оценка говорящего со стороны слушателя. Например:

- русский язык: отец Грап был обрусевший немец, невыносимо приторный, льстивый и весьма часто нетрезвый (Л. Толстой, Юность.);
- английский язык: *acid wit* – ‘злой язык’, *riquant wit* – ‘колкий язык’;
- турецкий язык: *tatlı dilli* – ‘человек, с которым приятно общаться’ (досл.: имеющий сладкий язык); *kaba bir tatlılığı vardı konuşırken* – ‘во время разговора он был груб, но учтив’ (досл.: грубую сладость имел во время разговора) (Y. Z. Ortaç).

Примечательно, что при характеристике ситуации общения, носители русского, английского и турецкого языков обращают особое внимание на выражение лица, глаза, губы собеседника. Дело в том, что мимика, являясь одним из наиболее существенных элементов невербального общения, может многое сказать об отношении человека к другим участникам коммуникации, к сообщаемому факту и к самой ситуации общения, ср.:

- русский язык: горькая усмешка, кислая гримаса, постная физиономия, маслянистые глаза, приторная улыбка, черствое выражение лица;
- английский язык: *acid looks* – ‘кислая мина’, *candied expression* – ‘сладостное выражение лица’, *sour expression* – ‘кислое выражение лица’, *sugary smile* – ‘приторная улыбка’, *sweet smile* – ‘милая улыбка’;
- турецкий язык: *acımasız gözler* – ‘безжалостные глаза’, *ekşi surat* – ‘кислая мина’, *tatlı gözler* – ‘добрые глаза’, *tatlı gülümseme* – ‘милая улыбка’.

Менее последовательно, но достаточно регулярно в языках «вкусовые ощущения» используются при выражении оценки эмоциональных состояний человека (*горечь утраты*, *кислое настроение*, *bitter tears* ‘горькие слезы’, *bittersweet goodbye* ‘горько-сладкое расставание’ и *acı tecrübe* ‘горький опыт’, *ekşimsi duygu* ‘чувство обиды’, *yavan sıkıntı* ‘опостылевшая тоска’), этической и социальной оценки поведения человека и его характера в целом (*черствый человек*, *насолить*, *peppery temper* ‘вспыльчивый характер’, *sweet person* ‘добрый, ласковый человек’ и *sulu zırtlak* ‘плакса’, *sulu insan* ‘нахальный человек’, *canı tatlı* ‘избалованный, изнеженный человек’, *tatlı can* ‘милый, добрый человек’), а также оценки погодных условий (*ядренные морозы*, *bitter wind* ‘резкий ветер’, *bitter cold* ‘собачий холод’ и *acı poyraz* ‘резкий северо-восточный ветер’, *acı soğuk* ‘собачий холод’).

Как показал анализ, для всех трех исследуемых языков характерны общие тенденции в формировании определенных типов переносов. Однако можно выделить и ряд специфических особенностей. Так, можно говорить о различных приоритетах русского, английского и турецкого этносов в социальной сфере.

В английском и турецком языках достаточно регулярно перенос происходит в сферу имущественного положения личности и товарно-денежные

Часть III

отношений, тогда как в русском языке такого рода метафорических производных члены СПВ практически не развивают, ср.:

- английский язык: *fat job* – ‘прибыльная работа’, *lean buisines* – ‘неприбыльный бизнес’, *juicy contract* – ‘выгодный контракт’, *unsavory buisiness deals* – ‘грязные махинации’;

- турецкий язык: *tuzlu* – ‘дорогой’, *tuzluya patlamak* – ‘стать очень дорогим’, *yağlı müşteri* – ‘богатый клиент’, *yağlı bir iş* – ‘прибыльное дело’, *yağlı duruma gelmek* – ‘разбогатеть’, *yağlı kapı* – ‘место, приносящее прибыль’.

Возможно, отсутствие такого рода номинаций в русском языке обусловлено историческими причинами. Так, в Европе, Америке и других странах рыночные отношения развиваются уже на протяжении длительного времени, в то время как в России почти весь XX в. господствовала плановая экономика; рыночные же отношения начали складываться сравнительно недавно. Примечательно, что в молодежном жаргоне сейчас все чаще встречаются выражения типа *жирная яхта*, *жирное дело* в значении «дорогой, прибыльный» или *жирно живешь* в значении «роскошно мотаешь», однако толковые словари русского литературного языка таких употреблений не фиксируют (исключение – идиоматическое выражение *жирный кусок* в значении ‘что-то выгодное, заманчивый куш’). Возможно, это отражает и отмечаемую, например, Ю.С. Степановым особенность русских культурных констант: «Мы живем в стране, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному... считается нормой. В таком отношении к деньгам – константа русского национального характера..., одна из самых отчетливых духовных границ русской культуры» [Степанов, 1997. С. 661].

Показательно, однако, что в обоих языках акцент делается не только на имущественном положении личности или конкретном бизнесе с точки зрения его успешности, но и на этической стороне хозяйственной и финансовой деятельности человека. Положительно оценивается наличие богатства или условий, обеспечивающих успех в финансовой сфере, но незаконные или безнравственные действия оцениваются отрицательно, что отражено и в системе используемых вкусовых ощущений.

Если в английском и турецком языках в центре внимания оказываются межличностные и товарно-денежные отношения, то для русского этноса на первый план выступает характеристика качества жизни как таковой, отражающая обобщенный взгляд на человеческое существование: горькое житье, горькая доля, несладкая жизнь, сладкая доля, сладость господской жизни. Возможно, такой обобщенный взгляд на человеческое существование (без детализации – деловая, личная и другие сферы) отражает цельность восприятия мира. Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что в оценочности качества жизни нет полутонов: жизнь либо хороша (абсолютно), либо нехороша (абсолютно). Это поддерживается и использованием антонимов – горький / сладкий. Горькое житье – это жизнь полная бед, горя (не случайно слова горький, горечь и горе этимологически восходят к одному корню). Сочетания сладкая жизнь и сладкая доля, очевидно, возникли как антонимичные понятия горькой жизни, однако их значение несколько уже (это материально и эмоционально приятная жизнь).

Только в английском языке зафиксированы переносы в отдельно выделяемую сферу «Общественно-политической жизни»: *acerbic feuds* – ‘жесткие распри’, *bitter enemies* – ‘злейшие враги’, *bitter struggle* – ‘жесткая борьба’, *bitter partisan* – ‘фанатичный сторонник’.

Продуктивность именно этой сферы в английском языке, возможно, связана с традициями общественно-политической жизни этносов – носителей исследуемых язы-

ков. Великобритания и США – страны с традиционно развитой системой парламентаризма, партийной борьбы и т.д.

В целом, больше всего различий по языкам наблюдается при характеристике человека в социальном аспекте. Возможно, это связано с тем, что социальная жизнь этносов имеет больше различий, чем физиологическая. Кроме того, система моделей сравнения в большей степени связана со сложными ассоциативными, как правило, коннотативными признаками.

Различия можно обнаружить и в тех сферах, где метафоры регулярно представлены во всех анализируемых языках. В частности, разной является степень продуктивности тех или иных переносов. Так, в русском языке при номинации человека более регулярно характеризуется его внешность (фигура, лицо), тогда как в английском и турецком языках распространенным является именование характера человека, причем сами черты характера, на которых акцентируется внимание, варьируются в обоих языках. Возможно, это в какой-то степени свидетельствует о том, что оценка характера, поведения человека для английского и турецкого менталитета более важна, чем для русского (ср. русскую поговорку: по одежке встречают, по уму провожают; но встречают все же – по одежке (!) с турецкой: beyaz giyme toz olur, pembe giyme söz olur, kahverengiyle bozdan ayılma ('не носи белое – запылится, не носи розовое – пойдут сплетни, не расставайся с кофейным цветом'), что означает: «своей одеждой человек не должен выделяться среди остальных»).

Как показал анализ, «вкусовые» метафорические модели широко представлены во всех трех языках и играют значительную роль в формировании языковой картины мира его носителей. Часть моделей, построенных на физиологических концептуальных признаках, является обязательной в анализируемых языках. Вместе с тем, в этих языках обнаруживаются достаточно явные различия, которые свидетельствуют о специфике языковых картин русского, английского и турецкого этносов, обусловленной собственно лингвистическими и экстралингвистическими факторами – культурой, историей, религией.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Балашова Л.В. Метафора в диахронии. Саратов, 1998.
- Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Постовалова В. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Словарь русского языка: в 4 т. М.; Л., 1957-1961.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950-1965.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
- Longman Dictionary of Contemporary English. Barcelona, 1995.
- Longman Dictionary of American English. USA, 2004.
- Webster's New World Dictionary. Springfield, 1993.
- Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Zambak. İstanbul, 2004.
- Güncel Türkçe Sözlük <http://www.tdk.gov.tr/TDKSOZLUK/sozbul.ASP>
- Sınıflandırmış Türkçe Deyimler. İstanbul, 2004.

Лексико-семантические репрезентации концепта «любопытство» в русском, английском и литовском языках

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Межкультурное сопоставление концептов является очень важным для межкультурной коммуникации. Главной причиной непонимания при межкультурном общении является не только различие языков, но и разные национальные сознания коммуникантов.

Национальное мировидение, являющееся отражением действительности, проявляется в языке в лексике, фразеологии, грамматике, с особой яркостью в коммуникативном поведении представителей разных лингвокультур.

Таким образом, успешность и эффективность взаимодействия в межкультурном общении зависит не только от уровня владения языком, но и от национально-культурных особенностей коммуникативного поведения (речевого и неречевого), регулируемого коммуникативными сознаниями и определяемого типом культур.

Рассмотрим лингвокультурную специфику концепта «любопытство» на примере трех неблизкородственных языков: русского, английского и литовского.

Основными лексическими репрезентантами концепта «любопытство» являются лексемы: в русском языке: любопытство, любопытный, любопытствовать, любопытничать; в английском языке: *curiosity, nosy, to pry, prying*; в литовском языке лексемы: *smalsumas* и *smalsus*.

Своеобразие содержания концепта «любопытство» выявляется при сопоставлении содержательных компонентов этого концепта с близким к нему концептом «любопытность». Согласно лексикографическим данным, слова-репрезентанты концептов объединяются во всех анализируемых языках семьей «интерес». Наличие этой интегральной семы ведет в ряде случаев к функциональному сближению лексем, представляющих в языках концепты «любопытство» и «любопытность». Отчасти трудность представляет различие между тем, что вызывается любопытством и тем, что вызывается простым исследованием собственного окружения т.е. любознательностью. Это подтверждается примерами речевых употреблений:

- Мужики с любопытством рассматривали диковинную машину (выступает в значении проявления интереса [МАС]).
- Мальчик все вокруг воспринимал с жадным, даже несколько восторженным любопытством [МАС].

В английском языке концепты «любопытство» и «любопытность» представлены лексемами *nosy, inquisitiveness, curiosity u intellectual curiosity* (соответственно).

Для английского языка, как и для русского, характерны случаи совпадения в актуальных значениях слов «любопытство» и «любопытность» (т.е. случаи, когда лексемы, *curiosity* и *inquisitiveness*, чаще выступающие в значении ‘любопытность’, употребляются в значении ‘любопытство’). Наиболее употребительной в английском языке является лексема ‘*curious*’ (‘*curiosity*’), способная выражать как значение любопытства, так и значение любознательности.

- What have you got there? Felix asked me curiously.
- Why are wearing that ring? Said Sally looking at me curiously.
- She felt inquisitively calm.
- He peered inquisitively into the open window.

Для литовского языка в большинстве случаев характерна лексическая недифференцированность значений 'любопытство' и 'любопытность' в реальном речевом употреблении. Каждое из этих значений может выражаться словом *smalsumas*.

- *Smalsi moteris žvelge pro langą* (Любопытная женщина смотрела в окно).
- *Smalsus viras patraukliai skaito* (Любопытный мужчина увлеченно читал).

При этом каждое из двух значений имеет в литовском языке ряд лексем-репрезентантов, используемых для передачи именно данного значения. Значение 'любопытность' наиболее точно выражено лексемами *žiniu troškimas* (жажда знаний), *žingeidumas* (желание знаний), *noras sužinoti* (желание узнать), *domumas* (интерес), *proto smalsumas* (ментальное любопытство). А значение 'любопытство' закреплено за лексемой *smalsumas*.

Таким образом, во всех анализируемых языках любопытность характеризуется как желание узнать новое, получить знания.

В случаях выражения значений 'любопытство' и 'любопытность' одной и той же лексемой в литовском и английском языках значение 'любопытность' дифференцируется от значения 'любопытство' с помощью уточняющих определений, т.е. описывается как интеллектуальное (умственное) любопытство (англ. *intellectual curiosity*; литовск. *proto smalsumas*). Значение же 'любопытство' в анализируемых языках в большинстве случаев несет отрицательную коннотацию, выражая неприязнь и недовольство. Таким образом, понятийное ядро концепта «любопытство» совпадает в анализируемых языках.

Национально-культурное варьирование концепта «любопытство» проявляется в актуализируемых речевых употреблениях содержательных признаков концепта.

Наибольшую актуальность для русского языкового сознания в содержании концепта «любопытство» приобретает признак 'стремление узнать в подробностях слишком многое, часто то, чего знать не следует' [Сл. сочетаемости слов..., 1983]. Любопытный – такой, который любит допытываться, дознаваться всего без надобности и пользы, кто стремиться увидеть и узнать все без иной цели [Даль, 1955].

- Наука любопытна, невежество любопытно [Даль, 1955].
- Иной человек от одного пустого любопытства соскочит с трамвая, чтобы вмешаться в какой-нибудь скандал на улице (А.А. Толстой «Катя»).
- - Не желайте знать ужасную, убийственную тайну.
- - Ужасную!? Вы мучите меня. Я страх как любопытна, что такое?
- Беспокойное любопытство, более, нежели жажда познаний, было отличительной чертой его ума.
- Для английского языкового сознания, актуальными признаками концепта «любопытство» является 'интерес к личной жизни других людей', выражается данное значение, прежде всего лексемой 'nosy'.
- *A nosy neighbor actually videotaped them in their own backyard.*

Необходимо отметить что лексема 'nosy' малоупотребительна в речи (как в устной, так и в письменной), а наиболее употребительной является лексема 'curious' (о чем упоминалось выше).

Таким образом, актуальность специфического признака концепта «любопытство», отличающего этот концепт от концепта «любопытность» невелика.

Предполагается, что для носителей литовского языка концепт «любопытство» . Эта связь имеет место и в русском языке. Таким образом, любопытной в большинстве случаев считают именно женщину, в то время как мужчину или ребенка внимательным или наблюдательным.

Часть III

Национально культурное своеобразие анализируемого концепта выявляется также в устойчивой сочетаемости слов-репрезентантов концепта, в их контекстной реализации.

В русском языке:

- Бабье, женское, дамское любопытство.
- Любопытная Варвара.
- Сгореть от любопытства.

В русском языке любопытство характеризуется как безотчетное, болезненное, дерзкое, назойливое, ненасытное, откровенное, прожорливое, тайное, трусливое и т.д. Любопытного человека характеризуют как зеваку, а внешним проявлением любопытства считают действие, определяемое глаголом 'глазеть'.

Для носителей английского языка признак 'любопытный' принято приписывать не женщине, как в русском и литовском языках, а соседу – а *nosy neighbor*. В английском языке существуют фразеологизмы, подобные русским устойчивым выражениям, характеризующие любопытных:

- Nosy parker (идентично русскому «любопытная варвара»).
- Curiosity killed a cat (любопытство до добра не доводит (или простонародное «любопытной варваре на базаре нос оторвали»)).

Таким образом, концепт «любопытство» коррелирует с концептом «любопытность».

Во всех анализируемых языках эти два концепта в некоторых употреблениях лексически нечетко различаются. Вместе с тем в каждом из рассматриваемых языков имеются лексемы, специализированные для выражения более точных значений. Следовательно, общим для исследуемых языков является понятийное разграничение (хотя и нечеткое) концептов «любопытство» и «любопытность». Различие между нечетко дифференцируемыми данными концептами выявляется не только в наличии в языках специализированных лексем-репрезентантов данных концептов, но и контекстной реализации данных лексем. Именно в контекстных реализациях проявляется национально-культурное варьирование актуальных содержательных признаков концепта «любопытство».

Литература

Lietuvių-Rusų kalbų žodinas Ch.Lechenas. Vilnius 1949.

МАС. Том II. М., 1982.

Rusų-Lietuvių kalbų žodinas. Vilnius, 1967.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.

А.Н. Дуванова

Понятие «Душа» в творчестве В. Высоцкого и Б. Окуджавы

Научный руководитель – профессор В.В. Дементьев

Душа для русской национальной картины мира – самое дорогое, ценное сокровенное, поэтому, когда автор говорит о душе, он говорит о том, что имеет огромное значение для него самого. Посмотрим, какие же образы, ассоциации, символы (деление по И.А. Тарасовой) общи для двух поэтов, а что является индивидуальным.

На образном уровне общее:

Душа – вместилище правды. Душа – память, хранилище самого ценного. Для Высоцкого очень характерен мотив насильственного вторжения в душу: «*В душу ко мне лапами не лезь!*» [Высоцкий, «Я вырос в ленинградскую блокаду...»]. Сниженное слово «лапа» для обозначения руки употреблено для того, чтобы показать связь насильственного вторжения в душу с грубостью, с природной невежественностью:

Я не люблю, когда мне лезут в душу,

Тем более, когда в нее плюют... [Высоцкий, «Я не люблю фатального исхода...»].

Индивидуальное для Булата Окуджавы на образном уровне:

Душа – сад:

Как, и когда, и в какой глуши

распускаются розы его души? [Окуджава, 1998. С.83]. Здесь мы видим связь понятия плодородия и жизненных сил души. Кроме этого, роза – очень символический цветок: связывается со смертью, красотой и любовью, соответственно, в данном контексте с ними связывается и душа. Роза – самый ценный цветок.

Кроме того, у Б. Окуджавы есть несколько стихотворений, напрямую описывающих душу:

Что такое душа? Человек задумчивый,

Всем наукам печальным и горьким обученный

(Видно, что-то не так в его долгой судьбе).

Но - он сам по себе, а я - сам по себе.

Он томится, он хочет со мной поделиться,

Очень важное слово готово пролиться –

Как пушинка, дрожит на печальной губе... [Окуджава, 1989. С.98].

Трагичность этого стихотворения состоит в том, что человек и его душа не понимают друг друга, тянут в разные стороны. Диалог души и человека – диалог двух разных людей, ничем не связанных; кроме того, человек и сам не стремится понять свою душу, не расспрашивает ее. Душа – отражение сущности, самого характера, противоречий человека, его тяги к разным поступкам, зеркало, отражающее сущность человека:

Душа - зеркальное стекло

два силуэта в ней прекрасных,

враждующих и несогласных... [Окуджава, 1998. С. 292].

Индивидуальное для Высоцкого на образном уровне:

Душа – запас и источник жизненных сил, отсутствие этих жизненных сил – покой:

Я больше не избавлюсь от покоя:

Ведь все, что было на душе на год вперед,

Не ведая, она взяла с собою... [Высоцкий, «Мне каждый вечер зажигают свечи...»].

Покой тесно связан с застыванием, окаменением:

И души застыли под коркою льда... [Высоцкий, «Так дымно, что в зеркале нет отраженья...»].

Для Высоцкого застывание, неподвижность души – самое страшное, что приравнивается к ее гибели.

Пустая душа – брошенный чердак, пустыня:

В душе моей - пустынная пустыня,

Так что ж стоите над пустой моей душой!

Часть III

Обрывки песен там и паутина... [Высоцкий, «Мне каждый вечер зажигают свечи...»].

Отличительным свойством и пустыни, и чердака является то, что там ничего не происходит, на чердак никто не заходит, он забыт.

Душа может выходить из тела в виде пота, пара (сенсорный и визуальный аспект, представление о том, как душа выглядит, а также то, что пот и пар выделяются при экстремальных условиях, в условиях нагрузки – душа связана с нагрузкой):

Словно капельки пота из пор,

Из-под кожи сочилась душа... [Высоцкий, «Кто-то высмотрел плод...»].

Душе в теле беспокойно, тело для нее как клетка, из которой ей натерпится выбраться: «*Во груди душа словно ерзает...*» [Высоцкий, «Во груди душа словно ерзает...»].

В ассоциативном плане общее:

Душа поэта: в ней обязательно должен быть жар, огонь – то есть стремление к чему-то, внутреннее горение:

Жар души не иссякает.

Расслабляться не пора...

Слышно: времечко стекает

С кончика его пера... [Окуджава, 1998. С. 428].

У Высоцкого находим:

Поэты ходят пятками по лезвию ножа

И режут в кровь свои босые души... [Высоцкий, «Кто кончил жизнь трагически...»]

Босая – ассоциируется с беззащитностью и искренностью. Кроме того, резать в кровь – страдать, получать раны. Для Высоцкого тот поэт, кто может добровольно почувствовать и принять страдания за всех остальных не-поэтов. Поэт Высоцкого пишет кровью и он беззащитен перед жестокостью мира, но именно поэтому он и поэт.

Душа – волшебный музыкальный инструмент:

И ветры с грустною истомой

Все дуют в дудочку души... [Окуджава, 2001. С. 128].

Связь музыки с душой для Окуджавы не случайна. Музыка – самое сокровенное, самое ценное, должна идти из глубин, символ гармонии, значит и душа, и музыка единородны для Окуджавы. В отличие от Высоцкого, душа для Окуджавы гармонична. У Высоцкого душа тоже представлена как музыкальный инструмент («Влезли ко мне в душу, рвут ее на части, /Только не порвите серебряные струны!» [Высоцкий, «У меня гитара есть...»]), но для поэта и сама музыка не является гармонией, а хаосом, стихией («Слышно в вихре мелодий повторение нот...»... [Высоцкий, «Оплавляются свечи...»]).

Индивидуальное в ассоциативном плане для Окуджавы:

Душа очень прочно ассоциируется с улицей (в основном, это конечно, Арбат) и Москвой. Это показывает, что для самого автора атмосфера Арбата стала чем-то важным, почти очеловечилась. С одной стороны, это помогает понять восприятие автором улицы, ее атмосферы, а с другой стороны, помогает лучше понять, что для автора значит «душа». Душа – это ощущение, атмосфера, это что-то неуловимое.

Прощай, Москва, душа твоя

Всегда-всегда пребудет с нами... [Окуджава, 1989. С. 159].

Война. Война внесла большой отпечаток в историю страны и в душу самого писателя. Неслучайно, говоря о войне, писатель употребляет в различных сочетаниях

концепт «душа»: «Где сходились наши души, воротясь с передовой?» [Окуджава, 1989. С.191].

На войне были именно души, а не тела. Война – настолько страшна и жестока, что физические страдания, страдания тела, даже физическая смерть затмеваются страданиями душевными. Физические лишения – ничто по сравнению с тем, какие тяготы переносили их души.

*Все глуше музыка души,
все звонче музыка атаки...* [Окуджава, 1998. С.384].

Однако это только один аспект войны и ее взаимодействия на душу. Не стоит забывать, что это война была освободительная, великая, священная. Правда, это не отменяло убийств и расплаты за них, но не воевать значило еще больше сгубить свою душу.

Индивидуальное в ассоциативном плане для Высоцкого:

*Душа – разгул
Водяные, лешие,
Души забубенные* (забубенный – просторечный- отчаянный, бесшабашный, разгульный) [Высоцкий, «Песня Соловья-Разбойника и его дружков »].

Разбойничью душу не трави... [Высоцкий, «Серенада Соловья – разбойника»].

Здесь можно увидеть связь и с русской удалью, бесшабашностью (с положительной коннотацией), и с волей и свободой.

*Душа – одежда:
Он у нас тем временем печали
Вынимал тихонько из души.
Крал тоску из внутренних карманов*

Наших душ, одетых в пиджаки... [Высоцкий, «Шут был вор: он воровал минуты...»].

Пиджак – символ закрытости, делового стиля, неискренности. Поэт говорит уже не о своей душе, а о душе современного ему общества. Однако, несмотря на то, что душа скрыта под пиджаком, в ней содержится что-то ценное и интимное – это то, что лежит во «внутренних карманах». В данном случае там лежит тоска, хотя внешне это и незаметно, ибо она скрыта под пиджаком. Души одевают пиджак, чтобы их не ранили: «И маски равнодушия у них – защита от плевков и от пощечин...» [Высоцкий, «Смеюсь навзрыд - как у кривых зеркал...»].

Очень часто в связи с мотивом одежды душа представляется как некая ткань, причем изорванная, которую надо заштопать:

*Душу, стертую перекатами <...>
Если до крови лоскут истончал,
Залатаю золотыми я заплатами...* [Высоцкий, «Купола»].

На символическом уровне общее:

Связь души и огня.

Символика огня очень глубоко разработана в большинстве культур. Для России: по Степанову огонь, как и вода, мог быть живым (исцеляющим, дающим силы) и мертвым (убивающим). Вода и огонь – части вселенной. Посмотрим, как это актуализируется в связи с концептом душа у Окуджавы:

*Да еще ведь надо в душу к нам проникнуть и зажечь...
А чего с ней церемониться? Чего ее беречь? <...>
А душа, уж это точно, ежели обожжена,*

Часть III

Справедливей, милосерднее и праведней она... [Окуджава, 1989. С. 207].

Здесь – огонь живой, созидательный, который выполняет работу над душой. Значит, созидательная работа для души – горение, чувство, переживание, страдание. В любом случае горение – это боль, страдание, но это полезно, так как делает душу лучше. И очень интересно отношение автора – душа не должна быть избалованной, она *должна* проходить через страдания.

Символика огня так же встречается в лирике Высоцкого, правда, разработана она меньше.

Оценочный компонент:

Что обозначает понятие «равнодушный»? РАВНОдушный значит, что душа всегда ровная, последовательная, спокойная (не умиротворенная, а именно спокойная). Человек не должен быть равнодушным. Значит, душа не должна быть спокойной, безразличной ко всему.

Для Высоцкого равнодушие приравнивается к слепоте, равнодушный человек теряет свой человеческий облик:

Но попал в этот пыльный расплывчатый город

Без людей, без людей.

Бродят толпы людей, на людей непохожих,

Равнодушных, слепых... [Высоцкий, «Так оно и есть...»].

Для Окуджавы: «*Равнодушие вас убьет: тот, кто крепкий чай разлюбит, сам предаст и не поймет...*» [Окуджава, 1998. С. 286]. Опять видим, что понятие души, причем положительной души связывается с бытовой деталью – крепким чаем – особой традицией, особой памятью.

Высоцкий ставит противопоставление: душа – это разрешено или запрещено? У него получается, что иметь душу это запрещено законом, запрещено иметь хорошую, большую душу, но человек должен преступать в этом случае все законы:

Рок процедил через губу:

«Того, с большой душой в теле <...>

Чтоб не испытывал судьбу,

Взять утром тепленьким с постели!» [Высоцкий, «Еще ни холодов, ни льдин...»].

Душа для Высоцкого должна быть искренней и не способной ко лжи, она должна быть чистой, причем даже не изначально чистой, а вычищенной от наносной грязи:

Нужно выпороть веником душу,

Нужно выпарить смрад из нее. [Высоцкий, «Благодать или благословение...»].

В его творчестве загубить душу – это самый страшный грех, даже для религиозной трактовки, страшнее самоубийства. Слова ангелов рая:

Душ не губил сей славный муж,

Самоубийство – это чушь. [«Вот это да!»].

Однако душа настолько сильна, что может противиться грубому насилию, ее непрочность и тонкость лишь кажущиеся: она будет страдать, рваться в кровь, но будет жива:

Сапогами не вытоптать душу! [Высоцкий, «Кто сказал: все сгорело дотла...»].

Нечувствительность и пошлая грубость души страшны для Высоцкого. Душа не должна быть лысой (лысость – некрасивость, кроме того, это в России считалось признаком сытой мещанской жизни, признаком принадлежности к каким-то кругам власти)

Так что лысина на скате - поправимая беда,-

На душе она - почти непоправима... [Высоцкий, «Еще ни холодов, ни льдин...»].

Высоцкий видит о том, что делает современное общество с душой и как относиться к душевным богатствам:

Все богатство души

Нынче стоит гроши -

Меньше глины и грязи в реке! [Высоцкий, «Расскажи дорогой...»].

Бард показывает душевную деградацию, что выражается связью души с глаголами «скисли», «опрыщавели»:

Скисли душами,

Опрыщавели,

Да еще вином

Много тешились,-

Разоряли дом,

Дрались, вешались [Высоцкий, «Что за дом притих...»].

Здесь названы некоторые причины такой деградации: забыли люди о самом главном, о том, что над душой нужно совершать работу, что душа должна страдать, биться, истекать кровью, чтобы не погибнуть.

Душа для Окуджавы должна быть милосердной, праведной, справедливой, мужественной. Душа – истинный измеритель ценности и правды мира! То, что есть реально, – это неправда, а то, что в душе, – это истинная правда. Очень часто эти две плоскости существования предметов – реальная и духовная – противопоставляются:

Всем даруется победа, не взаправду - так в душе... [Окуджава, 1998. С. 491].

Вывод. Для Окуджавы понятие «душа» неразрывно связано с понятием мироощущения, восприятия мира, наслаждения жизнью, причем это наслаждение заключается в умении видеть в простых и обыденных вещах что-то необычное, умении находить радость в самом обычном и приевшемся. Душа - это сама атмосфера жизни, улицы, чая. Это дыхание жизни. Душа – восприятие мира, особый орган чувств. В душе поэта-Окуджавы живет и ветер, и улица, и крепкий чай. Душа может и должна испытывать страдания, что видно из связи концептов «душа» и «огонь». Однако эти страдания не связаны с какими-либо физическими перемещениями души, в отличие от лирики Высоцкого. И у этих страданий должна быть мера, иначе они разрушают душу.

Для Высоцкого «душа» – состояние нервного напряжения, беспокойства, метания. Состояние покоя губит душу. Состояния покоя расцениваются очень отрицательно. Интересно отметить, что в качестве усиления Окуджава наоборот, убирает всю физическую сущность человека, оставляя лишь душевную.

У Окуджавы душа центростремительна (человеку гораздо важнее понять собственную душу, как часть которой осмысляется и Арбат, самое ценное здесь – гармония). У Высоцкого душа центробежна (стремится выйти во внешний мир, познать его, самое ценное здесь – правдивость, готовность к испытаниям, душевная сила в борьбе с жестокостью внешнего мира). Возможно, это связано с разной локацией души для обоих поэтов. Окуджава понимает душу как находящуюся вне его, она как бы созерцает человека со стороны. Душа вбирает в себя весь окружающий мир и, с такой позиции, стремится понять человека, которому она принадлежит. Душа для Высоцкого находится внутри тела, поэтому она так рвется наружу; она вбирает в себя внутренний мир человека, поэтому ей, с таким наполнением, важно узнать то, что она еще не ведает – мир внешний.

Интересно отметить, что в национальной языковой картине мира концепт «душа» представляет собой сложный многогранный образ, для которого характерно и стремление к покою, к углублению в себя, и стремление к выходу во внешний мир, и

Часть III

гармония, и нравственные метания. Оба барда каждый в своей лирике актуализирует именно те стороны этого концепта, которые близки именно ему. Можно проследить связь реализации этого концепта и остальной лирикой поэтов, связь с их жизнью. Основной вопрос – может ли анализ реализации только одного концепта «душа» раскрыть языковую и психологическую личность поэта, его нравственные идеалы, в соответствии с которыми он живет? Может.

Литература

- Алференко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград, 2003.
Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты. М., 1989.
Окуджава Б. Посвящается вам. М., 1988
Булат Окуджава. Стихотворения. Санкт-Петербург, 2001.
Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. М., 1998
Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003.
Творчество Владимира Высоцкого. Соб. творчества в 2 дисках.
Шатин Ю. Поэтическая система Высоцкого <<http://otblesk.com/vysotsky> >
Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: материалы к словарю. М., 2002.
Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2005.

Е.Н. Егорова

Концепты «любовь» и «смерть» в творчестве М.К. Щербакова

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротинина

Задачей данной статьи является продолжение изучения концептов «любовь» и «смерть» в поэзии М.К. Щербакова. Цель исследования – посмотреть, как эти концепты реализуются в произведениях «Песня паж» (более ранний вариант названия – «Песенка казнённого паж») и «Ковчег неутомимый» и сопоставить результаты с ранее сделанными выводами, полученными при изучении данных концептов.

В своей работе я буду опираться на определение концепта, данное В.И. Карасиком, который объединяет два основных подхода к изучению этого явления (лингвокогнитивный и лингвокультурный): «Концепт – это многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2004 С. 109].

Понятия «любовь» и «смерть» здесь используются в следующих значениях: «любовь – глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» [Ожегов, Шведова, 1999 С. 336], «смерть – прекращение жизнедеятельности организма» [Там же. С. 735].

В «Песне паж» соединены лирическое и эпическое начала: сюжет, повествующий об истории любви паж к королеве, и рассказ о переживаниях героя.

В первой строфе дана экспозиция, краткое содержание песни. Здесь используются фольклорные мотивы: история о трёх братьях, каждому из которых была уготована своя участь, своя дорога, причём младшему – самая необычная, но и самая трагическая. Она была связана с его любовью к королеве, которая не могла не закончиться плачевно. Концепт «любовь» здесь назван прямо. Уже изначально ясно, что эта любовь приведёт к трагедии, что эта страсть является роковой, потому что высшие силы решили сыграть над героем злую шутку:

*Вот так пропел небесный шансонье,
вот так решили каверзные боги.*

Тема любви пажа или придворного барда к королеве не раз встречается в творчестве М.К. Щербакова (например, в песне «Когда бы ты была великой королевой...»), и всегда это чувство имеет плохой финал.

Таким образом, тема любви у Щербакова нередко переплетается с темой песни, поэзии, творчества и вербализуется, например, в следующих словах: песня пажа, пропел небесный шансонье, горн запел вдали, иному внять напеву, поэт при дворе, придворный бард, я б оды сочинял направо и налево, я б гимны сочинял, воспеть тебя, прекрасная регина, твоя и день и ночь, должный слог и тон, твой образ непокорный, перо моё дрожит и т.д.

Паж добился взаимности, но его не покидает предчувствие беды, так как он стал соперником самого монарха:

*А я пока печально знаменит
как паж, имевший виды на корону.*

Тема братьев возникает в конце каждой строфы, выполняя роль синтаксического параллелизма по отношению к судьбе лирического героя.

Концепт «любовь» во втором восьмистишии представлен словами дрогнул мрамор, горн запел, согласие глаз, свиданье, соперник, а концепт «смерть» – монарх, донесли, соперник, печально и т. д.

Прямо соотносятся с данными концептами лишь некоторые лексемы: с концептом «любовь» (входя в его ассоциативное поле) – согласие глаз, свиданье, метафоры же дрогнул мрамор, горн запел вдали передают настроение героя, которому ответили взаимностью, и означают ответное чувство холодной и неприступной, как мрамор, королевы. Слово монарх не имеет прямого отношения к данному концепту и связано с ним только в данном контексте, так как именно столь высокое социальное положение соперника и стало причиной гибели пажа.

С концептом «смерть» прямо соотносится слово печально, так как смерть вызывает такие чувства, как грусть, горечь. Остальные лексемы находятся на периферии реализации данного концепта, но тоже ассоциируются с возможной гибелью: казнь вследствие доноса, устранение соперника. Слово соперник может являться вербализацией обоих концептов, так как в любви бывают соперники, которых нередко убивают.

Судьба всех трёх братьев печальна: один, вдоволь поскитавшись по свету, погиб на чужбине, другой разорился, а младший поплатился за свою преступную любовь жизнью. Но он ни о чём не жалеет, так как любовь стоит того, она выше земных, материальных ценностей. Концепт «любовь» в четвёртой строфе получает языковое выражение в словах счастье, рогат (по отношению к сопернику), а концепт «смерть» – в нож точил, расправиться, повесить.

Любовь здесь соотносится со стихией (это стихийное чувство, похожее на стихийное бедствие). Три брата выбрали три стихии: один – морскую, другой – стихию азарта, а младший воплотил их сил соединенье, заключённое в любовном чувстве. Он испытал все эмоции, которые знакомы моряку, попавшему в шторм, и игроку, поставившему последние деньги на кон:

*я, как моряк, стихию бороздил
и, как игрок, молился о везенье.*

Герой мог выбрать другую дорогу и изведать другие страсти, но судьба распорядилась иначе: его жизненный путь пересекла роковая любовь, ради которой он пожертвовал жизнью, так как только такую цену можно было заплатить за взаимность ко-

Часть III

ролевы и короткое счастье с ней. Он погиб в пучине, водовороте любовного чувства, так как нельзя бороться со стихией.

В последнем восьмистишии концепт «любовь» получает языковое выражение в следующих словах и словосочетаниях: *сил соединенье, моряк, мореход, игрок, везенье, влюбился в королеву* и т. д., а на концепт «смерть» намекает лишь междометие *увы*, символизирующее другие, нереализованные возможности, оборвавшиеся вместе с казнью пажа.

Таким образом, если сравнить две песни М. К. Щербакова – «После холодности безбрежной...» и «Песня пажа», можно увидеть, что в обоих произведениях любовь воспринимается как стихия, а взаимность чувств в итоге приводит к гибели лирических героев, то есть в обеих песнях концепт «любовь» неразрывно связан с концептом «смерть», что характерно для творчества М. К. Щербакова и отражает его языковую картину мира.

Теперь рассмотрим другую песню М. К. Щербакова – «Ковчег неутомимый» и то, как здесь реализуются концепты «любовь» и «смерть». Название отсылает нас к библейскому сюжету о Ноевом ковчеге, и речь здесь идёт о вечных истинах – любви и смерти, перед которыми все остальное кажется ничтожным. Определение ковчега – *неутомимый* – подчёркивает вечность этих общечеловеческих проблем.

Эта песня, как и две предыдущие, – «После холодности безбрежной...» и «Песня пажа» – написана в форме восьмистиший.

«Пассажиры» ковчега отринули все мелкие страсти и житейские проблемы, отныне их волнуют лишь две главные истины – любовь и смерть. Эти два концепта неразделимо связаны друг с другом и с концептом «движение». Первые два концепта имеют прямую номинацию и звучат рефреном в конце каждой строфы, а концепт «движение» вербализуется в следующих словах: *граница уже неразличима, свободный разбег, неутомимый ковчег*.

Герои песни даже рады тому, что вокруг небытие, стихия, *голубая параллель*, так как ничто не отвлекает их от главной цели.

Даже такая важная проблема, как извечный вопрос – «быть или не быть», не волнует героев, потому что и она отступает на второй план по сравнению со смертью и любовью.

Движение *неутомимого* ковчега символизирует бег времени, то есть во все времена для людей важнее всего такие понятия, как «любовь» и «смерть», ради них они отказываются от славы, корыстных целей, преодолевают любые препятствия, *не чувствуя ни холода, ни боли*.

При номинации концепта «любовь» во второй строфе используется несущий смысловую и эмоциональную нагрузку солецизм любви, который имеет давнюю поэтическую традицию и встречается в стихотворении А.А. Блока «К Музе» и в песне Б.Ш. Окуджавы «Три сестры», что подчёркивает преемственность поэтов и важность темы любви во все времена.

Кроме концепта «движение», концепты «любовь» и «смерть» пересекаются с концептом «воля», который включает в себе ещё одну вечную человеческую ценность и в русской языковой картине мира имеет природную связь с такими характеристиками, как «безграничность», «открытость», реализующимися в лексемах *граница между небом и водой уже неразличима, и не надо; свободный разбег* и т. д.

«Пассажиры» ковчега свободны от житейских проблем, не дорожат ничем, кроме двух вещей, и готовы заплатить за них любую цену, ибо все беды и печали, которые могут постигнуть человечество, такие пустяки в сравнении со смертью и любовью.

Концепты «любовь» и «смерть» в песне «Ковчег неутомимый» в основном на-

зываются прямо, повторяясь в конце каждой строфы, и соотносятся с концептами «движение» и «воля».

Проанализировав три песни М.К. Щербакова, можно сделать вывод, что концепты «любовь» и «смерть» в его творчестве довольно часто оказываются рядом, и в этом проявляется характерная черта его поэзии.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Щербаков М.К. Другая жизнь. М., 1996.

М.И. Кабанова

**Язык и языковая личность:
цветовая гамма слова *снег* в русском языке и лирике А. Блока**

Научный руководитель – профессор Э.П. Кадькалова

В современной лингвистике, как подчёркивает В.И. Карасик, укрепился лингвокультурологический подход к изучению языковых фактов, что не может объясняться только лишь модными веяниями, а обусловлено глобальным культурологическим поворотом всего гуманитарного знания [Карасик, 2005. С. 33]. Соответственно, «интерпретация семантических явлений направлена не на абстрактно понимаемый смысл, а на культурный феномен, который существует в человеке и для человека». «Культуросносные потенции языка» вполне укладываются в проблематику когнитивной лингвистики, обращённой к языковой картине мира, осмыслению национального менталитета, языковой личности, речеповеденческим стереотипам [Сулименко, 2002. С. 25].

При обращении лингвистики к фактам культуры, философии, антропологии, эстетики понимание возможностей слова без внимания к его жизни в художественных текстах, на наш взгляд, оказывается неполным. Ведь не только язык формирует личность, но и личность художника, произведения которого представляют духовную ценность, то есть составляющую культуры, несомненно, влияет на культурную память слова. С другой стороны, нельзя обойти вниманием и потенциальные возможности слова, то есть то содержание, которое интерпретируется в творчестве языковой личности и идёт от системы языка – «кладовой лексического стандарта».

В данном исследовании планируется, сопоставив уровень «концепта-минимум» (бытование слова в рамках лексикографической статьи, терминология Р.М. Фрумкиной), ассоциативных реакций, с «концептом-максимум» – реализацией смысла слова в лирике Блока, выйти на закономерности интерпретации языкового факта творческой личностью художника слова.

Материалом исследования стало слово *снег*, значимое для идиостиля Блока, реализующее смысл одной из стихий в его творчестве и представляющееся амбивалентным образом: оно обладает и созидательным, и деструктивным смыслом.

Парадоксально то, что лексикографическое исследование данного слова при первичном рассмотрении не даёт каких-либо устойчивых негативных компонентов значения. Вероятно, можно считать, что наличие негативных, деструктивных значений у слова в поэзии Блока – фрагмент индивидуально-авторской картины мира. Однако слово *снег* в русской языковой картине мира не представляется нейтрально или позитивно

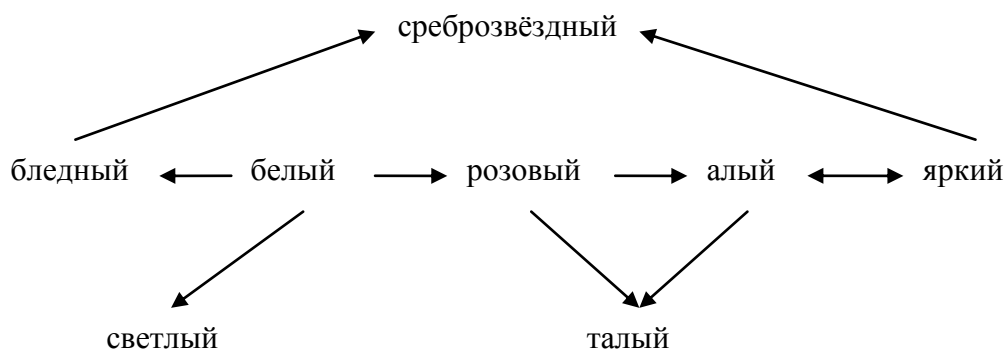
Часть III

воспринимаемым, что доказывает лексикографическое исследование, ассоциативные реакции носителей русского языка [Кабанова, 2004. С. 15-18]. Для краткой иллюстрации коннотативного значения слова обратимся к фразеологии. Фразеологизмы представляют собой культурно и эстетически маркированные единицы. В этой связи интересным оказывается тот факт, что русская фразеология вписывает слово *снег* во враждебную для человека, приносящую разрушение стихию («как *снег* на голову» (неожиданно), «бел, как *снег*» (нездоровый цвет лица при заболевании или неприятном известии), «нужен как летошний *снег*» (совершенно не нужен или вреден). (Показательно, что в польской фразеологии нет такого негативизма по отношению к данному слову [Кульпина, 2001. С. 149]).

Для представления слова *снег* в рамках данной статьи выбрана колоративная гамма слова. Цветообозначения представляют собой культурно-маркированную ценность данного этноса, часть культурного наследия. Механизм передачи этой ценности последующим поколениям формируется в недрах данной этнической общности и передаётся, распространяется, в частности, такими носителями личностного сознания как поэты [Кульпина, 2001. С. 435].

Говоря об ассоциативных реакциях на слово *снег*, необходимо отметить, что колоративная представленность прямо соответствует амбивалентности этого образа в лирике Блока, то есть, по данным РАС *снегу* соответствуют такие признаки как «мокрый», «колючий», «грязный», «серый», так и «долгожданный», «нежный», «свежий». Существенно то, что в РАС наиболее частотным оказалось словоупотребление «тает». Само по себе оно не может быть включено в колоративный ряд, но имплицитно семы цвета содержатся (по данным эксперимента серый – 47% реципиентов, бежевый – 30%, чёрный – 20%, нет реакции – 3%). Колоративное наполнение слова *снег* в лирике Блока отличается от данных РАС, однако подтверждает общую коннотативную характеристику данного словообраза.

Цветовое определение в любом художественном тексте играет особую роль, поэтому прежде чем говорить о цветоименовании слова *снег*, необходимо представлять цветовую гамму идиостиля поэта в целом. Доминантами лирики Блока являются белый, синий, золотой, голубой цвета. Помимо внешней оболочки характеризуемого знака, цвет проникает в глубинную семантику, то есть, характеризует не столько цвет, сколько смысловое наполнение слова. Система цветообозначений слова *снег* в лирике А. Блока выглядит следующим образом:

Как видно на схеме, хроматический ряд представлен прилагательными, что характерно для всей системы цветообозначений в лирике Блока. Хроматический ряд представляется полностью расположенным, тем самым подчёркивается амбивалентность

снега в творчестве Блока. Рассмотрим наиболее интересные и показательные для ассоциативного поля с ядром в слове *снег* в идиостиле Блока особенности.

Спектр цветовой гаммы слова *снег* в лирике Блока можно разделить на группы: непосредственно цветообозначение и обозначение оттенка цвета. Первая группа представлена следующими эпитетами: *алый, розовый, белый, синий*. Причём, *алый* и *розовый* употреблены единожды, а *белый* вступает в несколько разных по своему значению контекстов.

Семный анализ цветов этой группы позволяет построить хроматический ряд, причём, на его полюсах окажутся белый и алый, противопоставленные семами «яркий – бледный», «революционный – контрреволюционный». Эти цвета антонимичны и в сознании человека, что отображает словарь символов: *алый* символизирует насыщенность, страстность, кровь, а «белый» в свою очередь представлен как цвет гармонии, ангельского начала, целомудрия. Розовый цвет логично поместить между полюсами этого хроматического ряда. Причём, по визуальному цветовому изображению он смещается в сторону красного цвета, что подтверждает и сема «бледно-красный», но по значению розовый сближается с белым, так как не обозначает той страстности, насыщенности, что красный, а скорее неяркость и загадочность. Данные семантические и смысловые особенности цветов интересно сопоставить с цветообозначением слова *снег* у Блока.

Родившись на стыке белого и красного цвета, розовый тоже имеет очень сложную семантику. А. Белый связывал расшифровку этого цвета с религиозной темой: «Первые века Христианства обогреты кровью. Вершины Христианства белы, как *снег*. Историческая эволюция церкви есть процесс убеления риз кровью агнца. Для нашей церкви, ещё не победившей, но уже предвкушающей победу, характерны все оттенки заревой розовой мечтательности...» [Там же, С. 205] По данным ассоциативного эксперимента, проведённого по методике семантического дифференциала розовый в ассоциациях носителей русского языка оказывается практически равноудалённым как от красного, так и от белого цвета (48 и 52% респондентов, соответственно). Розовый у Блока в контексте той эпохи, в которую он творил и влияния А. Белого и других философских направлений Серебряного века тоже оказывается связан с религиозной тематикой:

*На обряд я спешил погребальный,
Ускоряя таинственный бег.
Сбил с дороги не ветер печальный
Закрутил меня розовый снег... (1-261)*

Сразу необходимо оговориться, что контекстуальными антонимами алый и белый не являются, так как алый употреблён один раз. Причём хронологически – это самое последнее цветообозначение (ноябрь 1912г.):

*Лишь розы на талый
Падают снег,
Лишь слёзы на алый
Падают снег.*

Алый в данном случае совмещает первичное значение (относящийся к розе) и цветообозначение; в гениальной метафоре слились два значения слова, поэтому алый снег – это снег, усыпанный розами, алого цвета. Цвет розы воспринимается Блоком не как революционный или страстный, а как цвет печали, безысходности, одиночества, поэтому снег, помимо цветовой характеристики, символизирует одиночество, а алый

Часть III

становится цветом печали и, таким образом, не может называться контекстуальным антонимом белому цвету.

Традиционное же сочетание слов «белый снег» (буквально оно может даже считаться тавтологичным: «снег цвета снега») вступает в разные в смысловом и коннотативном отношении контексты, и, соответственно, реализует разное значение. В строках: «Снег да снег. Всю избу замело./Снег белеет кругом по колению» выражена нейтральная коннотация и первичное значение слова снег – наименование цвета. Традиционное понимание белого снега как символа чистоты, противостоящей мрачному началу, подчёркивается в следующем контексте: «Сквозь мглу, и огни и морозы/ На белом и лёгком снегу...», где снег вступает в антонимичные отношения с другими существительными, подчёркивая своё цветоопределение. Однако белый мыслится Блоком как амбивалентный цвет, которому присуща и негативная коннотация: «На белом холодном снегу/Он сердце своё убил»), чем подчёркивается холодность белого цвета, разрешившего убийство. Но наиболее интересное значение словосочетания «белый снег» раскрывается в следующем контексте:

*Один и тот же снег – белей
Нетронутой и вечной ризы...*

В данном случае Блок предлагает осмыслить через понимание белого снега вечность. Не случайна здесь церковная символика, которую, однако, поэт ставит ниже этого белого снега. Важно само понимание Блоком Христа, что выявляется из историко-литературоведческих материалов, необходимые при исследовании данной темы. Блок писал: «Самое конкретное, что могу сказать о Христе – белое пятно впереди, белое, как снег, и оно маячит впереди, полумерещится, неотвязно». То есть, с одной стороны, белый снег воплощает авторское понимание религиозных символов, с другой – оказывается над этими символами, уходит в вечность. Эту позицию подтверждают строки:

Лишь снег порхает – вечный, белый...

Этот тезис подтверждают слова А. Белого, писавшего: «Бесконечное может быть символизировано бесконечностью цветов, заключающихся в луче белого цвета» [Белый, 1994. С. 201]. Белый цвет в контексте блоковского творчества предстаёт бесконечным. Но эта бесконечность поглощает всё сущее, то есть, в известной степени оказывается разрушающей.

По некоторым параметрам семного значения прилагательные «светлый» и «яркий» синонимичны, однако, если яркий – это всегда максимально насыщенный, то светлый в значении № 3 имеет сему «менее», то есть, светлый ближе к бледному в определённом контексте. Лексикографический анализ не противоречит контекстуальному использованию данных слов. «Яркий снег» – выражает сильное чувство, протест, даже на уровне фоносемантического окружения:

*Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег... (2-306)
«Бледный» – это всегда символ слабости, смерти:
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден. (1-148)*

В словарь антонимов [Львов, 1984] эти прилагательные включены как типичные логические антонимы, что отражено и на смысловом и образном уровне в блоковском тексте.

Интересно окказиональное употребление цвета, для Блока оно важно вдвойне, так как окказиональный способ создания образности для него не характерен. Эпитет «сребровзвездный» употреблен один раз, поэтому дать точную цвето-световую или кон-

нотативную характеристику достаточно сложно. Скорее всего, коннотация выразится как позитивная, а цветовое значение выводится из значений словообразовательных компонентов, то есть, будет близко к серебряному цвету.

Если говорить обо всей атрибутике слова снег, то некоторые эпитеты реализуют сразу несколько значений, поэтому могут быть включены в цветообозначение. Особого внимания заслуживает в данном случае сочетание талый снег. По данным ассоциативного эксперимента у слова талый есть устойчивое цветовое значение, определяемое респондентами как «грязно-серый», «серый», «бежево-серый». Но в контексте творчества Блока данное сочетание не реализует своего цветового значения.

Таким образом, в контексте блоковской лирики явны два параллельных процесса: с одной стороны, лексические единицы вступают в регулярно предсказуемые для них контексты и выражают свои прямые значения. С другой стороны, поэт переосмысливает явления действительности, в частности, цветообозначение, поэтому появляются смысловые преобразования общеупотребительных единиц. Но во всех словоупотреблениях именно языковая память слова снег, как кажется, проявляется в творчестве Блока, то есть включение снега в полярные по своей эстетической значимости контексты обусловлено не только индивидуально-авторским переосмыслением значения данного слова, но и системой национально-культурных представлений о нём.

Литература

- Белый А. Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
Блок А.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1971.
Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология. Принципы, функции, единицы // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Л.И. Баранниковой. Саратов, 2005.
Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языке/ Ф-т иностр. языков МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2001.
МАС – Словарь русского языка: В 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1985-1988.
Русский ассоциативный словарь. М., 1996.
Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М., 2003.
Сулименко Н.Г. Слово в контексте гуманитарного знания. Санкт-Петербург, 2002.

А.С. Калашникова

Метафоры-неологизмы в русском и английском языках

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

В последние десятилетия XX в. метафора все чаще стала рассматриваться не как художественный прием или троп, а как средство номинации, как вербализованный способ мышления и способ создания языковой картины мира. Метафора стала признаваться «фатальной неизбежностью, едва ли не единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления» [Арутюнова, 1990. С. 11]. Появилась необходимость обратиться к деятельностному аспекту метафоры, к ее роли в концептуальном членении действительности.

Особое место в лексико-семантической системе любого языка принадлежит неологизмам, то есть лексемам, вошедшим в язык в два последние десятилетия. Однако

Часть III

работ, посвященных этому пласту лексико-семантической системы языка пока слишком мало, хотя необходимость такого рода исследований признается всеми учеными.

Современные политологи, социологи, культурологи отмечают активную интеграцию России в Западное сообщество. Это отражается в том, что мы заимствуем у Запада опыт в сфере экономики, новых информационных технологий, культуры. Естественно, что стремительное развитие в нашей стране новейших технологий, индустрии развлечений, появление новых видов деятельности, постоянно меняющаяся политическая и экономическая обстановка в России и т. д. привели к появлению новых слов для обозначения новых понятий. А где появляются новые номинации, там появляются и метафоры: «метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли» [Ортега-и-Гассет, 1990. С. 68]. Естественно актуальным становится вопрос о том, насколько «русскими» являются данные метафоры, не происходит ли изменений в самой картине мира под влиянием западной цивилизации.

С этой точки зрения весьма актуальным, теоретически и практически значимым, оказывается исследование метафор-неологизмов как одного из способов реконструкции современной картины мира [Арутюнова, 1990. С. 64; Гак, 1998. С. 480]. На основе сравнения русской современной картины мира с картиной мира носителей английского языка можно сделать определенные выводы о том, насколько сильно российское общество подверглось влиянию западной культуры и можно ли в настоящее время говорить о собственно русской картине мира.

По «Словарю изменений русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Скляревской, Longman Dictionary of American English, по словарю неологизмов американского варианта английского языка WordSpy, взятому из сети Интернет, были выделены неологизмы, являющиеся метафорами. И в английском, и в русском языках эти слова оказались разнообразными по своей семантике, но, несмотря на это, их довольно четко можно было разделить на несколько сфер, различных по своей продуктивности. Для русского языка это:

- 1) Информатика, компьютерные технологии (*буфер, всемирная паутина*);
- 2) Сфера бизнеса и финансов (*галопирующая инфляция, порог бедности*) – большинство слов является калькой с английского языка и носит негативную окраску;
- 3) Общественно-политическая жизнь (*желтая пресса, кислород*);
- 4) Наркомания (*сесть на иглу, сесть на препарат*);
- 5) Паранормальные явления (*астральное тело, аура*);
- 6) Сфера развлечений (*ящик, однорукий бандит*);
- 7) Правовые отношения (*бригада, замочить*);
- 8) Социальная и личностная характеристика человека (*некрутой, инопланетянин*) – к этой группе относятся в основном слова, характеризующие положение человека в социуме и обладающие отрицательной коннотацией;
- 9) Номинация женщин по роду деятельности и поведению (*ночная бабочка, модель*).

В английском языке (американском варианте) сфер, в которых возникают и функционируют метафоры-неологизмы, несколько больше, а их состав разнообразнее, чем в русском языке, хотя многие характеристики являются общими для обоих языков:

- 1) Информатика, компьютерные технологии (*World Wide Web, mouse*);
- 2) Финансовая сфера (*creeping inflation* (ползучая инфляция); *black knight* (черный рыцарь – компания, которая пытается управлять другой, скупая большинство акций)) – в отличие от русского языка, в английском языке внимание уделяется не только деньгам, но и финансовым компаниям;

- 3) Социальная и личностная характеристика человека (*devil's advocate* (адвокат дьявола) – завзятый спорщик; *drip* (капающая жидкость) – зануда) – большинство слов данной группы носит негативную окраску;
- 4) Общественно-политическая лексика (*gutter press* (грязная пресса) – желтая пресса);
- 5) Сфера развлечений (*chill-out* (расслабляться) – место, где люди расслабляются, часто под действием наркотиков);
- 6) Вредные привычки (*nose candy* (конфета для носа) – кокаин; *brew* (вариво) – алкогольный напиток) – в основном слова, характеризующие состояние опьянения или названия наркотиков;
- 7) Предметы быта (*heap* (груда) – развалюха (о машине));
- 8) Правовые отношения (*hit* (удар) – убийство; *inside* (внутри) – в тюрьме);
- 9) Характеристика людей с профессиональной точки зрения (*dogsbody* (работяга) – «мальчик на побегушках»);
- 10) Характеристика людей по возрастному признаку (*coffin dodger* (уклоняющийся от гроба) – старик).

Если сопоставить данные семантические сферы, регулярно пополняемые метафорами-неологизмами, то в их продуктивности явно прослеживается система приоритетов соответствующих этносов – носителей языка. Степень продуктивности метафор в каждой из групп является очень показательной. Именно на этой основе можно выявить «обновление» метафорической системы языка и в какой-то мере «обновление» картины мира носителей каждого из языков.

В частности, и в русском, и в английском языках наиболее продуктивной оказывается сфера высоких технологий – наиболее развиваемая часть современной мировой науки и техники. При этом следует отметить такую закономерность. В России компьютеризация началась еще в начале 70-х годов, когда в СССР было принято решение о проведении широкомасштабных работ по созданию Единой системы электронных вычислительных машин (ЕС ЭВМ). Проведение таких работ было связано с необходимостью использования большого количества англоязычной технической документации по вычислительной технике, разработанной иностранными фирмами. Переведенные термины быстро вытеснили ранее использовавшиеся русские термины. Это процесс идет и сейчас. Поэтому основная часть метафор-неологизмов в этой сфере в русском языке – кальки из английского (ср.: *mouse* – мышь; *artificial intelligence* – искусственный интеллект).

Сфера бизнеса и финансов и общественно-политическая лексика являются среднепродуктивными в исследуемых языках. Данные сферы традиционно значимы в любом типе общества. Кроме того, в русском обществе именно они отражают экономические изменения, произошедшие в России именно в последние два десятилетия: переход от планово-социалистического хозяйства к рыночному, активное развитие предпринимательства.

Что касается сферы общественно-политической жизни, то динамика общественно-политической ситуации в России в последнее десятилетие XX в. (распад Советского Союза, изменение государственного строя, преобладающей формы производственных отношений и т.д.) стала причиной возникновения многих новых и актуализации многих ранее неактуальных для русского языкового сознания общественно-политических реалий. Например, в русский язык для обозначения здания правительства вошло словосочетание Белый дом, уже очень давно существующее в английском языке.

Часть III

Нестабильностью российской жизни, по-видимому, вызвана продуктивность метафорических номинаций паранормальных явлений. Как отмечают психологи и социологи, интерес к всему необычному, необъяснимому, как и к различного рода экзотическим религиозным культам – один из показателей психологического дискомфорта человека в мире. Люди испытывают страх перед необъяснимым, этот страх проистекает из человеческих предрассудков и уходит корнями в язычество.

В России население всегда прибегало к услугам гадалок, колдунов и знахарей, но только после перестройки к ним стали обращаться открыто. Поэтому кажется вполне закономерным, что слова данной группы в русском языке являются неологизмами. Для жителей западных стран данная область никогда не оказывалась под запретом, поэтому слова этой группы возникли в английском языке раньше, чем в русском, и практически не метафоризируются.

Метафорические системы любого языка в целом антропоцентричны, поэтому не удивительно, что в обоих языках продуктивностью отмечены сферы, характеризующие человека по различным признакам посредством метафор. Однако здесь налицо различия, связанные с картиной мира различных этносов.

Так, в русском языке, как показал анализ, номинация человека производится преимущественно по социальному признаку, по его профессиональной деятельности (причем, если в языке присутствует дифференциация по гендерному признаку, то чаще характеризуются женщины). Показательно, что женщины именуется только в тех сферах, которые вряд ли могут быть отнесены к социально значимым – это женщины легкого поведения и модели.

Показательно, что в английском языке к среднепродуктивным относится сфера оценочной характеристики человека с точки зрения его личностных свойств, малопродуктивная в русском языке. По-видимому, в современном русском обществе личностные характеристики отходят на второй план, а экономическая и общественно-политическая жизнь, отмеченная в целом нестабильностью, играет ведущую роль. Американское (и английское) общество более стабильно, поэтому сфера межличностных отношений играет более важную роль по сравнению с социальной жизнью. Примечательно также, что в английском языке человек характеризуется не по шкале «плохой / хороший», а скорее по шкале «приятный / неприятный в общении».

Заметим, что раньше характеристика человека с социальной точки зрения была не характерна для русского языка. Сейчас таких слов все еще немного, но они продолжают появляться. Скорее всего, это можно объяснить влиянием американской культуры, для которой очень важно быть успешным, над неудачниками смеются, причем к неудачникам здесь приравниваются и толстые люди, у которых не хватает силы воли, чтобы похудеть. В собственно русской культуре слово неудачник имело нейтральное или даже положительное определение, поскольку в русском языке оно характеризует объективные обстоятельства жизни, независимые от человека, а не его личные качества. Но следует также отметить, что в связи с особенностями исторического развития России, и понятие «успешность» в русском языке может трактоваться неоднозначно. Например, слово крутой может нести как положительную, так и отрицательную оценку, смотря с чьей точки зрения оценивается человек. С точки зрения молодежи, крутой – человек неординарный, сильный, имеющий деньги и/или определенную власть. Старшее же поколение, с одной стороны, богатых не любит, поскольку считается, что нажить большие деньги честным путем практически невозможно, с другой же стороны, оказывается, что бедным быть тоже плохо, поскольку слово бедность в русском языке

имеет сильную негативную окраску. Определенную роль в сильной отрицательной коннотации этого и родственных ему слов играет их происхождение от слова беда.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на распространенную в американском обществе идею о политкорректности, в английском языке встречаются слова, выражающие оценку людей по возрасту и носящие преимущественно негативную окраску. Это можно объяснить тем, что люди преклонного возраста в меньшей степени участвуют в жизни общества, ведут пассивный образ жизни, а для носителей английского языка, особенно американцев, активность и деятельность являются одними из основных ценностей.

Культ силы в американском обществе привел к отрицанию старости – согласно американской системе ценностей быть старым просто неприлично, поэтому масса сил и средств уходит на «омоложение» – с помощью хирургов, косметологов, фармацевтов. Поскольку все слова данной группы являются сленгом, можно сделать вывод, что, скорее всего, это сленг младшего поколения, которое воспринимает пожилых людей как преступников, ворующих кислород (*oxygen thief* – досл.: вор кислорода) и убегающих от гроба (*coffin dodger* – досл.: уклоняющийся от гроба).

Сфера развлечений в английском языке представлена более значительно, чем в русском, что свидетельствует о более развитой индустрии развлечений. Причем, если в русском языке слова данной группы связаны в основном с музыкой и телевидением, то в английском языке сюда попадают и слова, связанные с прессой, например: *agony column* ‘колонка советов в газете’ (досл.: колонка страданий); литературой, например: *airport fiction* ‘книги, которые покупают в аэропорту, чтобы читать в самолете’ (досл.: аэропортная литература) и т.д. Следует отметить, что в данном случае литература перестает быть искусством, а становится всего лишь одним из способов провести время – в транспорте, в аэропорту, ожидая вылета, и т.п.

В жизни современного общества особо остро стали проблемы связанные с табакокурением, наркоманией и алкоголем. Особенно большое распространение эти вредные привычки получили в среде молодежи. Вредные привычки оказывают негативное влияние на жизнь общества в целом, а также на жизнь и деятельность личности в отдельности. В данный момент эта проблема стала поистине глобальной, поэтому не удивительно, что группа слов, относящихся к сфере «наркомании», присутствует в обоих языках. В английском языке она представлена большим количеством слов. Кроме того, в английском языке эта группа расширяется до вредных привычек вообще, поскольку в нее входят слова, относящиеся не только к наркомании, но и к алкоголизму и курению, чего нет в русском.

Несмотря на это, мы не можем говорить о том, что для носителей русского языка проблема менее актуальна, чем для носителей английского языка. По данным органов здравоохранения, в России наркоманией страдают от 0,5 до 1,5 миллиона человек. Скорее всего, слова русского языка, относящиеся к табакокурению и алкоголизму, метафоризируются не так активно, как в английском языке.

Не удивительно, что в обоих языках среди неологизмов оказались слова, которые можно отнести к сфере, которую условно можно назвать «правовые отношения». Это свидетельствует о том, что язык активно пополняется за счет тюремного жаргона. В русском языке это вполне может являться результатом популяризации криминальных сериалов, таких как «Бригада», «Менты» и др.

Криминальный жаргон так прочно вошел в наш язык, что эти слова начали употребляться в художественной литературе и в текстах СМИ без каких-либо помет и объяснений, которые в принципе и не требуются, поскольку любой носитель русского

Часть III

языка их поймет. Следует отметить, что в английском языке номинацию получают не только субъект и действие, как в русском языке, но еще и объект действия, т. е. жертва преступника (*easy mark* – легкая жертва). Кроме того, можно заметить, что в обоих языках в этой группе встречаются слова, которые относятся к финансовым преступлениям (теневой бизнес – *identity theft*).

Заметим, что в формировании и функционировании этих групп есть и некоторые различия по языкам. Так, в английском языке выделяется тематическая группа слов предметы быта, которой нет в русском языке. Это предметы, которыми мы пользуемся в нашей повседневной жизни: машины, например: *boom car* ‘машина, в которой очень громко играет музыка’ (досл.: шумная машина), мобильные телефоны, например: *sandy bar phone* ‘мобильный телефон прямоугольной формы’ (досл.: телефон-конфета).

В русском языке такие слова тоже встречаются. Но в английском языке, в отличие от русского, часть слов данной группы имеет аксиологический характер, в основном они несут отрицательную оценку, характеризуя старые, непривлекательные предметы и предметы низкого качества, ср.: *shed on wheels* ‘старый автомобиль’ (досл.: сарай на колесах), *passion killers* ‘непривлекательное нижнее белье’ (досл.: убийцы страсти). Все слова данной группы относятся к сленгу. В русском языке, особенно в молодежном жаргоне и в профессиональной сфере, также появляются номинации новых бытовых приборов, прежде всего – мобильных телефонов (например, телефон-раскладушка), однако пока они не фиксируются словарями неологизмов.

Такое разделение слов на группы не является окончательным. Некоторые группы, не внесенные в список, представлены единичными примерами, а некоторые слова можно отнести сразу к нескольким группам. Например, словосочетание теневой бизнес, можно отнести как к сфере финансов и бизнеса, так и к сфере правовых отношений.

Но в целом совершенно очевидно, что метафоры-неологизмы позволяют выявить специфику языковых картин мира этносов – носителей исследуемых языков, причем между двумя картинками мира обнаруживается как сходство, так и различия. Общим является интерес к современным компьютерным технологиям, к финансовой и политической сфере, к развлечениям и социальным язвам современного общества – наркомании, криминогенной ситуации в обществе. Это свидетельство глобализации современного мира. Показательно, однако, то, что глобализация проявляется в одностороннем влиянии современного Западного (прежде всего – американского) общества на другие этносы и их языки. В частности, общими являются чаще всего те метафоры-неологизмы, которые первоначально возникают в английском, а затем калькируются в русский язык.

Наличие специфических по языкам продуктивных сфер также свидетельствует о специфике картин мира. Однако и здесь можно обнаружить тенденцию к глобализации, поскольку и в тех сферах, что представлены преимущественно в русском языке, можно обнаружить регулярное калькирование из английского языка.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990/
Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 1998.

Черты архаического восприятие пространства в лирике Ю. Кузнецова

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

В когнитивной науке утвердилось понимание концепта как информационной структуры категоризованного опыта (знания), являющейся оперативной единицей сознания [Кравченко, 2005. С. 87]. Концепт объединяет в себе все аспекты когнитивной деятельности человека (поэтому в нем присутствуют и перцептивная, и сенсомоторная, и эмоциональная, и языковая составляющие), но начинать всякую попытку выделения и описания концепта целесообразно именно с анализа языкового знака, обеспечивающего доступ к соответствующей структуре знания. Объективация концепта, вывод его в мир наблюдателя осуществляется посредством слова [Там же. С. 100].

Языковыми средствами объективации концепта являются готовые лексемы, фразеосочетания, свободные словосочетания, структурные и позиционные схемы предложений, тексты или совокупности текстов (при необходимости экспликации абстрактных и индивидуально-авторских концептов) [Попова, Стернин, 2003. С. 13]. Постулат когнитивной лингвистики о субъективности содержания и структуры концепта в сознании носителя языка обуславливает отбор этих средств.

Культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания. Здесь мы согласимся с С.Г. Воркачевым: можно утверждать, что «(лингво/культурный) концепт» представляет собой в достаточной мере «фантомное» ментальное образование как в силу своей эвристичности – он принадлежит к инструментарию научного исследования – так и в силу того, что он является своего рода «ментальным артефактом» – рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той же «духовной реальности» [Воркачев, 2003. С. 12].

В данной статье рассматривается лингвокультурная специфика объективации концепта ПРОСТРАНСТВО в лирике Ю. Кузнецова. Материалом послужили стихотворения 80-х годов, вошедшие в книгу избранного (при цитировании указывается номер страницы), и журнальная лирика 90-х годов (при цитировании указывается название стихотворения).

Пространство является одной из основных категорий бытия человека, поэтому при анализе индивидуального восприятия пространства необходимо применять культурологический подход, который помогает выстроить взгляды писателя на существующие культурные парадигмы. Так, для Ю. Кузнецова характерно обращение к русскому фольклору, мифологии.

Отголосок архаического мировосприятия слышится в неразрывности связи пространства со временем. Пространство вместе со временем исчезает из рук, «проходит»:

Пролетел сквозь пальцы белый свет

И былое, что стояло рядом.

Даже этот каменный хребет!..

Ничего не удержал я взглядом. (Воспоминание о горах)

Для Кузнецова актуальна мифопоэтическая идея появления пространства из единого источника, в частности из «мирового» яйца:

*Пала с неба птичка-невеличка,
Села, как порошина-туман.
И снесла в его руке яичко,
А в яичке море-океан.
(Нищий, или Сказка о мировом яйце)*

Яйцо в мифологии является также метафорой солнца и молнии и принимается за символ весеннего возрождения природы, за источник ее творческих сил [Афанасьев, 1994. С. 535]. Солнце-яйцо лирический герой Кузнецова способен держать в руках:

*Взгляд в себя и вселенский размах...
Как тебя величать, он не знает.
На твоих бесконечных холмах
Он ладони вокруг солнца смыкает. (289)*

Кузнецовское пространство, подобно архаическому, возникает «через развертывание, распространение его вовне по отношению к некоему центру (т.е. той точке, из которой совершается или некогда совершалось это развертывание или через которую проходит ось разворота)» [Топоров, 1992. С. 341]. И, что особенно важно, это, прежде всего, пространство родины:

*Я скатаю родину в яйцо
И оставлю чужие пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где никто в лицо не мечет стрелы.
Раскатаю родину мою,
Разбужу её приветным словом,
И легко и звонко запою,
Ибо всё на свете станет новым. (276)*

В поздней поэзии Кузнецова идея единственного источника пространства приобретает особое воплощение. Это выражается в его восприятии родины – он считает Россию (её пространство) не просто серединой мира, а собственно целым миром, за границами которого находится бездна небытия.

*Треснул с грохотом мир – и в избе
Я увидел зиянье провала.
Возле бездны поставил я стул,
Чтоб туда не шагнут ненароком. (264)*

Важной характеристикой мира является его разорванность. Это можно считать своеобразным проявлением такого свойства пространства, как его неоднородность, которая выражается в соположении разнородных объектов, конституирующих пространство. У Кузнецова восприятие пространства возможно именно при наличии максимально разнородных и резко противопоставленных друг другу элементов – материальных фрагментов и многочисленных дыр:

*Сидел и глядел я в дыры,
По брату тоской томим.
Ну что бы я видел в мире,
Когда бы он был сплошным?! (267)*

При этом изорванное пространство постепенно гибнет, становится все более похожим на дырявое полотно, от которого сохранились редкие участки материального мира, а дыры заполнены дымом и туманом небытия:

*Друг от друга всё реже стоим
В перебитой цепи воскрешений.*

*Между нами разрывы и дым...
Мы давно превратились в мишени.
Наше знамя пробито насквозь,
И ревет в его дырах пространство. (305)*

*Как святые облака светились,
Обронили над Москвой слезу,
А потом они остановились:
Некуда идти – дыра внизу.
Туман остался от России,
Да грай вороний от Москвы. (Облака)*

Здесь нам видится архаическое отождествление пространства с человеческим телом, потому что и дыры в пространстве, и сквозные раны – это причины смерти:

*Его глаза полны туману,
А под локтями синий дым.
Заткнул свою сквозную рану
Он бывшим знаменем твоим. (Неизвестный солдат)*

*Как филины ухают дыры от ран,
В дубах застревает огонь и туман
Затекшего следа. (221)*

Неоднородность и разорванность настолько тесно переплетаются, что возникает ощущение полной потери миром его целостности. Это проявляется в пространственной паранойе, когда начинает болезненно восприниматься любая контрастность в ткани пространства: А на пути зияющая лужа (Спортивная история).

Умиряющее пространство изменяется настолько, что даже воздух перестает быть прозрачным и неосязаемым, он переходит в принципиально иное агрегатное состояние:

*Стал трясти он тень, да не тень трясёт,
Во горстях трясёт клочья воздуха. (299)
С диким криком расплстала
Крылья шумные над ним,
В клочья воздух разметала (35)*

Разрушение пространства и гибель человека не являются окончательными, остается надежда:

*Много в небе дыр, да не выскочить,
Крепко дух сидит в белых косточках. (255)*

И сама смерть становится залогом новой жизни, таким образом, возрождение вписывается в годовой цикл и повторяется, как в природе, с приходом весны. Композиция закольцовывается, и несущая смерть птица, которая по небу летает, / Поперек хвоста мертвец, / Что увидит, то сметает (35), и носит «символичное» имя всему концу (35),

*Села рядом на крыльцо
И снесла всему начало –
Равнодушное яйцо. (35)*

Малая часть пространства, сохраненная в руке, является залогом обязательного возрождения, т.к. становится тем самым центром, источником развертывания нового пространства.

Часть III

*Вот, что мог унести я с собою в горсти,
Что успел я из Третьего Рима спасти
Среди труса, пожара и дыма! –
Он песчинку в раскрытой руке показал,
– Вот начало! – он голосом веры сказал, –
Вот твердыня Четвертого Рима! (Строитель)*

Существует и некая антропоморфная высшая сила, способная спасти мир, и, что характерно – тем же способом – просто удерживая их в руке:

*Планета взорвана – от ужаса
Мы разлетаемся во мрак.
Но всё, что падает и рушится,
Великий Ноль зажал в кулак.
Свистит былое и грядущее
В сосредоточенной горсти.
Он держит взорванное сущее
И голоса: - Не отпусти! (269)*

Для Кузнецова ладони, сжимающие оставшиеся частицы мира, способные стать источником новой жизни, – такое же необходимое условие возрождения мира, как и сам этот источник.

*Дальний брат возвратился домой
И в пустые просторы рыдает.
Он ладони над мертвой землей,
Словно в круглое небо, смыкает.
Вот что он говорит в забытьи:
- Мир остался без крова и хлеба.
Где вы, братья и сестры мои?
Я построил вам новое небо.
Вместо рук над моей головой
Вижу звездную млечную сетку.
И роняет на купол живой
Белый голубь зеленую ветку. (236)*

В итоге человеческое тело оказывается не только аналогом и частью пространства, оно может выступать еще и его вместилищем.

Итак, специфика реализации концепта ПРОСТРАНСТВО в лирике Ю. Кузнецова обусловлена склонностью данного автора к мифологическому мировосприятию. Для него характерно ощущение неразрывной связи пространства со временем, идея постоянного повторения цикла смерть – возрождение, отождествление пространства с человеческим телом, а также весьма распространенная в мифах концепция возникновения пространства из «мирового» яйца.

Литература

- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1.
Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24.
Кравченко А.В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи: Жанр и концепт. Саратов, 2005. Вып. 4.
Кузнецов Ю.П. Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1990.

Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Сер. «Концептуальные исследования». Кемерово, 2003. Вып. 2.

М.О. Кислова

Концепт «дух и душа» в старославянском языке

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Всем культурам мира всегда было свойственно представление о некой неподвластной человеку высшей сущности. Духи, демоны, боги, добрые или злые силы – они могли приобретать разные названия, но являлись неотъемлемой частью духовной жизни общества. Следовательно, во всех языковых культурах мира существуют и связанные с этими представлениями концепты.

В данном исследовании мы рассматриваем концепт «дух и душа» в языковой картине мира средневековой православной культуры. Мы остановимся на анализе смысловой основы и деривационного слоя концепта «дух и душа» в старославянском языке.

Так как объектом исследования являются старославянские тексты, необходимо сначала обратиться к религиозному представлению о духе и душе.

Три элемента (дух, душа и тело) в течение земной жизни соединяются, их «сплав» и формирует человеческое существо. В течение жизни человек един, разделение на душу, дух и тело носит лишь методологический характер и многими религиозными источниками отвергается. Однако тело принадлежит земле, а дух Богу. Эти два элемента должны вернуться в свое изначальное состояние после смерти человека. Душа же существует только пока жив человек. **Душа** – это то, что отличает мертвое от живого, это психическая жизнь, включающая чувственное восприятие, инстинкты, душа есть и у животных. **Дух** – это сознание и познание, способность видеть и воспринимать в этом мире все, что имеет отношение к Богу, осознание Бога. При этом, душа стремится к духу, так как он есть не что иное как «самая высшая способность души нашей» [Архиепископ Лука, 1997. С. 43]. Дух является посредником между человеком и Богом. Религиозные понятия дух и душа вписываются в целую систему теософских понятий. Структура этой системы является более четкой, нежели структура концепта. Мы будем проводить сравнение, не пытаясь поставить знак равенства между структурой концепта и структурой системы теософских понятий.

Обратимся к этимологическому слою концепта. Душа и дух – общеславянские слова, индоевропейского характера – *dheus-/*dhus- «разлетаться, рассеиваться» (об искрах, пыли, дыме), а также о дыхании. Слово доуша произведено от доухъ (*duh-i-a). Доухъ – слово муж. рода, доуша – жен. рода, и это соответствует общим правилам индоевропейской грамматики: первое означает нечто основное, доминирующее, а второе – нечто производное, частное, подчиненное.

В других славянских языках этот корень может выражать следующие значения: расположение духа, настроение, восторг, память, чувство, испарение, аромат, зловоние, смрад, зловоние, порыв (ветра), духота, спертый воздух. Во мн. числе: ноздри, нечистая сила, черт, тепло от натопленной печи в бане, затхлость воды в водоемах, ключевая вода [Этимологический словарь славянских языков, Т.5, С. 153]. Если попытаться объе-

Часть III

динить эти многообразные значения, то мы всё же увидим некую общую семантику. Две основных сферы принадлежности этого корня – природная стихия (чаще воздушная стихия, но также водная) и сфера духов, потусторонний мир (еще языческий, так как корень *dheus-/*dhus- возник в общеевропейский период). Согласно многочисленным исследованиям концептов, все эти смыслы не исчезают с эволюцией понятия, но переходят во «внутреннюю форму» [Маслова, 2004. С. 53]. Следовательно, в основе концепта «дух, душа» должны лежать понятия о стихии, воздухе, дыхании.

Обратимся к словообразованию. Всего в старославянском словаре (по рукописям X-XI вв.) зафиксировано 32 лексемы с корнем доух-(доуш-). Будем рассматривать это словообразовательное гнездо как гиперлексему, имеющую определенную семантическую структуру.

В этой гиперлексеме слова образуются по наиболее сложным словообразовательным схемам, что особенно показательно в случае с образованием слов путем сложения основ (Богодъхновенъ, Благодоуши~, Великодоушьнъ, Доушепагоубьнъ, Доушеоуспешнъ, Дъводоушие, Доушегоубьнъ). Все слова, образованные путем сложения основ, – гапаксы. Однако это не означает, что это редкие значения, просто в других случаях, они выражались другими лексическими средствами, такими, как словосочетание. Таким образом, эти сложные слова – закрепленные формулы. А закрепляться они стали благодаря частотности выражаемого смысла.

Корни, сочетающиеся с корнем доуш-, – это два-, бого-, благо-, велико-, -успеш, с одной стороны, и -губ, -пагуб с другой. Таким образом, корень доуш- сочетается с 4-мя корнями с позитивной семантикой и только одним (-губ, -пагуб) корнем с негативной семантикой. Это характеризует концепт как относящийся преимущественно к сфере светлого (в этой сфере доуша приобретает модификации), попадая же в сферу темного, негативного, доуша, исходя из семантики элемента (-губ, -пагуб), неминуемо гибнет и модификаций тут нет.

Корень доух- оказывается в этой группе практически вне словообразования, и, следовательно, вне сферы какого-либо влияния. Дух для человека недосыгаем. 6 сложных из 7 образуются при помощи корня доуш-. Это говорит о том, что именно на душу человек может сознательно оказать влияние, стать «великодушным», «вдохновленным богом», совершать поступки, «полезные для души», или погубить душу.

В составе рассматриваемого словообразовательного гнезда находим четыре лексемы, объединенные общим значением «дыхание» (Доухъ, Дъхновени~, Дыхани~, Издыхани~). В синонимический ряд входят 2 многозначных слова (Доухъ, Дыхани~) и 2 слова, специализирующихся в данном значении, (Дъхновени~, Издыхани~), передающие оттенки процесса дыхания с помощью разных словообразовательных средств. В случае с многозначными Доухъ, Дыхани~ мы можем проследить связь между тремя сферами:

- духовное (1 значение слова Доухъ)
- физическое, имеющее отношение к человеку (Доухъ во 2 значении, Дыхани~ в 1 значении)
- физическое, имеющее отношение к миру природы (Дыхани~ во 2 значении – «дуновение»)

Интересно также отметить распределение корней доух- и доуш- по частям речи. Все глаголы гиперлексемы имеют корень доух- (за исключением Задоушити с#), и все они по семантике относятся к сфере физических процессов. Человеку не только не дано действовать в «сфере духа», ему даже не дано видеть «дух в действии», только его косвенные проявления, такие как дыхание и дуновение ветра.

Если же в целом обратить внимание на семантические различия лексем с корнем доух-, и доуш-, то будет прослеживаться достаточно четкая закономерность:

- Когда речь идет о явлениях природы или о дыхании, или его отсутствии, то есть смерти, в общем, о некой данности, о том, чего человеку не изменить, то используется корень доух-.

- Когда же речь идет об «оценке состояния» души (группа сложных слов), о сфере, где человек, очевидно, может приложить старания и бороться, используется корень доуш-.

Дух вездесущ, вся действительность подвластна ему. Душа же «прикреплена» к сфере духовного: мы не находим лексем с корнем доуш-, которые имели бы связь со сферой физического. Исключением является лишь *Задоушити с#*, (*задохнуться*) эта лексема входит в синонимическую пару с *Задъхн@ти с#*. Смерть наступает именно в результате того, что некая божественная сущность покидает тело. Четкого представления о том, что же именно покидает тело – дух или душа – в языковой картине мира славянского средневековья нет. Очевидно, это было не так важно для обыденного сознания носителя языка. Для религиозной концепции, напротив, это принципиально важно.

Итак, согласно анализу этимологического слоя (смысловой основы) и деривационного слоя концепта «дух и душа», дух, как и в религиозной концепции, предстает главенствующим, первоначальным, он недоступен влиянию человека. Но, в отличие от религиозного осмысления, в наивной языковой картине мира он мыслится более близким к природе, чем к Богу. Дух – это природа, человека окружающая, и природа его самого. Действия духа доступны наблюдению человека лишь по косвенным признакам. Тонкая грань между живым и мертвым проходит там, где живое существо начинает или прекращает дышать. Дыхание – это не только физический процесс, без которого невозможна жизнь, но и доказательство присутствия духа. В религиозной концепции такое исключительное значение процесса дыхания не отмечено.

Душа находится в сфере влияния человека и под его ответственностью. Именно душа подвержена опасности быть погубленной темными силами. Таким образом, если дух во многом относится к сфере природы, то душа – к сфере морали, человеческого поведения, что соответствует пониманию души в христианстве.

Литература

- Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1997.
Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.
Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.
Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) М., 1994.
Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
Этимологический словарь славянских языков. М., 1974.

Е.Г. Романова

Идиоматизация физических состояний бодрствования и сна в русском языке

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

Часть III

Фразеологизмы, пословицы и поговорки считаются основными средствами выражения в языке верований и убеждений и приписываются, как правило, всем носителям языка. Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода основой мировидения той или иной культуры, той совокупностью знаний о действительности, которая накапливается и сохраняется в лексико-семантической системе языка. Картина мира данной языковой общности в целом формируется языком как средством воплощения тех или иных культурных установок, стереотипов, символов, эталонов и т.п., а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях (ср.: одна речь не пословица). Именно это делает фразеологизмы, пословицы и поговорки ценнейшим источником информации культурологического характера. А поскольку фразеология, пословицы и поговорки складывались в течение столетий, то мы можем говорить о традиционной картине мира.

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы (данный термин мы употребляем как обобщенное наименование всех типов неодноклассовых устойчивых единиц – собственно фразеологизмы, пословицы и поговорки), включающие в свой состав лексические единицы из тематической группы «Сон».

«Сон – наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором полностью или частично прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения». Такое определение сна дает Большой академический словарь русского языка. С идеографической точки зрения, тематическая группа «Сон» включена в семантическое поле «Основные процессы жизнедеятельности человека и функционирования организма». Данное поле, в свою очередь, может быть отнесено к тематическому классу, характеризующему «Качества, эмоциональный и внутренний миры человека». Кроме того, внешние и внутренние атрибуты сна непосредственно включены в тематические группы «Жилые помещения и их убранство», «Лекарственные средства».

Сон занимает третью часть всей жизни человека. Периодическое чередование сна и бодрствования соответствует суточным природным биологическим ритмам, сон просто необходим для нормального функционирования организма человека, и значимость данного состояния в жизнедеятельности индивида непомерно велика. Поэтому достаточно многочисленным является и состав фразеологических единиц с компонентами данной группы. Однако если охарактеризовать фразеологизмы с точки зрения представленности конкретных лексем, то слова со значением ‘спать’, ‘дремать’, ‘заснуть’ встретятся нам в три раза чаще, чем слова со значением ‘бодрствовать’, ‘бдеть’, при этом слова ‘сон’ и ‘спать’ являются наиболее частотными. Стоит отметить, что далеко не все члены группы используются в составе фразеологических единиц: само состояние бодрствования описывается не с помощью лексем ‘бодрствовать’, ‘проснуться’, а с помощью ‘не спать’ (полно спать: пора на тот свет запасать; сей хлеб, не спи, будешь жать, не станешь дремать). Кроме того, лексемы ‘бодрствование’, ‘бдение’, ‘забыть’, ‘бодрствовать’, ‘бдеть’ в рассматриваемых фразеологических единицах не представлены совершенно. Выборочность говорит о значимости отдельных элементов, составляющих данную ситуацию.

Анализ системы фразеологических единиц с указанными компонентами позволяет, с одной стороны, выявить традиционное отношение к самому этому состоянию и к человеку, находящемуся в данном состоянии, а с другой стороны, проследить с какими морально-нравственными, поведенческими и другими характеристиками человеческой личности и общества ассоциируется данное состояние в традиционном русском сознании.

Итак, как показал анализ нашего материала, сон как состояние воспринимается как нечто простое, не требующее усилий занятие (спать не писать — только глаза зажать), состояние покоя и бездеятельности. Отношение к такому времяпрепровождению двойное. С одной стороны, это состояние благотворно влияет как на физическое, так и эмоциональное состояние человека (знай меньше, а спи больше; выпишись — помолодеешь; ляг да усни, встань да будь здоров!; сон лучше всякого лекарства). Показательно также, что данное состояние, даже воспринимаясь как бездействие, может оцениваться положительно с морально-нравственной точки зрения. В данном случае бодрствование (активное состояние) ассоциируется с тем, что обычный человек в активном состоянии совершает поступки, далекие от морально-нравственных норм общества. В этом случае имплицитно как аксиома воспринимается утверждение «жить, заниматься активной деятельностью — грешить, совершать неправильные, с морально-нравственной точки зрения, поступки» (больше спишь — меньше грешешь; кто спит — не грешит). Характерно, однако, что состояние сна не воспринимается при этом как правильная морально-нравственная позиция, тем самым более предпочтительная, чем состояние бодрствования.

Состояние сна и покоя приятно для человека. Отсутствие способности заснуть (именно не возможности, а способности) воспринимается как дискомфорт, отражающий дискомфорт души. При этом в русской фразеологической картине мира отражено несколько типичных причин, влияющих на данное состояние человека. Это заботы, связанные с неудобством окружающей бытовой обстановки, с общей неустроенностью жизни человека, прежде всего, тяжелое материальное положение и невыполненные финансовые обязательства. Характерно, что эти внешние обстоятельства (неудобная постель, шум и т.д.), а также финансовые неурядицы часто включены в единый контекст и находятся в отношениях эквивалентности (вошь, что заемный грош, спать не дает; долг не ревет, а спать не дает; не велика бы напасть, да спать не дает). Сон напрямую связан с нашим желудком: не поел — не уснешь (Без ужина спать — собачья статья; Сытое брюхо спит, голодное на слуху сидит; Мамон гнетет, так и сон неймет). Но, как только человек поел, он становится непригодным для последующей работы, так как становится сонным (После хлеба-соли отдохнуть часок). В традиционном русском самосознании возможно и ироничное осмысление ситуации: полное отсутствие собственности, денег приводит в нормализации психического состояния человека, что способствует способности хорошо выспаться (без денег сон крепче).

Другой причиной внутреннего дискомфорта и, как следствие, отсутствия способности заснуть, становятся морально-нравственные категории. Для положительной личности это, прежде всего, осознание собственного несовершенства (совесть спать не дает; не велика бы напасть, да спать не даст); для отрицательной личности — зависть, злоба и т.п. (богатому сладко естся, да плохо спится; без денег сон крепче).

Однако во фразеологической картине мира отражен и противоположный подход к данному состоянию. Во-первых, это может быть связано с общей оценкой жизнедеятельности человека как активной позиции (Много спать — дела не знать), поэтому бездеятельность, в частности, сон, воспринимаются как выпадение их этого потока жизни, невосполнимая утрата ее части (кто больше всех спит, тот меньше всех живет; много спать — мало жить: что проспано, то прожито; не пеняй на соседа, когда спишь до обеда). Не случайно и смерть воспринимается как вечный покой и сон, не перемежающийся бодрствованием (спать вечным сном).

Сон может восприниматься и как иррациональное состояние, то есть состояние вне логического мышления, поэтому характеристики 'сонный' и 'пьяный' становятся

Часть III

синонимичными. Сонный или пьяный человек совершает не совсем адекватные для него поступки, поэтому оказывается в неожиданном положении, при выходе из этого иррационального состояния (дедушка спал, а внук корову украл; во сне проговорился — наяву поплатился; поп проспал, а свет настал).

Результатом иррационального мышления в этом состоянии являются сны. Доказано, что люди, страдающие какими-либо заболеваниями, чаще видят сны, чем здоровые. Каждый человек за ночь видит сны несколько раз, однако запоминает лишь самые яркие: приятные или неприятные. Известно немало случаев, когда именно во время сна к человеку приходило долгожданное решение проблемы, мучавшей его в реальности (Как во сне!), однако не всегда удается воплотить в жизнь плоды иррациональной работы мозга (Во сне видел, да наяву прозевал; Во сне видел маковники, так во сне и ешь). Поэтому гораздо приятней находиться в состоянии сна, не обязывающего к какой-либо деятельности (Сон, что богатство: что больше спишь, то больше хочется).

Сон как иррациональное состояние может восприниматься и в сакральном аспекте: человек теряет власть над собой, пребывает в неконтролируемом состоянии, поэтому сон приобретает некий магический смысл (Что наяву делают, того не боятся, а что во сне видят, того боятся), который могут истолковать лишь некоторые (Сон правду скажет, да не всякому).

Для того чтобы уснуть, недостаточно не иметь духовных и материальных проблем, сон ниспослан нам свыше (Прошла с дрема по сеньюшкам, а до нас не дошла). Но в то же время, сон зависит от человека (Как постелешь, так и поспишь). Человек может прервать плохой сон в любой момент, но не может продолжить сладкого сна.

Таким образом, характеризуя традиционную личность, можно сказать, что главным оказывается противопоставление сна как бездейственного состояния и бодрствования как способности работать. Сон оценивается с двух точек зрения: как возможность отдохнуть и помечтать и как праздное времяпровождение, лень.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999.
Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка//Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.,1995.Т.2.
Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собр. соч. в 4 томах. М., 1983. Т. 4.
Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии Наук СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 4.
Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Е.В. Трошина

Художественный концепт «Дом» в трилогии К.А. Федина

Научный руководитель – профессор М.Б. Борисова

В современной лингвистике анализ ключевых концептов произведения или комплекса произведений автора является одним из актуальных путей постижения тайны художественного творчества и феномена автора как творца мира художественного тек-

ста, а также способом изучения идиостиля писателя [Тарасова, 2003; Чурилина, 2002; Чумак, 2004].

Мы используем определение художественного концепта, предложенное в работе И.А. Тарасовой: концепт – это «единица индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя, (что не исключает возможности эволюции концептуального содержания от одного периода творчества к другому)» [Тарасова, 2003. С. 77].

В работах Л.Н. Чурилиной [Чурилина, 2002], О.С. Чумак [Чумак, 2004] одним из основополагающих тезисов является различие авторских и персонажных концептов, репрезентирующихся в художественном тексте. Об автономности слова персонажа говорил еще М.М. Бахтин: «Слово героя создано автором, но создано так, что оно до конца может развивать свою внутреннюю логику и самостоятельность, как чужое слово, как слово самого героя» [Бахтин, 2000. С. 44]. С течением художественного времени персонажные и авторские концепты могут испытывать эволюцию. Для нашего исследования это принципиально важно, так как объектом анализа являются тексты романной трилогии К.А. Федина «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер», где герои предстают перед нами в разные периоды их жизни, и их эволюция отражается в динамике концептов.

В основе и авторских, и персонажных вариантов концепта «Дом» в рассматриваемых романах К.А. Федина лежат концептуальные признаки, которые присущи всем носителям русской культуры. Исследованию концепта «Дом» в русской культуре посвящено большое количество работ [Верещагин, Костомаров, 2000; Степанов, 1997] и др.

Дом понимается как здание, строение, предназначенное для жилья, жилое помещение, квартира, семья.

Именем рассматриваемого концепта является лексема дом, которая в тексте трилогии К.А. Федина является самой частотной вербализующей концепт «Дом» лексемой. Так, например, в тексте романа «Первые радости» лексема дом (с учетом разных падежных форм) встретилась 87 раз (количество словоупотреблений приведено в скобках), домой (нареч.) – (21), дома (нареч.) – (18). Другие лексемы, репрезентирующие концепт дом в этом романе: комната – (40), ночлежка (ночлежный дом) – (32), флигель – (22), квартира – (15), здание – (8), угол – (7), постройка – (5), жилище – (3), строение – (3), домик – (3), владение – (2), кров – (2), домишко – (1), гнездовище – (1), обиталище – (1), логово – (1), покои – (1). Мы не приводим все лексемы, отнесенные нами к ассоциативно-смысловому полю художественного концепта «Дом», но заметим, что довольно частотным являются лексемы, номинирующие комнаты (например, спальня, гостиная), предметы мебели, обстановки, наименование домов по их назначению (здесь дом понимается как здание: театр, школа, университет и др.).

Для персонажного концепта «Дом» в понимании семьи Парабукиных важным является противопоставление лексем дом – ночлежка (ночлежный дом). Так, в понимании Аночки, живущие в ночлежке дома не имеют: «– А где твой отец сейчас, на пристани или дома?... – У нас дома нет. Он тут, в ночлежке...» [Федин, 1971. Т. 5. С. 122]. Для Аночки в «Первых радостях» важно понимание дома как здания, строения, она любит здание театра, интересно, что впоследствии театр становится для нее своеобразным «родным домом»: она мечтает стать актрисой и ее мечта сбывается. Для Тихона Парабукина важен такой концептуальный признак дома как наличие помещения, являющегося показателем социального статуса человека: «Я живу, как все служилые люди, – семьей, в своем помещении, со своим входом...» [Федин, 1971. Т. 5. С. 134]. А ночлежный дом, в котором живет его семья, понимается им переносно в значении ту-

Часть III

пика: «И, может, зашел наш с тобой поезд в тупик, в мешковский ночлежный дом, и нет нам с тобой выхода...» [Федин, 1971. Т. 5. С. 134].

Персонажный концепт «Дом» в понимании Аночки претерпевает эволюцию. Так, если в «Первых радостях» она считает, что если человек проживает в ночлежном доме, он дома как такового не имеет, в «Необыкновенном лете» актуализирован другой концептуальный признак персонажного концепта «Дом» – дом как семья, а женщина, мать – некий стержень дома, хранительница его: «Этим бегом, суетой, труженичеством безустальных рук неугомонная женщина столько раз вытаскивала семью из ям, куда невзначай сталкивал ее глава дома – Тихон Парабукин – неизбывной своей приверженностью к вину. Не он, конечно, а Ольга Ивановна была настоящим водителем дома...» [Федин, 1971. Т. 6. С. 157], «...она [Аночка] испуганно повторяла в уме, что уход матери будет не уменьшением семьи на одного человека, а концом семьи, концом дома» [Федин, 1971. Т. 6. С. 158].

Для Пастухова в «Первых радостях» в понимании концепта «Дом» актуализирован признак «воспоминания детства, семья» (в данном случае – отец Пастухова): «...воспоминания, обступившие его... в пустых комнатах дома, где раньше кашлял и рычал пропитой октавой старик, трогали его, и он все время испытывал что-то похожее на грустную влюбленность» [Федин, 1971. Т. 5. С. 123]. В его речи встречается лексема усадьба, для номинации им используется устойчивое фразеосочетание отчий дом, кроме того, для этого персонажа важен метафорический слой концепта «Дом», представленный словосочетанием отцовское гнездовище. Важна для Пастухова и такая составляющая концепта «Дом», как вещная деталь, в трилогии словно символом, частью отчего дома для Пастухова является кабинет карельской березы, оставшийся в наследство от отца.

Персональный концепт «Дом» в понимании Пастухова эволюционирует. В «Необыкновенном лете» в сознании Пастухова, в силу его политической непричастности ни к белым, ни к красным, актуализирован такой признак концепта «Дом», как убежище, защита, спокойное место: «...-Там кругом белые!... – В нашем положении безразлично – какие. Раз меня до этого довели. Нам нужен дом...» [Федин, 1971. Т.6. С. 278]. В «Костре» мы также можем видеть авторскую эволюцию концепта «Дом» в отношении к этому герою. Автор подчеркивает негативное отношение к самовлюбленности и тщеславию Пастухова на фоне страшных исторических событий в начале романа. Говоря о доме Пастухова, (который теперь живет на даче с новой женой), автор чаще использует лексему дача, хотя она и является постоянным местом проживания Пастухова, что снимает сему «временности проживания», содержащуюся в этой лексеме.

Важным является и понимание концепта «Дом» Меркурием Авдеевичем Мешковым: для него актуализировано понимание дома как своего владения, используется метафора крепостные стены. Для Мешкова такое понимание дома – главное, он привык считать себя домохозяином, что подтверждается довольно частым использованием в «Первых радостях» словосочетаний мешковский дом, дом Мешкова. Нельзя не отметить, что подобный концептуальный признак в авторском понимании концепта «Дом» наделен отрицательной коннотацией.

Лиза Мешкова в «Первых радостях» дом понимает как тяжелые пути, которые мешают ей быть свободной (так она понимает отчий дом). И в то же время дом для нее связан с воспоминаниями детства. В ее понимании концепта «Дом» присутствует восприятие дома как некоего особого мира, что связано у нее с домом Кирилла Извекова: «Тополя стояли непреклонными стражами безлюдия и тишины. Они оберегали мир Кирилла, его комнату с портретами великих людей» [Федин, 1971. Т. 5. С. 190]. Актуали-

зированным в ее понимании является и концептуальный признак «вещная деталь», он связан для нее с домом мужа, где вещи (нагромождение картин и вещей), подобно отцовским крепостным стенам, становятся путями, сковывающими ее свободу: «Вся комната была как будто давнишней знакомой, и Лиза думала, что куда бы она ни пошла, она всегда будет возвращаться к своим собакам, лошадиным головам, мельхиоровым женщинам с удлинненными, изогнутыми телами. Это ее будущее. Оно предначертано ей, уготовано, как неизбежность» [Федин, 1971. Т. 5. С. 322].

Вере Никандровне Извековой принадлежит интересное понимание отношений с сыном как дома (здания), актуализирован образный слой концепта: «Она не могла заговорить с Кириллом о том, что он не откровенен. Ей было ясно, что такое допущение, высказанное вслух, нанесет удар зданию, которое она тщательно строила так много лет» [Федин, 1971. Т. 5. С. 123]. В ее понимании дом неотделим от школы, (учительница прожила в квартире при школе много лет), это ее индивидуальная составляющая концепта. Актуализирован в ее размышлении и концептуальный признак «вещная деталь», для нее вещи – не просто предметы обстановки, но неотрывная часть ее воспоминаний и ее прошлого: «Все, что сохранилось от бывшего, умещалось теперь на возу...» [Федин, 1971. Т. 5. С. 350].

В трилогии К.А. Фебина происходит эволюция концепта «Дом» и в сознании автора. Так, в «Первых радостях» дом автором понимается как жилище, семья, традиционность, мир вещей, особый мир, но и как старый уклад, мешающий зарождающейся свободной жизни, в этом проявляется оценочный слой авторского концепта «Дом».

В «Необыкновенном лете», где на первый план выходят революционные события, важность концепта «Дом» словно отходит на второй план у героев Фебина, выражающих наиболее близкую ему позицию (революционеров Рагозина и Извекова): «Солдат не отвечает за израсходованный боевой запас, за уничтоженный кров, за истребление богатств и жизней, если это сделано в интересах победы» [Федин, 1971. Т. 6. С. 274]. Но важно отметить, что эти суровые требования революционных событий не подчеркивают именно духовной, а не материальной ценности человеческого дома в авторском понимании. Понимание дома только как частной собственности и, в контексте романа, крайне отрицательное, выражено воспитателями детдома («У наших детей понятие «дома» должно отмирать... мы боремся с чувством личной собственности в детях...»). Оно получает, на наш взгляд, негативную оценку автора. Ведь даже у революционера Извекова, несмотря на то, что в своем быту он обходится минимумом, понимание духовной ценности дома присутствует, у него актуализирован концептуальный признак дома, выраженный фразеосочетанием «прибежище души» и признак неразрывной связи дома с образом матери: «Но у него в комнате матери останется то, без чего нельзя человеку обраться на земле, – кров, дом, прибежище души...» [Федин, 1971. Т. 6. С. 94].

В незаконченном романе трилогии «Костер» на первый план выходит понимание дома в значении всей Родины, России, которая находится под угрозой фашистских захватчиков. И в соотношении со всем сюжетно-композиционным планом произведения главным центром этого дома в авторском понимании является дом Толстого в Ясной Поляне.

В заключение можно сделать следующие выводы:

- художественный концепт представлен вариантами персонажных концептов;
- он реализуется в текстах трилогии путем различных образно-стилистических средств: использование метафор (отцовское гнездовище), эпитетов (например, постоянных: родной), фразеологизмов, образных, выражений (например, дом как сознание:

Часть III

Мысли его торкались в разные концы, как в двери. Двери стояли настежь, но выводили в пустые комнаты) и др.;

– необходимо различать, но не противопоставлять авторский и персонажные концепты. Авторский концепт представляет собой более сложное образование, которое соотносится со всем сюжетно – композиционным планом произведения, и является, в сущности, синтезирующим итогом всех персонажных концептов;

– в трилогии К.А. Федина можно наблюдать эволюцию персонажных концептов «Дом»;

– проведенное нами в другой работе сопоставление одноименных концептов «Дом» в произведениях М.А. Булгакова и К.А. Федина, обнаруживает своеобразие, особую значимость его в языковой картине мира писателей.

Литература

Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингво-страноведения: концепция логоэпистемы. М., 2000.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова. Когнитивный аспект. Саратов, 2003.

Федин К.А. Собр. соч.: В 10 т. Т.5–8. М., 1971.

Чумак О.С. Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б.Л. Пастернака (на материале романа «Доктор Живаго»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.

Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб., 2002.

Л.А. Шерстобитова

Гендерные различия на материале испанского языка.

Ценностные ориентации концепта *семья*

Научный руководитель – профессор Л.В. Балашова

Языки и культуры других народов могут рассматриваться как составная часть общей духовной культуры. В определенном языке отражаются как некоторые общие стереотипные элементы модели мира, так и специфические стереотипы ее национального образа. Семейный быт как часть языковой культуры носит на себе отпечаток общего «культурного стиля». В статье будут рассмотрены гендерные различия в испаноязычной культуре и, в частности, определена специфика испаноязычной общности именно в сфере семьи, ее организации [Прохоров, 2004].

Языковой материал был получен путем отбора фразеологизмов, пословиц, устойчивых выражений и идиом по заданной теме из «Фразеологического словаря испанского языка» под редакцией Э.И. Левинтова, в котором содержится 30000 слов.

Задачей данного следования стало определение на основе языкового материала ценностных ориентаций непосредственно испаноязычной семьи, кроме того, предпринята попытка установить специфику гендерных различий, что в определенной степени касается выявления стереотипов мышления культуры и определения ее национального характера.

Национальный характер многоаспектен и воспринимается учеными неоднозначно. Однако национальный характер можно трактовать как своеобразие национальных психологических черт, менталитета (концептуального видения картины мира, ценностных ориентаций), национальных традиций и обычаев, сформировавшихся и формирующихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данных наций и проявляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа.

При рассмотрении «национального характера» той или иной лингвокультурной общности важно учитывать и различия в национальном характере по гендерному признаку. Возможно, стоит даже ввести понятия «женский национальный характер» и «мужской национальный характер» [Фирсова, 2004. С. 51-56].

Говоря о национальных характерах испаноязычных народов, не стоит забывать, что на территории Испании проживают не только испанцы (кастильцы), но и баски, каталонцы, галисийцы и т.д., сохраняющие свою языковую и культурную самобытность. Им присуща своя специфика национального характера внутри более крупного образования – испаноязычной общности.

Фразеологический словарь под редакцией Э.И. Левинтова содержит единицы, относящиеся не только к территориальным диалектам Испании. В него также включены фразеологизмы и устойчивые выражения стран Латинской Америки: Аргентины, Венесуэлы, Гондураса, Центральной Америки, Мексики, Гватемалы, Кубы. Таким образом, можно говорить о испаноязычной культуре в более широком контексте.

В процессе анализа материала становится ясно, что различного рода фразеологические единицы, выбранные из словаря, скорее отражают традиционную картину мира, когда мужчина выступает в роли властелина и покровителя, а женщина занимает подчиненную позицию и заботится о сохранении домашнего очага. Акцентируется внимание на внешнем виде, красоте женщины и на ее стереотипном поведении. В частности, языковой материал показывает большое число фразеологических единиц, посвященных кокетству женщины. Мужчина же противопоставляется женщине как обладатель физической силы, носитель таких индивидуально-психологических качеств, как храбрость, смелость и т.д. Известно, что «одной из доминантных черт испанского мужчины является страсть к риску и азартность. Эта страсть непременно подтверждается испанским национальным праздником коррида (бой быков), который состоит в поединке между быком и человеком и представляет собой смертельный риск» [Фирсова, 2004. С. 51-56].

Если одной из основных национально-психологических черт испаноязычных мужчин является мачизм: *macho* – буквально «самец», переносное значение «настоящий мужчина», то женскому национальному характеру испаноязычных женщин (латиноамериканок, в первую очередь) присуща такая черта, как практически полное признание приоритета мужского начала [Фирсова, 2004. С. 51-56]. Таким образом, противопоставление маскулинность – фемининность выражено достаточно ярко.

Женский пол это:

Bello sexo, sexo debil – женщина, прекрасный пол, слабый пол.

Тогда как мужской пол:

Sexo feo (или fuerte) – досл. пол безобразный, некрасивый (сильный).

Была подмечена интересная особенность характеризовать мужчину и женщину по атрибутам одежды, принадлежащим непосредственно мужчине и женщине:

cuestion de faldas – дело, в котором замешана женщина; ищите женщину! (досл. вопрос юбок);

Часть III

cuestion de pantalones – типично мужская история, такое случается только с мужчинами (досл. вопрос штанов).

И если во фразеологической единице, предположим, относящейся к мужскому полу, появляется лексема FALDA (юбка), то речь, скорее всего, идет о негативном отношении к определенному типу поведения и набору индивидуально-психологических черт мужчины, порицаемых стереотипами гендерных различий. Данное утверждение верно и в обратном случае.

Однако тут же и противоречие: характеристика красивой, привлекательной женщины включает часть мужского имиджа:

tener buenas barbas – досл. иметь хорошую бороду;

tener buenos bigotes – носить, иметь хорошие усы

Возможно, приведенное противоречие можно объяснить тем, что данная характеристика идет со стороны мужского пола и является своего рода проекцией взгляда мужчины на положительную черту внешности среди мужчин.

Отношение к красоте или непривлекательности женщины выражено как красивыми метафорическими сравнениями:

canela con tintín – (досл. корица со звоном) 1) лакомый кусочек – пальчики, 2) красивая женщина;

brazo de mar – (досл. рука моря) 1) широкий и длинный залив, глубоко вдающийся в сушу, 2) красивая, нарядно одетая женщина.

Ярчайшим отражением гиперэмоциональности испаноязычных народов является национально-специфический тип комплемента *piro* (пиропо) – комплемент незнакомой привлекательной женщине, который произносится во весь голос и нередко сопровождается междометиями или восхищенным свистом, а также различными невербальными средствами коммуникации.

buena finca – 1) ирон. ну и сокровище! продувная bestia! хороша штучка;

decir a una los ojos tienes negros – (досл. говорить ей что у нее черные глаза) ухаживать за женщиной, говорить комплименты.

Элементы синонимической аттракции – темы, занимающие видное место в интересах и деятельности того или иного коллектива, привлекают и большее число синонимов [Прохоров, 2004]. Тут нужно отметить, что группа фразеологизмов и метафорических перифраз испанского языка, относящихся к теме «публичная женщина» представлена довольно широко. Причем это как отдельные слова, собранные в группу синонимов, так и целые описательные обороты:

una tal – (досл. такая, некто) падшая женщина, проститутка;

chaleco desorejado (sin botones) – (досл. жилет без ушей, без пуговиц) беспутная женщина, потаскуха, бесстыдная распущенная женщина;

(mujeres) del arte taurino – (досл. женщина искусства корриды) – женщины легкого поведения, проститутки.

Таким образом, женщина в роли проститутки, следуя теории синонимической аттракции и исходя из собранного материала, рассматривается как явление широко распространенное и при этом воспринимаемое негативно.

Особое внимание уделяется таким женским чертам как кокетство, заигрывание, важность наряда:

le gusta el frito – (досл. ей нравится жаркое). Она скромна только с виду: в тихом омуте черти водятся (об осторожной кокетке);

hacer ventana una mujer – сидеть у окошка, чтобы привлечь к себе внимание, выставляться напоказ;

con todos sus alfileres – (досл.со всеми своими булавками) в полном параде, раздевшись в пух и прах (чаще о женщине).

Во фразеологизмах, отнесенных к мужчинам, особый акцент делается на атрибуты мужского имиджа:

твердый, суровый человек – «это мужчина с усами или бородой»; смелый и бесстрашный – «это человек с волосами на груди»; стройный и подтянутый – «человек в хорошем плаще»; твердый и смелый – это «тот, на ком хорошо сидят штаны» и т.д.

Интересная особенность: характеристика мужчин во фразеологизмах содержит названия частей тела или внутренних органов человека.

hombre de manos (de puños) – (досл.человек рук/кулаков) сильный и смелый человек;

hombre de entraña y de hígado; hombre de riñones – (досл. человек внутренностей и печени; человек почек) волевой, энергичный, мужественный;

характерный пример: tener cojones – (досл. иметь мужские половые органы) груб. быть настоящим мужчиной, быть отважным.

Важно отметить, что среди фразеологизмов выделяется группа тех, которые, в нашем понимании, являются отражением женского романтического и мечтательного взгляда на мужской пол:

príncipe azul (или encantado) – (досл. голубой/зачарованный, заколдованный принц, князь) сказочный принц (о котором мечтают юные девушки);

sin nota ni tacha – безупречный, кристально чистый, безукоризненный как мафусанн, рыцарь без страха и упрека;

mas valiente que el Cid – бесстрашный, отважный как лев; рыцарь без страха и упрека (досл. храбрее чем Сид – литературный герой);

caballero hasta (por encima de) la coronilla – (досл. быть рыцарем до макушки) рыцарь с ног до пят.

Семья на материале фразеологического словаря рассматривается с точки зрения традиционной картины:

¡a fregar! – (досл. к мытью, к чистке) занимайся своим делом; не суйся, не лезь не в свое дело; знай сверчок свой шесток! Ступай-ка на кухню (о женщине);

las mujeres a la cocina – (досл.женщинам путь на кухню) не женского ума это дело;

tocar el piano – шутил. чистить кастрюли (досл. играть на фортепиано).

К ценностным ориентациям в семейной жизни относительно женщины можно отнести здоровье, способность деторождения, домовитость и добропорядочность жены:

Ser uno de buena madera – (досл.быть из хорошего дерева или хорошего сорта вина) обладать хорошими природными данными (крепким здоровьем, способностями, хорошим характером и т.п.);

con la que entienda de atole y metate, con esa casate – М. не женись на красивой, женись на домовитой;

buena tierra (para siembra) – (досл. хорошая земля для сева) плодovitая женщина, воплощенное плодородие (о женщине, у которой много красивых, здоровых детей).

Концепт семьи неразрывно связан с лексемой ДОМ. Испанский глагол casarse содержит в себе CASA – дом. Именно дом – центр семьи, развития отношений.

hacer casa – (досл. делать дом) быть хорошим, рачительным хозяином;

formar (hacer) rancho aparte – (досл. 1) общий котёл; 6) небольшая усадьба (ферма); 7) ранчо, животноводческая ферма). М. 2) отделиться, завести отдельное хозяйство (о женившемся сыне);

Часть III

la olla grande – большая семья под одной крышей, общий котел, общее хозяйство – (досл. olla 1) котелок (с ручками и крышкой); 2) оля (горячее блюдо из мяса с овощами).

Нужно заметить, что сравнение семьи с блюдом национальным кухни не единственный случай появления пищи во фразеологическом обороте. Если все же раскладывать фразеологизм на свободные составляющие, можно заметить, что среди первых значений или на периферии лексического значения некоторые существительные имеют название пищевого продукта.

canela con tintin – (досл. корица со звоном) 1) лакомый кусочек – пальчики; 2) красивая женщина;

domar una el chivato – (досл. укрощать козла) 3) горький перец (разновидность) – Арг. остаться незамужней, остаться в девушках;

media naranja – жена, половина (досл. половинка апельсина), очень близкий человек, второе я, дражайшая половина, (реже) муж;

contigo, pan y cebolla – с милым рай и в шалаше (досл. с тобой хоть только хлеб и лук);

dar calabazas – (досл. дать тыкву) отказать жениху;

hacer comido el cocido antes de las doce – (досл. съесть приготовленное до срока); 12) согрешить до свадьбы;

dar una la pata – Гонд. впервые согрешить, оступиться, поскользнуться (о женщине) (pata – утка);

hacer uno la plantilla a una mujer – (досл. выделывать стельку) ухаживать за женщиной (plantilla – стелька 11) Ам. тонкий бисквит);

perico entre ellas = periquito entre ellas – любитель женского общества, женолюб, дамский угодник, юбочник, ловелас (perico – длиннохвостый попугай; 8) Вен. яичница с луком);

macho – самец 8) Куба: неочищенное зерно риса 9) Гонд.: лепёшка из кукурузы и сыра;

mariquita entre ellas – (досл. божья коровка/сорока среди женского пола) любитель женского общества, бабник, волокита (mariquita – 4) Куба марикита (мёд или сироп со свежим сыром).

Специфическим для испанской культуры оказалось следующее обстоятельство: образованию семьи предшествует ритуал ухаживаний мужчины. В доказательство этому выделена целая группа фразеологизмов.

vender listas – (досл. продавать лоскуты ткани) Куба: ухаживать за женщиной, обхаживать женщину;

hacer cuscamonas a uno – 2) нежничать, любезничать, ухаживать (за женщиной);

hacer uno la plantilla a una mujer – (досл. выделывать стельку) ухаживать за женщиной;

hacer el oso – (досл. делать медведя) быть посмешищем, ухаживать, домогаться любви;

arrastrar uno el ala = rascar el ala – (досл. таскать или чесать крыло) (Гват. М.) – ухаживать за женщиной, волочиться, увиливать;

hacer la saravana – Ч. ухаживать за женщиной (досл. Куба: сделать ловушку для птиц).

В развитии семейных отношений важное место занимает тема религии. Даже церемония бракосочетания рассматривается не просто как пышное празднование, а ещё и как обязательный ритуал венчания.

llevar uno a la iglesia a una mujer – (досл.привести женщину в церковь) жениться на к-л., обвенчаться;
pasar por la vicaria – (досл.пройти через священника) обвенчаться, пожениться;
leer la epistola de San Pablo – (досл. читать послание святого Павла) сочетаться браком, обвенчаться.

Согласно собранному языковому материалу, жизнь супругов может состоять «из одного скандала, следующего за другим», они могут жить и «как теща с зятем», «как Иисус с Дьяволом» или «как Христос с торговцами». Приведенные примеры синонимичны русскому «жить как кошка с собакой». Обратное развитие отношений представляется как «жизнь отцов и детей» или «ангелов в раю», что находит в русском языке эквивалент «жить в мире и согласии», «жить душа в душу» или «как голубки».

При вступлении в брак особая важность придается целомудрию женщины, что в определенной степени имеет отношение к религиозной тематике:

bajar el vestido (или los vestidos) – (досл. удлинить одежду) Ам. начать носить длинное платье (о девочках-подростках);

hacer comido el cocido antes de las doce – (досл. съесть приготовленное до 12) согрешить до свадьбы;

enterrarse a una con palma – (по)хоронить девственницу (досл. похоронить с пальмовым листом);

saraz de hacer pecar a un santo – (досл. быть способной заставить святого согрешить) – о чертовски хорошенькой обольстительной женщине.

Литература

Левинтова Э.И., Вольф Е.М. Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Е.М. Вольфа, И.А. Будницкой. М., 1985.

Фирсова Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологическая наука. 2004. № 2.

Стилистика художественного текста

Н.П. Авдеева

Повтор как стилистический прием внутренней речи в рассказах А.П. Чехова

Научный руководитель – профессор Т.В. Кочеткова

Явление повтора имеет традицию изучения в отечественной лингвистике. Повтор рассматривается как синтаксическое средство текстообразования (Е.М. Галкина-Федорук, И.Р. Гальперин, Г.Я. Солганик, Е.А. Иванчикова, Ю.В. Васильева и др.); как средство, регулирующее познавательную деятельность читателя/адресата (Н.Г. Петрова); как семантико-стилистический прием идиостиля писателя (Б.А. Ларин, М.Б. Борисова, О.И. Фонякова, Л.И. Савченко, С.И. Берневега, Ю.Е. Мурзаева, И.З. Тарасинская, О.Ю. Коробейникова и др.)

Повтор как стилистический прием внутренней речи рассматривается наряду с другими средствами (неполными и незаконченными предложениями, присоединительными конструкциями, восклицательными и вопросительными предложениями), организующими мыслительный процесс персонажа, на материале художественных произведений в творчестве Л.Н. Толстого (И.В. Страхов, Н.А. Андромонова) и Ф.М. Достоевского (Л.В. Кошкарлов).

В центре нашего внимания – повтор как стилистический прием внутренней речи персонажей в рассказах А.П. Чехова. В этом аспекте повтор пока не являлся предметом специального изучения.

А.П. Чехов использует различные лексические средства и синтаксические структуры для создания психологического своеобразия внутренней речи персонажей. Повтор является позиционно-лексическим средством создания своеобразия внутренней речи [Сковородников, 1981], средством имитации структуры внутренней речи персонажа в художественном произведении [Барлас, 1991], отражает характер протекания мыслительной деятельности героя.

Цель данной статьи – выявить и описать лексико-позиционный повтор как стилистический прием монологической и диалогической внутренней речи персонажей в рассказах А.П. Чехова 1888–1903 гг. Анализ особенностей повтора в организации процесса мыслительной деятельности персонажа, в раскрытии индивидуальных черт характера героя, в передаче психического состояния и эмоционального настроения персонажа производится на основе фрагментов внутренней речи описательным и сравнительно-сопоставительным методом.

Учитывая структурные типы и виды позиционно-лексического повтора во внутренней речи персонажей рассказов А.П. Чехова, следует выделить следующие способы описания того, как протекает мыслительный процесс героев в монологической внутренней речи.

Рамочный повтор организует замкнутый, закрытый мыслительный процесс персонажа. Рамочный повтор, образует «так называемое обрамление, или кольцо» [Тарасинская, 1977. С. 7.] и создает эффект замкнутости мысли во внутренней речи студента Васильева, передавая внутреннее констатирование внезапно начинающегося припадка в рассказе «Припадок»: «Начинается у меня, – думал он (Васильев). – Припадок начинается» [Чехов, 1985. Т. 7. С. 77.]; во внутреннем самопобуждении Андрея Андреевича Сидорова («История одного торгового предприятия»): «Идей, побольше идей! – думал Андрей Андреевич. – Идей!» [Ч. Т. 7. С. 386.]; в сильном внутреннем желании Володи уехать («Володя»): «Ах, поскорее бы уехать отсюда! – думал он (Володя), хватая себя за голову. – Боже, поскорее бы!» [Ч. Т. 6. С. 91.]. Рамочный повтор организует не только характер мышления, но отражает психическое состояние персонажа. Например, внутренняя реакция Климова, заболевшего тифом («Тиф»), на навязчивые вопросы чухонца, ехавшего вместе с ним в поезде: «Противный народ эти чухонцы и... греки, – думал он (Климов). – Совсем лишний, ни к чему не нужный, противный народ.» [Ч. Т. 6. С. 49.].

Цепочечный (двукратный или трехкратный) повтор организует линейную, последовательно развивающуюся, движущуюся мысль, показывает единый ход мысли, продвижение, течение мысли, сосредоточенность персонажа на каком-либо событии или собственном психическом состоянии.

В рассказах А.П. Чехова цепочечные повторы без распространения, как правило, являются наречиями со значением состояния, они передают оценку и анализ персонажем своего душевного состояния и эмоционального настроения. Внутренний анализ земским врачом Григорием Ивановичем Овчинниковым своего поведения с фельдшером перерастает из оценки неприятной, абсурдной, непривычной ситуации в оценку долгих, мучительных, тягостных размышлений, переживаний по этому поводу («Неприятность»): «Глупо, глупо, глупо...» [Ч. Т. 7. С. 23.]; оценка Рябовичем сложившейся ситуации, не оправдавшегося ожидания («Поцелуй»): «Как глупо! Как глупо! – думал Рябович, глядя на бегущую воду. – Как все это не умно!» [Ч. Т. 6. С. 275.]; внутреннее описание учителем словесности Никитиным томления, отсутствия интереса ко всему окружающему («Учитель словесности»): «Скучно, скучно, скучно!» [Ч. Т. 8. С. 276.]. Повтор становится одним из приемов актуализации подтекста в произведении. Трехкратный контактный повтор без распространения во внутренней речи Никитина создает субъективно-психологический подтекст [Борисова, 1970. С. 182.]. Скучно – это не только оценка сиюминутного состояния, настроения, но и характеристика обыденной, однообразной, неинтересной жизни героя.

Цепочечный повтор с распространением также свидетельствует о сосредоточенности персонажа на определенной мысли, о ее движении, постепенном развитии.

Таковы размышления Никитина в рассказе «Учитель словесности»: «Ну, дом! – думал Никитин, переходя через улицу. – Дом, в котором стонут одни только египетские голуби, да и те потому, что иначе не умеют выражать своей радости!» [Ч. Т. 8. С. 273.]; внутренняя реакция следователя Лыжина на невозможность выехать к месту самоубийства («По делам службы»): «А Лесницкий лежит, – думал Лыжин, глядя на вихри снега, которые кружились неистово на сугробах. – Лесницкий лежит, понятые ждут...» [Ч. Т. 9. С. 319-320.]. Двукратный контактный повтор и усеченная конструкция во внутренней речи Лыжина создают субъективно-психологический подтекст. Следователь думает о том, что умер земский агент Лесницкий, что собрались понятые для осмотра тела, в то же время, повтор передает сожаление Лыжина о своей жизни, печаль о том, что жизнь

Часть III

идет не так, как ему хотелось бы, осознание невозможности изменить создавшееся положение.

Цепочечный повтор, разделенный паузой, или так называемый повтор с запинками [Савченко, 1984] передает не только сосредоточенность персонажа на очень важном для него вопросе, но и остановку мысли, отражает поиск формы выражения мысли, во время паузы во внутренней речи мысль ищет свое направление.

Например, внутреннее размышление Огнева: «Воображаю, что творится теперь у нее (Веры) на душе! – думал он (Огнев), глядя ей в спину. – Небось и стыдно и больно до того, что умирать хочется! Господи, сколько во всем этом жизни, поэзии, смысла, что камень бы тронулся, а я... я глуп и нем!» [Ч. Т. 6. С. 19.]; планирование будущих действий Сигаевым («Мститель»): «Итак: убью его, она останется в живых», я... я до поры до времени не убиваю себя, я пойду под арест» [Ч. Т. 6. С. 188.].

Многочисленные дистантные перемежающиеся повторы передают сумбурность, «кружение», противоречивость мыслей и чувств. Повторы такого вида делают фразу длинной, волнообразно развивающейся, сообщают внутренней речи экспрессию и динамизм.

Таковы внутренние размышления Петра Михайловича («Соседи»): «Оливер поступил бесчеловечно, но ведь так или иначе он решил вопрос, а я ничего не решил, а только напутал, – подумал он (Петр Михайлович), вглядываясь в темную фигуру, похожую на привидение. – Он говорил и делал то, что думал, а я говорю и делаю не то, что думаю; да и не знаю наверное, что собственно я думаю...» [Ч. Т. 8. С. 33.]; излишне поспешные, суетливо-беспорядочные размышления Сигаева, находящегося в возбужденном состоянии («Мститель»): «Не сделать ли мне так, – раздумывал он (Сигаев). – Убью его, потом побуду на похоронах, погляжу, а после похорон себя убью... Впрочем, меня до похорон арестуют и отнимут оружие... Итак: убью его, она останется в живых, я... я до поры до времени не убиваю себя, я пойду под арест. Убить себя я всегда успею...» [Ч. Т. 6. С. 188.]; неупорядоченное течение мыслительного процесса во внутренней речи Мигуева в рассказе «Беззаконие»: «Только бы он у меня не разревелся и не вывалился из узла, – думал коллежский асессор (Мигуев). – Вот уж именно: благодарю – не ожидал! Под мышкой несу живого человека, словно портфель. Человек живой, с душой, с чувствами, как и все... Ежели, чего доброго, Мелкины возьмут его на воспитание, то, пожалуй, из него выйдет какой-нибудь этакий... Пожалуй, выйдет из него какой-нибудь профессор, полководец, писатель... Ведь все бывает на свете! Теперь я несу его под мышкой, как дрянь какую-нибудь, а лет через тридцать-сорок, пожалуй, придется перед ним навывтяжку стоять...» [Ч. Т.6. С.124-125.]

Многочисленные дистантные перемежающиеся повторы во внутренней речи оформляют беспорядочные, лихорадочные мысли персонажа, находящегося в сложной ситуации, испытывающего сильную тревогу, душевное беспокойство. Повторы данного вида организуют внутреннюю речь в моменты, когда персонажу необходимо сделать правильный выбор, решить сложную проблему, но в силу того, что герой испытывает сильное волнение, он не в состоянии найти выход из сложившейся ситуации. Поиск выхода, решение трудной задачи организуют многочисленные дистантные перемежающиеся повторы, передавая сбивчивые, торопливые размышления персонажей.

Анафорический повтор в рассказах А.П. Чехова способствует организации логически стройного течения мыслей персонажа.

Таков внутренний монолог Евгения Петровича, в котором анафорический повтор сообщает речи прокурора окружного суда привычную логику, последовательность в рассуждении («Дома»): «У него (сына Сережи) свое течение мыслей! – думал проку-

пор (Евгений Петрович). – У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и не важно» [Ч. Т. 6. С. 40.].

Анафорический повтор передает также душевное самочувствие персонажа, организуя внутреннюю речь, в состоянии возбуждения, переживания, неясности, неопределенности, душевной спутанности. Например, внутренняя реакция прокурора Евгения Петровича: «Вот тут и пори его (о сыне Сереже)... – думал он (прокурор Евгений Петрович). – Вот тут и изволь измышлять наказания. Нет, куда уж нам в воспитатели лезть» [Ч. Т. 6. С. 41-42.]; внутреннее недовольство собой Гурова («Дама с собачкой»): «Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение... Вот и сиди тут» [Ч. Т. 9. С. 331.].

С помощью анафорического повтора выражаются не только негативные, но и радостные чувства восхищения, восторга. Например, внутренняя речь жены и тещи Квашина («Ненастье»): «Какой он у нас умный, ласковый! Какой он красивый!» [Ч. Т. 6. С. 113.]. При совпадении мыслей, настроений, оценок возникает ощущение тождества внутренней речи двух женщин: у нас.

Повтор является компонентом, организующим не только внутренний монолог, но и внутренний диалог. Рассмотрим виды повторов, организующие внутренний диалог персонажа.

Стыковый повтор [Фонякова, 1973. С.62.] выполняет связочную функцию, объединяя две формы художественной речи: внешнюю произнесенную речь одного персонажа и внутреннюю произнесенную речь другого персонажа. Таким образом, организуется внутренний диалог с повторением в реплике-реакции, входящей во внутреннюю речь персонажа, слова или словосочетания из реплики-стимула, переданной с помощью прямой речи персонажа-собеседника. Ответная реплика является спонтанным мысленным, не произнесенным по каким-то причинам вслух откликом. Реплика-реакция выступает как своеобразная переключка с внешними произнесенными собеседником словами, наполняясь при этом новыми, часто противоположными интенциями, получая в мыслях персонажа особый, отличный акцент. Таким способом организуется внутренний диалог студента Васильева («Припадок»):

« – Угостите портером, сказала она (брюнетка) и опять зевнула.

«Портером... – подумал Васильев. – А что, если бы сейчас вошел сюда твой брат или твоя мать? Что бы ты сказала? А что сказали бы они? Был бы тогда портер, воображаю...» [Ч. Т. 7. С. 73.]. Или повтор-подхват в ответной реплике, содержащейся во внутренней речи Володи, произнесенных ранее слов Нюты («Володя»), передающей согласие с предшествующей мыслью:

« – Однако мне нужно уходить, – сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю. – Какой некрасивый, жалкий... фи, гадкий утенок!...

«Гадкий утенок... – думал он после того, как она ушла. – В самом деле, я гадок... Все гадко» [Ч. Т. 6. С. 95.].

Повтор-подхват приобретает смысловую насыщенность, содержит не только прямое значение повторяемого слова, но его семантика усложняется.

Повтор-показатель разделения реплик в аутодиалоге [Кухоренко, 1973. С.83.] оформляет разделение внутренней речи на два внутренних голоса. В ориентированной во вне, но не получающей прямого внешнего проявления внутренней речи Ольги Михайловны («Именины»), нет графического разделения реплик на два голоса, отсутствует авторский комментарий о наличии двух внутренних «я», показателем разделения внутренней речи героини на два голоса становится повтор. Таким образом, повтор является показателем оформления внутреннего диалога наряду с вопросительными и ут-

Часть III

вердительными конструкциями, образующими вопросно-ответное единство: «Что сказать ему (мужу)? – думала она (Ольга Михайловна). – Я скажу, что ложь тот же лес: чем дальше в лес, тем труднее выбраться из него. Я скажу: ты увлекся своею фальшивую ролью и зашел слишком далеко; ты оскорби людей...» [Ч. Т. 7. С. 37.].

Учитывая специфику аутодиалога, в котором чередуются эмоциональное и рациональное начало, повтор акцентирует, выделяет одно из внутренних «я» диалога. Например, во внутренней речи доктора Старцева («Ионыч») повтор-возражение Ну что ж? подчеркивает эмоциональность внутреннего голоса-«кусочка»:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач...»

«Ну что ж? – думал он. – И пусть».

«К тому же, если ты женишься на ней, – продолжал кусочек, – то ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе»,

«Ну что ж? – думал он. – В городе, так в городе. Дадут приданое, заведем обстановку...» [Ч. Т. 9. С. 261-262.].

Повтор является одним из средств внутреннего диалога, он передает стремление героев разъяснить для себя волнующие их вопросы, сомнения, колебания, внутреннюю борьбу, отражает противоречивость, расколотость сознания персонажей.

Повтор не только оформляет процесс мыслительной деятельности, характеризует чувства и эмоциональные состояния героев, но и раскрывает индивидуальные черты характера персонажей.

Ярко раскрывается характер Ольги Ивановны в ее внутренней речи («Попрыгунья»): «Nature morte, порт... – думала она (Ольга Ивановна), опять впадая в забытие, – спорт... курорт... А как Шрек? Шрек, грек, врек... крек. А где-то теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе? Господи, спаси... избави. Шрек, грек...» [Ч. Т. 7. С. 374.].

Повтор передает характер мышления героини: ассоциативное течение мыслей, логическую ослабленность их связи, скачкообразность. Мысли сменяют друг друга, но логического взаимодействия между ними нет. Мысль не развивается, а движется по кругу без завершенности и с отклонениями от основного ее предмета, внимание героини рассеяно. Это связано не только с трудной ситуацией, которую переживает Ольга Ивановна, но с особенностями ее характера: даже в тяжелом душевном состоянии мысли попрыгуньи не сосредоточены на важном событии, они «порхают».

Позиционно-лексический повтор в рассказах А.П. Чехова – один из способов оформления внутренней речи, он передает своеобразие мышления персонажей, является средством эмоционального усиления переживаний героев, подчеркивая остроту и глубину душевного состояния, выявляет своеобразные черты их характеров. Насыщенность фрагментов внутренней речи повторами в рассказах А.П. Чехова зависит от особенностей организации характера мышления. Основная функция повтора во внутренней речи – передать сосредоточенность внимания персонажа на волнующих его мыслях и чувствах. От вида и типа повтора во внутренней речи зависят особенности организации мышления. Закрытость, замкнутость мышления оформляет рамочный, или кольцевой повтор. Движение, развитие мысли организует цепочечный повтор (с распространением и без распространения); цепочечный повтор, разделенный паузой, передает остановку мысли, поиск формы ее выражения; анафорический повтор организует логически стройный «образ мышления»; многократный дистантный перемежающийся повтор оформляет сумбурность, кружение, скачкообразность мыслей. В поздних рассказах А.П. Чехова повтор во внутренней речи персонажей используется для создания субъективно-психологического подтекста. Внутренние диалоги организуются также с помо-

шью повтора. Стыковой повтор организует внутренний диалог, состоящий из реплики-стимула во внешней речи собеседника и реплики-реакции во внутренней речи персонажа, повтор является одним из показателей разделения внутренних голосов в диалоге, выделяет и усиливает эмоциональное или рациональное начало во внутреннем диалоге.

Литература

- Барлас Л.Г. Язык повествовательной прозы Чехова. Ростов н/Д., 1991.
Борисова М.Б. Слово в драматургии М. Горького. Саратов, 1970.
Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л., 1978.
Савченко Л.И. Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф.М. Достоевского. АКД. Ташкент, 1984.
Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981
Тарасинская И.З. Дистантное повторение в языке произведений К.Г. Паустовского. АКД. Воронеж, 1977.
Фонякова О.И. Стилистическая роль повтора в автобиографических повестях М. Горького // Вопросы стилистики. Саратов, 1973. Вып. 6.
Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. М., 1985.

Т.В. Бердникова

**Подтекст как разновидность импликации в поэтическом тексте
(на материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского)**

Научный руководитель – профессор М.Б. Борисова

ИмPLICITное содержание присуще любому тексту. «Под импликацией понимается дополнительный смысл или дополнительное содержание, реализуемое за счет нелинейных связей между единицами текста» [Кухаренко, 1974. С. 72]. Но особенно ярко имPLICITное содержание реализуется в диалогическом единстве. «Устная речь всегда сопряжена с подтекстом. <...> Семантика диалогической речи всегда предполагает нечто, находящееся за текстом и в подтексте (простейшим примером подтекста здесь служат аллюзии, которыми насыщено устное речевое общение)» [Брудный, 1976. С. 152]. Диалог создает ощущение объективности событий за счет введения различных точек зрения, многообразных субъектных позиций.

Одним из аспектов изучения является рассмотрение импликации в художественном диалоге. Мы имеем примеры такого изучения в прозаических и драматургических текстах (работы М.М. Бахтина, М.Б. Борисовой, К.А. Долинина, Т.И. Сильман и др.). Проблема импликации в поэтическом тексте недостаточно исследована, поэтому представляется актуальным ее рассмотрение. Данная работа посвящена изучению имPLICITности в поэтическом тексте. Материалом исследования является лирика А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского.

Импликация имеет несколько разновидностей, одной из которых является подтекст. Существуют различные определения понятия «подтекст». Подтекст рассматривался как часть формальной структуры текста [Сильман, 1961], как часть прагматической структуры [Кухаренко, 1988], а также в аспекте его соотношения с категориями текста (например, в работах М.Н. Кожиной). Мы придерживаемся определения, данного М.Б. Борисовой. Подтекст – «особая форма смысловой осложненности, смысловой

Часть III

перспективы слова, лишь одно из проявлений его художественной смысловой емкости» [Борисова, 1970. С. 181].

Нами выделяется несколько типов подтекста. Одним из них является собственно диалогический подтекст. Такой тип подтекста реализуется в диалоге, соотносимом с диалогом в разговорной речи и диалогом в драме. Такой диалог предполагает наличие двух участников, реплики которых, взаимодействуя, создают подтекст. Скрытая интенция, обозначенная в предситуации, раскрывается в последующей реплике. Для поэзии А.А. Ахматовой такой подтекст характерен в большей степени. Момент семантического несоответствия, расхождение реплик участников диалога служат средством создания подтекста.

*Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».
Если встану – упаду,
Дудочка поет: ду-ду!*

*О глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду [Ахматова, 1990. Т. 2. С. 20].*

Лаконичное, наполненное страстью высказывание лирической героини «Жду» в сочетании с репликой героя может быть истолковано двояко. Во-первых, намечена любовная драма. Лирический герой в ответ на реплику героини иронически отговаривается, что усиливает семантическое несоответствие. Во-вторых, возникает мотив греховности героини, что подкрепляется последующим контекстом. Намеком дается мотив самоубийства. Несоответствие реплик приводит к созданию подтекста. Большую роль играет ремарка «смеясь», которая служит показателем настроения персонажа: если героиня предельно серьезна в выражении чувств, то герой ироничен.

Как отмечает Т.И. Сильман, «подтекст в своей основе строится именно на дополнительных, контекстных смыслах слов. <...> Эти дополнительные смыслы бывают подготовлены не тут же рядом, а где-то вдали, на пройденных уже этапах сюжетного развития» [Сильман, 1969. С. 85]. Взаимоотношения влюбленных предстают греховными, потому что упоминание «в аду» несет с собой намек на грозящее за грехи наказание. Такой дополнительный смысл создает реплика лирического героя. Собственно диалогический подтекст в поэзии Ахматовой создает эмоциональную насыщенность контекста. Имплицитное выражение смысла соотносится с эксплицитной стороной высказывания.

Для лирики И.Ф. Анненского собственно диалогический подтекст характерен в меньшей степени, так как диалоги, соотносимые с разговорной речью, не столь частотны.

*А там стена, к закату ближе,
Такая страшная на взгляд...
Она все выше...Мы все ниже...
«Постой-ка, дядя!» – «Не велят»
[Анненский, 1990. С. 80].*

Анненский использует полисемантичность слова. Обыгрываются значения слов «выше» – «ниже», которые служат для противопоставления человека (лирического ге-

роя) и стены. Стена предстает как нечто угрожающее, несущее опасность, человек же ничтожен по сравнению с ней. Из данного противопоставления следует противостояние реплик. Неопределенно-личная форма глагола «не велят» позволяет говорить о покорности, бесправности людей, находящихся за стеной. Стена является выражением ограниченности свободы человека.

Другим типом подтекста является структурно-аллюзивный подтекст. Он создается структурой всего текста с помощью повторов, семантической многоплановости, аллюзий и т.д. Субъективные аллюзии могут быть выражены через соотнесение с прецедентными текстами или через социальный контекст.

Аллюзия, благодаря которой расшифровывается подтекст, может быть соотнесена с Библией, со Священным Писанием, а также отсылать к произведениям литературы и фольклора. Такой тип подтекста в равной степени характерен для поэзии Ахматовой и Анненского.

*Я только сею. Сбирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!* [Ахматова, 1990. Т. 1. С. 74].

Подтекст реализуется посредством аллюзии к библейской притче о сеятеле. Героиня отождествляет себя с сеятелем, который приобретает черты пророка, проповедника. Образ сеятеля-поэта ассоциируется также с текстами русской литературы (стихотворениями Пушкина, Некрасова).

В поэзии Анненского подтекст, который реализуется посредством аллюзии к прецедентным текстам, так же, как в лирике Ахматовой, связан с библейскими текстами.

*Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.*

*Тот, грехи подъявший мира,
Осушивший реки слез,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?*

*Не мигнул фитиль горящий
Не зазыбил ветер ткань...
Подошел спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань»* [Анненский, 1990. С. 127].

Воскрешение дочери Иаира приводит читателя к осознанию воскрешения души персонажа.

Другой реализацией аллюзии является подтекст в сфере социального контекста. Скрытая интенция находит свое отражение в социальной сфере. Такой подтекст реализуется через эмоциональное восприятие социальной ситуации персонажем. В поэзии И. Анненского социальный подтекст – достаточно редкое явление. Стихотворение «В дороге» представляет социальную картину жизни, которая завершается риторическим восклицанием. Подтекст подготавливается предшествующим контекстом, который сообщает о социальных событиях. Лирический герой осознает нищенское существование, возникает мотив совести, который приносит персонажу душевную боль.

*Не сошла ли тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,*

Часть III

*И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут.*

*Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть [Анненский, 1990. С. 29].*

В поэзии А. Ахматовой такой тип подтекста предстает через не прямое обобщение.

*Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей –
Как трехсотая с передачей,
Под крестами будешь стоять
И своею слезой горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука – а сколько там
Неповинных жизней кончается...
[Ахматова, 1990. Т. 1. С. 198].*

Рассказ о своей судьбе лирическая героиня завершает обобщением ситуации в стране. Расшифровка скрытого смысла подготавливается предтекстом и концентрируется в эпитете «неповинный».

Подтекст нередко соотносится с интертекстом. В контекст диалога вносится цитата из другого текста. В поэзии Анненского такие случаи не частотны. Стихотворения же Ахматовой наполнены интертекстуальностью.

*Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»
[Ахматова, 1990. Т. 1. С. 246].*

Жалоба лирической героини прямо не раскрывается. Читатель может догадываться о причинах, вызвавших такое ее состояние. Реплика мифологической предсказательницы Суоми расшифровывает скрытый смысл признания: героиня вынуждена терпеть невзгоды, тяготы жизни, обречена на безрадостное существование, у нее нет иного выхода.

Особую разновидность структурно-аллюзивного подтекста представляет синтетический тип. Наряду с репликами персонажей в образовании подтекста участвует авторский комментарий. Такой подтекст подготавливается всей структурой стихотворения, взаимодействием авторского и персонажного подтекста.

В поэзии А. Ахматовой ярким примером этого взаимодействия служит стихотворение «Сероглазый король».

*Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.*

*Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись с охоты, сказал:*

*«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.*

*Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».*

*Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.*

*Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.*

*А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»
[Ахматова, 1990. Т. 1. С. 40].*

Подтекст создается всей организацией лирического произведения, прежде всего, лейтмотивом «серый». Драматизованное описание действий лирической героини свидетельствует о том, что она узнает о смерти «сероглазого короля» только из рассказа мужа. Соответственно, первое и последнее двустишия принадлежат автору. Происходит наложение нескольких планов текста друг на друга: плана автора, плана лирической героини, ее мужа, плана олицетворенной природы. Это в итоге приводит к кольцевой композиции: начинается и завершается стихотворение авторским планом. Подтекст раскрывает драматизм судьбы лирической героини, дается ее эмоциональная оценка.

В поэзии Анненского такой подтекст имеет характер авторского комментария. В стихотворении «Смычок и струны» происходит диалог неодушевленных предметов – смычка и струн, за которым наблюдает автор. В реплике смычка звучащим оказывается еще и голос автора, стороннего наблюдателя.

*Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при встрече струны!*

*Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.
[Анненский, 1990. С. 100]*

Прямая речь одушевленных предметов перемежается с авторским словом. Предметы одухотворяются, их душевная боль раскрывается в подтексте. Подтекст создается в результате соотношения реплик лирических героев с авторским словом, авторским комментарием.

Таким образом, реализация подтекста в лирическом стихотворении имеет несколько способов выражения: посредством соотношенности с прецедентными текстами, с социальным контекстом, а также в диалогах между двумя персонажами.

Реализация подтекста раскрывает черты идиостилия поэта.

Часть III

Поэзия А. Ахматовой наполнена драматизмом, сюжетностью. Об этом свидетельствует наличие собственно диалогического подтекста, введение в диалог чужой речи. Лирика И. Анненского сосредоточена на лирическом герое, на его внутреннем духовном мире. Поэтому ориентация на социальную сферу в его поэзии менее характерна.

Особенной разновидностью является синтетический подтекст. В поэзии И. Анненского его отличает комментирующий характер авторского слова. В диалогах А. Ахматовой он реализуется посредством лейтмотивности, нарочитых повторов.

Таким образом, подтекст как разновидность импликации заключает в себе сокращение эмоциональных установок, ориентированность на культурно-социальную сферу, на интертекстуальные связи. Будучи особой формой поэтического диалога, он вместе с тем сохраняет соотнесенность и с разговорной речью, и с жанром драмы.

Литература

Ахматова А.А. Собр. соч.: в 2 т. М., 1990.

Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.

Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4.

Борисова М.Б. Слово в драматургии М. Горького. Саратов, 1970.

Брудный А.А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.

Долинин К.А. ИмPLICITные содержания высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.

Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. 1961. № 1.

Сильман Т.И. «Подтекст – это глубина текста» // Вопросы литературы. 1969. № 1.

Н.Н. Грибова

Межъязыковые стилистические связи в художественных текстах

М.А. Булгакова и Э.Т.А. Гофмана

Научный руководитель – профессор М.Б. Борисова

В работе рассматриваются межъязыковые стилистические связи на примере реализации эстетического принципа «синтеза искусств» в произведениях Э.Т.А. Гофмана (роман «Житейские воззрения кота Мурра») и М.А. Булгакова (роман «Мастер и Маргарита»).

Основанием для сопоставления авторов столь отдалённых эпох (конец XVIII – начало XIX и XX в.), художественных культур и литературных направлений служат выводы европейских исследователей о влиянии и соприкосновении с поэтикой Гофмана многих русских художников слова, в том числе и М.А. Булгакова (Ботникова А.Б., Кузнецов С., Тростников М., Карельский А., Гугнин А.А., Gorlin M., Becker-Grauch W., Curtis J.). Между писателями проводятся биографические параллели (многообразие профессиональных навыков в области искусства) и творческие (соотнесённость мотивов, сюжетов, общность эстетических принципов). Например, в литературном направлении, характерном для Булгакова, Д. Кертис выделяет специфические элементы немецкой романтической традиции: субъективность, интерес к индивидуальности, идею свободы, имеющую глубокое значение для эстетической позиции писателя и нашед-

шую своеобразное выражение в его стиле: «Булгаков является романтиком в традиционном, почти что анахроническом значении...» В этом смысле, по мнению Д. Кертис, на него оказал влияние Гофман, которого вновь открыли и перевели на рубеже веков символисты [Кертис, 1991. С. 27].

А.В. Ботникова видит в литературной связи Булгакова с Гофманом процесс, который ведёт к созданию качественно новых явлений, подчинённых своим идейно-эстетическим задачам, и не сводится просто к заимствованию. Отдельные мотивы, приёмы, тема двойника, принцип двоимирия, фантастическое восприятие действительности, попадая в иноязычную и иноциональную систему, приобретают новое качество [Ботникова, 1977. С. 12-13]. По свидетельству С. Ермолинского, М.А. Булгаков сопоставлял себя с Гофманом, а в одном из своих писем писал, как поразила его статья С. Миримского о фантастике немецкого романтика и убедила в осознании собственной правоты в «Мастере и Маргарите» [Булгакова, Ляндрес, 1988. С. 467].

Общепризнанным является тот факт, что, свободно владея немецким языком, Булгаков читал Гёте и Гофмана в подлинниках, а ведь именно от них он воспринял многие элементы своей дьяволиады, развернув вариации схватки с дьяволом вслед за Гёте («Фауст») и Гофманом («Эликсиры сатаны»).

Кроме того, в романе «Мастер и Маргарита» некоторые аллюзионно-ассоциативные элементы отсылают к Гофману: несгорающий фокусник-саламандр в камине – это главный герой его повести «Золотой горшок», сцена в клинике профессора Стравинского с обыгрыванием профессиональной принадлежности Берлиоза отсылает к весьма похожему пассажи в «Невском проспекте» Гоголя, где речь идёт также о Гофмане.

Отмеченная соотнесенность этих авторов ещё не подвергалась строгому сопоставительному лингвистическому анализу.

Булгаков и Гофман активно работали с разными формами искусства (литература, поэзия, музыка, театр, живопись и др.). Заимствуя особые методы познания этих систем, писатели создают синтетическую форму литературной эстетики, где понятия и термины различных художественных искусств способны выполнять определённые стилистические функции. Синтетичность, проявляющаяся на уровне художественной системы (двойное композиционное построение, жанровое разнообразие, эстетические и художественные принципы, авторские впечатления и т.д.), находит отражение в стиле писателей, характеризующемся подчинённым употреблением языка. Эстетический принцип «синтеза искусств» здесь обуславливает приёмы отбора языковых средств, среди которых преобладает терминологическая и общеупотребительная лексика, соотносимая со сферами разных видов искусств, отражающая чётко очерченную действительность.

Опираясь на положение о том, что «национальная специфика мышления производна не от языка, а от реальной действительности...», можно проанализировать не только факты межъязыковых расхождений, но и стилистических связей [Стернин, Быкова, 2000. С. 56].

С помощью знаковых систем различных видов искусств писатели репрезентируют действительность своего миропонимания в художественном произведении. Большое количество изолированных и общеупотребительных терминов, включённых в языковую ткань текстов, способствует выявлению особой роли искусства в авторской картине мира.

По частоте употребления музыкальной лексики некоторые исследователи относят жанр и стиль романов Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» и Булгакова «Мастер и Маргарита» к музыкальному.

Часть III

Любимым и главным музыкальным жанром для Гофмана и Булгакова была опера, а музыкальной формой – симфония, имеющая широкий эмоциональный диапазон, контрастные противопоставления и многообразие возможностей создания [Бэлза, 1991. С. 21].

В романе «Житейские воззрения кота Мурра» церковные песнопения, хоралы, монотонные респозитории, траурные песни и звон монастырских колоколов переплетаются с сонатами, студенческими песнями, маршами, ригурнелями, ариеттами, оперой, гимном и итальянскими мелодиями. Многообразие музыкальных жанров и инструментов, в совокупности напоминающих «адский оркестр», находит отражение и в произведениях Булгакова.

В. Сахаров называет музыкальный пласт романа «Мастер и Маргарита» «пёстрой симфонией», где рядом с высокой классикой появляются ресторанные романсы и блатные песенки, частушки, вальсы, гитарные любительские переборы, мужественное солдатское пение, эстрадные куплетцы, легкомысленные арии из оперетт и суровые революционные гимны. К операм, ораториям и симфоническому оркестру неожиданно присоединяются соборные колокола, балалайка, итальянская гармоника, шарманка, трактирный механический орган, патефон и даже турецкие национальные инструменты [Сахаров, 1990. С. 24].

Каждый литературный персонаж писателей имеет свою музыкальную тему, каждый образ – свой лейтмотив. Переплетение лейтмотивов отражается в смене ритмов и тем, организующих динамику художественных текстов. Так, например, возрождённую Маргариту сопровождает вальс Штрауса, образ Мастера трактуется посредством музыки Шуберта, певца последней и навечно меланхолической любви. Сложный многоплановый образ Крейсlera раскрывается и воспринимается только через церковную органную музыку, звучащую в романе «Житейские воззрения кота Мурра».

Итак, изолированные музыкальные термины, употребление которых носит единственный характер, и общеупотребительная музыкальная лексика (жанр музыкального произведения, наименования музыкальных инструментов, их частей, обозначения лиц по роду музыкальной деятельности, музыкальные принадлежности, место музыкальной деятельности, звуковая окраска голоса – тембр, имена композиторов, названия музыкальных произведений, цитаты и аллюзии) включены в описания и характеристики героев, их рассуждения: тяжёлый бас (Воланда), треснувший тенор (Коровьева) у Булгакова, Гофман использует музыкальные динамические характеристики «...принцесса Гедвига напоминает всем своим видом светло и ясно льющуюся мелодию, сменившую дикие и беспорядочные аккорды...»;

в авторские повествования: «...Но тут же, сделав искусную фиоритуру бархатным голосом, Аркадий приравнял существующую власть к кесарю, и даже плохо образованный Босой задрожал во сне» [Булгаков], «У него было фантастическое басовое тремоло, его верхний регистр, его нижний регистр звучали чисто, как у соловья» [Гофман];

и в пейзажные зарисовки: «весь Гефсиманский сад в это время гремел соловьиным пением» [Булгаков], «Поднялась луна и в её волшебном свете зашумели, зашелетели тысячу мелодий деревья и кусты, ласкаемые вечерним ветерком» [Гофман].

Среди общих музыкальных понятий широкое употребление находит глагольная лексика. Это метафорически употреблённые глаголы, не выражающие музыкальных понятий, но, в сочетании с музыкальными терминами, повышающие их экспрессивность и позволяющие более образно воспринять музыкальное звучание: вальс над садом ударил сильнее; гремел нестерпимо громко джаз; хор начал разрастаться; песня загремела; тру-

ба, что-то коротко и весело прокричавшая; ударил знаменитый грибоедовский джаз; джаз развалился и затих; врезал... марш [Булгаков], выше вздымались волны напева; поплыли звуки песни; звуки утешительно прильнули к груди; из души вздымается божественный звук; хорал... возносится к облакам; полились голоса [Гофман];

нейтральные глаголы, уже вошедшие в употребление в качестве общих музыкальных терминов: петь, играть, музицировать, барабанить, аккомпанировать, звучать, сочинять [Булгаков, Гофман].

Метафорическое употребление глаголов в сочетании со специальной музыкальной терминологией Гофман использует с целью создания комического эффекта: дразнишь меня жалобной кантиленой; в головоломной каденции спотыкаться о ступеньки звуковой лестницы; схватить его полной аппликатурой; в какой уголок существа запряталась чистая гамма. Булгаков с этой же целью соединяет элементы музыкальной эстетики с подчёркнуто прозаическими деталями: аккомпанировал хору усиливающийся треск телефонных аппаратов; не заиграл..., не грянул..., и даже не хватил, а врезал... марш.

Стилевое оформление темы музыки носит образный музыкально – живописный характер, отражённый преимущественно в метафорических и метонимических конструкциях с использованием музыкальной и живописной лексики у Булгакова и конструкциях метафорического типа у Гофмана. Метафоры находят подтверждение и развитие, когда в пейзажных зарисовках и сюжетных ситуациях звуки музыки объединяются с реальными явлениями природы и окрашиваются в различные оттенки цветов. Такой пейзаж следует охарактеризовать как вербальную интерпретацию натурной живописи, в которой соединены элементы поэтики живописного искусства (цвет, свет) и музыкального (звук):

«...Края её (тучи) уже вскипали белой пеной, чёрное дымное брюхо отсвечивало жёлтым. Туча ворчала, из неё время от времени вырывались огненные нити» [Булгаков];

«Чудесное сияние, подобно свету луны, преображалось в музыку и пение (ging auf in Ton und Gesang), а когда оно золотым лучом касалось кустов и деревьев, они трепетали от восторга...» [Гофман].

Описания явлений природы представляют собой музыкально-поэтические фрагменты произведения. И.Г. Минералова сравнивает пейзаж после казни Иешуа с музыкально-поэтической увертюрой и глубокой элегией [Минералова, 2002. С. 18-19].

Отнесённость романов к музыкальному жанру позволяет говорить об организации динамики художественных текстов посредством синтетической музыкальной формы, где любой акустически конкретный звук, в том числе и не музыкального происхождения, является элементом такой структуры.

В поэтике Булгакова, как и в поэтике Гофмана, среди других средств художественной изобразительности значительное место отводится живописной лексике – а) общим понятиям (наименования художественного жанра, живописные приёмы и средства, профессиональная принадлежность, имена художников, названия произведений, глагольная лексика): портрет, рисунок, плакат, ландшафтик, краска, пятно, узор, фон, рисовать, изображать, очерчивать [Булгаков], портрет, гравюра, икона, картина, кисть, краски, кисть, рисовать, живописать, да Винчи [Гофман];

б) цветономинациям (прилагательные – цветовые, образованные от существительных, оттеночные, сложные, качественные – названия металлов и драгоценных камней, цветовые существительные и глаголы): белый, персиковый, огненно-зелёный, зеленоглазый, золотой, желтизна, посеребрилось [Булгаков], зелёный, огненный, огненно-красный, краснощёкий, серебряный, золото, покраснела [Гофман].

Часть III

Цветоминации являются важным компонентом образного слоя произведений – сравнений и метафор, эпитетов, которые авторы активно используют в портретных характеристиках, пейзажных зарисовках и т.д.

Писатели усиленно работали над расширением сферы использования цветописы, добиваясь предельной точности словоупотребления, что можно проследить по черновым работам. Их внимание сосредоточено на активизации тонового контраста, реже на использовании промежуточных оттенков. Напряжённость повествования поднимается за счёт противопоставления чёрного и белого, символизирующих в живописи свет и тьму, и светосилы при описании природных явлений:

«Становилось всё темнее. Туча залила уже полнеба, стремясь к Ершалаиму, белые кипящие облака неслись впереди напоенной чёрной влагой и огнём тучи. Сверкнуло и ударило над самым холмом» [Булгаков];

«Внезапно тьма сгустилась, среди чёрных туч запылали молнии, загредел гром, и вдруг на землю посыпались первые крупные капли дождя» [Гофман].

Для достижения максимальной иллюзии, Гофман и Булгаков используют в совокупности цвет, свет, звук в языковом оформлении, вызывая соответственно зрительные и слуховые восприятия. Здесь реализуется взаимовлияние и взаимопроникновение искусств, одно из требований романтической эстетики, постулирующей принцип взаимодействия искусств и как слияние разных сфер восприятия.

Индивидуальным приёмом в этой области выступает символика цвета, иногда семантика цвета приобретает качества метафоры, обуславливая контекстное прочтение романа, например, красный – цвет крови (невывсыхающая чёрно-красная лужа пролитого вина во дворце прокуратора, после казни Иешуа; маленькое красноватое облачко, появившееся неожиданно над Гейерштейном предвещало непогоду и несчастье для Крейсера, который чуть позже проливает свою кровь), близкие к нему багровый, рыжий, огненный – предвестники несчастья (рыжие, с багровой физиономией персонажи выступают как носители грубой силы у Булгакова; багровые отсветы молний предсказывают Юлии несчастливую перемену в судьбе, которую она сама чувствует), чёрный – символ справедливости и нечистой силы (Воланд, Крейслер, которого окружающие считают дьяволом и разрушительной силой видимого спокойствия).

Портреты своих главных героев писатели часто сопровождают музыкальными и живописными характеристиками, используя языковые средства этих систем: обозначения музыкальных жанров, цитаты из музыкальных произведений, наименования музыкальных инструментов, цветообозначения и т.п. Погружение героев в определённую обстановку сопровождается её детальным описанием, где становятся значимыми описания архитектурных и скульптурных ансамблей, интерьера с включением предметов прикладного искусства (посуда, ювелирные изделия, аксессуары).

Возникающий образ театра (у Булгакова Варьете и театр – сон Босого, у Гофмана – театр Лискова) маркируется театральной лексикой (жанры театрального искусства, части театра, ампула и исполнители).

Поскольку главной темой в произведениях писателей, по нашему мнению, является литература (в «Мастере и Маргарите» речь идёт о литераторах и романе Мастера, а в «Житейских воззрениях кота Мурра» литературный кот (поэт и писатель) повествует о своей жизни, размышляет о литературе и её эстетической функции), в романах употребляется лексика, соотносимая с этой сферой (имена писателей и поэтов, литературных родов и жанров, названия произведений, профессиональной принадлежности).

Проведённый анализ показывает ролевое распределение знаковых систем различных видов искусства, их взаимодействие, смысловую и динамически связующую

нагрузку в текстах. Например, в каждой из частей произведения Булгакова преобладает лексика определённого вида, в романе о Пилате – живописная лексика, в повествовании о Мастере – литературная и музыкальная. У Гофмана биография кота Мурра представлена литературной лексикой, капельмейстера Крейсера – музыкальной.

Преобладание компонентов одного вида искусства над другим не означает нарушения эстетического принципа «синтеза искусств», это, скорее особый стилистический приём структурного различения. В каждом из произведений два самостоятельных повествования, две структуры, организованные определёнными терминологическими системами, соответственно две динамические формы, одна из которых выступает как музыкальная (её динамика организована музыкальной лексикой), другая не носит явного звукового характера (у Гофмана наблюдается преобладание литературной лексики, у Булгакова – живописной).

Таким образом, можно говорить не только о композиционном разделении двух частей романов, но и особом стилистическом подходе в решении этого вопроса, что до сих пор не отмечалось никем из исследователей.

Литература

- Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. Воронеж, 1977.
- Булгакова Е.С., Ляндрес С.А. М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988.
- Бэлза И.Ф. Партитуры М. Булгакова // Вопросы литературы. 1991. № 5.
- Вулис А. В системе зеркал: Эпизод взаимодействия искусств (в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Звезда востока. 1984. № 11.
- Касаткина Е.В. Семантический компонент «искусство» и его реализация в художественном тексте // Филологические этюды. Саратов, 2000. Вып. 3.
- Кертис Д. Романтическое видение // Лит. обозрение. 1991. № 5.
- Матвеев Б.И. Цветопись в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2003. № 1.
- Минералова И.Г. Пейзаж в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литература в школе. 2002. № 7.
- Перецман Л.С. Экспрессивно-стилистические функции музыкальной терминологии в произведениях Э.Т.А. Гофмана // Вопросы филологии. Ташкент, 1970. Вып. 382. Т. 1.
- Сахаров В. Симфония М. Булгакова // Музыкальная жизнь. 1990. № 12.
- Славгородская Л.В. Стилевое оформление темы музыки в романе Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» // Литература и музыка. Л., 1975.
- Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000.

Е.В. Ливанова

Общее и особенное в поэтической фразеологии поэтов Серебряного века (на примере тематического комплекса «поэт и поэзия»).

Научный руководитель – профессор М.Б. Борисова

Анализируя особенности языка поэтов Серебряного века, исследователи отмечают, что, несмотря на формальную отнесенность поэта к одному из существовавших направлений (символизм, акмеизм, футуризм и др.), прослеживаются общие мотивы и образы, характеризующие их творчество. Однако появление традиционных образов

Часть III

наиболее характерно для поэзии символистов [Мокина, 2002; Кожевникова, 1986]. Именно символисты (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, В. Иванов и др.) воспринимают и перенимают поэтическую традицию, и, вместе с тем, вкладывают в устоявшиеся образы новый смысл, обогащенный обертонами современной им эпохи. Например, традиционными, по мнению Н.А. Кожевниковой, являются такие образные параллели, как жизнь – горение, жизнь – путь, жизнь – плавание, жизнь – пир, мир – книга, мир – стихотворение, душа – стих, птица – творчество, стих – цветок и др. [Кожевникова, 1986]. Но, кроме устойчивых вариантов, традиционные образы приобретают новые аспекты, актуальные в поэзии начала XX в. В частности, жизнь – путь, как отмечает Н.В. Мокина, наряду с устойчивыми вариантами воплощения образа (странствие по дорогам бытия, по морю, восхождение, блуждание по лесу), обрастает новыми: кружение по болоту, по лабиринту, путешествие на поезде, полет [Мокина, 2002].

Символизм стал определяющим направлением в поэзии начала XX в. По справедливому замечанию Н.А. Кожевниковой «Язык символистов – необходимый фон, вне которого непонятны некоторые из тех процессов, которые происходят в языке поэзии в дальнейшем» [Кожевникова, 1986. С. 3]. Самоопределение акмеистов (Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова, М. Кузьмин, О. Мандельштам и др.) и футуристов (В. Маяковский, В. Хлебников, И. Северянин, Б. Пастернак и др.) – это своего рода реакция на символизм.

Среди поэтов конца XIX – начала XX вв были и такие, чье творчество не вписывалось в существовавшие тогда течения и группы. Таковы, например, И. Бунин, стремившийся продолжать традиции русской классической поэзии; И. Анненский, в чем-то близкий к символистам и в то же время далекий от них, искавший свой путь в огромном поэтическом море; Саша Черный, называвший себя «хроническим» сатириком; М. Цветаева, с ее «поэтической отзывчивостью на новое звучание воздуха».

Материалом для нашего дальнейшего сопоставительного анализа являются произведения не только символистов (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый), но и поэтов других направлений: акмеистов (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам), футуристов (В. Маяковский, И. Северянин, Б. Пастернак), а также произведения М. Цветаевой, С. Есенина.

Образность поэзии конца XIX – начала XX вв восходит к разным источникам: мифология разных народов (античная, христианская, славянская, египетская, индийская и др.), творчество непосредственных поэтов-предшественников, философия (например, философские взгляды Вл. Соловьева нашли свое отражение в лирике А. Блока), живопись и скульптура (в частности, «Гамаюн, птица вещая» А. Блока, «Бронзовый поэт», «Расе» И. Анненского). Таким образом, поэты Серебряного века опираются на широкий культурный контекст, что порождает огромное количество цитат (явных и неявных), аллюзий и образов, функционирующих в их творчестве. Восприятие произведений поэтов этой эпохи часто становится трудным для человека, недостаточно владеющего знаниями в области русской и мировой культуры и литературы. Так, для того, чтобы понять стихотворение В. Брюсова «К согражданам» необходимо верно соотнести события современности (Над Мукденом, над Артуром) с персонажами из римской истории (Вы, ликторы, закройте форум!), из библейских сюжетов (тот не прав, Кто назначенье мировое Продать способен, как Исав!). Особенность осмысления разнотипных образов – такова, по мнению многих исследователей [Кожевникова, 1986] одна из характерных черт поэзии Серебряного века.

В творчестве поэтов конца XIX – начала XX в. четко прослеживается связь с поэтической традицией. Например, она проявляется в употреблении поэтических формул,

рисующих мир природы: зеркало воды, покров ночи, лик луны, лик солнца, крылья ветра, крылья ночи, сравнения луны с серпом, рогом, щитом, неба со степью, полем, пустыней, травы и снега с ковром, луны и звезд с лампадой и т.д. В подтверждение этому приведем пример употребления традиционных поэтических фразеологизмов лунный лик, лик луны, лик солнца. Этот ряд А.Д. Григорьева отнесла к числу «общих поэтизмов пушкинского времени» [Григорьева, Иванова, 1969. С. 58]. У А.С. Пушкина встречаем: Светит бледно лунный лик; луны сияет лик двурогой; Пускай же солнца ясный лик Отныне радостью блистает. Поэты Серебряного века также употребляют эти традиционные формулы. Ср.: Ночь, огонь и лунный лик...; Серп луны прокрался из-за туч, И всю ночь легенды шепчет Саре Лунный луч. (М. Цветаева); И солнца бледный тусклый лик – Лишь круглое окно (А. Ахматова); Только лик Луны мерцает, да в саду, среди вершин, Шепчет Ветер перелетный: Ты один – один – один (К. Бальмонт); Сквозь чашу леса глянул лунный лик (А. Блок); Там, за окном, в пустом пространстве, Все тот же – милый лик луны. (В. Брюсов); Но каждую полночью так страшно и низко Наклоняется лик луны (Н. Гумилев).

Традиционные поэтические формулы используются при изображении человека: сравнение глаз со звездами, с огнями, с морем, с небом, голоса со струной, слез с жемчугом, с алмазом, метафоры струны души, сердца, крылья души и т.д. Устойчивы и образные соответствия некоторых предметов внешнего мира: сравнение корабля, лодки с птицей, паруса с крылом, сравнение дома с человеком, окон с глазами.

Употребление вышеназванных поэтических формул в поэзии Серебряного века, на наш взгляд, является чаще всего механическим. Для нашего исследования больший интерес представляют такие поэтические фразеологизмы, которые претерпевают трансформацию и в то же время сохраняют традиционный образный центр или определяющие члены.

Объектом нашего исследования являются перифрастические и метафорические наименования тематического комплекса «назначение поэта и поэзии».

Тематическое поле «назначение поэта и поэзии» органично взаимодействует с представлениями о «смысле жизни» и их образными воплощениями. Общими для них является следующий ряд «образных мотивов» [Кузьмина, 1977]: жизнь (творчество) – горение, жизнь (творческий путь) – плавание, птица – творчество, душа – птица, мечта – птица, человек – книга, слово, буква, душа – стих и др. «Образные мотивы» представляют собой так называемый «понятийный инвариант» [Там же], который способен реализоваться во множестве конкретных формул – поэтических фразеологизмах. Например, инвариант жизнь – пространство и варианты: пустыня, болото, долина жизни; безмолвная, немая, дикая, скудная, безрадостная пустыня; идти, блуждать, скитаться, влачить по пустыне и т.п.

Знаковым для творчества поэтов Серебряного века становится «образный мотив» творчество – труд (работа). Источником его стала традиционная для русской поэзии XIX в. «поэтизация свободного труда как одного из высших смыслов бытия в творчестве А.С. Пушкина («Новоселье», «Труд», 1830 и др.), мотив «сладчайшего труда» как воплощения истинного назначения человека в поэзии Е. Боратынского («Родина»)» [Мокина, 2003. С. 92]. Однако, творчество в поэзии XIX в. чаще всего ассоциировалось с «легким трудом», тогда как для поэтов Серебряного века поэтический труд – это тяжелый, трудный подвиг, совершаемый осознанно. Путь к мечте, путь к творчеству – это труд, ежедневный труд без отдыха и без усталости. В. Брюсов выражает это абсолютно четко в стихотворении 1902 г. «В ответ»:

Вперед, **мечта**, мой **верный вол!**

*Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!*

*Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!*

<...>

*Нам кем-то высшим *подвиг* дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!*
[Брюсов, 1973. С. 278-279]

В традиции поэзии XIX в. стихи оцениваются как дети поэта, шалости его лиры, поэтическое вдохновение – как поэтический восторг, как полет на крыльях мечты, фантазии. По наблюдению А.Д. Григорьевой, в лирике А.С. Пушкина, особенно лицейского периода, лексема «стих» часто сопровождается эпитетами веселый, игривый. В творчестве А. Фета поэтический труд продолжает восприниматься как дар свыше, стих для поэта приобретает статус ласкательного [Григорьева, Иванова, 1969].

В поэзии конца XIX – начала XX вв. актуализируется восприятие стиха как результата ежедневного и ежеминутного труда. Кроме того, возникают сомнения о дальнейшей судьбе поэтического наследия, и с особой силой звучит вопрос о «нужности» поэтического творчества.

На основе анализа функционирования лексемы «стих» в творчестве поэтов Серебряного века можно выявить две основные тенденции.

Первая тенденция: поэты используют синонимичные традиционным эпитеты к лексеме «стих». Однако из контекста всего стихотворения выявляется иллюзорность «легкости» поэтического творчества. Так, В. Брюсов обращается к поэтам:

*Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов [Брюсов, 1973. С. 447].*

Несмотря на эпитет «ярко-певучих» при лексеме «стих», в общем контексте стихотворения развивается мысль о трудностях и тяготах поэтического труда:

*В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: *от века из терний*
*Поэта заветный венок [Брюсов, 1973. С. 447].**

В данном случае В. Брюсов использует трансформированный традиционный поэтический фразеологизм (И помни: от века из терний Поэта заветный венок). Именно образ тернового венка порождает в читателе ассоциативное сближение творчества с тяжелым трудом, который не является напрасным, но может быть превратно истолкован.

Иногда употребляется традиционный поэтический фразеологизм, свидетельствующий о легкости и непринужденности поэтического озарения. Например, у М. Цветаевой читаем:

Каждый стих — дитя любви,

Нищий незаконнорожденный.
Первенец — у колеи
На поклон ветрам — положенный
[Цветаева, 1997. С. 105].

Однако из дальнейшего контекста выявляется индивидуально-авторское ассоциативное восприятие плодов творческого труда. Олицетворение позволяет перенести социальные характеристики ребенка (нищий, незаконнорожденный) на «лирических детей» поэтессы.

В стихотворении З. Гиппиус «Свободный стих» обманчивая легкость поэтического творчества выражается с помощью использования антонимов «свободный – раб». «Свободный стих» олицетворяется и становится действующим лицом, который «соблазняет» своей «приманной легкостью». Первая строка стихотворения (Приманной легкостью играя...) становится определяющей для дальнейшего прочтения всего лирического произведения:

Приманной легкостью играя,
Зовет, влечет *свободный стих*.
И соблазнил он, соблазняя,
Ленивых малых и простых.

Сулит он быстрые ответы
И достиженья без борьбы.
За мной! За мной! И вот, **поэты** -
Стиха свободного рабы [Гиппиус, 1991. С. 185].

Подобное функционирование лексемы «стих» мы находим и в стихотворениях В. Брюсова «К портрету М.Ю. Лермонтова», «Одному из братьев», А. Ахматовой («Я научилась просто, мудро жить...»), К. Бальмонта («Звуки и отзвуки, чувства и призраки их...»).

Вторая тенденция, выявленная при употреблении лексемы «стих», заключается в непосредственном выражении поэтами мыслей, эксплицитно проявляющихся в подборе эпитетов. Так, появляется ненужный глупый стих, горький буйный стих (С. Есенин), недосказанный стих (К. Бальмонт), сурово стиснутый стих (В. Ходасевич), нечитанным стихам, невзрослый стих, безоружный стих, высокородный стих, невоспитанный стих (М. Цветаева) и т.п.

Все перечисленные поэтические фразеологизмы трансформированы – в них происходит замена одного из компонентов.

Анализ эпитетов, используемых поэтами Серебряного века к лексеме «стих», позволяет сказать, что при помощи этого тропа отображается и разрабатывается традиционная тема осмысления своего творчества, своего места в мире поэтов и мире людей. Чаще всего звучит мотив одинокого, непризнанного творчества, и в тоже время творчества желанного и необходимого для того, чтобы жить и видеть, знать, осознавать смысл жизни.

«Образный мотив» творчество – труд (работа) является, на наш взгляд, одним из ключевых для понимания поэзии М. Цветаевой. Для ее творчества концептуально важными становятся «инструменты» поэтического труда – стих, чернила, карандаш, стол. В поэзии М. Цветаевой появляется новый образный центр «стол», который обрастает целым рядом перифрастических и метафорических его именовании: строжайшее из зеркал, дубовый противовес, заживо смертный тес, письменный вьючный мул, живой

Часть III

ствол. Выделяется целый образный комплекс, который устанавливается и закрепляется в цветаевском цикле «Стол» (1933–1935 гг.).

В меньшей степени, чем другие поэты Серебряного века, М. Цветаева обращается к «образному мотиву» жизнь (творческий путь) – плавание. Наиболее характерной эта образная параллель является для поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Гумилева (см. работы Мокиной Н.В.).

Выходя за рамки обозначенного нами тематического комплекса, надо сказать, что существуют еще явные точки соприкосновения творчества М. Цветаевой с поэтами Серебряного века (В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Вяч. Ивановым, А. Блоком, А. Белым, С. Есениным). Исследователи, в частности Н.В. Мокина, объединяет этих поэтов на основе «двойственности в восприятии танца» [Мокина, 2003. С. 118], в комплексе рассматривая метафору жизнь – пляска. Она отмечает: «Воспевшие танец как высшее состояние человека, как воплощение гармонии жизни и тела в публицистических или философско-критических произведениях, русские поэты нередко наделяют в поэтических текстах мотив танца (пляски) иной семантикой, воспринимая его как проявление душевного хаоса, греховности человека» [Там же].

Проведенное сопоставление функционирования поэтических фразеологизмов в творчестве поэтов Серебряного века далеко не исчерпывающее. Однако мы попытались выделить основные «образные мотивы», характерные для рассматриваемого периода и входящие в тематический комплекс «назначение поэта и поэзии».

Одной из важнейших тенденций в развитии поэтической фразеологии конца XIX – начала XX вв. является преобразование традиционных поэтических формул и появление новых образных центров, возникновение которых не происходит абсолютно произвольно, а подчиняется законам существования и функционирования слов в поэтическом языке. По справедливому замечанию Н.А. Кузьминой «Индивидуально-субъективная природа поэтического творчества приводит к поискам новых средств выразительности, которые в области поэтической фразеологии сказываются в создании окказиональных слов-образов и обновлении уже существующих» [Кузьмина, 1977. С. 7].

Изучение словесной реализации традиционных «образных мотивов» в поэзии Серебряного века позволяет сделать некоторые выводы относительно специфики функционирования поэтической фразеологии в творчестве поэтов этого периода.

Во-первых, происходит появление новых «образных центров» (например, образный центр «стол» в поэзии М. Цветаевой). В поэзию конца XIX – начала XX вв. проникают не только философские умонастроения, получившие распространение, но и исторические ассоциации, порождающие появление таких образов как поэт – боец, жизнь – поезд.

Во-вторых, наблюдается появление новых определяемых членов при традиционном определяющем (например, при образном центре «стих»). Причем, появляется целая группа лексем, в употреблении которых прослеживаются общие тенденции. Основные эпитеты при лексеме «стих», отражающие мотив одиночества и непризнанности в творчестве поэтов Серебряного века: ненужный, глупый, горький, буйный (С. Есенин), недосказанный (К. Бальмонт), сурово стиснутый (В. Ходасевич), нечитанный, невзрослый, безоружный, высокородный, невоспитанный (М. Цветаева).

В-третьих, происходит семантическое переосмысление традиционных по своей структуре и своему составу поэтических фразеологизмов (например, употребление М. Цветаевой поэтического фразеологизма дитя любви и его семантическое преобразование в контексте всего стихотворения). Однако этот процесс не является распространенным.

Поэтическая фразеология позволяет продолжать традиции и вместе с тем участвует в формировании поэтической системы, делает ее динамичной, способной откликаться на требования времени.

Проводя анализ, мы подчеркивали, что своеобразие семантики поэтического фразеологизма определяется теми связями и отношениями, в которые он вступает в контексте лирического произведения. Более того, поэтические формулы в большинстве случаев становятся центром стихотворения, координируя с другими элементами. Следовательно, анализируя особенности функционирования поэтических фразеологизмов в художественных контекстах, мы можем установить особенности творческой манеры, идиостиля отдельного поэта.

Литература

- Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1973. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. 1892-1909. М., 1973.
- Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения; Проза. Л., 1991.
- Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.
- Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 1995. Т. 1: Стихотворения. М., 1995.
- Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
- Кузьмина Н.А. Поэтическая фразеология конца XIX – начала XX вв. (принципы и приемы употребления): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Мокина Н.В. Нравственно-философские искания в русской поэзии конца XVIII – начала XX веков: генезис и динамика мотива странствующего корабля. Саратов, 2002.
- Мокина Н.В. Проблема смысла жизни и ее образное воплощение в русской поэзии Серебряного века. Саратов, 2003.
- Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1997. Т. 1. Кн. 1: Стихотворения.

О.Г. Петрова

Лексико-семантические средства создания иронии в романе У. М. Теккеря «Ярмарка тщеславия»

Научный руководитель – профессор М.Б. Борисова

В данном исследовании нас интересует ирония как уникальный способ воплощения скрытой субъективно-оценочной модальности отрицательного характера. Цель, которая всякий раз реализуется ироническим высказыванием, – это выразить свое отрицательное отношение к тем или иным явлениям действительности косвенным, опосредованным путем, то есть сделать модальность высказывания скрытой. Такое сложное коммуникативное задание невозможно выполнить средствами только одного уровня, этим и объясняется то большое количество лексико-семантических, синтаксических и стилистических средств создания иронии, которое изучается исследователями. В романе У.М. Теккеря «Ярмарка тщеславия» автором используются такие лексико-семантические средства реализации иронии, как ироническое словоупотребление, эпитеты, слова отрицательной экспрессии, сочетание языка автора и героя, прием повторения автором слов героя, гротеск и гиперболизация, ироническое сравнение и лексический алогизм. В данном докладе рассматривается ироническое словоупотребление и дается классификация приемов создания иронии по лингвистической сути приема и по функции иронии в романе.

Часть III

Рассмотрение иронии как эстетической категории, вида эмоционально-ценностного отношения автора привело к необходимости различения двух понятий: ирония как стилистический прием и ирония как отражение концептуального плана произведения, а тем самым и образного мира писателя [Казанская, 1980; Походня, 1984; Фомичева, 1992]. Объектом анализа в докладе является первый тип иронии. Под иронией в настоящей статье понимаются все случаи возникновения резкого несоответствия между буквальным значением слова, фразы, предложения, всего высказывания и их значением, вытекающим из контекста.

Можно без преувеличения сказать, что большая часть повествования в романе «Ярмарка тщеславия» ведется в ироническом тоне. Среди других лексико-семантических средств создания иронии, таких как эпитет, сравнение, преувеличение и других, ироническое словоупотребление используется Теккереем более активно и по лингвистической сути может быть разделено на несколько групп:

1) столкновение двух далеких значений слова

2) эмоциональная оценка, противоречащая истинному отношению автора к персонажу; как разновидность – использование приложения с ироническим определением, противоречащим контексту

3) ироническое замечание в конце описания какой-либо ситуации

4) метаязыковая характеристика, построенная как антифразис

Рассмотрим последовательно эти группы:

1. Резкое несоответствие двух лексических значений (словарного и контекстуального), иронический смысл, который вкладывает в слово автор, обусловлено контекстом и может быть понято лишь с учетом соответствующего контекста:

Jane Osborne condoled with her sister Maria during this family feud. “I always told you, Maria, that it was your money he loved and not you”, she said, soothingly (Джейн Осборн выражала сочувствие своей сестре Марии по поводу этой семейной распри. – Я говорила тебе, Мария, что он любит твои деньги, а не тебя, - утешала она сестру). «Утешать» значит приободрить человека, поднять ему настроение и отвлечь от грустных мыслей. Но когда в качестве утешения следует утверждение о том, что будущий муж любит не невесту, а её деньги, слово «утешать» звучит иронично и передает не доброту, ласку и нежность утешительницы, а наоборот, её зависть к тому, что сестра выходит замуж, и её жестокость по отношению к сестре, которая переживает по поводу ссоры и нуждается в добром слове и поддержке.

В русской сатирической традиции также можно встретить использование подобного приема, например И.В. Мандельштам [1902] в «Старосветских помещиках» Н.В. Гоголя отмечал случаи, когда контекст явно не соответствует авторскому определению и помогает эксплицировать авторскую иронию: «После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворилась в этом деятельном уголке».

2. Иногда автор встает на сторону героев и, открыто сочувствуя им, принимает такую точку зрения, которая, по его замыслу, будет противоположна точке зрения читателя; автор как бы «юродствует», становясь на такую позицию, которая в действительности для него самого неприемлема. Например, описывая приключения Беки Шарп и все её уловки, ложь и игру на пути достижения высокого положения в обществе, Теккерей не перестает жалеть и сочувствовать ей. Он называет её «дорогим, невинным другом» и «бедным невинным созданием», подчеркивая свое ироническое отношение к ней. Ирония, тем самым, предстает как особая форма притворства автора:

Who knows what stories were or were not told of our dear and innocent friend? (Словом, каких только историй не рассказывали о нашем дорогом и невинном друге.)

But we must remember that she is but nineteen as yet, unused to the art of deceiving, poor innocent creature! and making her own experience in her own person (Но нам следует помнить, что ей сейчас только 19 лет, она ещё не изощрилась в искусстве обманывать – бедное невинное создание – и прокладывает себе жизненный путь собственными силами). Словосочетания «искусство обманывать» и «прокладывать жизненный путь» обозначают, что героиня использует ложь, обман и притворство для достижения своих жизненных целей, и читатель ожидает авторского порицания или высмеивания, но вместо этого в предложении появляется сочувствие героини «бедное невинное создание», которое воспринимается уже как ирония.

Такой же прием можно встретить у Л.Н. Толстого в романе «Война и мир», когда, передавая общественное мнение о разводе, автор встает на позицию тех, кто не видит ничего святого в брачном союзе: «Были действительно закоснелые люди, не умевшие подняться на высоту вопроса и видевшие в этом поругание таинства брака; но таких было мало, и они молчали...».

Как разновидность этого приема можно встретить другой: использование приложения с ироническим определением, противоречащим контексту:

George accepted the invitation, although his wife was a little ailing. They were now not six weeks married. Another woman was laughing or sneering at her expense, and he not angry. He was not even angry with himself, this good-natured fellow (Джордж принял приглашение, хотя жена его была немного нездорова. Не прошло ещё шести недель, как они поженились, а другая женщина уже глумилась и смеялась над нею, и он не сердился на это. Он не сердился даже на самого себя, этот добродушный малый). Из контекста можно понять, что Джордж не только не любит свою жену, но и допускает, чтобы в его присутствии над нею смеялись и глумились. Совершенно естественно и логично увидеть осуждение такому поведению, но автор, наоборот, называет Джорджа «этим добродушным малым», добавляя, что «он не сердился даже на самого себя». Это ироническое замечание высмеивает бесхарактерность героя, осуждает его равнодушие к жене, а также рабское поклонение не стоящей этого женщине.

3. Довольно часто можно встретить такой прием, как описание обыденной ситуации, которая заканчивается разоблачающим замечанием автора. Например, при описании картины того, как семейство Седли направляется в Бельгию, где разворачиваются основные события войны с Наполеоном, Теккерей иронизирует над чувством бесстрашия Джоза, когда корабль ещё далеко от Бельгии, и пассажирам ничего не грозит. Именно мирная сцена отдыха на палубе в светской беседе с дамами подчеркивает ироничное авторское замечание, которое показывает карикатурность поведения Джоза, его позерство и желание казаться смелым:

He sate on the roof of the cabin all day drinking Flemish beer, shouting for Isidor, his servant, and talking gallantly to the ladies (Джоз сидел целый день на палубе, потягивая фламандское пиво, призывая то и дело своего слугу Исидора и галантно беседуя с дамами. Храбрость его была безгранична).

Или другой пример:

The doctors went down, and the undertaker's men went up the stairs; and all the shutters were shut towards the garden in Russel Square. Bullock rushed from the City in a hurry. "How much money had he left to that boy? – not half, surely? Surely share and share alike between the three?" It was an agitating moment (Доктора спустились по лестнице, люди гробовщика поднялись по ней; все ставни на стороне дома, обращенной к саду на Рассел-сквере, были закрыты. Булок спешно примчался из Сити. – Сколько денег он оставил мальчишке? Не половину же? Наверное, поровну между всеми тремя? Минута бы-

Часть III

ла тревожная). После смерти богатого Осборна-старшего его наследников охватила суета и тревога, но не по поводу кончины главы семейства, а по поводу оставшегося наследства. Муж старшей дочери «спешно примчался из Сити», чтобы узнать, какую долю всего состояния он будет иметь. Слова печали, соболезнования и горя отсутствуют в разговорах и мыслях этих людей. Для них важно другое – лишь бы деньги не достались вдове сына Осборна и её маленькому сыну. Авторская ирония эксплицируется в заключающем абзац предложении, которое как бы подводит итог мелочным человеческим страстям, корысти, жадности и расчету, выраженным в напряженном ожидании объявления завещания: «Минута была тревожная».

4. Иногда Теккерей использует речевую характеристику героев, давая свою ироничную оценку манере речи героев, их безграмотности, низкой речевой культуре. Эстетическим целям служит метаязыковая характеристика. Например:

As Sir Pitt Crawley would say with perfect justice in his elegant way, «Rotten! Be hanged – it produces me a good fifteen hundred a year» (Это не мешало сэру Питу Кроули с полным основанием и с присущим ему изяществом говорить: «Гнилое! Какая чепуха! Мне оно приносит добрых полторы тысячи в год!»). Сначала автор характеризует манеру сэра Пита как «изящную», а затем приводит его собственные слова, которые показывают, что речь его не только не изящна, но груба (Rotten) и полна просторечий (be hanged). Именно последующее раскрытие истинного образа героя, опровергающее предшествующую высокую оценку способностей баронета говорить, и эксплицирует иронические отношения автора.

Если рассматривать функцию приемов создания иронии в романе Теккерей, то можно разделить все приемы на два больших класса – это ирония над обществом в целом и ирония над отдельными его представителями, причем второй класс может быть в свою очередь разбит на подклассы в зависимости от того, служит ли ирония для высмеивания манеры говорить, или культуры героев романа. или их человеческих качеств и т.д.

Иронизируя над обществом в целом, Теккерей подчеркивает снобизм, высокомерие, тщеславие и самоуверенность английского высшего общества XIX века. Например: *Emmy found herself in the centre of a very genteel circle indeed; the members of which could not conceive that anybody belonging to it was not very lucky (...Эмми оказалась в центре светского круга, члены которого были твердо уверены, что каждый, кто допускается в их общество, должен почитать себя счастливым)*.

Иронизируя над отдельными представителями английского общества, автор использует большое количество различных приемов для осмеяния их безграмотности, низкой культуры, лени и многих других недостатков.

«*C'est a Kirsch je bense – ja l'ai vu toute a l'heure – qui brenoit des sangviches dans la voiture*», said the courier in a fine German French. (Кирш. Кажется, я его сейчас видел – он закусывал сэндвичами в экипаже, – отвечал курьер на чистейшем германо-французском языке). Здесь ломаный французский, смешанный с немецким, называется автором «чистейшим германо-французским языком» для открытой иронии над безграмотностью и ленью бельгийских слуг и курьеров, их высокомерием, неуважением к языку другой нации и нежеланием выучить язык для общения с приезжающими отдыхать иностранцами.

Или о Беки Шарп: *And curious it is, that as she advanced in life this young lady's ancestors increased in rank and splendour* (Любопытно заметить, что, по мере преуспеяния нашей молодой особы в жизни, её предки повышались в знатности и в великолепии). Здесь автор открыто иронизирует над позерством Беки Шарп, над её показной,

лживой сущностью, её постоянным стремлением казаться выше и лучше, чем она есть, даже при помощи лжи и притворства. В русской сатирической традиции это явление известно как «хлестаковщина».

Из произведенного анализа иронического словоупотребления в романе «Ярмарка тщеславия» У.М. Теккерея можно сделать вывод, что средства создания иронии, которые можно отнести к ироническому словоупотреблению, неоднородны по лингвистической сути, разнообразны по своим конкретным функциям, но вместе с тем свидетельствуют, что в целом стилистические приемы иронии имеют общую функцию, связанную с иронией концептуальной: показать мир в его противоречиях истинного и показного, идеала и реальности.

Литература

- Арнольд И.В. нарушение сочетаемости на разных уровнях – лингвистический механизм комического эффекта // Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1979. Вып. 145.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1990.
- Бельский А.А. О некоторых особенностях реализма В.М. Теккерея в «Ярмарке тщеславия» // Уч. зап. Мичуринского пед. института, 1958. Вып. 3.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Ермакова О.П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга, 2005.
- Кухаренко В.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи. Одесса, 1973.
- Наер В.А. Продукционные стратегии текстовой реализации категории комического // Науч. Труды МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1992.
- Овсянников В.В. Индикация комического в ситуативном контексте / Стилистика художественной речи. Л., 1980.
- Попова Г.Ф. Нарушение семантического согласования как средство создания комического эффекта // Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1983. Вып. 218.
- Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Ситникова З.И. Исследование лингвистической природы некоторых стилистических приемов // Уч. зап. МГПИИЯ им. М.Тореца. М., 1959. Т.23.
- Соловьян В.А. Языково-стилистические средства сатиры // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1959. Т. 19.
- Цмыг И.Н. Лексико-изобразительные средства сатиры и юмора в романе В. Теккерея «Ярмарка тщеславия» // Вопросы английской филологии. Уфа, 1961.
- Шмелев Д.И. Экспрессивно- ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // ВЯ. 1958. №6.
- Thackray W. M. Vanity Fair. M.: Foreign Language Publishing House, 1951. Parts 1, 2.

Н.Н. Севостьянова

Соотношение традиционного и индивидуального в символах моря (в поэзии XX века)

Научный руководитель – профессор М. Б. Борисова

«Образная структура литературного произведения сложна в силу того, что действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле, а более широкое и более далекое содержание, не имея собственной раздельной звуковой формы, пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого со-

Часть III

держания» [Виноградов, 1963.С.101]. В результате чего смысловая нагрузка слова в значительной степени возрастает. Слово характеризуется смысловой многомерностью, возникающей при трансформации традиционного значения, содержащегося в объеме слова; поэтому оно способно реализоваться в виде новых оттенков значений, новых экспрессивных смыслов подтекстных и контекстных употреблений. Как писал Блок, «всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов». При этом, чтобы какое-либо слово получило такой статус, оно должно быть более широко подчинено целому, создать «крупную единичность» [Катышев, 2005. С. 102], приобрести смысловую перспективу. Цементируя текст, подобные слова отличаются многомерностью, многозначностью смысла из-за «асимметрии языкового знака» [Пестова, 1998. С. 14], возникающего в результате большого количества ассоциаций, лежащих в сфере экстралингвистической. Таков и символ моря. По своей природе он близок метафоре или метонимии, но, однако, это не троп, так как на первый план в нем выступает не семантический, а референтный аспект слова. С одной стороны, символ – величина постоянная, некая константа с точки зрения значения, с другой – величина переменная, зависящая от многих факторов, в частности, субъективного восприятия реальности, сформированного в пределах данной культуры традиции смысла.

Предмет нашего исследования – морская символика в поэзии XX в. Объект исследования – соотношение традиционного и индивидуального в символах моря. Материалом служат лирические стихотворения А. Блока как представителя символизма, Н. Гумилева как писателя-акмеиста и творчество поэтов XX в. – Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Чичибабина, В. Рождественского и Р. Рождественского. Выбор поэтов не случаен, так как он позволяет проследить эволюцию символов морской тематики в аспекте принадлежности поэта к тому или иному стилю как литературному направлению, тенденции в поэзии XX в. Задача исследования – соотнести символический образ со стилем как направлением и показать пути индивидуализации ассоциативной основы символа.

В русской поэтической традиции символы моря появляются в разные времена у разных авторов. Исходным импульсом появления таких образов является ассоциация жизни с плаванием, а людей с кораблями, которые движутся в поисках своего пути. Метафористический образ «жизнь- плавание», по словам Н.В. Мокиной, стоит рассматривать как устойчивый, «ядерный образ-архетипа» [Мокина, 2002. С. 14]. Заложена в нем идея противостояния человека и внешних обстоятельств оказывается близкой той модели бытия и той концепции человеческого существования, которая неизбежно должна была сложиться у русского народа, озабоченного не лучшим устройством своей жизни, а тем, чтобы как-нибудь прожить, продержаться, одолеть очередную опасность.

В творчестве Блока более частотным по употреблению являются символы *корабль, челн, парус*. Номинации *море* и *океан*, как самостоятельные символы, практически отсутствуют, что объясняется его устремленностью в бесконечные, туманные дали. Отсутствуют и другие символы, связанные с морем – *волна, прибой*. *Корабль* – самый частотный символ у Блока, но он почти всегда условен. Это средство перехода на другие уровни существования, возможность поиска идеального, ожидание чего-то романтического, незнакомого. Часто этот символ оттенен настроением грусти, безысходности, как, например, в стихотворении «Последний путь»:

В снежной пене – предзакатная –
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные

Повернули корабли.

Силы пути, влекущие Блока вперед, являлись постоянно действующим элементом его поэтического сознания. Но эти силы сталкивались и с противонаправленными тенденциями. То есть жизнь предлагала Блоку и образцы роста, развития, и вместе с тем круговороты дурной бесконечности, и он, не пытаясь уравновесить их, принимал и возможность пути, и реальность беспутья. Сам он писал: «Я думаю, что, или правда, иногда беспутно преображаюсь, или у меня пути есть, только указать не могу ни одного».

В его стихотворениях присутствует идея вечного вращения, движения по кругу.

Символ корабля имеет в поэзии Блока и значение *жизнь*, но не сам человек уподобляется кораблю, а жизнь представляется путешествием на корабле:

Вот мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий
Вот и кормщик звездою падучей
До свиданья! Летит за корму
(«Старость мертвая бродит вокруг»).

С символом корабля связана идея перехода на другие уровни существования, потому что герой смотрит вслед уходящим кораблям с чувством горечи. Характерны и необычные метафоры: *закатный, воздушный, ночной* – то есть ощущается пространственная перспектива, что составляет контраст с душевным миром, в который закован герой. Относительно символов *море* и *океан* можно сказать, что это стихии, с которыми человек постоянно борется, которая покоряется, если путник знает, куда плыть.

Челнок или *ладья* в символическом плане – почти одно и то же. *Челнок* воплощает беспомощность всех человеческих усилий перед лицом стихии. *Челн* – это еще и знак одиночества, некой избранности, непохожести на других. При употреблении символа *ладья* акцент ставится на ее воздушности, способности бороздить и небесные просторы, то есть подчеркивается космическая свобода.

В творчестве Гумилева самым частотным символом также является *корабль*, встречаются *ладья, парус*. В отличие от Блока, у которого путешествие – возможность найти новый, нездешний мир, у Гумилева это мир посюсторонний, несмотря на сравнение с иным бытием (*иной* – скорее синоним к слову *лучший*, а не *нездешний*). В его произведениях присутствует образ завоевательных плаваний. Поиск другой страны – это еще и возможность почувствовать себя человеком, способным найти новое, неизведанное («Открытие Америки»). Счастье для лирического героя – доплыть до своей возлюбленной, царицы, сказочной красавицы. Не случайно его стихи так напоминают арабские сказки. Как и у Блока, у Гумилева появляется образ кормчего, ловкого капитана, потому что, в отличие от Блока, у него есть путеводная звезда – островок *дивные страны, заповедные кущи*, к которым устремлен путешественник. Символ *океан* почти не встречается, а с символом *море* связана идея очищения человека. Для бескорыстных искателей счастья море – это храм, их направляют звезды, а для других – демоническая стихия. Ватага – «буйная и воинственная» (поэма «Капитаны») бредет во мраке. В поздней лирике Гумилева появляется символ *корабля* как плавания-полета, но перед этим – приобретение лирическим героем чувства умиротворенности и гармонии.

Для поэзии конца XX в. более частотным по употреблению является символ *море*, как первичный источник жизни, прародина человека, с которой он ощущает связь:

О море! Взором не объять его,
Широкое в просторе бесконечном,
Но у тебя прямое с ним родство,

Часть III

И сам пред ним становишься ты вечным
(Вс. Рождественский «Море»).

Часто море олицетворяется, становится живой стихией, например, у Вс. Рождественского: *беспокойно дышит море*, у Б. Ахмадулиной: *безутешное море*. Не случайно это еще и «образ матери, даже более важный, чем земля» [Трессидер, 1999.С.227]. У поэтов данного периода море- это *пес у ног, старый друг* [В. Рождественский], а не грозная стихия, способная растерзать путника. Символ *моря* связан и с величием стихии: *гул моря и смятенье небосвода, море-лев*. Символ *океан* – это аналог символа *море*, но размер усиливает грандиозность и масштабность. Он редко встречается в поэзии: у Е. Евтушенко это *бессмысленно глубокий омут*, у Р. Рождественского- это *песенная вода*. С такой активностью символа *море* связано появление и более частных символов *волна, прибой*. *Прибой* встречается только у В. Рождественского (*кружево прибоя*) и Б. Ахмадулиной (*прибой вселенной*). *Волна* у всех авторов предстает медленной, вялой. *Корабль, ишуна, челн, ладья, бригантина* представляют собой аллегорическое выражение судьбы поэта, драматического периода его жизни. *Парус* расценивается как составляющая часть корабля. *Корабль* с высоко поднятыми парусами символизирует душу человека, наполненную ожиданиями счастья, стремлением к нему. Для поэтов XX в. характерно то, что образ моря становится символом женской красоты: *ее глаза морского цвета* [В. Рождественский], *фиалковый океан взгляда, морской далекий взгляд* [Б. Ахмадулина]. Это явилось открытием поэтов конца XX в.

Таким образом, в самих символах можно проследить эволюцию. У символистов, к примеру, значительна роль субъективного, вторичного смысла для того или иного символа. В акмеизме вырастает роль «реального плана образа, но остается отсылка к вечному» [Афанасьева, 2004. С. 11]. В поэзии середины и конца XX в. символы представлены более типизировано и более традиционно.

Литература

- Афанасьева Н.А. Традиционные поэтические образы в лирике А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама: Автореф. ... канд. филол. наук. СПб. 2004.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Катышев П.А. Полимотивация как проявление смыслового потенциала формы // Филологические науки. 2005. № 2.
- Кузнецова А.В. Лирический универсум М.Ю.Лермонтова: семантика и поэтика: Автореф. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- Мокина Н.В. Нравственно-философские искания в русской поэзии конца XVII-XX вв. Генезис и динамика мотива странствия корабля. Саратов, 2002.
- Пестова О.Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики: Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998.

Речевой этикет и культура общения

И.В. Кокошкина

«Лишние» слова в русской речи (на материале разговорной речи и телеречи)

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротинина

Темой данной статьи являются так называемые лишние слова в русской речи. Цель исследования – выделение лишних слов в русской речи, построение их классификации и анализ их функционирования на материале разговорной речи и речи, звучащей с телеэкрана. Объем исследованного материала – около десяти тысяч словоупотреблений. Из-за отсутствия точной терминологии будем использовать определение «лишние слова» с оговоркой о его условности.

Первый вариант классификации – грамматическая классификация, т.е. классификация лишних слов по их частеречной принадлежности. Одна подгруппа – знаменательные части речи: лишние слова могут быть местоимениями (*он, она, оно, этот, эта, это*), наречиями (*просто, вообще*), глаголами (*знаешь (-те), понимаешь (-те), слушай (-те), говорю (-ит)*), редко – существительными и прилагательными. Отсутствие причастий и деепричастий объясняется тем, что они в устной речи вообще не употребляются. Другая подгруппа – служебные части речи. Сюда входят частицы и слова, перешедшие в разряд частиц (*ну, вот, там, как бы*), междометия (*э-э, м-м*), иногда – предлоги.

Но, на мой взгляд, более значимой является другая классификация – функциональная. В основу данной классификации легли два критерия: частотность употребления лишнего слова в речи говорящего и уместность употребления слова в речи, или его функция. На основе данных критериев мною были выделены четыре группы так называемых лишних слов. Кратко охарактеризуем каждую из них.

I группа – абсолютно нелишние слова. Это слова, употребленные правомерно как с речевой, так и с языковой точки зрения, т.е. слова, употребленные в своем узуальном значении (отраженном в словаре Ожегова). К этой группе могут относиться такие слова, как *ну, вот, это, там, просто, знаешь, понимаешь, говорит, как бы* и многие другие.

- Тань/ а где твоя косметичка-то?

- Да **вот** она//

Или: - А **там** ребята новые/ они всех этих баек не слышали//

II группа – несобственно-лишние слова, то есть, слова, употребленные правомерно не с языковой, а только с речевой точки зрения, слова, выполняющие какую-либо функцию в речи, более подробно об этой группе будет рассказано чуть позже.

III группа – собственно лишние слова. Это те слова, которые употреблены неправомерно и с языковой, и с речевой точки зрения, слова, не осуществляющие определенной функции в речи, но возникающие под воздействием неких экстралингвистических факторов. Например, было отмечено чрезмерно частое употребление говорящими

Часть III

таких слов, как **ну, вот, прям, просто, вообще**, что было обусловлено повышенным эмоциональным состоянием говорящего:

Вот знаешь/ вот... вот...торговый комплекс/ вот я говорю например как стол/ да?

Или: *Я горчицу тоже люблю/ а он...ну вот ну прям вообще!*

Появление в речи собственно лишних слов обусловлено также обстановкой, в которой протекает коммуникативный акт. Например, если общение происходит за обеденным столом, речь говорящего постоянно перебивается, и говорящему приходится постоянно актуализировать внимание, отсюда частое употребление слов **вот, говорит**:

- Она говорит/ ты знаешь говорит/ вот ты говорит/ здесь переночуешь у меня/ да?

- че/ объелась?

ага//

и я тоже/

- ну и вот// а я говорит/ жила говорит/ у друзей//

И, наконец, IV группа – абсолютно лишние слова. Эта группа в некотором смысле близка третьей, так как сюда также относятся слова, не функциональные в речи, однако различие состоит в том, что на появление собственно лишних слов влияют временные экстралингвистические факторы, появление же в речи абсолютно лишних слов с подобными факторами не связано и обусловлено, в основном, низким уровнем вечерней культуры говорящего. К этой группе относятся:

а) слова-паразиты (слова, употребляемые говорящим чересчур часто):

Даже вот если на базаре вот захочется молока/ на базаре вот/ они видимо тоже вот разбавляют//

б) сюда же, на мой взгляд, относятся и слова, употребление которых приводит к тавтологии в речи:

Как вы считаете / есть ли перспективы у авиационного завода или нет на дальнейшее? (здесь сочетание на дальнейшее- явно лишнее)

Сюда же относятся такие формулы, как **свободная вакансия, в мае месяце, с постоянной стабильностью**.

Итак, кратко охарактеризовав все четыре группы, вернемся к группе несобственно-лишних слов и проанализируем ее более подробно. Именно эта группа представляет наибольший интерес, так как последовательно распределить по выполняемым ими функциям. Эта группа состоит из 13 подгрупп, каждая из которых соответствует определенной функции несобственно-лишних слов в речи.

Функция заполнения пауз хезитации. Устная речь, как разговорная, так и звучащая с телеэкрана, характеризуется таким качеством, как спонтанность, а поэтому в речи неизбежно возникают паузы колебания (или хезитации), которые необходимы говорящему для выбора речевых единиц и построения высказывания. Для заполнения таких пауз говорящий часто использует хезитативы - такие слова, как **вот, это, там, ну, значит, это самое**, междометия **э-э, м-м**:

Ну...э-э...вот...коллег оценивать достаточно просто/ а как себя оценить?

Или: *У нас рост тарифов составил порядка...там...порядка тринадцати там...с долями десятка процента //*

Или: *Она мне говорит...э-э...это самое...а это уже сколько времени прошло?*

Функция актуализации. Актуализаторы – это средства выделения коммуникативных центров высказывания, которые обеспечивают надежность в передаче информации и однозначность ее восприятия [Прокуровская, 1987]:

Речевой этикет и культура общения

Я Польке рассказывала/ там анекдоты просто каждый день/ну просто каждый день/

Или: *А это/ представляете/я иду ночью одна в деревне/ вообще одна//*

Фатическая (метакоммуникативная) функция. Под метакоммуникацией понимается поддержание речевого контакта, необходимое говорящему, чтобы обеспечить адекватное восприятие его речи слушающим и избежать потерь при общении. Фатическую функцию выполняют такие коммуникативы, как: *знаешь(-те), понимаешь(-те), слушай(-те), говорю(-ит), представляешь(-те), вопросительная частица да?*

Перспективы у нас такие/ знает/ воодушевленные всегда//

Или: *Слушайте/ ну откуда в вас/ ну я честно/ как же оно происходит на экране?*

Или: *То есть/ он предложил вам культивировать вашу обиду/ да?*

Причем замечено, что состав коммуникативов в разговорной речи и телеречи несколько различен. В разговорной речи, в основном, употребляется вопросительная частица *да?*, а слова *знаешь(-те), понимаешь(-те), понимаешь(-те)* практически отсутствуют. В телеречи же используется весь спектр средств метакоммуникации. Возможно, это связано с тем, что участники телепередач - актеры, писатели, политики, должностные лица, то есть, люди, обладающие достаточно высоким уровнем речевой культуры. Это обеспечивает вариативность языковых средств в их речи.

Также в телеречи употребляется намного больше коммуникативов, чем в разговорной речи. Это объясняется тем, что речь, звучащая с телеэкрана – это массовая коммуникация, то есть, отсутствует непосредственный контакт говорящего и слушающего, поэтому говорящему приходится прибегать к средствам поддержания речевого контакта.

Указательная. Это функция мысленного указания на какой-либо предмет или явление, а так же приведения примера. Эта функция, в основном, присуща частице **вот**:

Нет/ вот ...вот Татьяна Ивановна мне говорила/вот в Баку у них говорят умеют зубы делать//

Или: *Ну возьмите вот б/у завод//ему бы ее в действительности поработать//*

Или: *Ну...вот хор Турецкого в принципе в том же направлении работает//*

Причем в телеречи преобладает употребление **вот** именно для приведения примера.

Функция уточнения. Когда говорящий строит свое высказывание, он часто пытается уточнить, пояснить сказанное, для чего используются частицы **вот, ну**:

Там у нас на заводе девочка одна/ ну вот которой мы все время заказы делаем/ она крем принесла//

Функция указания на неточность. Спонтанность речи препятствует тому, чтобы говорящий мог сразу точно подобрать нужное выражение или слово, поэтому говорящий употребляет так называемые указатели на неточность сказанного им, Это такие речевые конструкции, как **как бы, так скажем, так сказать**:

У нас замечательные человеческие отношения/ и как бы творческие споры/ они идут только на пользу//

Или: *То есть фактически все эти годы было как бы народное безвластие/ да?*

Еще один пример: *Все районы, существующие/ они... несколько неравны так скажем/ один побогаче/ другой победнее//*

Поисковая функция. Так как устная речь является неподготовленной, говорящий не всегда может сразу подобрать нужное слово или его грамматическую форму, а по-

Часть III

тому мысленный процесс поиска нужного слова (формы слова) сопровождается появлением в речи таких поисковых слов и конструкций, как ну, этот(-а, -о), как его (ее), как сказать:

*Если его в больницу положить/ ему надо сделать **этот**...полис//*

Или: *А девочку сыграть веселую/ это легко/ это было... ну... как сказать/ само собой//*

Многую было также отмечено, что нередко поисковая функция совмещается с фатической (о которой говорилось выше), так как, подбирая нужное слово, говорящий тем самым побуждает собеседника подсказать это слово, то есть, происходит поддержание речевого контакта:

*- Они были как гномики/ или как **эти**...как их там...*

-хотифнаты?

-да//

Или: *- вот это дорогое лекарство/ оно даже **эти** рассасывает...*

-шишки?

-нет/ полипы//

Функция, связанная с перестройкой высказывания на ходу. Иногда говорящий уже в процессе порождения речи решает поменять модель своего высказывания. Для этого используются такие слова, как **этот(-а, -от)**, **ну**, **как его**, **вот** и другие:

*У меня были...э-э...**вот**...одна моя очень близкая подруга//*

Или: *И мальчишка факелом освещает/ громадная...**это**...**м-м**...гром//*

– начинательная функция. В речи фразы очень часто начинаются с таких элементов, как ну, вот:

*– **Ну** все равно/ это когда вы делали?*

*– **ну** вот только...наверно прошлый год//*

Финальная функция. Эта функция, в основном, выполняется в речи частицей **вот**, которую говорящий использует, чтобы подчеркнуть законченность сказанного им:

*Я говорю/ вы ей заказывайте/ а я в другом месте// ко мне говорю не придирайтесь/ ну и **вот**//*

Употребление частицы **вот** в этой функции характерно для разговорной речи.

Функция подведения итога. Когда говорящий хочет подытожить сказанное, сделать некий вывод, то нередко употребляет слова **короче**, **короче говоря**, **в общем**:

- Привет/ а я насчет косметички пришла//

- ага/ ну?

*- мне ее девчонки показывали/ у одной там такая есть/ **короче говоря** я ее видела//*

Функция указания на постоянное качество или свойство предмета или явления. Эту функцию выполняют так называемые плеонастические местоимения **он**, **она**, **оно**, наречие **там** [Сиротина, 1996]:

*Этот план/ **он** дает нам новые возможности//*

Функция облегчения восприятия речи. Как установили психолингвисты, фраза не представляет для слушающего никакой трудности в восприятии, если ее длина не превышает одиннадцати слов. Поэтому наличие в речи неинформативных элементов играет для слушающего положительную роль.

Итак, кратко проанализировав систему так называемых лишних слов в русской речи, подведем некоторые итоги.

«Лишние» слова – явление сложное, многогранное. Его структуру можно представить в виде шкалы, верхней границей которой будет группа абсолютно нелишних

слов, а нижней границей – группа абсолютно лишних слов. Мы видим, что многие «лишние» слова могут перемещаться в классификации. Факторы, влияющие на перемещение из одной группы в другую – функциональность и частотность; на перемещение слова внутри группы влияет выполняемая словом функция либо причина его возникновения в речи.

В дальнейшем мной планируется исследовать употребление лишних слов в зависимости от пола, возраста, профессии, типа темперамента и типа речевой культуры говорящего.

Литература

Прокуровская Н.А. Актуализаторы как средство выделения коммуникативных центров высказывания // Вопросы стилистики. Саратов, 1987. Вып. 18.

Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.

Н.А. Лудильщикова

Неофициальная письменная речь студентов техникума (записи на столах и стенах техникума)

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротинина

Статья построена на материале речи студентов техникума 1-4 курсов г. Саратова на столах и стенах. Это речь письменная, но раскованная, непринужденная.

Такое словотворчество студентов техникума приводит в негодование преподавателей, остро реагирующих на режущее глаз выражения, эта речь – большая проблема общей культуры.

На наш взгляд, описать этот период в жизни студента важно, так как этот материал позволяет увидеть не только то общее, что обычно свойственно записям такого рода (табуированная лексика, неприличные зарисовки), но и специфическое словотворчество студентов техникума. В записях в какой-то степени отражаются те сложные отношения, которые существуют в действительности. Они способны передавать тончайшие оттенки чувств, вызывая тем самым отклик читателей.

Записи на столах отличает (орфография и пунктуация авторская):

- эмоциональность (отражают личностный взгляд студента на мир, выражают оценки, чувства): *Нарисована реклама, на рекламе: «Жрите раму»; Роза у берёзы, ромашка у ручья, расцвела черёмуха около двора, зачесалось сразу что - то у меня; Река журчит, трава, класс, прет, гром гремит, гроза ревет, я тащусь, весна идет;*

- наглядность (отражение картины внешнего мира, внутреннего мира человека): *Когда я шел домой, в страну пришла беда, упал на человека столб, забили насмерть, как клопа; Летели птицы на восток, туда, где потеплее, охотник знал, охотник ждал, и всех их завалил, скотина; Расскажу я о природе, разве нет рассказа краше, вот, к примеру, время вечер, дальше расскажите сами; Игра, компьютер, клавиатура, напротив дружища Юра требует микро-контроль, Юра играет как серый тролль;*

- оригинальность отражения действительности (показывают предметы и явления с новой, неожиданной стороны): *Рыбки в речке рычат громко, речка протекала через яркий Крым, крыса пробежала через рис, раки проплывали через реку в Крым, речка прохудилась раки расползлись, как сдавать сессию поделись?; Река журчит, и рысь*

Часть III

рычит, не загоняйся по фигне, друзья резвятся во дворе, сессия в технаре; Вот к нам зашёл преподаватель и рапортчику посмотрел, п..ц пришел Курпан усатый

зовет родителей скорей; стал худший из худших худшим, и стал снова лучшим, из худших.

- позволяют лучше понять желания студента: *решили трое оторваться, разорились на жратву, райский пир гремел в квартире, башка болит, нет просто силы; без нас решили пировать? Жратву купили, с... так пусть болит у вас башка, не жалко мне вас ни х...; Любовь свою ищу уже давно, ищу её в тебе, в себе, во всех тебя любить хочу я вечно, но не получается конечно:*

Записи на столах часто выглядят надуманными, неестественными: когда в основе записи лежат признаки или понятия, не сочетающиеся в жизни, природе, признаки, по которым осуществляется сравнение, несущественны. Записи не отвечают закономерностям языка, что, конечно, выдаёт низкую речевую культуру студента. Порча языка, на которую так остро мы реагируем, не затрагивает систему языка, но показывает неумение студентов хорошо формулировать мысли.

Делая записи на столах, студенты техникума находятся в своеобразном постоянном общении, в котором в первую очередь учитывается особенность их речевого этикета, под которым понимаются разработанные ими правила речевого поведения, наличие системы речевых формул общения.

Речевые формулы приветствия: *Привет 141 группа!; Хой панки!; Hello people!; Привет всем! Приветик Gulden Tag! Сейчас как дам тебе в питак!; Эй, чувак! Курнем косяк!; Кто не был студентом тому не понять, как хочется секса, как хочется спать, Как хочется препода на фиг послать уехать домой и на все наплевать!!!; Хелло Рашен!!!; Здорово Чмошники!; Привет от старых и новых иттеблет!!!; Солнечный лучик в окошко стучится, звук смс-ки нарушит покой. В этот момент твой сон оборвется: «Доброе утро, мой друг дорогой!»; привет, сидящий за этим столом, здесь был я!*

Просьбы: *8 927 1023642 звоните, познакомимся Ваня; правда, скучаешь? Пишите свой номер телефона на парте познакомимся или мне 8 904 47 02...; привет, давай познакомимся? Напишите свой номер; напишите что-нибудь, я скучаю; О, Бог времени, сократи урок; Оставьте свой номер, и я вам обязательно позвоню; Купите мне машину! Нина купи резинку!; Помогите сдать сессию и встретиться с девушкой!; Студентки! Комсомолки! И просто красивые девчонки давайте знакомиться...; Напиши что-нибудь веселое!; Отпустите домой, я засыпаю!; Позвони мне позвони, позвони мне ради бога!; Не пишите на партах!; оставьте любые подсказки, ответы на билеты, которые знаете! Помогите бедным студентам!; Помогите, люди добрые, оставьте шпаргалки после экзамена под партой в левом углу!; кто не был студентом тому не понять, как хочется кушать и спать! Хочешь с классной девчонкой или мальчишкой? У тебя есть уникальная возможность: 2 в 1, причем 2 по цене одного!!; Ты, придурок, оставь свой номер телефона!; Оставьте, пожалуйста, 100 рублей, под стеклом! (на парте); Если ты не голубой, нарисуй вагон другой!; Нарисуй батон; Ты не пей из унитаза, там микробы и зараза, ручку дерни, воду слей, пенку сдуй, потом уж пей!; Писать на партах, увы, друзья, не мудрено, среди говна мы все поэты, среди поэтов мы гавно!; прошу прочитать до конца! Кому понравится, пишите ниже!; Напиши что-нибудь о себе, звони 33 33 44. Встретимся за этой парта; 8 марта близко, близко, и сердце бьется как олень, не подведи меня пиписька, в международный бабский день.*

Речевой этикет и культура общения

Обращение на «ты» и «вы»: *Ты как белый снег летаешь Ты меня не замечаешь Ты в моих ладонях таеешь, Спорим, ты по мне скучаешь; ты хочешь со мной заняться уроками; ты хочешь спать? я да!!!; ты – классный!; ты - супер!!!; ты лох ; ты такой придурок, как торпеда в океане; роза и фиалка – это два цветка, голубь и голубка – это ты и я; Ты такая тварь, я тебя ненавижу; ты лохушка, ты дура!; я ненавижу тебя, ты не оставил мне подсказки, значит лох и бездарность!; ты жопой нюхаешь цветы!; твои глаза, как два алмаза, блестят из дырки унитаза; Ах ты чмо, иди на хутор бабочек ловить!; вы недоразвитый человек; 142 лузеры; 142 бараны; ты красива, как страшила, и тупа, как Буратино...; весь мир фигня, есть ты и я, да и ты фигня есть только я!; Ты мне нравишься; Эй вы гринписовцы, защитите ежика, который по травке бежит и хохочет, ежику травка пипиську щекочет, кончилась травка, гравий пошел, ежик домой без пиписьки пришел.*

В именах разноречивой: *Звоните мне все, Петик; Красивая роза упала на грудь! Милый мой Саня меня не забудь!!!; Весна, весна пора любви, ЛенОк поймал, ее еби; Леша; Мишка-козел; Кузя-лох; Сашка, ты дурак!!; Юрок, ну ты и тормоз!; Саня-ты синяк; Гран-ты дурак, А оба вы придурки!!!; Рыжий, Тих; Есть такой один Колек, у него есть мотылек; Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик, нет бы ей прикинуть дуре, не утонит он в натуре;Боря, я тебя люблю, но ты такой дурак!; Вова, ты придурок; Антон - лох; лень – ты супер; Васька - супер, Васька класс, но он носит ADIDAS!.*

Незнание или несоблюдение правил общепринятого речевого этикета, уверенность в том, что автор останется неизвестным, позволяет студенту чувствовать себя раскованно и делать записи, используя табуированную лексику: *пиз..ц, мне пох..й на тебя, тебя любить х..й буду я, меня ты классно подье..л, съеб..ся слово не сказал, е..у я в рот таких щенков, живи ты б..дь среди лохов, найду я парня заеб..сь, а ты с кем хочешь с тем еб..сь, но ты запомни б..дь меня, я заеб..сь, а ты х..ня!* Столы буквально пестрят сквернословием, словами-паразитами. Зная престижные, нормативные формы речи студенты техникума предпочитают использовать осуждаемые формы речи. Почти в каждой фразе студента, сделанной на столе, читаем: *значит, понимаете, так сказать, вот, да, короче, в тему,* которые не несут никакого смысла, не обладают информативностью, а только засоряют речь, затрудняют ее восприятие, вызывают смех, психологически действуют на читателей, раздражая их.

При этом о недостаточной речевой культуре студентов техникума свидетельствуют не только табуированная лексика, неправильные формы слов, но и сам факт письма на столах и стенах.

В записях на столах студенты используют те слова, которые находятся у них в голове наготове. Из-за бедности активного словаря в записях проскальзывают неадекватные теме слова, появляются неподходящие замены слов. Так может происходить со всяким говорящим, когда он неподготовлен к устной речи. Это же речь письменная, имеющая множество смыслов (часто непристойного свойства), вызывающая агрессию, может использоваться и реально используется только в неформальном общении равного с равным.

В записях на столах особенно ценятся умение быстро ориентироваться в ситуации, чувство юмора и остроумие: *народ, нас дураят; кубики маги на самом деле параллелепипеды; девченки, если вас не устраивает ваша фигура – приходите к нам, нас она вполне устроит; среди вас есть голубые? Конечно, что мы не мужики; посадил дед репку, выросла репка, а посадил дед хрен, но чудес не бывает; кто в армии служил, тот в цирке не смеется.*

Часть III

Поэтому главная черта записей на столах и стенах - шутка, игра. Вряд ли кто-нибудь может победить в борьбе с таким самовыражением. Но пытаться воспитать у студентов элементарные навыки культуры речевого поведения необходимо.

Т.В. Ломанова

Речевое поведение современной молодёжи

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротина

Статья составляет часть работы по толерантности общения. Под термином толерантность понимается установка на терпимость и уважение к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека [Стернин, Шилихина, 2000. С. 13].

Цель исследования – выяснить, как в реальной ситуации общения используется принцип толерантности. В качестве материала была использована речь молодых людей. В основу работы была положена классификация типов речевого поведения К.Ф. Седова [Горелов, Седов, 2001. С. 153]. К.Ф. Седов выделяет три типа речевого поведения: конфликтный тип (характеризуется установкой против партнёра по коммуникации), центрированный (характеризуется установкой на игнорирование собеседника), кооперативный (отличается доминирующей ориентацией на партнёра по коммуникации). Прямо соотносится с принципами толерантного общения только один из этих типов речевого поведения – кооперативный.

Мы попытаемся выяснить, как в реальной коммуникативной ситуации проявляются выделенные К.Ф. Седовым типы, насколько речь молодых людей ориентирована на бесконфликтное общение и какова степень осознанности коммуникантами такой ориентации.

Нами было исследовано 100 диалогических единств, выяснилось, что 35% составляют примеры кооперативного типа речевого поведения, 33% – примеры конфликтного типа, 16% – примеры центрированного типа и 17% составляют примеры, которые выходят за рамки классификации К.Ф. Седова и которые мы условно обозначаем как псевдокооперативный тип речевого поведения. Суть данного типа состоит в том, что: по форме такое речевое поведение соответствует принципам кооперативного общения, но, по сути – содержит в себе неприятие мнения собеседника, что противоречит принципам толерантности.

Из разговора юноши с девушкой (пример наш):

- По-моему, очень смешная шутка. Не знаю, почему тебе не понравилось?

- Да (иронично), очень смешная шутка, просто обхотаться можно.

В конфликтном типе речевого поведения К.Ф. Седов выделяет два подтипа: конфликтно-агрессивный и конфликтно-манипуляторский.

Конфликтно-агрессивный подтип в речи молодых людей может проявляться по-разному. Это может быть «прямая» агрессия, когда высказываются прямые оскорбления в сторону собеседника:

(из разговора девушек)

- Если ты считаешь, что ты права, ты сильно ошибаешься. Да мне вообще наплевать, что ты там думаешь. Ты для меня серая мышь, девочка с большими комплексами.

Речевой этикет и культура общения

«Непрямая» агрессия в отличие от «прямой» сложнее по форме и часто имеет своей целью не только обидеть собеседника, но и заинтересовать его для продолжения общения. Такого рода агрессия напоминает своеобразное состязание в остроумии: оскорбление высказывается завуалировано. К «непрямой» агрессии мы относим и иронию (скрытую насмешку), так как ирония, как и «прямая» агрессия, может выбить человека из нормального состояния:

(из разговора юноши с девушкой в ночном клубе)

- Детка, а ты неплохо выглядишь.

- Отвянь, парниша, ты себя в зеркало видел? Да тебе все хирурги мира помочь не смогут.

Как видно из примера, прямого оскорбления в сторону молодого человека девушка не высказывает, но демонстрирует явное его неприятие.

Конфликтно-манипуляторский подтип речевого поведения отличается установкой на доминирование собственной личности, навязыванием собственного мнения собеседнику и проявляется в таких фразах как: ты должен (а), я считаю, я бы на твоём месте и т.д.:

(из разговора юноши с девушкой)

- Не трогай меня, я не хочу с тобой разговаривать.

- Нет, ты должна со мной поговорить.

- Мы поговорим потом, я сейчас не хочу ни с кем разговаривать.

- Зато я хочу.

Таким образом, в ситуации конфликтно-манипуляционного общения один просто не уважает мнения другого и ставит желание собственной личности выше желаний собеседника.

Центрированный тип речевого поведения также подразделяется на два подтипа: активно-центрированный и пассивно-центрированный.

В отличие от конфликтного манипулятора, который не уважает мнения собеседника, активный эгоцентрик – человек, который не способен встать на точку зрения собеседника, настроиться на коммуникативного партнёра. Зачастую такому человеку необходимо просто выговориться. Для такого рода общения характерны перебивы собеседника, случаи, когда человек задаёт вопросы и сам на них отвечает, определяет тему разговора и сам её развивает:

(из разговора девушек)

- Ну и погода сегодня.

- Ага, просто ужас. Везде пробки, проехать невозможно. Представляешь, иду...

- (перебивает) Ой, а я сейчас шла, еле-еле дошла: сначала в автобус еле залезла, а потом ещё в пробке минут сорок стояла...

Испытывая удовлетворение от такого общения, человек не замечает дискомфорта, который испытывает собеседник.

Пассивно-центрированный подтип речевого поведения заключается в том, что пассивный эгоцентрик уходит в себя, часто выглядит рассеянным. Примеров такой разновидности общения в представленном материале не встретилось.

Кооперативный тип речевого поведения также имеет две разновидности: кооперативно-комфортную и кооперативно-актуализаторскую.

Кооперативно-комфортный подтип характеризуется демонстрацией интереса к собеседнику и своего согласия с его мнением, что выражается в формулах: я с тобой согласен(а), полностью тебя поддерживаю, ты абсолютно прав(а):

(из разговора девушек)

Часть III

- Не понимаю я смысла этих занятий, то она болеет, то вообще сама с занятием отпускает, то праздник какой-нибудь.

- Да, я с тобой согласна, я тоже не понимаю.

Интерес к партнёру по коммуникации в речи молодых людей чаще всего выражается в уточняющих вопросах, просьбе аргументировать своё мнение, а также в стремлении выяснить мотивацию собеседника:

(из разговора девушек)

- По-моему, ненормально, когда мужчина сидит дома и занимается хозяйством. Мужчина должен зарабатывать деньги.

- Ну почему ты так думаешь? Если это всех устраивает, почему бы нет?

- Ну не знаю.

Кооперативно-актуализаторский подтип отличается стремлением поставить себя на место собеседника, но при этом оставаться при своём мнении. Наиболее характерная формула для такого типа общения – Да, но...

(из разговора юноши с девушкой)

- Ты не можешь без криков и ссор, ты кричишь постоянно

- Да я кричу, но это потому, что я просто очень эмоциональный человек, но в своих криках я не оскорбляю людей.

Кооперативно-актуализаторская разновидность общения может демонстрировать принятие мнения собеседника, но при этом чёткое отграничение собственного мнения:

(из разговора юношей)

- Меня, например, такие отношения не устроили бы.

- Можно подумать, твои отношения лучше: всё время ругаетесь.

- Ты почему сразу всё так воспринимаешь? Я говорю, что отношения бывают разные и ваш вариант меня не устраивает. Я не говорю, что это плохо, просто это моё мнение.

Но чаще всего в речи молодых людей данный тип речевого поведения проявляется в стремлении понравиться собеседнику, показать настроенность на него, что может выразиться в проявлении сочувствия, утешения, выражении понимания:

(из разговора девушек)

- Ой, я же все страницы выкинула. Как же теперь быть, не в мусоре же рыться?

- Ну не переживай, возьмешь потом в библиотеке книгу и посмотришь.

- Да, она знаешь, какая тяжелая.

- Ну а ты возьми, на месте посмотри и отдай обратно.

Среди примеров кооперативно-актуализаторского общения встретились примеры не очень характерные для межличностного общения. Это примеры, содержащие условные конструкции, что позволяет, сохраняя свою позицию, не обидеть собеседника и одновременно выяснить его мотивацию:

(из разговора девушек о детях)

- Если ты мне объяснишь, зачем они нужны, я, может быть, их полюблю.

- А если ты мне объяснишь, как без них жить.

В данной ситуации каждая из девушек остаётся при своём мнении, но демонстрирует стремление понять и даже при определённых условиях принять мнение другой.

Как уже было сказано ранее, в речи молодых людей встретились примеры, которые не укладываются в классификацию К.Ф.Седова. Такие примеры мы условно назвали псевдокооперативными, так как по форме они ориентированы на кооперацию, но по сути демонстрируют неприятие мнения собеседника:

(из разговора девушки с юношей)

- Зачем вы так пошутили?

- По-моему, очень смешная шутка. Не знаю, почему тебе не понравилось?

- Да (иронично), очень смешная шутка, просто обхотаться можно.

Прямого оскорбления здесь нет, формально человек даже соглашается, но в то же время выражено явное неприятие мнения собеседника.

Такое речевое поведение может иметь два исхода: 1. такое общение может перерасти в конфликт:

(из разговора юноши с девушкой)

- Это ты так сделала. Это ты меня специально провоцируешь, но на меня это не подействует, и не надейся.

- Да, конечно, это я, мне больше делать как будто нечего. Да кому ты вообще нужен?

и 2. такое общение может продолжаться в русле кооперации:

(из разговора девушек)

- Н. утверждает, что у неё очень красивый парень

- Да (иронично) ну просто Ален Делон.

- Ну не Ален Делон, конечно, но всё таки ничего, симпатичный.

Таким образом, в реальной ситуации общения классификация К.Ф.Седова работает не всегда в чистом виде. Как правило, один диалог может содержать в себе элементы всех трёх типов.

Прямо соотносится с принципами толерантного общения только кооперативный тип речевого поведения, составляющий 1/3 часть всего материала. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что толерантное общение среди молодых людей не исключено, но не является господствующим в речи современной молодёжи.

Степень осознанности кооперативного общения, по нашим предварительным наблюдениям, зависит в первую очередь от личной симпатии к собеседнику и заинтересованности в нём. Ориентация на бесконфликтное общение в большей степени присутствует в коммуникации малознакомых, в общении близких людей, как правило, господствует конфликтное общение. Это в какой-то степени можно объяснить тем, что в компании близких людей человек расслабляется и перестает контролировать свои эмоции и, как следствие, свою речь.

В процессе анализа материала была замечена взаимообусловленность типа речевого поведения и типа личности, однако, не прямая. Человек может в разных коммуникативных ситуациях демонстрировать разное речевое поведение, но склонность человека к какому-то определённом типу общения может быть обнаружена. Как правило, если человек в силу особенностей своего характера относится к неконфликтному типу личности, то он в большей мере, хотя и не всегда, будет настраиваться на кооперативное общение. Многие зависит от степени близости коммуникантов, их эмоционального состояния, а также внешних факторов, влияющих на общение.

В дальнейшем мы попытаемся более глубоко рассмотреть связь типа речевого поведения и типа личности, а также посмотреть, какие речевые жанры используются в разных типах речевого поведения.

Литература

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативный аспект толерантности. Воронеж, 2000.

Роль эмоций в конфликтогенных ситуациях

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротинина

Межличностное общение, как правило, происходит в условиях эмоционального контакта. Информационный обмен возможен и вне этого, но вряд ли обмен информацией можно назвать полноценным межличностным общением. Эмоции при этом могут быть как положительные, так и негативные, которые ведут к возникновению конфликтов.

Эмоции – особый класс психических процессов и состояний, связанный с инстинктами, потребностями и мотивами, они отражаются в форме непосредственного переживания (удовлетворение, радость, страх, и т.д.) действующих на индивида явлений и ситуаций [Межличностное общение, 2001. С. 214]. Эмоции – это один из видов ощущений, которые испытывает человек. Эмоциональная сфера в жизни людей чрезвычайно разнообразна; эмоционально нейтральная, бесстрастная речь не часто встречается даже в научной среде. Язык располагает особыми средствами для выражения эмоций: как вербальными – эмоционально окрашенными словами, фразеологией, коннотациями субъективной оценкой, и пр., так и невербальными. В устной речи такими средствами являются интонация, модуляции и тембр голоса, паузы, мелодика и ритмика речи.

Эмоции носят универсальный характер и свойственны людям в целом, но их проявление и значение имеют свою культурную специфику, что находит отражение в языке и речи [Ларина, 2004. С. 36]. Представители разных культур по-разному выражают эмоции, что проявляется в общении. Ларина Т.В. различает такие понятия, как эмоциональность и эмотивность, при этом эмоциональность носит естественный спонтанный характер, является открытой демонстрацией чувств. Под эмотивностью понимается преднамеренный характер проявления эмоций, это определенная стратегия коммуникативного поведения. Эмоциональная коммуникация – это спонтанная, незапланированная естественная демонстрация эмоций субъекта как проявление его внутренних эмоциональных состояний, не обязательно учитывающих реакцию собеседника или окружающих. В конфликтных ситуациях проявляется именно эмоциональная коммуникация.

Материалом данного исследования послужили киносценарии на русском и английском языках. Материал выбран потому, что он позволяет узнать, пусть в отраженном художественном пространстве то, что стоит за каждым жестом конфликтующих, помогает проникнуть внутрь конфликта. Эмоции мешают здраво рассуждать, что видно на примере как русского, так и английского материала. Внешнее проявление эмоций может быть разным. Анализ сценариев и конфликтных ситуаций позволил прийти к следующим выводам: для русской культуры характерно открытое проявление эмоций, как положительных, так и отрицательных. Русский язык предлагает больше средств для выражения эмоций, поэтому в русской речи эмоции представлены шире, чем в английской.

Рассмотрим эмоциональный аспект конфликтов. Ссоры, размолвки, конфликты всегда сопровождаются эмоциональной напряженностью, поскольку конфликт – это столкновение интересов, точек зрения, взглядов. Коммуниканты отстаивают свою точку зрения, спорят, выслушивают мнение собеседника, все это сопровождается эмоциональной реакцией на происходящее. Исследователи отмечают, что в состоянии эмоционального возбуждения человек теряет логичность и аргументированность речи [Стернин, 2001. С. 146]. Если человек возбужден, то в его мыслительной деятельности начинает доминировать правое эмоциональное полушарие, а левое, логическое, отве-

Речевой этикет и культура общения

чающее за рациональное мышление, за понимание и порождение связной речи, оказывается подавленным. Чем сильнее эмоция, тем меньше человек имеет возможность пользоваться логическим мышлением, разумом. При эмоциональном возбуждении коммуниканты, чаще всего, употребляют отдельные готовые фразы, да и сами плохо понимают связную речь, практически не воспринимают каких-либо аргументов, кричат, повторяются, не слышат и не понимают очевидного. Все эти особенности эмоционального поведения можно заметить в конфликтной ситуации, ссоре. Ссору характеризует незапланированное и, часто, бессознательное проявление эмоций. Эмоционально-агрессивные речевые действия сигнализируют о кульминации ссоры. Эмоциональные реакции бывают бурными и внезапными, возникая почти сразу после действия возбуждающего фактора, такая эмоция принимает форму аффекта.

Каково бы ни было поведение коммуникантов, даже если они не проявляют агрессии по отношению друг к другу, конфликты обычно сопровождаются эмоциональной напряженностью. При этом происходят изменения в целом ряде характеристик речи, которые указывают на эмоциональное состояние. Коммуникативная природа речи обеспечивает возможность выражения не только мыслей и психических состояний человека, но так же различных эмоциональных состояний.

Вербальные проявления эмоционального состояния выражаются, в основном, в выборе слов, построении предложений. Стремясь добиться своего, конфликтующие часто употребляют слова и выражения со сниженной и негативной окраской. Тактики, характерные для конфликтных ситуаций, такие, как: возмущение, упрек, насмешка, колкость, обида, обвинение и оскорбление, отражают эмоциональное состояние коммуниканта и эмоциональную реакцию на предыдущую реплику. Даже если в спокойном эмоциональном состоянии речевое поведение языковой личности можно охарактеризовать как вежливое, спокойное, коммуникант соблюдает все коммуникативные нормы и нормы речевого этикета, то во время ссоры можно заметить, что меняются тактики, конфликтующий может употреблять слова и выражения, которые в спокойном состоянии он никогда бы не употребил, т.е. эмоциональное состояние влияет на речевое поведение коммуникантов.

Эмоциональное возбуждение проявляется и на невербальном уровне. Прежде всего, это касается интонации и голоса. В состоянии эмоционального возбуждения обычно возрастает сила голоса, а также значительно изменяются его высота и тембр. В ссоре коммуниканты часто повышают голос друг на друга, переходят на крик. Повышение голоса – явный сигнал о сильном эмоциональном возбуждении, в ситуации конфликта, выяснения отношений это может указывать на переход ссоры в кульминационную стадию. Иногда сильное возбуждение может, наоборот, проявляться в уменьшении силы голоса, говорящий может говорить тише, или даже шепотом под воздействием сильных эмоций. В конфликтной ситуации меняется темп речи. Эмоциональное возмущение, обида, заставляют говорить быстрее, возможна или повышенная четкость дикции или, что еще опаснее, нечеткость, мешающая пониманию. Горюясь довести до сознания собеседника свое мнение, коммуникант «проглатывает» окончания слов и целые слова, части фраз. Интонирование речи является очень важным компонентом проявления эмоционального состояния. Нейтральное по своему содержанию высказывание может превратиться в упрек, обвинение, насмешку, в зависимости от интонации, которая обусловлена эмоциональным состоянием. Большую часть ссор и конфликтов составляют интонационно маркированные высказывания, восклицательные и вопросительные.

Часть III

Под влиянием эмоций меняется мимика, жесты конфликтующих, они становятся более активными. Положение тела также становится другим, конфликтующие часто вскакивают, не в силах усидеть, руки сжимаются в кулаки, дыхание учащается. Эмоциональным состоянием довольно трудно управлять, вербальное поведение можно контролировать, хотя в пылу ссоры сделать это довольно трудно, невербальное поведение контролировать еще труднее.

В конфликтогенной ситуации внимание субъекта сфокусировано большей частью на себе, т.е. эмоции – выражение собственных чувств, реакция собеседника почти не имеет значение. Довольно часто во время конфликта можно заметить ситуацию, когда оба конфликтанта, находясь в ситуации сильного эмоционального возбуждения, высказываются, практически не слушая друг друга, цепляясь лишь за отдельные слова в репликах. Каждый из коммуникантов почти не слышит собеседника, но старается оказать на него эмоциональное воздействие, что проявляется в выборе стилистически окрашенных языковых средств.

Все вышеуказанные вербальные и невербальные показатели эмоционального состояния коммуникантов могут указать на существование конфликтогенной ситуации, ситуации, которая может привести к конфликту. При внимательном отношении к собеседнику определить его эмоциональное состояние довольно легко. Волнение, возмущение и беспокойство, которые сопровождают начало конфликтов, проявляются как на вербальном, так и на невербальном уровне. Эмоции влияют на протекание конфликта. Довольно часто при описании конфликтующих употребляются выражения: «под влиянием эмоций», «он говорил очень эмоционально», «поглощен своими эмоциями». Можно ли посредством эмоций не разжечь ссору, а предотвратить ее, преломить конфликтную ситуацию? Если коммуниканты при первых признаках возникновения ссоры не поддаются эмоциям, пытаются сохранить спокойствие, не повышают голос, и не употребляют стилистически окрашенную лексику, вероятность того, что конфликтогенная ситуация конструктивно завершится больше.

Поскольку в ссоре фактор адресата сведен к минимуму, и конфликтующие не слышат друг друга, бесполезно пытаться оказать воздействие при помощи логических доводов. Наибольшее воздействие на конфликтующего собеседника оказывают реплики, которые не содержат ничего обидного для собеседника, не окрашены стилистически и нейтральны по содержанию. Немаловажным является и невербальное поведение: немаркированные интонационно высказывания, тембр голоса и ритмика речи не указывают на эмоциональное состояние коммуниканта. Вербальные выражения, такие, как «не злись», «не ругайся», «не кричи», являются вербальными выражениями поведения конфликтующего. Произнесенные вслух, выражения констатируют состояние собеседника, сдерживают его. Коммуникант может даже не осознавать, что перешел на крик, пока не услышит «Не кричи». Такие выражения также не должны быть интонационно окрашены, поскольку в ответ на возмущенное «не кричи на меня» можно услышать «сам не кричи».

Довольно часто в конфликтогенных ситуациях можно заметить, что один из конфликтующих пытается вызвать отклик у другого именно на эмоциональном уровне, т.е. сознательно провоцирует его на проявление каких-либо эмоций. Если коммуникант поддается и проявляет это эмоциональное состояние, ситуация обостряется. Если же коммуникант сдерживает проявление эмоционального состояния, то тем самым он оказывает конструктивное воздействие.

Таким образом, эмоции играют немаловажную роль в конфликтных ситуациях. Эмоциональное состояние коммуникантов проявляется как на вербальном, так и на не-

Речевой этикет и культура общения

вербальном уровнях. Для конструктивного, эффективного общения важно правильно оценить эмоциональное состояние собеседника. Исключать эмоции и нельзя, и ненужно, однако нельзя давать себе возможность возникновения такого эмоционального состояния, когда эмоции ослепляют и мешают, исключают как информационный обмен, так и само межличностное общение, поскольку люди не слышат друг друга, не понимают друг друга из-за захлестнувших их эмоций, и сами не могут адекватно выразить свои мысли и чувства.

Литература

- Ларина Т.В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград, 2004.
- Межличностное общение. СПб., 2001.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

Изменение эмоционально-психологического состояния собеседника как мотив положительной оценки лица

Научный руководитель – профессор М. А. Кормилицына

Оценка лица является одним из основных средств воздействия на собеседника. Нас, прежде всего, интересует то, зачем говорящий в тех или иных ситуациях использует её, то есть мотивации оценки. Предметом исследования является только положительная оценка лица. Мы выделяем следующие мотивации использования положительной оценки:

- положительная оценка выражает позитивную точку зрения, мнение;
- положительная оценка позволяет говорящему может обратить внимание на лицо, выделить его из группы, выразить ему своё внимание;
- положительная оценка какого-либо лица может способствовать изменению отношения адресата к автору высказывания;
- положительная оценка позволяет улучшить отношения с собеседником;
- положительная оценка лица выступает контактоустанавливающим средством, помогает завести знакомство с адресатом;
- оценка способствует изменению эмоционального состояния собеседника;
- оценка может быть способом заставить адресата совершить какое-либо действие.

Мы рассмотрим только один мотив, где положительная оценка лица выступает как способ изменения эмоционального состояния адресата.

Необходимо заметить, что использование положительной оценки по отношению к собеседнику, как правило, сопровождается изменением его эмоционального состояния. Но в некоторых высказываниях именно этот мотив становится главным.

Часто, адресант стремится изменить эмоционально-психологическое состояние собеседника, если тот чем-то угнетён, расстроен, раздражён. Коммуникант может не говорить, что ему плохо, но он будет подавлен, молчалив, невнимателен и т.д. Большую роль играет то, в каком настроении находится другой участник коммуникации. Говорящий захочет улучшить эмоциональное состояние собеседника в том случае, если он сам находится в хорошем настроении или у него просто возникло желание поддержать говорящего.

Как показало исследование, женщины гораздо чаще являются авторами высказываний с положительной оценкой лица. В связи с их открытостью, эмоциональностью, они чаще пытаются повлиять на эмоционально-психологическое состояние собеседника, чем мужчины. Последние, как правило, сдержаннее в проявлении эмоций. Адресатом оценки могут быть как мужчины, так и женщины. Разница заключается в степени проявления своих эмоций.

(1) Две подруги:

– *В этом платье твой цвет ещё ярче!*

– *Но твои волосы тоже яркие.*

– *Да, но мои сухие и жёсткие...*

В данном случае и автором, и адресатом высказывания оказываются женщины. Они оценивают внешность друг друга. Распространённый тип реакции – оценка в ответ на положительную оценку. В качестве тактики они выбирают прямую положительную оценку, что принято среди близко знакомых людей.

Что касается социального статуса говорящего и адресата, то, как правило, это люди, принадлежащие к одному социальному слою. Причем, отношения между людьми должны быть достаточно близкими (члены одной семьи, друзья).

В официальной сфере вообще не принято показывать своё настроение.

Особенностью данного мотива является то, что он должен непосредственно воздействовать на собеседника, то есть объект оценки, и адресат в большинстве случаев совпадают.

(2) По телефону, парень и девушка.

– *Вы о Гаврике-то не забывайте, Ольга Борисовна! (говорит мальчик по фамилии Гаврилов о себе).*

– *Конечно не забуду, Гаврюша. Я даже знаю, за что я тебя люблю. Сказать? За то, что когда я с тобой говорю, я ни о чём другом не думаю, ты меня здорово отвлекаешь.*

Один из участников коммуникации неуверен в продолжении отношений. Собеседник пытается его переубедить, изменить эмоционально-психологический настрой. Для этого он использует положительную оценку деятельности адресата, отмечает его умение подержать, развлечь, показывает, что ему комфортно общаться с ним. В данном случае автор использует прямую положительную оценку лица с аргументацией этой оценки. Это одна из самых распространённых тактик. Объяснение создаёт дополнительное ощущение искренности говорящего. Иначе адресат может усомниться в этом или воспринять похвалу как лесть.

Гораздо реже для изменения эмоционального состояния собеседника автор высказывания оценивает себя или 3-е лицо, в данный момент отсутствующее.

(3) Мать – сыну за завтраком, раздражённо:

– *Ешь быстрее, торопимся же!*

– *Когда я ем, я глух и нем, хитёр и быстр, и дьявольски умён!*

Настроение говорящего угадывается по раздражённому тону, отрывистой, резкой речи. Не имеет значения, что объектом оценки становится сам автор высказывания. Он пытается настроить адресата на более весёлый, доброжелательный лад. В качестве тактики говорящий выбирает прямую положительную оценку.

(4) На прогулке, двое друзей говорят в отсутствии третьего:

– *Тебе скучно с нами?*

– *Нет.*

– *Да я знаю, что мы скучные.*

– *Да нет же! Мне понравился твой друг, он такой смешной!*

Для того чтобы изменить настроение адресата, говорящий оценивает его друга. Оценка самого адресата в данной ситуации могла бы показаться неискренней. Часто положительная оценка в речи может появляться как опровержение слов собеседника.

С помощью положительной оценки лица говорящий может пытаться как-то повлиять на своё собственное настроение. Таков приём большинства аутотренингов.

Часть III

(5) Текст из к/ф «Самая обаятельная и привлекательная»

– *Я самая обаятельная и привлекательная. Все мужчины от меня просто без ума. Они смотрят мне вслед безумными глазами в надежде, что я одарю их мимолётным взглядом, улыбкой...*

Ориентируясь на собственное восприятие, автор высказывания не заботится о проявлении искренности. Он использует тактику прямой положительной оценки. Говорящий перечисляет положительные качества, как внутренние, так и внешние, которые он хочет в себе видеть.

Пытаясь изменить эмоциональное состояние собеседника, говорящий в большинстве случаев оценивает деятельность адресата и её результаты или его внешность. При реализации данного мотива адресанты практически не оценивают внутренние качества.

О том, достиг ли автор высказывания своей цели, можно судить по реакции адресата.

Одной из самых распространённых реакций является отрицание положительной оценки адресатом, внешнее несогласие с ней. Это связано с его негативным эмоциональным состоянием. Как правило, если говорящий приводит новые доводы, это действует, и настроение адресата видимо улучшается. Его желание в данном случае не в том, чтобы убедить оппонента в несправедливости положительной оценки, а в том, чтобы быть переубеждённым самому.

(6)

– *Ты совершил настоящий подвиг!*

– *На моём месте так должен был бы поступить каждый.*

– *Но не каждый бы поступил. Ты герой!*

– *Спасибо.*

Внутренне адресат, как правило, согласен с мнением говорящего, но этикет, скромность мешают ему сразу согласиться с адресантом. Как правило, дальнейшая реакция – это благодарность, улыбка или поддержание темы. В этих случаях коммуникативная цель автора высказывания – улучшение настроения собеседника – выполнена.

Если улучшения настроения нет, то цель говорящего не достигнута. Нами не было зафиксировано ухудшения эмоционального состояния после высказывания с положительной оценкой адресата.

В большинстве случаев говорящему удаётся реализовать коммуникативную цель. Это обусловлено выбором тактик. Основной является аргументированная положительная оценка. Объяснение автора высказывания заставляет адресата задуматься и, как правило, согласиться с рассуждением. Просто прямая положительная оценка часто не достигает такого результата.

Итак, положительная оценка лица, предназначенная для улучшения эмоционального состояния человека, зачастую, относится к собеседнику. Здесь более активен адресант, но успех коммуникативного акта зависит от всех участников общения. Оцениваются, прежде всего, внешность и способности адресата. Его реакции разнообразны, но говорящий обычно достигает своей цели.

Классификация слов-стимулов с учетом доли отказов от реагирования (на материале Ассоциативного словаря школьников г. Саратова)

Научный руководитель – профессор В.Е. Гольдин

Зависимость доли нулевых реакций от таких показателей, как возраст, пол и место жительства испытуемых не вызывает сомнений у исследователей. Вместе с тем очевидна связь доли отказов от ответа с характером самого слова-стимула, который управляет участника эксперимента на поиск ассоциаций. Мы считаем, что необходима систематизация стимулов, которая поможет связать природу отказов от реагирования с особенностями стимула, на который было получено определенное количество нулевых реакций.

Прежде чем распределить все анализируемые стимулы на группы, необходимо было выбрать параметр, который станет основой дальнейшей классификации. Изначально мы решили классифицировать слова-стимулы по характеру их словарного значения, именно такую группировку стимулов предлагает Ю.Н. Караулов, пытаясь объяснить появление большого числа отказов от реагирования на определенные стимулы в анкетах испытуемых [Караулов, 1999. С. 45]. По мнению Ю.Н. Караулова, отказы вызывают стилистически отмеченные слова, т.е. слова высокого или, наоборот, сниженного стиля; политико-философские и специальные термины; экзотизмы; прецизионные слова (имена, названия, марки); семантически и синтаксически связанные слова.

Однако попытка построить собственную классификацию по примеру классификации полученной Ю.Н. Карауловым оказалась неудачной, так как, во-первых, не удалось получить четко разграниченных групп стимулов; во-вторых, необходимо учитывать, что Ю.Н. Караулов строил свою классификацию преимущественно на материале, полученном на втором и третьем этапах эксперимента, проводившегося при составлении РАС (Русский ассоциативный словарь), когда словник стимулов для последующего этапа эксперимента получался в результате отбора ответов на предыдущем этапе, поэтому естественным было предположение о том, что большое количество отказов получено на те слова-стимулы, которые неизвестны испытуемым или малоупотребительны в их повседневном общении. Большинство слов-стимулов АСШС (Ассоциативный словарь школьников г. Саратова), на которые участники эксперимента дают высокий процент нулевых реакций, напротив, относятся к разряду общеупотребительных и не могут быть неизвестны испытуемым.

Таким образом, мы пришли к выводу, что исходным признаком, который должен быть положен в основу классификации стимулов, станет формальный показатель, свидетельствующий о доле нулевых реакций, полученных на определенные стимулы.

Однако одно лишь формальное разбиение корпуса слов-стимулов по количеству отказов на несколько групп слов-стимулов не поможет нам понять зависимость нулевых реакций от характера стимула. По этой причине мы решили использовать еще один классификационный признак, а именно – возраст испытуемых. При таком подходе анализируемые нами стимулы можно разделить на четыре группы:

1. Стимулы, на которые уже в начальных классах получен низкий процент отказов от ответа.
2. Стимулы, на которые ученики начальных классов дают максимальное количество нулевых реакций, но по мере взросления школьников этот показатель значительно уменьшается.

Часть III

3. Стимулы, на которые до XI класса сохраняется высокая доля отказов от ответа.
4. Стимулы, на которые доля нулевых реакций увеличивается в старших классах.

По составу стимулов каждая из четырех выделенных нами групп является достаточно неоднородной. Слова-стимулы различаются своей частеречной принадлежностью, начальной/неначальной формой, и, безусловно, характером значения. Однако в каждой группе стимулов можно выделить ядро, включающее в себя основную часть стимулов данной группы и позволяющее ее охарактеризовать.

Для наглядного представления каждую группу стимулов можно использовать диаграммы, которые были построены в результате подсчета средней величины относительных частот нулевых реакций, полученных от информантов разных возрастных периоды.

Стимулы группы № 1 характеризуются низким процентом отказов на протяжении всего периода обучения в школе. В данную группу входят такие стимулы, как *бабушка, бабочка, бандит, бегать, белый, берег, береза, беседа, битва, близко, больной, большой, брат, буква, быстро, быстрый, в зале, великий, вернуться, верный, веселый, весенний, весна, ветер, вечер, вешалка, вино, вкусно, вода, воздух, воин, война, волиебник, ворота, время, вчера, вы, высокий, выше, глупый, голубой, гора, гореть, город, громкий, группа, грязь, да, далеко, дверь, дед, дежурить, делать, дело, день, деревня, десять, добрый, доверить, дождь, дом, дорога, дочь, думаешь, дядя, ехать, жарить, жарко, желтый, жить, загадка, задача, закончить, заяц, звать, зверь, звонить, звучит, зеленые, зеленый, зима, знать, игрушка, идет, имя, какой, кактус, камень, каменный, каникулы, каркать, картина, кастрюля, катастрофа, кличка, книга, колесо, колокольчик, компьютер, конфета, корабль, короткий, костюм, котенок, кошка, красивый, красить, краски, красный, кто, лев, лежать, лес, лист, лоскут, лужа, львенок, люди, мама, медведь, молчать, мужчина, музыка, мыслить, мячик, мягкий, нет, не хочу, нельзя, новый, обувь, огонь, огромный, острый, отец, папа, писать, письмо, плохой, получить, помогать, попугай, прогулка, пчела, рабочий, разговоры, ракета, ребенок, резкий, река, рисовать, родной, роза, Россия, роцца, рука, русский, светлый, свечи, север, семья, скакать, сладко, смотреть, смыться, снег, снимать, собака, солдат, соображать, старый, сто, стол, страница, страшная, суббота, считать, там, телефон, теплый, тихая, тонкий, тот, трава, ты, тяжелый, уезжать, уехать, ужасная, упал, утро, уходит, учебник, ученик, учиться, фильм, ходить, холоднее, холодно, цветок, цирк, чай, черный, чистый, читать, шел, широкый, школьный, шлепнулся, экран, эх. См. рис. 1.*

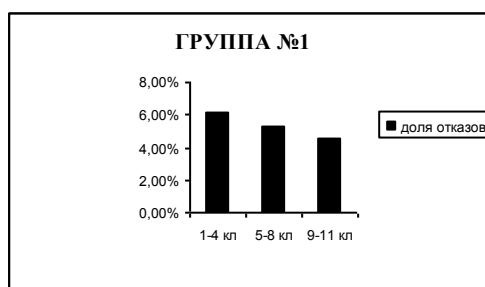

Рис. 1. Отказы от реагирования, полученные на стимулы группы № 1.

Основная часть стимулов, составляющих данную группу, относится, как правило, к разряду предметной лексики, часто употребляемой в речи как самих школьников, так и окружающих их людей. Кроме того, данная лексика встречается в различного рода текстах, с которыми с самого раннего детства знакомятся дети, а часть стимулов

легко вписывается во многие разновидности диалогов и тем самым поддерживает свободный выбор коммуникативных стратегий. Все это способствует быстрому развитию ассоциативных связей в сознании школьников, которые не теряют своей прочности на протяжении долгого времени, что, в свою очередь, подтверждается очень малым числом нулевых реакций, появляющихся в период обучения в школе.

К группе № 2 в основном относится лексика, которая в начальных классах вызывает особые затруднения у школьников при поиске вербальных ассоциаций, в связи с чем в этот период наблюдается максимальное количество отказов от реагирования, но в последующие годы школьного обучения этот показатель существенно уменьшается. Примерами стимулов, входящих в данную группу, могут быть стимулы: *автор, авторитет, актер, алый, антилопа, армия, атомный, банда, баран, билет, близкий, бог, бой, бороться, вариант, ваш, вдвоем, вежливый, вечный, взрослый, возвращать, возможно, возраст, войти, встретить, встреча, встречаться, вчерашние, выборы, выставка, гастроли, где-нибудь, голова, голос, гости, государство, гравий, граница, гулять, давай, деньги, долгий, древний, друг, дружба, думай, дух, Европа, единственный, жадный, железный, житель, за, забота, завод, завтрак, замечать, зачем, земля, знание, зрелище, идея, идти, известный, измена, изысканный, иметь, иначе, институт, интересный, искать, истина, карта, клавиши, класс, клевать, коза, колоссальный, комната, кровь, крутой, кубики, кукла, кумекать, куплет, лгать, лилипут, личность, лохматый, любить, мастер, мел, мечтать, много, мой, молчание, надо, надутый, невозможно, обед, обратно, общий, объяснить, он, она, оркестр, открытый, ох!, ошибка, перевернуть, передача, петь, победа, полюс, понимать, почка, правильный, право, приезжать, приперся, пришла, проводить, продукт, простой, проходить, процесс, птенчик, путешествие, работать, рядом, свинья, сегодня, сердце, серьезный, сидеть, синий, сказать, скоро, скорость, скупой, следовать, следующий, смех, смеяться, снова, собраться, событие, сон, сочувствие, спасибо, спасти, спектакль, сражение, старец, страдание, страус, строй, стыд, твой, театр, теперь, толстый, торжество, увидеть, ужин, улизнуть, уметь, урок, хохотать, чемпион, число, что, шумный, шутка, экзамен, элегантный, юмор, я, ясный, язык, ярмарка. См. рис. 2.*

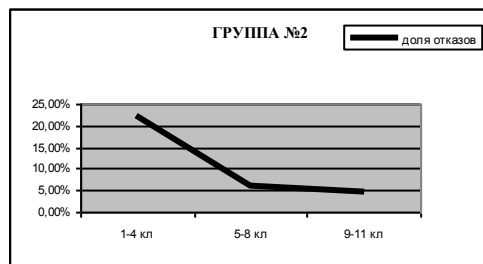

Рис. 2. Отказы от реагирования, полученные на стимулы группы № 2.

В отличие от лексики первой группы, лексика второй группы стимулов по своей семантике более сложная, здесь больше многозначных слов, слов с абстрактным значением, которые, безусловно, представляют трудности при поиске вербальных ассоциаций, прежде всего у детей младшего возраста, у которых только начинает развиваться способность абстрагировать понятия от конкретных предметов и ситуаций, связанных с ними. Уменьшение доли нулевых реакций в старших классах свидетельствует о том, что с течением времени происходит постепенное освоение различных оттенков значения слов, знакомство с более широким контекстом их употребления в письменном и устном общении, осуществляется переход слова из «поверхностного и случайного в

Часть III

глубинный, устоявшийся лексикон человека» [Леонтьев, 1979. С. 15], развивается способность к абстрактному мышлению, в целом языковое развитие идет в сторону обогащения словаря: в сторону количественного пополнения разных пластов лексики и усложнения семантической структуры слов. Когнитивное развитие школьника находит отражение и в изменении культурного фона – в увеличении количества прецедентных феноменов, в движении, смещении по мере взросления школьника фокуса культуры в сторону универсальных, общечеловеческих ценностей, что способствует укреплению системы ассоциативных связей и развитию ассоциативно-вербальной сети школьников.

Группа № 3 стимулов включает лексику, которая сохраняет достаточно высокий процент отказов от реагирования во всех классах. Например, *буран, в, вакцина, вбок, вдруг, весь, вкопанный, впечатление, вчерашняя, вытекают, голосование, госпожа, долго, думали, его, ему, еще, жалость, жизнь, забавлять, заменить, зря, изящный, индивидуальный, исключение, использовать, испытание, их, каприз, квадратный, конечно, корысть, кричать, кувырком, матушка, момент, национальный, наивность, не, недавно, неужели, никак, никогда, ничей, но, ностальгия, обещать, обмануть, оставить, откуда, оттуда, очень, период, подлинный, положение, предложение, просто так, простота, пустяк, разлиться, с, сам, свободный, свое, сделай-ка, скорбь, случай, смысл, спор, справедливость, стараться, точность, фамилия, человека, честь, чувствовать, чужое, чуть-чуть, это*. См. рис. 3.

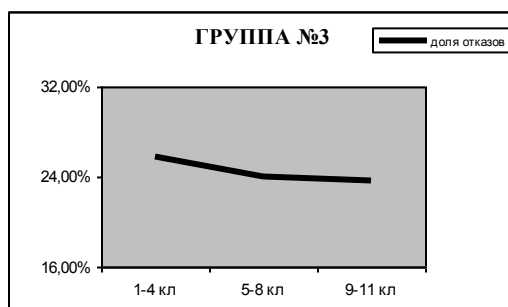

Рис. 3. Отказы от реагирования, полученные на стимулы группы № 3.

Из приведенных выше примеров на стимулы, входящие в третью группу, видно, что перед нами преимущественно абстрактная, книжная лексика со сложным значением и ограниченной сочетаемостью. Лексика подобного рода не входит в основной лексикон, которым современной школьник пользуется в своем повседневном общении, она находится где-то на периферии его словарного запаса и используется редко. Вследствие этого оказывается недостаточно развитой та часть системы ассоциативных связей, которая включает в себя данные слова-стимулы, что приводит к сохранению высокой доли нулевых реакций вплоть до XI класса. С другой стороны, стимулами данной группы являются предлоги, союзы и местоимения, которые, как известно, входят в число высокочастотных слов русского языка и без которых невозможен процесс общения. Вместе с тем, поиск вербальных ассоциаций на подобного рода лексику представляется школьникам особенно трудным, т.к. данные слова-стимулы относятся к разряду «технических» слов, являющихся неотъемлемыми компонентами при построении высказываний, в которых они и приобретают конкретное значение, т.е. для того, чтобы найти вербальную ассоциацию на эти стимулы испытуемым необходимо сначала придумать высказывание с предъявленным стимулом, из которого в последствие они смогут выбрать нужную им ассоциацию.

Наконец, группа № 4 состоит из стимулов, на которые в период с V по VIII и с IX по XI классы наблюдается существенное увеличение доли нулевых реакций по сравнению с I–IV классами. Данная группа состоит из нескольких слов-стимулов, которые входят в состав словника АСШС и отвечают заданным параметрам. Четвертая группа включает стимулы: *болезнь, взять, интересно, на, новенький, человеком*. См. рис. 4.

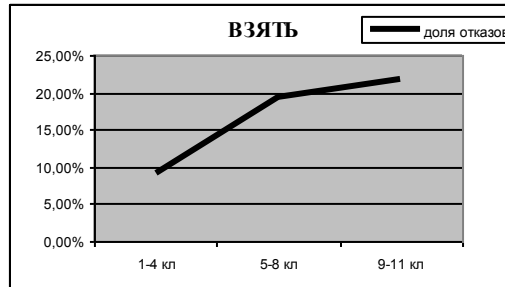

Рис. 4. Доля отказов от реагирования на стимул «взять».

Несмотря на малое количество стимулов четвертой группы, мы не могли оставить без внимания подобные изменения в появлении нулевых реакций в анкетах старшеклассников. По-нашему мнению, увеличение числа отказов в период с V по XI классы связано с особенностями каждого слова-стимула в отдельности.

Так, например, неоднозначно может трактоваться значение слова-стимула *на*, и если у учащихся начальных классов самой частотной вербальной ассоциацией является слово *под*, то у учеников V–VIII классов – слово *давай*. Возможно, что в данном случае увеличение числа нулевых реакций в старших классах вызвано желанием старшеклассников дать наиболее правильный, по их мнению, ответ, но для этого необходимо «правильно» понять предъявляемое слово-стимул, что, в свою очередь, требует большего времени на размышления. Подобная ситуация, по-нашему мнению, складывается со словом-стимулом *новенький*. Большинство учащихся начальных классов относят данный стимул к грамматическому классу прилагательных, в то время как старшеклассники – к классу существительных, вследствие чего поиск вербальной ассоциации идет в разных «направлениях». В результате, реакциями школьников I–IV классов являются слова *старенький, новый, мальчик* и т.д., а у учащихся старших классов самая частотная вербальная ассоциация – *ученик*.

При предъявлении стимула не в начальной форме, как в случае со словом-стимулом *человеком*, участники эксперимента зачастую испытывают затруднения, вызванные необходимостью поиска не отдельной вербальной ассоциации, а целого высказывания, компонентом которого и является данный стимул. Кроме того, возможно, что в данном случае трудности при поиске ассоциации вызваны особым стремлением старшеклассников записать начальную форму возникшей в их сознании ассоциации. Так, в числе самых частотных вербальных ассоциаций, полученных на стимул *человеком*, наряду с ассоциацией *быть*, учащиеся I–IV классов дают реакции животным и зверем по аналогии с грамматической формой предъявленного слова-стимула. У учащихся старших классов реакции подобного рода носят единичный характер.

Что касается стимулов *взять, интересно* и *болезнь*, то, вполне вероятно, что в данном случае на увеличение доли нулевых реакций в старших классах влияют субъективные оценки испытуемых данных явлений, а также актуальность и значимость этих понятий в жизни школьников.

Рассмотренные группы стимулов богаты по своему составу, одни слова-стимулы обладают высокой степенью активности во внутреннем тезаурусе современного

Часть III

школьника, тогда как другие преобладают в его пассивном лексиконе, но в каждой из групп стимулов проявляется своя динамика становления лексикона школьника, которую можно проследить на материале отказов от реагирования.

Литература

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Е.В. Маркова

Диалогические реакции в Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области

Научный руководитель – профессор В.Е. Гольдин

Основной целью нашей работы является рассмотрение и выделение диалогических реакций, как реакций особого типа, а также доказательство правомерности существования диалогических реакций как особого типа словесных ассоциаций.

Отметим, что, говоря о диалоговых реакциях, мы имеем в виду те реакции, когда реплика экспериментатора, т.е. слово-стимул, воспринимается испытуемым как реплика диалога, поэтому испытуемый считает свой ответ, реакцию, как ответ на реплику экспериментатора. То есть происходит своеобразный обмен репликами как в диалоге.

В настоящее время в лингвистике существует огромное количество классификаций вербальных связей и отношений в ассоциативном поле. Подобные классификации находим в работах Р.М. Фрумкиной, Г.А. Мартиновича, В.Е. Гольдина.

В основном все авторы предлагают выделять наиболее общие типы классификаций: парадигматические, синтагматические и тематические. Диалогический тип реакций не выделяет ни один исследователь, за исключением Ю.Н. Караулова.

Караулов в своей книге «Ассоциативная грамматика русского языка» [Караулов, 1993. С. 200-210] намечает тенденцию к тому, что ассоциативный эксперимент может рассматриваться испытуемым как диалог, как живое общение, поэтому в этом смысле мы можем говорить о реакциях в диалоговом режиме. Но Караулов подобные реакции понимает очень широко, включая в это понятие любую рефлекссию испытуемого. По мнению исследователя, диалогические реакции представляют собой обобщенный тип реакций, среди которых выделяют парадигматические, синтагматические, тематические и другие типы реакций.

Мы же в своей работе хотим рассмотреть понятие «диалоговые реакции» значительно уже, остановившись лишь на истинных диалоговых реакциях, в которых просматриваются черты диалога. Мы выделяем диалогические реакции в особый тип. Те реакции, которые мы относим к диалогическим, не являются ни парадигматическими, ни синтагматическими, ни тематическими. Это реакции особого типа.

Обратимся к нашему исследованию. Если рассматривать ассоциативный эксперимент с позиции диалога, то все реакции, полученные в ходе эксперимента, мы можем назвать диалогическими. Ведь по сути дела ассоциативный эксперимент представляет собой диалог между экспериментатором и испытуемым, а стимулы и реакции как реплики, составляющие этот диалог. Но выделять по такому принципу диалогические реакции было бы слишком формально.

В Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области (АСШС) существуют такие реакции, когда мы точно можем говорить о наличии диалогических реакций. В большинстве случаев виден диалогический характер отношений между стимулом и реакцией, но по форме это очень трудно понять, а в других случаях диалогический характер очень легко разглядеть, исходя из формы слова-реакции. В таком случае можно говорить о диалогических реакциях по форме как об особом типе, поскольку в таких случаях используются стратегии ведения диалога.

Даже если реакции являются диалогическими по форме, то их все равно очень трудно отыскать в том огромном массиве реакций, который содержит АСШС. Можно, конечно, поочередно просматривать все реакции, имеющиеся в словаре. Но это очень трудоемкая и медленная работа. Поэтому мы оттолкнулись от формального признака. Мы рассмотрели реакции с восклицательным и вопросительным знаками, поскольку именно знаки препинания оформляют высказывание, из которых строится диалог.

Сравним два ответа, две реакции на слово-стимул *звать*. В одном случае – *звать – на помощь*; в другом – *звать – на помощь!* Эти два примера отличаются лишь наличием/отсутствием восклицательного знака. Первая пара представляет собой пример синтагматической реакции, подобно другим, как *звать – на вечеринку*; *звать – на встречу* и т.д. Второй же пример представляет больший интерес, так как в этом случае мы можем говорить о диалогической реакции. Знак препинания, восклицательный знак, оформляет эту пару в высказывание, которое может выступать репликой в диалоге.

Таким образом, мы доказали, что знак препинания играет в нашем материале важную роль.

В АСШС встретилось 196 реакций с восклицательным и вопросительным знаками, что примерно составляет 0,054% от всего количества реакций. Все найденные реакции были проанализированы и разбиты на группы.

С нашей точки зрения, все полученные подобным отбором реакции могут быть отнесены в тип диалогические реакции.

Что в данном случае может служить признаком диалогичности?

Во-первых, как уже отмечалось, это оформленность знаком препинания. Кроме того, взятые знаки препинания в качестве формального признака, являются знаками оформления экспрессии: возмущения, негодования, удивления и т.д. Экспрессивность в явной степени свойственна диалогической речи, так же она присуща и словам-реакциям, когда испытуемый стремится дать оценку явлению или событию. Например:

новенький - ух ты!

война – ужас!

удача – ура!

обед – вкусно!

Во-вторых, очень часто испытуемые соотносят слово-стимул с собой. Они как будто «примеряют» обозначенную словом-стимулом ситуацию на себя, поэтому среди рассматриваемых реакций встречается очень много реакций от первого лица. Это так называемые я-реакции. В таком случае реакция оформляется как прямая речь, что, безусловно, характерно для диалога:

завтрак – еще спать хочу!

печенье – не люблю!

завтрак – спать хочу!

В-третьих, очень много встретилось реакций в повелительном наклонении, как выражение приказа, что также часто распространено в прямой речи, в диалоге:

прочь – уйди!

Часть III

на – возьми!
тихо – молчать!
прочь – иди отсюда!

Как уже неоднократно отмечалось, реплики диалога – это всегда высказывание. В наших примерах можно выделить два типа реакций-высказываний: с одной стороны, отдельно реакция представляет собой оформленное высказывание (таких реакций большинство), а с другой – бывает так, что стимул вместе с реакцией образует целое высказывание:

не хочу – и не буду!
важно – знать!
звать – на помощь!

В таком случае, испытуемый как бы продолжает стимул, заканчивает, дописывает начатое высказывание до конца.

Итак, все рассмотренные нами реакции имеют хотя бы один признак диалогичности, и могут быть отнесены к особому типу реакций – диалогические реакции.

Выделяя диалогические реакции в особый вид, мы можем также говорить и о подвидах, подтипах диалогических реакций. В нашем случае, все реакции мы можем разделить на несколько групп.

Прежде всего, сразу очень четко оформляется первая группа слов-реакций, имеющих признак диалогичности. Это экспрессивно-оценочные реакции, где оценка является основной информацией:

победа – ура!
суббота – ура!
кровь – фу!
каникулы – круто!
обед – вкусно!
война – ужас!

В данном случае, эмоциональность выражена не только восклицательным знаком, но и междометиями. Очень часто реакции оформлялись испытуемыми не одними, а несколькими восклицательными знаками (двумя или тремя). Такие реакции можно рассматривать как личностные, содержащие эмоциональный восторг испытуемых.

Ко второй группе относятся реакции, которые даются на слово-стимул, который испытуемый воспринимает как констатация дел (используя терминологию Ю.Н. Караулова):

на – что? я не хочу!
оставить – меня? где?
число – до ста?
ничей – как ничей!
девочка – кто она?

К третьей группе относятся реакции на ситуацию. В таком случае реакции испытуемыми даются не на стимул, а на ситуацию, которую обозначает слово-стимул. Сюда же можно отнести формулы речевого этикета:

спасибо – не за что!!!
уходить – пока!
пришла – привет!
завтрак – еще спать хочу!
ужин – а еще можно?
выставка – а билет?

умолять – простите, пожалуйста!

Очень большую группу составляют так называемые реакции-валентности, которые испытываемые дают в качестве реакций на глаголы-стимулы:

пришла – кто?

идет – куда?

смотрит – куда?

перевернуть – кого?

пришла – зачем?

Для нас приведенные реакции представляют особую трудность. Если вновь обратится к статье Ю.Н. Караулова, то подобные реакции Караулов относит к реакциям, когда стимул воспринимается как констатация дел. Иначе мы можем назвать подобные реакции как реакции - вопросительное слово.

В нашей работе мы исследовали только реакции, завершающиеся знаками препинания. Мы доказали, что подобные реакции можно выделить в особый тип – диалогические реакции. Это примеры диалогических реакций по форме, но нельзя не исключить тот факт, что в словаре представлены и другие реакции, которые тоже диалогичны, но в которых диалогичность не выражена в явной форме. Такие реакции также заслуживают внимания и исследования, только нужно установить критерий их выделения.

Но, уже выделив реакции со знаками препинания как диалогические реакции, мы можем проводить исследования. Не исключено, что именно стимул определяет реакцию, и возможно именно характер стимула влияет на то, что испытываемый дает диалогическую реакцию.

На наш взгляд диалогические реакции должны занять свое место в стандартной классификации реакций и должны быть изучены в той же степени. Диалогические реакции, как и другие типы, можно изучать с позиций гендера, возрастной специфики, можно сопоставлять диалогические реакции, полученные от сельских школьников и городских. Все это, возможно, станет предметом рассмотрения в нашей последующей работе.

Литература

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. «Русский язык». М., 1993.

Д.А. Сергеева

Некоторые психолингвистические особенности Интернет-общения в чатах

Научный руководитель – профессор О.Б. Сиротина

Компьютер оказывает влияние на самые различные аспекты деятельности человека: преобразует сферу производства, трансформирует социальные структуры, видоизменяет взаимодействие людей друг с другом. Интернет формирует особую систему ценностей, функционирующую в рамках киберкультуры. Эта система была сформирована англоязычными коммуникантами, но в процессе распространения Сети претерпела изменения в результате взаимодействия с ценностными представлениями других народов.

Часть III

В процессе Интернет-общения формируются сообщества пользователей, общающихся на родном языке, что способствует более быстрой интеграции носителей этого языка в пространство электронного общения. Такое сообщество пользователей Интернета, общающихся на русском языке называется Рунет. Его можно считать вполне состоявшимся явлением, которое сочетает в себе как базовые характеристики Интернета, так и специфические черты. Необходимо кратко остановиться на актуальных социологических характеристиках Рунета.

Коммуникация между пользователями Сети осуществляется средствами естественного языка, но в Интернет-общении он получает ряд дополнительных функций. Владение языком приобретает для пользователя Интернета экзистенциальный смысл: с помощью средств языка находят свое выражение не только мысли, но и действия участника коммуникации. Координация совместных действий при этом также базируется исключительно на речевом общении. Выражение эмоциональных состояний почти полностью переходит на знаковый уровень, но при этом происходит расширение языка как знаковой системы. Можно утверждать, что общение в чатах, выражаемое обычными и особыми средствами письменной речи, является системообразующим признаком Интернета как социальной реальности. Другие формы Интернет-общения (электронные письма, форумы) менее специфичны.

Мы анализировали речь русского чата [www.mail.ru/chat/], в четверг (08.02.2006) с 14.00 до 14.30. В этот день в чате присутствовало около 70-80 человек.

Рассмотрим ключевые психолингвистические особенности Интернет-общения в чатах более подробно. Необходимо заметить, что по признаку ситуативной обусловленности интернет-общение подразделяется на неофициальное (дружеское) и деловое. Перечисленные ниже особенности электронной коммуникации характеризуют, в основном, неофициальное общение пользователей Интернета.

Одной из важнейших психологических особенностей Интернет-общения является его анонимный характер. Как известно, пользователи чатов не имеют достоверных источников для получения информации о своих собеседниках, даже несмотря на то, что иногда пользователь имеет возможность получить некоторую информацию анкетного характера (и даже фотографию собеседника). Но эти данные, тем не менее, для более или менее адекватного восприятия адресата недостаточны, поскольку каждый из участников электронной коммуникации имеет возможность сообщить о себе любую информацию. Вследствие подобной анонимности и безнаказанности в чатах появляется и другая особенность, связанная со снижением психологического риска в процессе общения, – аффективная раскрепощенность. Чаттер проявляет большую свободу высказываний и поступков, так как риск разоблачения и отрицательной оценки чаттера окружающими минимален. Это еще одна причина употребления чаттерами обценной лексики [Сергеева, 2006. С. 105]. С другой стороны, эта анонимность мнимая, так как технические возможности Интернета настолько широки, что, при желании, можно обнаружить любого пользователя Интернета. (см. осуждение этого вопроса «анонимности» в «Известиях» от 28.04.06).

По мнению Н.Н. Алексеенко, анонимность участников электронной коммуникации имеет следующие психолингвистические последствия: 1) большая свобода коммуникантов в выборе средств выражения; 2) обилие средств передачи эмоций; 3) высокая значимость текстов, направленных на самопрезентацию; 4) принятие групповых норм речевого поведения [Алексеенко, 2001. WWW].

Другая психологическая особенность Интернет-общения в чатах – добровольность и желательность контактов. Чаттер добровольно завязывает контакты или уходит

от них, а также может прервать их в любой момент. Например (здесь и далее, сохранена орфография оригинала):

солне4ная : Daun: как дела
 Daun : солне4ная: все ништяк а у тя?
 солне4ная : Daun: вроде ни4его-ты по жизни даун или так
 Daun : солне4ная: по жизни блин
))
 солне4ная : Daun: заметно((
 Daun : солне4ная: а у тя как дела?
 солне4ная : Daun: а ты буковку з выговариваешьььь
 Daun : солне4ная:)))))))))))))))))))))))))))) aga!!!!
 солне4ная : вагон: привет
 вагон : солне4ная: привет!

Как видим, диалог начинается как обычное знакомство, и сразу проявляется интерес к нику второго коммуниканта, но после грубого ответа: **Daun** : «по жизни блин))», первый коммуникант пытается зло пошутить: **солне4ная** : «а ты буковку з выговариваешьььь», после этого интерес пропадает и диалог прекращается, коммуниканты переключаются на других общающихся, в дальнейшем уже не возобновляя общение между собой.

Поскольку Интернет-общение в чатах по содержанию является личным и неофициальным, существует еще одна важная психологическая характеристика общения в чатах – отсутствие естественных паралингвистических и невербальных компонентов общения. Общение в чатах ограничено по форме передачи информации (только в виде печатного текста). Эта особенность задает вариативность и внушает наибольшую субъективность интерпретаций высказываний собеседника. Например:

Орган: что дауны, дебилы, аж страшно
ВеЧНоСтЬ: Орган: очень смешно

Первую реплику, не обращенную ни к кому лично, можно интерпретировать по-разному, хотя в любом случае, она несет негативную информацию, можно обидеться, а можно воспринять это как шутку. Один из чаттеров реагирует на эту реплику, но больше никто не обратил внимания, так как подобная грубость в чатах – обычное явление.

Все вышеперечисленные особенности Интернет – общения в чатах создают условия и возможности для разнообразия самопрезентаций, «многоликости» чаттеров. В реальном социальном взаимодействии человек более ограничен в возможностях управления получением адресатом информации о себе (рамками реально воспринимаемого собеседником пола, внешности, признаков социального статуса, национальности, возраста). Чаттеры являются физически непредставленными, поэтому вся информация, которая в реальном общении может быть получена невербальным путем, сознательно общается или не сообщается партнеру по коммуникации. Соответственно, вполне допустимо исказить эти сведения, формируя образ виртуального собеседника, не совпадающий с реальным. Каждый чаттер осознает, что собеседник может исказить информацию о себе и не только, вследствие чего не может серьезно относиться к любой информации, получаемой от собеседников. Очень часто реакция на полученную информацию является следующей:

hyligan777_ВК : ВЕЛИКИЙ_КУН: НЕ ФЛУДИТЕ
 hyligan777_ВК : ВЕЛИКИЙ_КУН: потомучто нельзя
 ВЕЛИКИЙ_КУН : hyligan777_ВК: А НАХ ТЕ ПРИСТАВКА ВК??????
 hyligan777_ВК : ВЕЛИКИЙ_КУН: НЕ ФЛУДИТЕ

Часть III

ВЕЛИКИЙ_КУН : hyligan777_ВК: МНЕ МОЖНО=)

hyligan777_ВК : ВЕЛИКИЙ_КУН: НЕ ФЛУДИТЕ

ВЕЛИКИЙ_КУН : hyligan777_ВК: АГА ЦА =) ЯШ ТИБЯ СЛУШАЮСЯ КАК МАМУ=)

hyligan777_ВК : ВЕЛИКИЙ_КУН: НЕ ФЛУДИТЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ВЕЛИКИЙ_КУН : hyligan777_ВК: ХМ!?!?!)

ВЕЛИКИЙ_КУН : hyligan777_ВК: АТ КАВО?

hyligan777_ВК : ВЕЛИКИЙ_КУН: АТ МЕНЯ

ВЕЛИКИЙ_КУН : hyligan777_ВК: ХАХА

Интернет-общение в чатах делает возможным инсценировку личности участника коммуникации, с использованием различных основ для ее конструирования. Они могут основываться на собственной Я-концепции, могут быть построены на образе «идеального Я», а могут использовать в качестве образца другую личность (например, знакомого, друга, известного музыканта и т.д.), например:

1. KisiK, Колючка, киска123, перец, солдат, солне4ная, Солнечный_ зайчик_ОНА, либо-это-либо-то, Малышечка, GLUK_Бука_и_Бяка, и т.д.;

2. **ВеЧНоСтъ, -V-a-M-p-I-r-, АНГЕЛ, ShadowmaN (анг.: человек - тень), Inferno, Богиня, и т. д.;**

3. Tretyak, БРАТ-2, ЗбигневЦыбульский, Girls, АллаБорисовна, KiberBoy, и т.д.

Как уже было сказано выше, чаттеры располагают минимумом достоверной информации друг о друге. Наиболее яркое выражение Я-концепция находит в никах (от англ. «nickname» - прозвище, кличка), ведь собеседник пытается получить в расшифровки ника информацию об истинном уровне образования, роде занятий из стиля общения, словарного запаса. День недели или праздник значительно влияет не только на выбор участниками чата ников, а также на поведение в чате, выражаемое в речи чата. Если в праздничный день чаттеры ведут себя более агрессивно, то в будний день поведение меняется, становится более спокойным. Ники отражают настроение чаттеров так же, как и речь. На Новый Год: **Пушинкас, Новогодняя_Елка**, и т. д.; в будний день: **перец, солдат, солне4ная**, и т.д. [Сергеева, 2005. С. 136].

Электронная коммуникация сама по себе не побуждает ее участника к экспериментам с собственной идентичностью. Динамичность самопрезентации выступает в качестве характеристики развертывания отдельной личности. Конкретное направление, по которому пойдет процесс конструирования виртуальной личности, определяется особенностями структуры реальной личности. Например, очень часто можно наблюдать как меняется настроение одного и того же коммуниканта:

Zenom : GLUK_Бука_и_Бяка: опять извращенцев ищишь?

GLUK_Бука_и_Бяка : Zenom:

ПОЧЕМУ????????????????????((((((((((((((((

Zenom : GLUK_Бука_и_Бяка: не знаю, так думаю....предчувствие

GLUK_Бука_и_Бяка : Zenom: НЕ УГАДАЛ.....

Zenom : GLUK_Бука_и_Бяка: жал а так старался!!

GLUK_Бука_и_Бяка : Zenom: ОЙ ДА ЛАДНА.....:))))))))))

Zenom : GLUK_Бука_и_Бяка: да ну не веришь, прят старался, серьезно говорю

GLUK_Бука_и_Бяка : Zenom: :))))))))))

Zenom : GLUK_Бука_и_Бяка: вооо, вижу настроение даже поднялось

GLUK_Бука_и_Бяка : Zenom: АГА

В данном примере коммуниканты сами отмечают повышение настроения у одного из участников диалога. Безусловно, многое зависит от того, с каким настроением

коммуникант приходит в чат, ведь в основном чат привлекает тем, что в нем, поговорив, можно отвлечься от проблем реальной жизни.

Динамичность самопрезентации в Сети вызывает к жизни особый тип языковой личности, требует от носителя максимально «широкого» владения языком, тогда как в реальной жизни нормой является не «широкое», а «глубокое» владение языком. Ведь, что характерно для общения в чате – чаттер может выходить из чата и заходить в них под другим именем или открывать сразу несколько разных чатов и общаться под разными никами, что порождает впечатление о разных языковых личностях.

В качестве вероятных последствий этого можно назвать более внимательное отношение к формальной стороне высказывания со стороны коммуниканта. Часто отправной точкой флейма (острой дискуссии в Сети) становятся орфографические, грамматические, стилистические ошибки, допущенные участниками общения, а также употребление обценной лексики. Зачастую это вполне простительные недочеты, обусловленные экономией речевых средств и личного времени коммуниканта, однако именно они приобретают в Сети статус аргумента и становятся основой для выводов о коммуникативных способностях участников общения. Например:

Крыска : ВСЕМ ПРИВЕТ

ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА : ДЛЯ ТЕХ,КТО ЛЮБТ СОСИТЬ И ЖИВАТЬ!

Крыска : ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА: ТЫ ЛОХ

Крыска : ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА: ЧЕ ПИШЕШЬ ТО, СООБРАЖАШЬ???

ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА : Крыска: СВАЛИ УЖЕ

Крыска : ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА: ЧЕ НАДО СУКА

ОБТРАХАННАЯ

ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА : Крыска: ОТ ТИПЯ НИТИВО КРЫСА..ХЫ

Крыска : ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА: ИДИ НА Х... ЖАБА

ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА : Крыска: ПОФИХХ..ХЫ

Крыска : ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА: ЯЗЫК ПРОГЛОТИЛ?

ЖАБЕРНАЯ_ТЫЧИНКА : Крыска: ПОХ НА ТИПЯ..УМРИ

Поскольку в чате любое действие, желание передается только через текст, речь чата несет не только ту информацию, которую хотел передать чаттер, но также передает и некоторые личностные характеристики коммуникантов. Коммуниканты живут в тексте, насыщая его своими эмоциями, желаниями, действиями. Обилие желающих начать общение в чате обуславливается его недолговечностью, отсутствием обязательств и препятствий для быстрого прекращения отношений в случае потери интереса. Таким образом, в языке чата проявляются основные психологические характеристики такого общения: анонимность, желательность и добровольность контактов, вариативность и субъективность интерпретаций высказываний собеседника, разнообразие самопрезентаций, «многоликость» чаттеров. Дни недели и праздники влияют на самопрезентацию в чате, выражаясь через ники чаттеров. В будний день речь чата менее агрессивна, чем в праздники или в выходные, менее эмоционально насыщена. В отличие от остального Интернет-пространства, в чате отсутствует поликультурность, так как, в основном, в чате собираются определенные социальные группы, ведь чат – это, своего рода, клуб по интересам.

Литература

Алексеевко Н.Н. Психологические аспекты поведения человека в киберпространстве. 2001

URL:<http://psynet.carfax.ru/texts/alekseenko.htm>

Ассаджиоли Р. Психосинтез

<http://www.sidheland.com/Archive/Psymag/populate.htm>

Часть III

Сергеева Д.А. Русская речь в чатах // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2006. Вып. 6.

Сергеева Д.А. Новогодние ночи в чатах // Проблемы речевой коммуникации/ Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой, 2005. Вып.5.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

А.В. Фирсакова

Реакции эмоционально-оценочного характера в Ассоциативном словаре

Научный руководитель – профессор В.Е. Гольдин

Существует много классификаций ассоциативных реакций. Выделяют реакции парадигматические (новый – старый), синтагматические (новый – дом), фонетические (бочка – кочка), тематические, по смежности, по сходству. Но некоторые реакции, помимо всего прочего, содержат еще и эмоциональную оценку, отношение к тому, что они обозначают (урок – скукотища, грабитель – воришка, дом – домище). Такие реакции представляют интерес потому, что для современной коммуникации на русском языке характерно усиление личностного компонента в речи. В ассоциативном словаре это тоже должно найти свое отражение. Поэтому мы решили проанализировать реакции с эмоционально-оценочными суффиксами.

Рост экспрессивности словообразовательных средств языка был отмечен еще в 1968 г. авторами издания «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского языка». По их мнению, источниками экспрессивных инноваций и лабораториями по их выработке являются разговорная речь и просторечие, с одной стороны, и язык художественной литературы, с другой.

Стилистические изменения, происходящие в современном словообразовании, вызываются не только тенденцией к усилению экспрессивности языка, но и причинами социальными: обостренным взаимодействием книжного литературного языка с городским просторечием, разговорной речью и жаргоном [Русский язык и сов. общество, 1968. С. 19]. Как утверждают авторы толкового словаря русского общего жаргона, лексика общего жаргона в последнее время получает все большее распространение. Словообразование в жаргоне служит для того, чтобы порождать яркие, образные, несущие заряд выразительности слова, многие из которых являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных, просторечных или разговорных слов [Ермакова, Земская, Розина, 1999. С. XVIII].

Например, суффикс *-ух(a)* широко используется для образования модификационных производных, передающих экспрессию грубости, пренебрежительности, ироничности. Слова на *-ух(a)* создаются как от нейтральных существительных (*кличка – кликуха* ‘прозвище’, *заказ – заказуха*, *показ – показуха*, *спокойствие – спокуха*, *пивная – пивнуха*), так и от сугубо книжных слов (*депрессия – депрессуха*, *текст – текстуха*).

При этом основа многосложного, обычно многоязычного базового слова подвергается усечению: *презентация – презентуха*, *порнография – порнуха*, *стипендия – стипуха*.

Суффикс *-ух(a)* используется и как средство универбации, т.е. сокращения сочетаний «прилагательное + существительное» в одно слово – существительное: *мокрое дело* (‘убийство’) – *мокруха*, *бытовое преступление* – *бытовуха*, *групповое изнасилование* – *групповуха*, *записная книжка* – *записнуха*.

В некоторых случаях суффикс *-ух(a)* присоединяется к усеченной основе: *рационализаторское предложение* – *рацуха*.

За словом с суффиксом *-ух(a)* не всегда стоит одно определенное словосочетание. В качестве базовых, передающих семантику нового слова, используются основы прилагательных (*черный* – *чернуха*) и глаголов (*расслабиться* – *расслабуха*, *развлекаться* – *развлекуха*) [Ермакова, Земская, Розина, 1999. С. XVIII-XIX].

Существительные с суффиксом *-ух(a)* являются стилистически сниженными синонимами мотивирующих существительных. Они характеризуются разговорностью, фамильярностью или более сильной оценочной экспрессией (если мотивирующее обладает уже такой экспрессией). Например, *комнатуха*, *речуха*, *клетуха*, *сыпуха* «сыпь» (прост.), *сеструха* (прост.), *Валуха*, *Веруха*, *Гришуха*, *Митюха* [Русская грамматика, 1980. С. 217].

Таким образом, мы видим, что данный суффикс в настоящее время является продуктивным, может присоединяться к существительным, прилагательным, глаголам, являться средством универбации.

Теперь обратимся к Ассоциативному Словарю школьников Саратова и Саратовской области и посмотрим, как слова с суффиксом *-ух(a)* представлены там.

Всего получена 21 реакция с суффиксом *-ух(a)*.

Реакция	дана мальчиком на стимул:	дана девочкой на стимул:
Кликуха	<u>кликча – 5</u>	<u>кликча – 7</u>
	<u>кликча – 5</u>	<u>кликча – 9</u>
	<u>кликча – 7</u>	
	правильный – 8	
веселуха	<u>страдание – 10</u>	<u>концерт – 5</u>
погремуха	<u>кликча – 10</u>	
	<u>кликча – 10</u>	
везуха		<u>удача – 11</u>
групповуха		<u>собраться – 10</u>
в групповуху	собраться – 10	
в школухе		<u>практика – 8</u>
горбухи	<u>автор – 11</u>	
девух		<u>рисовать – 8</u>
нехочуха		<u>не хочу – 3</u>
показуха	<u>спектакль – 8</u>	
порнуха	<u>детский – 10</u>	
толстуха	<u>бочка – 10</u>	
чернуха	<u>шоколад – 7</u>	

Цифра рядом показывает класс.

На подчеркнутый стимул реакция получена в Саратове, на выделенный полужирным стимул – не в Саратове.

13 реакций из 21 дали мальчики (0,22%) и 8 – девочки (0,13%). Т.е. в 1,7 раз больше получено реакций от мальчиков, чем от девочек.

Если рассмотреть возраст испытуемых, то можно заметить, что, взрослея, школьники все чаще употребляют слова с данным суффиксом, и особенно мальчики.

Часть III

классы	мальчики	девочки
1-4	0	1 – 0,06 %
5-8	6 – 0,22 %	4 – 0,14 %
9-11	7 – 0,51 %	3 – 0,16 %

Из 21 реакции 18 получено от саратовских школьников и 3 – от школьников районных центров, поселков и сел. Можно сделать вывод, что слова с данным суффиксом активно используются преимущественно в городской среде.

Городские мальчики-старшеклассники дают треть всех реакций с суффиксом –*ух(a)*.

Из 13 полученных лексем реакций 6 зафиксированы в словарях (толковом словаре Ожегова и Шведовой [Ожегов, Шведова, 1999] и словаре общего русского жаргона [Ермакова, Земская, Розина, 1999]).

В толковом словаре Ожегова и Шведовой имеются такие лексемы, как: показуха, порнуха, толстуха, чернуха.

В словаре общего русского жаргона встречаются кликуха, групповуха, порнуха, чернуха.

Таким образом, мы видим, что данный суффикс является продуктивным.

Слова с ним образуются от существительных: кличка – кликуха, веселье – веселуха, везенье – везуха, показ – показуха, школа – школуха, порнография – порнуха. И все они имеют экспрессивно-стилистическую окраску, они стилистически снижены.

Также может быть стилистическая и синтаксическая цель словообразования, когда существительное с суффиксом –*ух(a)* создается от глагола: не хочу – нехочуха, от прилагательного: черный – чернуха, от словосочетания: групповое изнасилование – групповуха.

Среди полученных реакций можно выделить слова обратной деривации, т.е. полученные путем разложения суффикса –*ушк*: погремушка – погремуха, девушка – девуха.

Таким образом, ассоциативный словарь отражает тенденцию усиления экспрессивности языка, т.е. является источником, по которому можно изучать современные процессы, происходящие в речи, состояние русского языка. Поэтому важно изучить реакции эмоционально-оценочного характера на материале словаря.

Кроме реакций с суффиксом –*ух(a)* мы исследовали реакции с суффиксами –*яг(a)* (трудяга, бедняга), –*ищ(e)* (чудовище, ветрище), –*ин(a)* (жадина, вредина), –*ишк* (братишка, зайчишка), –*ушк* (лапушка, речушка), –*ечк* (кошечка, сердечко), –*очк* (лапочка, Леночка), –*еньк* (маленький, доченька).

Нами было обнаружено, что реакций с суффиксами –*яг(a)*, –*ищ(e)*, –*ух(a)* больше получено от мальчиков, а реакций с суффиксами –*ишк*, –*ушк*, –*очк*, –*еньк* – от девочек.

Установлена зависимость от места жительства испытуемых: слова с суффиксами –*яг(a)*, –*ищ(e)*, –*ух(a)*, –*ин(a)* чаще появляются в реакциях городских школьников, а с суффиксами –*ушк*, –*ечк*, –*очк*, –*еньк* – в реакциях сельских школьников.

Что касается возраста испытуемых, то можно заметить, что реакций с суффиксом –*ищ(e)*, –*ечк*, –*очк* больше встречается у учащихся начальной школы, а реакции с суффиксом –*ин(a)*, –*ух(a)* чаще дают старшеклассники.

Ассоциативный словарь отражает современную тенденцию усиления экспрессивности языка и позволяет выявить закономерности, которые другие источники не показывают: зависимость реакций от пола, возраста и места жительства испытуемых.

- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Русская грамматика. М., 1980.
- Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского языка. М., 1968.

Д.И. Яхина

Образные номинации лица в русской разговорной речи по данным лингвистического эксперимента

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицина

В докладе представлены результаты психолингвистического эксперимента: исследовались реакции на список слов-стимулов, содержащих различные зоохарактеристики лица.

В эксперименте приняло участие 70 испытуемых – 49 женщин и 23 мужчины. В общей сложности от них получено, обработано и проанализировано 2275 реакций. Из числа опрошенных 35 – в возрасте от 15 до 25 лет (младшая возрастная группа), 22 человека в возрасте от 26 до 40 лет (средняя возрастная группа) и 13 человек в возрасте от 41 до 60 лет (старшая возрастная группа).

Испытуемыми выступали информанты различных социально-профессиональных групп – школьники старших классов, люди с высшим, средним и средне-специальным образованием.

Эксперимент позволил установить список значений, закрепленных в сознании за каждым из представленных образов (слов-стимулов), а также выявить распространенные и наиболее редкие из них.

Эксперимент проводился в форме письменного опроса-анкетирования. В течение 10 минут информантам предлагалось ответить на следующий вопрос: *О каком человеке вы можете так сказать?*, затем предлагался список слов-стимулов, содержащий 37 зоохарактеристик человека. По нашим наблюдениям, именно данная группа образов обладает высокой употребительностью в РР (материалом для наблюдения послужили собственные записи РР, магнитофонные записи живой РР, записи представленные в текстах по РР). В качестве слов-стимулов использовались: *сурок, свинья, хомяк, удав, теленок, змея, цыпленок, медведь, осел, корова, лошадь, индюк, сова, сыч, еж, слон, комар, муравей, собака, соловей, павлин, петух, бабочка, барсук, черепаха, суслик, курица, жук, верблюд, лиса, волк*. Задача информантов – подобрать к предложенным зооморфизмам слова, связанные с качественной характеристикой лица (например, заяц – трусливый).

В результате эксперимента 12 человек дали по 2 реакции. В ряде случаев информанты затруднялись с выбором ответа и ставили прочерк. Некоторые испытуемые не придерживались строгой инструкции и давали ассоциаты, не связанные с выражением качественной характеристики лица: например, *медведь* – берлога, *комар* – кусает, *гусь* – с яблоками. Подобные ассоциаты нами обработаны не были.

Часть III

В анкетах представлены реакции, характеризующие внутренний мир человека, его состояние, внешность, интеллектуальные способности. За каждым образом закреплено не одно, а несколько значений; к однозначным можно отнести такие образы как *комар, муравей, муха*. Ряд образов имеет схожие реакции:

Змея Волк Собака Сыч Лиса	– <i>злой</i>
Удав Змея	– <i>хитрый</i>
Лошадь Сова Муравей Жук	– <i>трудолюбивый</i>
Свинья Хомяк Корова Барсук	– <i>толстый</i>
Медведь Слон Верблюд	– <i>большой</i>
Медведь Слон Орел	– <i>сильный</i>
Теленок Цыпленок Осел Индюк Заяц Обезьяна Курица Волк	– <i>глупый</i>
Змея Обезьяна Сова	– <i>мудрый</i>
Гусь Индюк Павлин Орел	– <i>важный</i> (<i>величавый, гордый</i>)
Заяц	– <i>трусливый</i>

Суслик	
Муха Комар Жук	– <i>надоедливый</i>
Белка Обезьяна Цыпленок Курица Еж Заяц	– <i>шустрый</i> (<i>ловкий, быстрый</i>)
Курица Лошадь Гусь	– <i>заботливый</i>
Сыч Барсук	– <i>молчаливый</i>
Корова Слон	– <i>добрый</i>
Индюк Осел	– <i>упрямый</i>

Один стимул может вызвать антонимичные реакции:

Обезьяна –	глупый мудрый
Барсук –	бодрый ленивый
Жук –	медлительный суетливый (изворотливый, непокойный)
Обезьяна –	некрасивый симпатичный

Помимо реакций стереотипных встречаются также реакции, связанные с особым, индивидуальным пониманием образа. Так к индивидуальным можно отнести следующие реакции:

Змея	– мудрый
Корова	– печальный
Лошадь	– заботливый
Индюк	– ворчливый
Сова	– трудолюбивый

Часть III

Заяц	– справедливый самоотверженный
Обезьяна	– мудрый
Петух	– болтливый
Бабочка	– несчастный нежный
Барсук	– обиженный
Черепаша	– ласковый основательный
Суслик	– милый добрый
Жук	– самоотверженный
Верблюд	– томный

Появление тех или иных реакций может быть связано с национальной спецификой представления образа, зависящей от традиций, культурного пространства. Так, например, образ орла вызвал реакции гордый, статный, красивый, сильный, ловкий, смелый. Возникновение подобных реакций связано с тем, что в нашем сознании бытует стереотипное представление об орле как о гордой, свободолюбивой и независимой птице, воплощающей традиционно мужские качества: силу, воинственность наряду с храбростью и благородством. Кроме того, орел в России является символом государственности.

Реакцией индивидуальной является прилагательное глупый, встретившейся лишь у одного информанта. Основными реакциями на слово корова являются реакции, характеризующие моральные и физические качества человека: добрый, толстый, печальный, глупый. Индивидуальной в этом ряду является реакция печальный. Корова – особо почитаемое в традиционной русской культуре животное. В нашем представлении она связана с богатством, благополучием, достатком, выступает как кормилица, символизирует материнские питающие силы, покой и тепло. Образ коровы нередко встречается в целом ряде примет, поверий, заговоров, обрядовых действий. Появление реакции печальный, вероятнее всего, связано с представлением о грустных, покорных, печальных глазах коровы (подобная характеристика встречается нередко в поэтической, художественной речи).

Отмечены также образы-стимулы, в которых реакции негативного характера в значительной мере преобладают над реакциями положительными. Положительные реакции могут и отсутствовать: свинья, индюк, комар, муха, павлин, петух, осел, гусь, волк.

Реакции стереотипные отмечены во всех возрастных категориях. Реакции «промежуточного» типа и реакции индивидуальные преобладают в анкетах младшей возрастной группы. В старшей возрастной группе их присутствие минимально. Возможно,

это связано с возрастной особенностью молодежи – стремлением к ломке стереотипов и нестандартности, что также находит свое отражение в речи. С другой стороны, это может быть связано с одной из важнейших особенностей мышления молодежи – с творческим подходом, в том числе и к языку, стремлением сделать речь яркой, шуточной, нескучной. В средней возрастной группе реакции «промежуточного» характера преобладают над реакциями индивидуальными. Реакции индивидуальные в большей степени присутствуют в анкетах людей с высшим образованием.

В гендерном плане различия проявляются в следующем: в анкетах мужчин реакций индивидуальных отмечено больше, чем в анкетах женщин. Вероятно, это связано с тем, что среди мужчин довольно часто встречается тип балагуров, шутников, людей с неординарным, творческим мышлением. Кроме того, прослеживается, хотя пока и не совсем еще явно, с нашей точки зрения, закономерность, связанная с тем, что мужчины стараются дать больше реакций, характеризующих различного рода положительные качества человека; у женщин, напротив, преобладают реакции, характеризующие человека с негативной точки зрения (его внешность, интеллектуальные способности, внутреннее состояние). Склонность к оценке – типичная черта женского характера; негативная оценка воспринимается, возможно, как средство женского самоутверждения – «я лучше, чем остальные», особенно в том случае, если женщина оценивает женщину. Результаты эксперимента позволили установить закрепленность за каждым из образов не одного, а нескольких значений, выявить наиболее употребительные из них; определить зависимость их использования от возраста, пола, социально-профессионального статуса говорящих.

Содержание

Лексика и семантика

<i>Гришина Д.В.</i> Особенности функционирования неопределённых местоимений в разговорной речи	3
<i>Карпова Ю.Л.</i> Музыкальный жаргон. Пути пополнения (на материале немецкого языка)	5
<i>Турчак Ю.Ю.</i> Лексема «белый» («biały») во фразеологических сочетаниях русского и польского языков	9
<i>Усачёва А.С.</i> Полисемия глаголов интеллектуальной деятельности в поэтических текстах И. Бродского (на примере парадигмы Познания)	13
<i>Широкова М.В.</i> Стереотипы в речи современных общественно-политических деятелей	17

Грамматика

<i>Баранчикова А.В.</i> Префикс па- в русских народных говорах	21
<i>Макарова А.А.</i> Слова с частью «благо» в русском языке: к вопросу о словосложении и калькировании	24
<i>Мишукова М.Ю.</i> Словообразовательное гнездо слова «милый» в толковых словарях XVIII-XXI веков	28
<i>Носачева М.И.</i> Особенности употребления словообразовательных конструкций с метафорическим значением в современном немецком языке (на материале романа П. Зюскинда «Парфюмер»)	31
<i>Петрова А.Г.</i> Формально-синтаксическое осложнение предложения в русском языке	36
<i>Хромова С.А.</i> От индивидуально-авторского к системно-языковому в словотворчестве (к вопросу о методологии исследования)	39
<i>Чевтаева Л.Н.</i> Аббревиация и сокращения в компьютерном сленге	42

Прагмалингвистика

<i>Бульина Ю.В.</i> Зависимость выбора типа языковой игры от социального статуса говорящего	45
<i>Вечкина О.В.</i> Прагматика коммуникативных неудач	48
<i>Лазарева Н.С.</i> Проявление коммуникативной категории чуждости в современной речи	51
<i>Лукашенко И.В.</i> Дейксис как способ выражения отношений субъекта речи к субъекту восприятия: к постановке вопроса	54
<i>Пономарёва О.А.</i> О некоторых тенденциях в развитии молодёжного языка (на материале немецкого языка)	56
<i>Рабинович Е.Л.</i> Ситуации выражения интеллектуального превосходства	60
<i>Руссинова Т.В.</i> О некоторых дополнительных средствах усиления и ослабления запрета	64
<i>Руссинова Т.В.</i> К вопросу об адресации и функции запрета в ситуациях непосредственного общения (на материале русского и английского языков)	67
<i>Фокина Ю.М.</i> Непрямые способы общения автора с читателем в рассказе Джеймса Джойса «Сестры»	71
<i>Хлебцова Н.К.</i> Негативные реакции в межличностном и институциональном общении	75

Текст и дискурс

<i>Андреева А.В.</i> Языковые средства создания уникального политического предложения	79
<i>Афанасенко Е.В.</i> Своеобразие семантической повторяемости в реализации тактик и стратегий в ритуальном политическом дискурсе	82
<i>Герасимова П.А.</i> Средства выражения субъективной модальности в речи англоговорящих детей 3-6 лет	84

<i>Исмагулова Д.О.</i> Средства выражения возможности в функции создания образа героя в романе И.С. Тургенева «Рудин».....	88
<i>Казачкова Ю.В.</i> Лингвокультурные особенности выражения сочувствия в русском и английском речевом общении.....	91
<i>Коробейников А.Г.</i> Функционирование системы глагольных времён в первой краткой редакции «Жития Михаила Клопского» и проблема авторства и целостности текста.....	94
<i>Кубракова Н.А.</i> Жанр «самопрезентация» в Интернет-дискурсе (на примере чат-коммуникации).....	99
<i>Фатеев П.С.</i> «Ворчание» как речевой жанр.....	102

Когнитивная лингвистика

<i>Беликова А.С.</i> Концептуальная метафора (на материале семантического поля «Вкусовые ощущения человека» в русском, английском и турецком языках).....	106
<i>Белоедова М.С.</i> Лексико-семантические репрезентации концепта «любопытство» в русском, английском и литовском языках	112
<i>Дуванова А.Н.</i> Понятие «Душа» в творчестве В. Высоцкого и Б. Окуджавы	114
<i>Егорова Е.Н.</i> Концепты «любовь» и «смерть» в творчестве М.К. Щербакова	120
<i>Кабанова М.И.</i> Язык и языковая личность: цветовая гамма слова снег в русском языке и лирике А. Блока	123
<i>Калашиникова А.С.</i> Метафоры-неологизмы в русском и английском языках.....	127
<i>Калуженина Д.В.</i> Черты архаического восприятие пространства в лирике Ю. Кузнецова.....	133
<i>Кислова М.О.</i> Концепт «дух и душа» в старославянском языке	137
<i>Романова Е.Г.</i> Идиоматизация физических состояний бодрствования и сна в русском языке.....	139
<i>Трошина Е.В.</i> Художественный концепт «Дом» в трилогии К.А. Федина.....	142
<i>Шерстобитова Л.А.</i> Гендерные различия на материале испанского языка. Ценностные ориентации концепта семья.....	146

Стилистика художественного текста

<i>Авдеева Н.П.</i> Повтор как стилистический прием внутренней речи в рассказах А.П. Чехова	152
<i>Бердникова Т.В.</i> Подтекст как разновидность импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского).....	157
<i>Грибова Н.Н.</i> Межъязыковые стилистические связи в художественных текстах М.А. Булгакова и Э.Т.А. Гофмана	162
<i>Ливанова Е.В.</i> Общее и особенное в поэтической фразеологии поэтов Серебряного века (на примере тематического комплекса «поэт и поэзия»).	167
<i>Петрова О.Г.</i> Лексико-семантические средства создания иронии в романе У.М. Теккеря «Ярмарка тщеславия».....	173
<i>Севостьянова Н.Н.</i> Соотношение традиционного и индивидуального в символах моря (в поэзии XX века)	177

Речевой этикет и культура общения

<i>Кокошкина И.В.</i> «Лишние» слова в русской речи (на материале разговорной речи и телеречи).....	181
<i>Лудильщикова Н.А.</i> Неофициальная письменная речь студентов техникума (записи на столах и стенах техникума)	185
<i>Ломанова Т.В.</i> Речевое поведение современной молодёжи.....	188
<i>Саунина Д.В.</i> Роль эмоций в конфликтногенных ситуациях.....	192

Психолингвистика

<i>Бирюкова О.Б.</i> Изменение эмоционально-психологического состояния собеседника как мотив положительной оценки лица.....	196
<i>Колбинева Т.С.</i> Классификация слов-стимулов с учетом доли отказов от реагирования (на материале Ассоциативного словаря школьников г. Саратова)	199
<i>Маркова Е.В.</i> Диалогические реакции в Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области.....	204
<i>Сергеева Д.А.</i> Некоторые психолингвистические особенности Интернет-общения в чатах	207
<i>Фирсакова А.В.</i> Реакции эмоционально-оценочного характера в Ассоциативном словаре .	212
<i>Яхина Д.И.</i> Образные номинации лица в русской разговорной речи по данным лингвистического эксперимента	215